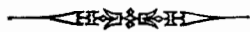

06/у- 18105
А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

XXIII

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

А 1 1 5

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Том XIII

ПРОБЛЕМЫ
СЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1962

06
V

БИБЛИОТЕКА ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

п 8743

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

*С. Б. Бернштейн, И. К. Бунина, Л. Б. Валев,
В. Н. Кондратьева* (ответственный секретарь),
*И. Н. Мельникова, И. С. Миллер, С. А. Никитин,
С. В. Никольский* (ответственный редактор)

Ответственный редактор тома

Л. Э. Калынь

В. Н. Топоров

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕЙШИХ БАЛТО-СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВЫХ ОТНОШЕНИЙ¹

Огромный фактический материал, собранный и проанализированный в трудах ученых конца XIX — начала XX в., позволил А. Мейе в 1908 г. сделать новую попытку объяснить основные моменты членения индоевропейского праязыка и по-новому поднять вопрос о диалектах праязыка. Естественно, что балто-славянская проблема была одной из центральных в исследовании Мейе „Индоевропейские диалекты“ („Les dialectes indoeuropéens“. Paris, 1908) и разрабатывалась им еще раньше.

Впервые Мейе изложил свой взгляд по этому поводу в „Очерках по этимологии и словарю старославянского языка“². По мнению французского лингвиста, „балтийский и славянский не представляют такого количества общих новообразований, которое часто предполагают, и, кажется, незаконно говорить об эпохе балто-славянского единства“. Во всяком случае, с точки зрения Мейе, славянский не ближе к балтийскому, чем кельтский к итальянскому. Указанные же К. Бругманом черты сходства между балтийскими и славянскими языками признаются Мейе несущественными для решения вопроса о более тесном родстве, поскольку некоторые из них встречаются и в других языках (упрощение геминат, образование сложных прилагательных, Instr. Pl. типа *kamēnīti*, *akmenimis*). В заключение указывается, что если исключить заимствования, сделанные балтийскими языками из славянских, и сходства, обязанные внешним обстоятельствам, то окажется, что балтийский и славянский языки имеют весьма различный вид, и можно удивляться, что в них так мало общих существенных особенностей.

Более подробно Мейе освещает балто-славянскую проблему в „Индоевропейских диалектах“. Ее решение дано на фоне теоретических положений, изложенных во введении (1—15). Суть их заключается в том, что абсолютного языкового единства нет и, следовательно, индоевропейский праязык не мог быть одинаковым во всех своих частях. Он обладал диалектами, в которых наряду с общими элемен-

¹ Начало см. В. Н. Топоров. Очерк истории изучения древнейших балто-славянских языковых отношений. — „Ученые записки Ин-та славяноведения“, т. XVII, 1959. — Продолжение этой статьи см. В. Н. Топоров. Новейшие работы в области изучения балто-славянских языковых отношений. — ВСЯ, вып. 3, 1958.

² A. Meillet. Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave. Paris, 1902, vol. I; 1905, vol. II, стр. 201—202; его же. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков (русский перевод). М.—Л., 1938, стр. 101 (первое французское издание появилось в 1903 г.).

тами были и различия; с другой стороны, общие элементы представляли собой не только старое наследие, но и результат параллельного развития. Особой заслугой Мейе было применение диалектографических методов к исследованию индоевропейских диалектов, а именно: установление изоглосс на основе трех известных правил (11—12). Как и многие другие ученые, Мейе настойчиво подчеркивал необходимость различения между фонетическими и грамматическими совпадениями, с одной стороны, и лексическими, с другой, поскольку последние указывают лишь на общность цивилизации, а не на более тесное родство. Переходя к анализу балто-славянских языковых отношений (40—48), Мейе в отличие от предыдущей работы указывает здесь на весьма значительное сходство общего вида обоих языков и даже говорит, что „балто-славянское единство (l'unité balto-slave) является одним из тех, которые никто не оспаривает“ (40)³. Это общее сходство балтийских и славянских языков объясняется Мейе тремя причинами: 1) балтийский и славянский представляют собой индоевропейские говоры в значительной степени идентичные (ни одна из существенных изоглосс не разделяла эти языки)⁴; 2) балтийский и славянский на всем протяжении своего развития не испытали резкой ломки (fracture brusque) грамматической системы; 3) жизнь в соседних районах в одинаковых условиях цивилизации обусловила развитие параллельных образований, а также заимствование целого ряда слов. В заключение Мейе готов даже предположить существование более или менее длительного периода „общности“ (communauté) балтийского и славянского языков, во время которой, однако, не появилось значительных новообразований. К сожалению, это положение никак не аргументируется.

Центральное место в балто-славянском разделе книги Мейе отведено критике восьми пунктов К. Бругмана. Основной принцип критики заключается в том, что к каждому случаю балто-славянских сходств Мейе указывает соответствующие факты из других индоевропейских языков и объясняет их общей тенденцией развития. Такие объяснения относятся к трактовке слоговых сонантов, к судьбе геминат, к образованию сложных прилагательных и т. д. Лишь в двух случаях Мейе поступает иначе: лит. *manei*, *man* (упущено жемайтское *mun*), прус. *mennei*, слав. *тънѣ*, по его мнению, являются параллельными, но независимыми новообразованиями (ср. различия в вокализме корня и флексии); сходство в Gen. Sg. *o*-основ в балтийском и в славянском едва ли может свидетельствовать в пользу балто-славянской общности ввиду прус. Gen. типа *deiwas* и некоторых других фактов⁵.

³ „L'unité balto-slave“ в этом случае предполагает не столько генетическое единство, сколько благоприобретенное с течением времени и выражающееся в общем сходстве (la ressemblance générale).

⁴ См. еще A. Meillet. Les dialectes indo-européens, стр. 40: „une identité aussi totale ne se retrouve, on l'a vu, à l'origine indo-européenne ni de l'indoiranien, ni de l'italo-celtique“. Кроме того, Мейе дважды (41, 48) говорит о „совершенно идентичной исходной точке“ развития балтийских и славянских языков.

⁵ Совпадение флексий Gen. Sg. и Abl. Sg. в балтийском и в славянских Мейе объясняет тем, что в других основах эти два падежа имели одну и ту же форму и поэтому, по его мнению, это сходство не является специфическим. С этим трудно согласиться. Достаточно сослаться на древнеиндийские факты (Gen. Sg. и Abl. Sg. совпадают во всех основах, тем не менее в *o*-основах эти падежи различаются). Кроме того, специфическим является совпадение в *o*-основах двух падежей именно в отложительной форме. Следовательно, рассуждения Мейе в этом пункте несостоятельны с точки зрения его собственных критериев. Естественно, что сейчас весь этот вопрос должен решаться иначе, особенно если учесть мнение некоторых ученых об отсутствии Abl. в индоевропейском языке или отдельные фракийские факты, как будто тоже свидетельствующие о вытеснении Gen. отложительным падежом.

В ряде случаев критика Мейе бругмановских пунктов имеет предвзятый характер. Прежде всего это относится к рассмотрению вопроса о трактовке индоевропейских слоговых плавных в балто-славянском. Значение этого сходства в балто-славянском Мейе явно преуменьшает, предполагая, что фиксация тембра гласного при плавном произошла еще в индоевропейскую эпоху, и указывая якобы сходные факты из других языков⁶.

Но, несмотря на отдельные противоречия и уязвимость анализа некоторых фактов, критика Мейе бругмановских положений несомненно имела чрезвычайно важное значение, поскольку она показала, что приводимые до тех пор аргументы в пользу балто-славянского языка не могут считаться доказательными. Однако в дальнейшем Мейе и некоторые другие ученые, присоединившиеся к его взглядам по этому вопросу, чересчур расширили значение выводов, сделанных в „Индоевропейских диалектах“, и стали воспринимать критику бругмановских пунктов как опровержение существования балто-славянского языка, в то время как ее объективное значение состояло в том, что была показана недостаточность существующих критериев. К сожалению, Мейе в этой книге не вышел за пределы восьми пунктов сходств⁷, указанных Бругманом, хотя ими и не исчерпывались все отмеченные в XIX в. балто-славянские совпадения. Позиция Мейе в 1908 г. по отношению к вопросу о балто-славянском языке приобретает особое значение, если сравнить ее со взглядами французского ученого относительно итало-кельтского языкового единства, которое он признавал до конца своей жизни, несмотря на открытие целого ряда новых важных фактов, и относительно индо-иранского языка (отмечая исключительное сходство между индийскими и иранскими диалектами и признавая существование индо-иранского языка, Мейе, тем не менее, считал, что индийский и иранский происходят из разных индоевропейских говоров⁸; для балтийского же и славянского Мейе принимает общую исходную точку, однако, несмотря на это, отказывается признать балто-славянский язык).

Начиная с 20-х годов Мейе еще более определенно выступает против теории балто-славянского языка, причем в ряде случаев ему молчаливо приходится отказаться от ряда положений „Индоевропейских диалектов“. В этом отношении показательна книга Мейе „Общесла-

⁶ Именно эти факты и являются самым слабым местом в доказательстве Мейе; особенно это относится к примерам вроде греч. *πρόμυη* — слав. *крьма*, лесб. *ῥυρέω* — лит. *surbiu* (не лучше ли сравнить лесбийское слово с лит. *sriaubti* < **sreybh-*/**srubh-*; лит. *surbiu* же < **sybh-*, ср. русск. *сербать* и др.), лат. *gurges* — слав. *гръло* и т. д. См. критику Эндзелена („Славяно-балтийские этюды“. Харьков, 1911, стр. 9—13). Как быть, с точки зрения Мейе, с примерами типа вост.-лтш. *timsa*, н.-лтш. *tumsa* в отношении хронологии фиксации тембра гласного при плавном?

⁷ Исключение составляет упоминание о том, что балтийский и славянский претериты совершенно различны, что балтийские глаголы предпочитают носовой инфикс, тогда как славянские — носовой суффикс; что *i* в славянском типе *minitъ* — долгое, а в соответствующем балтийском примере (лит. *mini*) — краткое. См. „Les dialectes indo-européens“, стр. 48. — И в дальнейшем Мейе неоднократно подчеркивал различие между балтийским и славянским глаголом. См., между прочим, рецензию на указанную выше книгу Эндзелена [RS, t. V, 1912, стр. 153—162 (*nesetъ, živetъ*, но лит. *neša*, прус. *giwa; prositъ*, но лит. *prašo; nesėchъ*, но лит. *nešė*) критика Поржезинского].

⁸ A. Meillet. Les dialectes indo-européens, стр. 27. — Основанием для такого заключения было то, что изоглосса выпадения *a* в середине слова и изоглосса **wu* отделяли обе указанные группы; ср. такие словарные ирано-славянские сходства, отсутствующие в индийском.

вянский язык"⁹. Отмечая поразительность балто-славянских сходств, он указывает, что «отсюда, однако, еще далеко до установления „славяно-балтийского единства“»¹⁰, что нет никаких оснований предполагать балто-славянское единство в смысле общего языка, образовавшегося после разделения индоевропейских языков¹¹, и, наконец, что общие черты балтийских и славянских языков не приводят к единству исходной точки¹². Последнее положение находится в явном противоречии с мыслью, высказанной в 1908 г.

В таком же плане решается балто-славянский вопрос и в ряде статей, написанных Мейе в 20-е годы¹³. Большая их часть посвящена проблемам балто-славянской лексикологии. На основании этого материала Мейе приходит к окончательному выводу, лучше всего выраженному в его известном афоризме: „il y a parallélisme, il n'y a pas identité“. Исследуя словарь балтийских и славянских языков, Мейе обращает преимущественное внимание на различия и утверждает, что балтийскую и славянскую лексику можно возводить только к индоевропейскому языку, но не к балто-славянской эпохе¹⁴. В ряде случаев подчеркивается преимущественное значение славяно-иранских и балтогерманских связей (например, в области числительных¹⁵), и тем самым в известной степени разрушается теория Мейе об общности балтийской и славянской цивилизации.

Следует отметить, что все эти положения, касающиеся проблемы балто-славянского единства, в той или иной степени гармонировали с точкой зрения Мейе на индоевропейские диалекты и с его мыслями, высказанными в общетеоретических трудах¹⁶, однако общие представления допускали известную свободу в понимании балто-славянской проблемы, и Мейе сделал, опираясь на них, лишь один из возможных выводов¹⁷.

Книга Мейе 1908 г., особенно ее балто-славянская часть, вызвала исключительный интерес среди лингвистов. В ближайшие пять лет разгорелась весьма оживленная дискуссия, во время которой были высказаны новые точки зрения и исследованы новые факты.

⁹ A. Meillet. Le slave commun. Paris, 1924, 1-e éd.; 1934, 2-e éd. (Русский перевод со 2-го изд. М., 1951).

¹⁰ А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 10.

¹¹ Там же.

¹² Там же, стр. 11.

¹³ Ср. прежде всего: „De l'unité slave“. — RĚSl, t. 1, 1921, стр. 7—14; „Les origines du vocabulaire slave. I. Le problème de l'unité balto-slave. II. De quelque noms de nombre“. — RĚSl, t. 5, 1925, стр. 5—13, 177—182; „Le vocabulaire slave et le vocabulaire indo-iranien“. — RĚSl, t. 6, 1926, стр. 165—174; отчасти см. статьи Мейе о новообразованиях в славянской фонетике, в глаголе (RĚSl, t. 2, 1922) и др.

¹⁴ С другой стороны, ср. RĚSl, 1925, t. 5, стр. 4—5.

¹⁵ Не говоря о том, что сравнения такого рода не могут решить вопрос о более тесном родстве двух языков (ср. др.-инд. *ēka-*, авест. *aēva-* или др.-инд. *ṣaṭ-*, авест. *xšvaš-*), следует указать, что были отдельные попытки связать ряд различающихся балтийских и славянских числительных. — См., например, Х. Педерсен. — KZ, Bd. 38, 1905, стр. 372 и др. Критика взглядов Мейе по этому вопросу содержится также в статье О. Семереньи („Sur l'unité linguistique balto-slave.“ — „Études slaves et roumaines“, vol. 1, 1948, стр. 169).

¹⁶ См. в „Linguistique historique et linguistique générale“ (Paris, 1921) такие статьи, как „Differentiation et unification dans les langues“, „L'évolution des formes grammaticales“, „Convergence des développements linguistiques“, и др.

¹⁷ Здесь нет возможности перечислить все работы Мейе, в которых так или иначе затрагиваются факты, относящиеся к балто-славянскому языкознанию, ограничимся лишь минимумом: „Lettoslavica“. — MSL, t. 10, 1897—1898, стр. 135—142; t. 11, стр. 172—186; „Sur les participes passés actifs du baltique et du slave“. — MSL, t. 13, 1904—1905, стр. 202—204; „Étymologies slaves“. — MSL, t. 9, 1895—1896, стр. 49—55. [слав. *so(n)*: лит. *su(su)*: *sq*]; „Du glissement d'accent défini par le loi de Saussure“. — MSL, t. 14, 1906—1907, стр. 212 и след., и др.

Одним из первых с критикой точки зрения Мейе выступил В. К. Поржезинский, попытавшийся отстоять традиционный взгляд на балто-славянский язык, правда, с учетом замечаний, сделанных Мейе по этому поводу. Свою точку зрения Поржезинский изложил в большой статье „Die baltisch-slavische Sprachgemeinschaft“ („Rocznik Slawistyczny“, rocz. 4, 1911, стр. 1—26). Основной вывод этой статьи, заключавшийся в том, что существовал балто-славянский период, породивший ряд новообразований, выражал представления, господствовавшие в кругу представителей „московской“ школы, много сделавшей для изучения балтийских и славянских языков¹⁸. К сожалению, статья Поржезинского оказалась явно неудачной. Новые идеи и новые принципы, выдвинутые Мейе, были почти полностью обойдены Поржезинским, и все внимание было обращено им на то, чтобы выявить новообразования балто-славянского периода. В некоторых случаях автору удалось найти кое-что новое, упущенное Мейе (ср. рассуждения об исходном пункте славянского имперфекта и балтийского претерита¹⁹; в других случаях Поржезинский уточняет отдельные балто-славянские сопоставления, подвергнувшиеся критике со стороны Мейе (ср. местоимение 1-го л. ед. ч. в Dat.)²⁰. Но в целом аргументы Поржезинского оказались неудовлетворительными и большей частью бездоказательными, поскольку автор не принял во внимание предложенные Мейе новые пути объяснения сходных фактов. Поэтому Поржезинский, пытаясь доказать основные положения своей статьи, вынужден опираться скорее на общее впечатление, чем на продуманную аргументацию. Примечательно, что ни одно из указанных сходств сам автор не считает вполне доказательным; лишь все вместе они заставляют предполагать, что столь большое совпадение не могло быть случайным и независимым²¹.

Не удивительно, что слабая в методологическом отношении статья Поржезинского не смогла сколько-нибудь значительно поколебать основные выводы Мейе относительно балто-славянских связей в древности. Другие оппоненты французского лингвиста, естественно, должны были избрать иной путь доказательства существования балто-славянского языка, чем тот, которым пошел Поржезинский²².

Интересное решение балто-славянской проблемы было предложено Я. Розвадовским в статье „О первоначальном взаимоотношении бал-

¹⁸ Сам Поржезинский уделял особое внимание балтийским языкам, никогда не забывая указывать примеры балто-славянских сходств. См., например, его магистерскую диссертацию „К истории форм спряжения в балтийских языках“ (М., 1901) и особенно книгу „Возвратная форма глаголов в литовском и латышском“ (М., 1903), в которой автор указывает, что потеря старого среднего залога и выработка нового с помощью возвратного местоимения (включая сюда и такие детали, как употребление Dat. и Acc. от этого местоимения) представляют собой общие балто-славянские процессы. Однако некоторые сходные факты из области германских языков значительно снижают доказательную силу этих рассуждений Поржезинского.

¹⁹ Поржезинский был первым, кто предложил сравнение балтийской и славянской частицы *-i*; ср. лит. диал. *gerasai-gerasis* и польск. *wczoraj, tutaj, с.-хорв. тадај* и т. д.

²⁰ Ср. также объяснение (явно неудачное) различий в трактовке *r, l, n, m* в ряде случаев в балтийских и славянских языках влиянием соседних *t, d* и *l*; *дльго*, но лит. *ilgas*, лтш. *ilgs*.

²¹ См. W. Porzeziński. Die baltisch-slavische Sprachgemeinschaft, стр. 11. — Примерно такого же рода аргументы встречаются и в дальнейшем: „было бы удивительной игрой случая, если бы упомянутый тип местоименного склонения... возник бы независимо в обеих областях“ (стр. 21.).

²² Исключение составил А. Шахматов, всегда исходивший из признания балто-славянского языка. Однако никаких доказательств приведено им не было. Подробнее о взглядах Шахматова по этому вопросу см. ниже.

тийских и славянских языков"²³. Хотя эта работа появилась уже после выхода в свет известной книги Эндзелина, ее критическая часть направлена преимущественно против выводов Мейе, за которым, однако, Розвадовский признает заслугу более глубокой, чем раньше, постановки балто-славянского вопроса. Критика Мейе осуществляется по трем направлениям. Во-первых, материал, на котором он основывал свои заключения, весьма ограничен; за исключением закона де Соссюра, Мейе использовал лишь те явления, которые были рассмотрены Бругманом. Во-вторых, Розвадовский упрекает Мейе в противоречии в его взглядах на балто-славянские отношения. Если балтийские и славянские языки вышли из одного источника (индоевропейский праязык), все время были соседями и жили в условиях одинаковой цивилизации, то остается совершенно непонятным, почему между балтийскими и славянскими языками так много различий и так мало сходств, как это утверждал Мейе. В-третьих, Розвадовский критикует построения французского ученого за антиисторизм, проявляющийся в том, что относительно поздние данные произвольно переносятся в глубокую древность, тогда как точно не известно, где были славяне и балты на рубеже I в. до н. э. и I в. н. э. Кроме того, при решении таких вопросов, как балто-славянский, по мнению Розвадовского, неуместно говорить о сходствах или различиях в цивилизации. Если же все-таки этот вопрос должен быть решен, то это должно быть сделано иначе, чем у Мейе. Во всяком случае, большая роль лошади, культ огня и специфическое образование собственных имен у балтийских племен говорят скорее в пользу различий между цивилизациями балтов и славян, чем в пользу сходства между ними. Однако эти различия, по Розвадовскому, относятся к довольно позднему времени и поэтому не могут поколебать убеждения польского лингвиста о существовании общей балто-славянской эпохи (*doba prawspólności*), имевшей место сразу же по выделении балтийских и славянских языков из индоевропейского праязыка.

Переходя к анализу балто-славянских сходств, Розвадовский останавливается на уже известных фактах из области фонетики и морфологии, отмечая (в связи с судьбой *s* в известных положениях²⁴), что важнее всего общее направление в развитии тенденции, а не степень ее эффективности. Среди синтаксических сходств Розвадовским были отмечены следующие: творительный предикативный, употребление дательного падежа при глаголах со значением „смеяться“, „дивиться“ и родительный падеж после отрицания.

Таким образом, Розвадовский не нашел новых фактов, которые могли бы уточнить вопрос о древнейших балто-славянских связях; не был он достаточно строг и последователен и при оценке уже известных фактов, полагая (вслед за Поржезинским), что каждый отдельный факт сам по себе не является доказательным, но их совокупность свидетельствует достаточно надежно о балто-славянском единстве. Отдельные же различия (некоторые из них указывает сам Розвадовский;

²³ J. Rozwadowski. O pierwotnym stosunku wzajemnym języków bałtyckich i słowiańskich. — RS, t. V, 1912, стр. 1—36 (с резюме на немецком языке). Ко времени появления этой статьи Розвадовский был уже известен как автор ряда работ по индоевропейскому, славянскому и балтийскому языкознанию, среди которых особенно стоит отметить „*Quaestiones grammaticae et etymologicae*“, 1—2. Cracoviae, 1897—1899.

²⁴ Любопытно, что именно этот вопрос являлся и является основным камнем преткновения для сторонников теории балто-славянского единства. Известно, что он был главным препятствием для Эндзелина; Поржезинский вынужден был обойти этот вопрос молчанием, признавшись, что для него здесь многое непонятно.

ср., например, флексии твор. п. ед. ч. *o*-основ в балтийских и в славянских языках) не в состоянии подорвать эту теорию, точно так же, как расхождения между латинским и окско-умбским никак не опровергает, по мнению Розвадовского, факта существования праиталийского языка. В связи с этими рассуждениями уместно упомянуть о полемике с Эндзелином, утверждавшим, что между отдельными балтийскими и славянскими языками нет различий в степени близости. Розвадовский приводит ряд примеров прусско-славянских сходств (местоимения, сохранение среднего рода), предвосхищая некоторые мысли по этому поводу, ставшие популярными значительно позднее. С другой стороны, Розвадовский указывает, что до сих пор остается нерешенным вопрос о степени близости даже между отдельными славянскими языками.

Подчеркивая, что в эпоху балто-славянской общности славяне и балты говорили на одном языке и что в последние полтора тысячелетия они находились в условиях теснейшего контакта, Розвадовский, тем не менее, отказывается занять позицию сторонника теории балто-славянского языка в ее ортодоксальном виде. Причиной этому было то, что он не смог объяснить существенных расхождений между балтийским и славянским словарями²⁵ иначе, как предположив, что между эпохой балто-славянской общности и периодом нового контакта между балтами и славянами (с III в. н. э.) существовала целая эпоха (первое-второе тысячелетия до н. э.), когда контакты между славянами и балтами были прерваны и когда появились специфически славянские и специфически балтийские особенности в словаре.

Разумеется, что предположение Розвадовского о временном разрыве балто-славянских связей и о существовании трех эпох, хронологические границы которых были намечены слишком произвольно и бездоказательно, никак нельзя рассматривать как единственно возможное и, более того, как достаточно вероятное решение вопроса. Поэтому закономерно, что точка зрения Розвадовского не нашла особой поддержки среди ученых²⁶. Однако эта позиция симптоматична в том отношении, что она показывает трудности, с которыми пришлось столкнуться лингвистам после книги Мейе, и постепенное усложнение балто-славянской проблематики.

Наиболее значительным трудом этого времени, составившим эпоху в истории изучения вопроса о древнейших балто-славянских языковых отношениях, была книга И. М. Эндзелина „Славяно-балтийские этюды“. В отличие от работ Мейе, Поржезинского и Розвадовского, которые не расширили сколько-нибудь существенно количества фактов, привлекаемых при решении вопроса о балто-славянских отношениях, и обращали внимание преимущественно на тесретическую сторону проблемы и на возможность нового истолкования уже известных фактов, исследование Эндзелина, наоборот, оказалось ценным прежде всего потому, что оно значительно увеличило балтийский и славянский материал, подлежащий сравнению. В отличие от других работ на аналогичную тему в книге Эндзелина рассматриваются не только отдельные балто-славянские соответствия или сходства; автор подробно и скрупулезно анализирует балтийские и славянские факты в области фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики, стремясь охватить как можно большее количество явлений; особенно это относится к фонетике и морфологии (имя). Задача Эндзелина, естественно, не могла ограничиться только

²⁵ Розвадовским были отмечены и некоторые сходства: ср. прус. *maldaĩsimans* — слав. *mladějŕša*; лтш. *vienpadsmĩt* — слав. *jedinŕ na desete*, но лит. *vienuolika* и др.

²⁶ Исключение составляет О. Гуйер. — См. О. Hujer. *Úvod do dějin jazyka českého*. Praha, 1924, III раздел.

собираем уже известных материалов, накопившихся в большом количестве за период с 1876 по 1911 г. и предоставлявших ученым возможность их различной интерпретации. Нужно было оценить эти материалы, а эта работа вынудила Эндзелина заняться непосредственной проверкой фактов, которая в ряде случаев привела к совершенно новому освещению тех или иных явлений, прежде всего в балтийских языках; в этой связи следует напомнить, что Эндзелин был первым „балтистом“ по преимуществу, решившим посвятить себя подробному исследованию балто-славянских проблем. Работа Эндзелина и до сих пор остается наиболее полным и систематическим сводом балто-славянских фактов.

Методологические основы исследования, кратко изложенные в начале книги²⁷, напротив, не являются оригинальными и в той или иной степени разделялись почти всеми учеными того времени (преимущественное значение общих новообразований, новообразование как случайное совпадение, доказательная сила общих новообразований в зависимости от их количества, значение общих архаизмов индоевропейской эпохи и т. д.).

В соответствии с указанными принципами Эндзелин подробно исследует ряд общих балтийским и славянским языкам явлений, широко использовавшихся при решении балто-славянской проблемы в положительном плане, и доказывает, что многие из них вообще не имеют доказательной силы: упрощение геминат, совпадение звонких и звонких придыхательных согласных, переход конечного *-m* в *-n*, отпадение конечных *-d*, *-t*, выпадение *d* перед *m*, *v* и т. д. В ряде случаев эмпирически установленные факты подтверждаются принципиальным решением вопроса²⁸, однако такие примеры оказались немногочисленными, и всей книге в целом несомненно присуще стремление решать те или иные проблемы эмпирическим путем.

С другой стороны, Эндзелин считает, что не все различия между балтийскими и славянскими языками существенны, поскольку они могли возникнуть гораздо позже, чем предполагаемая балто-славянская эпоха. Таково, например, различие в рефлексах *и-е*. **a* и **o* в балтийских и славянских языках, усиленно обсуждавшееся в начале XX в. в работах Кретчера, Фасмера, Шарпантье, Мейе и Эндзелина; не является исконным, по мнению автора, и различие в судьбе *и-е*. **dd(h)* в обеих ветвях (полемика с Педерсеном), хотя точка зрения самого Эндзелина по этому вопросу недостаточно ясна. Некоторые несущественные в отношении всей балто-славянской проблемы различия в области морфологии также отмечаются Эндзелином.

Наряду с этим автор указывает и некоторые существенные старые различия, которые, как он считает, не позволяют предположить, что древнейший язык балтов и славян был совершенно одинаков (такие факты, по мнению большей части лингвистов того времени, мешали признанию балто-славянского языка).

В области фонетики отмечаются два старых различия между балтийскими и славянскими языками: 1) переход *s* в *x* после *i*, *u*, *r*, *k* в славянских языках и *s* в *š* при недостаточно ясных обстоятельствах в литовском языке²⁹; 2) переход *kh* в славянское *x* и балтийское *k*.

²⁷ См. И. М. Эндзелин. Славяно-балтийские этюды, стр. 3.

²⁸ Там же, стр. 28, где речь идет о судьбе конечных *-t*, *-d* в славянских языках.

²⁹ Впоследствии Эндзелин стал считать, что в литовском языке *s* перешло в *š* после *r* и *k*; появление же *š* между *i* и *k* обязано своим происхождением смешению двух суффиксов: *-isk'o-*, который закономерно дал бы *-iša-*, и *-isko-*, который дал бы *-iska-*.

Этим двум вопросам в общей сложности посвящена почти треть всей книги; тем не менее, именно они остаются наиболее неясными и противоречивыми как для самого автора, так и для его читателей. Полемизируя с Педерсеном, Зубатым и др., Эндзелин устанавливает условия, в которых в литовском языке *s* переходит в *š* (после *r*, *k* и между *i* и *k*). Однако существует огромное количество исключений из этого правила, которые не позволяют сделать ясной картину первоначальных отношений. Относительно просто можно объяснить „исключения“, связанные с сохранением *s* в сильно морфологизированных категориях: ср. будущее время (*gersiu*), глаголы на *-st-* (*karstyti*), на *-so-* (*tursoti*), имена с суффиксом *-sn-* (*skirsnis*) и т. д., или примеры типа *garsas* (из предполагаемого **gardsas*). Но значительная категория случаев остается необъясненной или объясненной крайне неудовлетворительно. Так, например, сохранение *s* в формах типа *tvarsłės* объясняется сильной морфологизацией суффикса; с другой стороны, Эндзелин говорит о переносе *š* (из *s* после *r*, *k*) в положении после губных: *lipšnus*, *dabšnus*, *gribšnis* и др.; иначе говоря, сильная морфологизация в данном случае не играет никакой роли, хотя условия остаются прежними. Примеров непоследовательности и противоречивости в рассуждениях Эндзелина о переходе *s* в *š* вполне достаточно, и они были отмечены уже его оппонентами³⁰.

Крайне неудачен раздел, посвященный судьбе и.-е. *kh* в балтийских и славянских языках. Дело, разумеется, не в том, что оказалось неверным мнение Эндзелина, согласно которому из *kh* в славянских языках получилось *x*, а в балтийских — *k* (это заблуждение в то время разделялось многими лингвистами). Гораздо важнее указать на непоследовательность в рассуждениях Эндзелина. Начав с опровержения точки зрения Педерсена (слав. *x* < **kh*)³¹, Эндзелин пишет, что он сам бы согласился с возможностью этого перехода, если бы только Педерсен не высказал ее в угоду теории о балто-славянском праязыке³². После этого следует опровержение ряда педерсеновских этимологий, на основании которых был установлен указанный выше переход. И, наконец, совершенно неожиданно звучит вывод: „На этом я мог бы покончить с вопросом о слав. *x* из и.-е. *kh*, если бы некоторые другие данные меня не побуждали все-таки считать эту гипотезу Педерсена возможной и, пожалуй, даже вероятной (несмотря на мое первоначальное недоверие к ней, которое явно сказывается в предыдущем)“³³.

К сожалению, неудачными оказались как раз те разделы, которые посвящены фактам, доказывающим, по мнению Эндзелина, старое расхождение между славянскими и балтийскими языками.

В области морфологии автор указывает в качестве старых³⁴ различий флексию твор. п. ед. ч. *o*-основ и род. п. мн. ч. *i*-основ в балтийских и славянских языках. С известной оговоркой сюда же относится лок. ед. ч. *o*-основ. Не вдаваясь сейчас в обсуждение этих вопросов, следует только отметить некоторую неопределенность критериев

³⁰ Показательно, что Буга вскоре после книги Эндзелина совершенно иначе определил условия перехода *s* в *š* в литовском языке (после *k/g*, *p/b* и *r*). — См. К. Буга. *Baltica*. О происхождении литовского *z*. — РФВ, т. 65, 1911, стр. 302—326.

³¹ Еще раньше ее защищал И. Козловский („Zur Geschichte des slavischen Consonantismus“. — *AfsIPh*, Bd. 11, 1888, стр. 383—395; см. особенно раздел 1. *Der Ursprung des slav. x in nicht entlehnten Wörtern*).

³² См. И. М. Эндзелин. Славяно-балтийские этюды, стр. 115.

³³ Там же, стр. 126.

³⁴ Следует помнить, что *старый* у Эндзелина обозначает 'относящийся к эпохе до предполагаемого балто-славянского единства'.

при оценке Эндзелином тех или иных фактов балтийских и славянских языков. В известной степени это зависело от того, что исследователю приходилось иметь дело с разрозненными фактами, взятыми вне их связей и история которых оставалась, по сути дела, неизвестной. Но наряду с недостатками этого рода (от них не были свободны труды и других ученых того времени), были и такие, которые можно было бы назвать субъективными. Так, например, указывая старые различия в области морфологии. Эндзелин даже не упоминает расхождения во флексии 2-го л. ед. ч. настоящего времени тематического класса глаголов (лит. *dirbi* — слав. *xvališb*) и ряда других фактов, хотя не было никаких оснований думать, что они более позднего происхождения, чем отмеченные выше различия в склонении. Более того, указанное Эндзелином расхождение в твор. п. ед. ч. о-основ (и отчасти в лок. ед. ч. о-основ) трудно признать „старым“, поскольку слав. *-m* представляет собой явное новообразование аналогического порядка, особенно понятное в том случае, если учесть, что старая и.-е. флексия этой формы **-ō* (ср. лит. *-i*, *-uo*, вед. *-ā*, авест. *-ā*) совпала бы в праславянском с флексией род. п. ед. ч. о-основ. Впрочем, и сам Эндзелин недостаточно последователен в этом вопросе: он допускает, что „в славяно-балтийскую эпоху во всех славяно-балтийских говорах употреблялось *-ō* рядом с *-omi*, с различием, может быть, в значении“³⁵.

Вообще морфологический раздел книги разработан слабее фонетического и менее подробно. Если в последнем есть лишь одно значительное упущение — автор лишь очень бегло коснулся вопросов балтославянской акцентологии, — то в морфологии пропущен весь глагол (Эндзелин ограничился одним абзацем в связи с этой темой), а именно в этой области различия между балтийскими и славянскими языками, по крайней мере по видимости, наиболее значительны, и они были одним из важнейших аргументов Мейе, когда он отрицал балто-славянское языковое единство. К сожалению, не было использовано даже то, что стало известным благодаря работам О. Видемана, И. Баудиша, Г. Ульянова, Ф. Фортунатова, В. Поржезинского и др.³⁶

В синтаксическом разделе кратко указаны некоторые детали, относящиеся к творительному предикативному, дательному, родительному падежам, двойному отрицанию и т. д.

Большую ценность представляет глава, посвященная сходству словарного состава балтийских и славянских языков: в ней приведено свыше 200 слов, известных только этим языкам, т. е. в три раза больше, чем в списке слов, свойственных исключительно кельтским и италийским языкам, приведенном в известной работе Стокеса.

Выводы Эндзелина относительно древнейших судеб балтийских и славянских языков таковы: «Уже в эпоху общего индоевропейского праязыка „славянский“ говор кое-чем отличался от „балтийского“ говора, занимая приблизительно срединное положение между „арийским“ и „балтийским“ говорами. Когда же при распадении праязыка арийцы отделились территориально от славян, последние, оставаясь ближайшими соседями балтийского племени, вступили с ним в эпоху совместной жизни, во время которой их языки были еще настолько близки друг к другу, что славяне еще понимали балтийскую речь и наоборот. В то время их языки обогатились целым рядом общих им новых слов и подверглись некоторым (немногим!) общим изменениям в области фоне-

³⁵ И. М. Эндзелин. Славяно-балтийские этюды, стр. 165.

³⁶ Это упущение было отмечено Шахматовым в его рецензии на книгу Эндзелина. — См. ИОРЯС, т. XVII, кн. 1, 1912, стр. 281—290.

тики, морфологии и синтаксиса. Можно, значит, на мой взгляд, говорить о „славяно-балтийской эпохе“; термином же „славяно-балтийский праязык“ лучше будет не пользоваться, так как это выражение легко порождает мысль о полном единстве в лингвистическом отношении»³⁷.

Несомненно, что книга Эндзелина была отмечена печатью времени — после 1908 г. То, что раньше рассматривалось как расхождение, которое легко объясняется, теперь приобрело важное значение и открыло возможность для новой интерпретации фактов. Значительно усложнилось и понимание сходства. Однако общие выводы в книге Эндзелина не следовали с достаточной обязательностью из рассмотренного материала; чрезмерная осторожность сделала эти выводы слишком неопределенными и отчасти компромиссными. Характерно, что Эндзелин отбрасывает термин „славяно-балтийский праязык“ по недостаточно принципиальным соображениям; в дальнейшем им пользовались и пользуются многие лингвисты, которые далеки от мысли о полном языковом единстве этого праязыка. Компромиссность выводов Эндзелина сказывается, между прочим, и в том, что, поставив себе целью опровергнуть основной итог рассуждений Мейе, он пришел в результате к точке зрения, весьма напоминающей позицию Мейе³⁸. С другой стороны, защитники теории балто-славянского праязыка черпали из книги Эндзелина факты в пользу этой теории, во многом соглашаясь и с выводами латышского лингвиста³⁹. Однако и сам Эндзелин хорошо понимал предварительный характер своих выводов и даже наметил программу дальнейших исследований в области балто-славянского языкознания⁴⁰.

Следующей важнейшей работой Эндзелина в этом направлении было небольшое, но очень ценное и убедительное исследование о балтийском и славянском глаголе⁴¹. В нем автор стремился восполнить пробел в „Славяно-балтийских этюдах“ и опровергнуть неоднократно высказывавшееся Мейе⁴² мнение о радикальных различиях между балтийским и славянским глаголом. Поэтому Эндзелин особенно внимательно анализирует те факты, которые, по мнению Мейе, свидетельствуют об исконных различиях между двумя ветвями. Так, останавливаясь на судьбе и.-е. оптатива, который в балтийских языках дал пермиссив, а в славянских — императив, Эндзелин убедительно показывает вторичный характер этого различия и устанавливает, что пермиссивное значение наслоилось в литовском и латышском языках на более раннее импера-

³⁷ И. М. Эндзелин. Славяно-балтийские этюды, стр. 200—201.

³⁸ Не случайно Мейе в рецензии на книгу Эндзелина писал: „Endzelin aboutit à des conclusions qui ne diffèrent des miennes que par une nuance subtile, à peine saisissable, et auxquelles je souscris très volontiers“. — R. S., t. V, 1912, стр. 153.

³⁹ См. рецензию Шахматова на книгу Эндзелина. — ИОРЯС, т. XVII, кн. 1, 1912, стр. 290: „Таким образом, проф. Эндзелину не удалось подтвердить наличия исконных черт различия между славянскими и балтийскими языками. Тем сильнее выясняется необходимость согласиться с *главным его положением* (курсив мой. — В. Т.) о существовании балто-славянской эпохи. Но, конечно, нет основания признавать ее наступившую в результате позднейшего сближения, позднейшего сожительства славян и литовцев“. Кроме уже указанных рецензий, см. еще статью Н. Йокля („Endzelin. Slavisch-baltische Studien“. — AfslPh, Bd. 35, 1913, стр. 307—317, который также в основном согласился с выводами Эндзелина.

⁴⁰ См. И. М. Эндзелин. Славяно-балтийские этюды, стр. 202.

⁴¹ J. Endzelin. Zur slavisch-baltischen Konjugation. — APh, kn. II, 1931, стр. 38—46.

⁴² Ср. такие высказывания, как „... la structure du verbe diffère fortement dans les deux groupes“. — RÉS, t. 2, 1922, стр. 38; „Le système verbal diffère du tout au tout dans les deux groupes“. — „Slave commun“. Paris, 1924, стр. 8 (1-е изд.); русский перевод, стр. 11 (следует указать на существенную неточность русского перевода).

тивное значение (ср. прусские данные, лтш. *nesiet* в глюковском переводе Библии, употребленное в императивном значении и т. д.).

Судьба старых глагольных времен представляется Эндзелину весьма сходной: утрата в балтийских языках сигматического аориста, как и в большинстве славянских языков; наличие сигматического будущего времени в праславянском; сходство между славянским имперфектом (*nesāxъ, zъvaaxъ*) и балтийским прошедшим временем (ср. лит. *pešė, suko*), восходящими к общим претеритным основам на *-ē-* и *-ā-*⁴³; исчезновение индоевропейского перфекта; образование в славянских языках причастия на *-lъ* (старое перфектное причастие совпало бы с 1-м л. ед. ч. аориста типа *padъ*) и в известной степени сходные образования в балтийских языках (ср. лтш. *gurlis* от *gurt*, *spirglis* от *spirgt* и т. д.).

Различия в личных окончаниях объясняются, по мнению Эндзелина, смешением в ряде случаев первичных и вторичных окончаний (такое предположение было выдвинуто раньше). Разумеется, не все расхождение объясняется достаточно просто и надежно, однако Эндзелин не считает теперь возможным видеть в „трудных“ случаях старую разницу, как это нередко имело место в „Славяно-балтийских этюдах“; особую надежность имеют выводы автора при анализе тех фактов, которые по-разному представлены в самих балтийских языках.

Последняя треть статьи посвящена глагольным основам в балтийских и славянских языках. Их сходство, по Эндзелину, очень велико, и различия между ними касаются, прежде всего, второстепенных деталей. В отдельных случаях ему удалось среди традиционных различий выявить весьма существенные элементы схождения (ср. славянские и латышские диалектные основы настоящего времени на *-ī-*; как известно, в балтийских языках обычен тип на *-i-*; количество *-i-* в прусских глаголах типа *turrimai* неизвестно⁴⁴; ср. также поразительный параллелизм славянских и балтийских глаголов, восходящих к **ēd-*, **dōd-*). Некоторым недостатком анализа глагольных основ является игнорирование фактов других индоевропейских языков, без чего балто-славянские схождения приобретают в ряде случаев слишком исключительное значение, кроме того, исключение материала других языков иногда мешало автору более точно определить характер балто-славянских сходств и оценить их доказательную силу. Однако в целом методологический уровень этой статьи выше, чем в „Славяно-балтийских этюдах“.

В своих выводах Эндзелин в основном повторяет (правда, с несколько большей определенностью) положения своей книги 1911 г., особенно подчеркивая близость индоевропейских диалектов, из которых впоследствии выделились балтийские и славянские языки. Языковой контакт предков балтов и славян относится Эндзелиним непосредственно ко времени распада индоевропейского праязыка⁴⁵. В отличие от „Славяно-балтийских этюдов“ в этой статье автор считает возможным говорить не только о балто-славянской языковой общности (Sprachgemeinschaft), но и о балто-славянском праязыке (Ursprache)⁴⁶, достоверность которого, если судить по намекам автора, представляется ему не меньшей, чем в случае с итало-кельтским языковым единством.

⁴³ Эндзелин также обращает внимание на латышские диалектные формы претерита типа *paticej* (из **paticeja*) вместо обычного *patika*. Указанная форма является точным соответствием славянскому имперфекту. — См. еще его же. *Latviešu valodas gramatika*. Rīgā, 1951, стр. 878—879.

⁴⁴ И. М. Эндзелин. *Latviešu valodas gramatika*, стр. 793—795.

⁴⁵ Примерно это же было повторено в „Baltu valodu skaņas un formas“ (Rīgā, 1948), „Liekas, ka slava un baltu senči, atšķirušies no citiem indoeuropiešiem, kādu laiku vēl turējās kopā“ (стр. 7).

⁴⁶ J. E n d z e l i n. *Zur baltisch-slavischen Konjugation*, стр. 46.

В последний раз вопросы балто-славянского языкового родства были затронуты Эндзелином в докладе, прочитанном в феврале 1952 г. на объединенной сессии институтов АН СССР, Латвийской ССР, Литовской ССР и Эстонской ССР и оформленном в виде статьи под названием „Древнейшие славяно-балтийские языковые связи“⁴⁷. Эта статья представляет собой популярное изложение ряда прежних взглядов Эндзелина и не содержит чего-либо существенно нового. Удивление вызывает лишь утверждение, что в решении проблемы языкового родства наибольшее значение имеет лексика⁴⁸. В конце статьи снова, как и в других работах этого ученого, поднимается вопрос об отсутствии переходных между балтийскими и славянскими языками диалектов и о различной степени общности между отдельными балтийскими и славянскими языками в связи с проблемой определения древнейших балто-славянских связей.

Однако вклад Эндзелина в решение этой проблемы не ограничивается указанными выше работами. Прежде всего, он состоит в разработке огромного и малоизученного материала балтийских языков (часто в сравнении со славянскими), без которого невозможно решение вопроса о древнейших балто-славянских языковых отношениях⁴⁹.

Откликом на полемику 1908—1912 гг. по вопросу о древнейших балто-славянских отношениях были еще две работы общего характера: „Балтийские и славянские проблемы“⁵⁰ Н. ван Вейка и „Литовско-славянское языковое единство“⁵¹ А. Брюкнера. Последняя работа интересна целым рядом положений. По мнению автора, весь спор между Мейе, Эндзелином, Розвадовским, Поржезинским и др. является праздным и, по существу, чисто диалектного свойства⁵². Именно поэтому даже Мейе не отрицает „très grande ressemblance d'aspect général“ балтийских и славянских языков, а сторонник балто-славянского единства Розвадовский, наоборот, подчеркивает расхождения⁵³. По этой же причине и Мейе, и Розвадовский используют книгу Эндзелина как подтверждение своих взглядов. Сам Брюкнер отказывается принимать

⁴⁷ См. „Latvijas PSR Zinātņu Akademijas Vēstis“, 3 (56), 1952, стр. 33—46.

⁴⁸ См. И. М. Эндзелин. Древнейшие славяно-балтийские языковые связи, стр. 42. — Интересно напомнить, что Брюкнер уже в 1914 г. указывал, что балто-славянское языковое единство может быть доказано даже только на основании лексических совпадений.

⁴⁹ Здесь необходимо назвать следующие работы: „Латышские предлоги“. Юрьев, 1905, т. I; 1911, т. II (до сих пор лучший труд по этому вопросу; содержание работы гораздо шире ее названия); „Lettische Grammatik“. Riga, 1922 и ее переиздание на латышском языке — „Latviešu valodas gramatika“. Rīgā, 1951 (фундаментальное исследование, затрагивающее целый ряд основных вопросов общебалтийской грамматики); „Über den slavisch-baltischen Reflex von idg. sk'“. — ZfslPh, 1930, Bd. XVI, стр. 107—115; „Senprūšu valodas gramatika“. Rīgā, 1943 (и ее немецкое издание в 1944 г.); „Ievads baltu filoloģijā“. Rīgā, 1945; „Baltu valodu skaņas un formas“. Rīgā, 1948, ср. его же курс лекций „Lekcijas par baltu valodu salīdzināmo gramatiku“. Rīgā, 1927 (эти работы являются первым и единственным наброском сравнительной грамматики балтийских языков). О трудах Эндзелина за последние 10—15 лет см. В. Н. Топоров. Новейшие исследования в области изучения балто-славянских языковых отношений. — ВСЯ, вып. 3, 1958. В своих работах Эндзелин затронул фонетику (включая вопросы акцентологии), морфологию, этимологию, диалектологию, вопросы, связанные с заимствованиями из славянских, германских и финских языков, проблемы словаря, топонимику и т. д.

⁵⁰ N. van Wijk. Balteese en slaveese problemen. Groningen, 1913.

⁵¹ A. Brückner. Der lituslavische Spracheinheit. — KZ, Bd. 46, 1914, стр. 217—239 (статья осталась незаконченной).

⁵² Там же, стр. 218: „Die ganze Streit ist ein müßiger, im Grunde rein dialektischer Art“.

⁵³ Впрочем, Брюкнер упрекает Розвадовского в том, что он преувеличивал расхождения в лексике и напрасно противопоставлял славянам огнепоклонников-литовцев (ср. славянского лютичского бога Сварожича).

участие в споре, считая его беспредметным по трем основаниям: во-первых, хронологические особенности балтийских и славянских текстов делают невозможным использование их с целью опровержения „литовско-славянского“ единства; во-вторых, часто забывают, что „литовско-славянский“ язык был настолько богат формами и так консервативен, что проще говорить не о новообразованиях этого языка, а об ограничении, сужении ряда форм; в-третьих, следует обратиться, прежде всего, к словарю и к словообразованию, чтобы стало ясно, что нужно говорить не об идентичности балтийских и славянских корней, а о полной идентичности слов (*volle Wortidentität*) в этих языках в противоположность всем остальным. Эта идентичность, по мнению Брюкнера, идет так далеко, что нет ни одного славянского корня, которого не было бы в литовском, и наоборот. Остальная часть статьи посвящена, главным образом, заимствованиям в балтийских языках⁵⁴. Несмотря на отказ Брюкнера, он, по существу, участвует в споре, примыкая к ортодоксальной части сторонников балто-славянского праязыка, но не совсем соглашаясь с ними в выборе аргументов. К сожалению, автор не осуществил практически доказательства балто-славянского единства с помощью исключительно лексического материала⁵⁵.

Первая мировая война прервала дискуссию о древнейших отношениях между балтийскими и славянскими языками. Но, помимо этого внешнего фактора, были и другие обстоятельства, в силу которых продолжение предвоенной полемики оказалось бесперспективным. Дело в том, что в 1908—1912 гг. сразу же исчезло почти полное согласие ученых относительно существования балто-славянского праязыка, кото-

⁵⁴ Эта тема всегда интересовала Брюкнера, который посвятил ей книгу „Lituanische Studien. I. Die slavischen Fremdwörter im Litauischen“ (Weimar, 1877) и ряд статей, из которых следует отметить наиболее значительные: „Der litauisch-polnische Katechismus von Jahre 1598“. — *AfslPh*, Bd. 13, 1891, стр. 557—590; „Die russisch-litauische Kirchenunion und ihre literarischen Denkmäler“. — *AfslPh*, Bd. 19, 1897, стр. 189—201; „Preussisch und Polnisch“. — *AfslPh*, Bd. 20, 1898, стр. 481—515; „Einige slavische Lehnwörter im Litauischen und Lettischen“. — *AfslPh*, Bd. 20, 1898, стр. 515—518; „Preussen, Polen, Witingen“. — *ZfslPh*, Bd. VI, 1929, стр. 56—66, и др. Из других работ конца XIX — начала XX в., затрагивающих проблему славяно-балтийских заимствований, стоит указать: L. Malinowski. Niektóre wyrazy polskie litewskiego pochodzenia. — *PF*, t. 1, 1885; E. Volter. Einfluß Westrusslands auf Litauen vor dem 12. Jahrhundert. — *Mag. LLG*, Bd. II, H. 5, 1886; ег о же. Lituanismen der russisch-litauischen Rechtsprache. — *Mag. LLG*, Bd. IV, H. 1, 1894, и др.; А. Соболевский. Следы литовского влияния на славянские языки. — *РФВ*, т. 13—14, 1885, стр. 297—300; А. Рогодин. Lituanica. — *AfslPh*, Bd. 17, 1895, стр. 633—635; J. Mikkoła. Litauische Lehnwörter im Slawischen. *BB*, Bd. 21, 1895, стр. 118—121; ег о же. Baltisches und Slavisches. *Helsingfors*, 1902—1903; И. М. Э и д з е л и н. Латышские заимствования из славянских языков. — *ЖС*, вып. 3, 1899, стр. 285—312 (ср. также D. Kaschok, — „Austrums“, X, 1, стр. 10 и след.; Е. Карский. К вопросу о влиянии литовского языка на белорусское наречие. — „Сборник статей, посвященный Ф. Ф. Фортунатову“. М., 1903, стр. 469—491; ср. ег о же. К вопросу о влиянии литовского и латышского языка на белорусское наречие. — *РФВ*, т. 49, № 1—2, 1903, стр. 1—23; A. Bezenberger. Einige verkannte slavische Lehnwörter der baltischen Sprachen. — „Zbornik u slavu Vatroslava Jagića“. Wien, 1908, стр. 279—283 (ср. ег о же статью — *KZ*, Bd. 44, 1910, стр. 293 и след.; R. Trautmann. Die altpreussischen Sprachdenkmäler. Göttingen, 1909, стр. XIV, XVI—XXI и словарь; K. Būga. Lituanica. I. К вопросу о хронологии литовских заимствований с русского. II. Лит.-лтш. *uo* и *ie* заимствованных с русских слов на месте ожидаемых *ū* и *ī*. III. Этимологии. — *ИОРЯС*, т. XVII, кн. 1, 1912, стр. 1—52 (ср. ег о последнюю работу: „Die litauisch-weißrussische Beziehungen und ihr Alter“. — *ZfslPh*, Bd. I, 1925, стр. 25—55, а также многочисленные славяно-балтийские этимологии в *РФВ*, „Kalba ir senovė“. Kaunas, 1923, и др.) и др.

⁵⁵ Брюкнеру принадлежит довольно подробный обзор истории славянского и литовского языкознания (но не балто-славянского!). См. „Grundriss der idg. Sprach- und Altertumskunde, Geschichte der idg. Sprachwissenschaft; II. Die Erforschung der idg. Sprachen. 3. Slavisch-Litauisch. Straßburg, 1917.

рое раньше разделялось почти всеми (во всяком случае, противники этой теории не приводили сколько-нибудь значительных соображений в защиту своей точки зрения). В течение пяти лет были высказаны четыре различные соображения, причем материал, на основании которого они строились, был приблизительно одинаков. Безапелляционное утверждение Г. Хирта о том, что теория балто-славянской общности выдержала „все критические бури“ (alle Stürmen der Kritik)⁵⁶, подобно теории об индо-иранском единстве, воспринималось перед мировой войной как навсегда устаревшее. Перед исследователями открывались две возможности в области изучения древнейших балто-славянских языковых связей: первая из них заключалась в дальнейшем более детальном изучении балтийских и славянских языков (именно этим путем и пошла специализация в области балто-славянского языкознания), а вторая — в углублении взглядов на характер индоевропейского праязыка на особенности диалектного дробления, на специфику эволюции языка (эти вопросы разрабатывались вне балто-славянского языкознания). К сожалению, случилось так, что эти два направления долгое время развивались в значительной степени независимо друг от друга. Следствием этого было почти полное отсутствие исследований, которые ставили бы перед собой задачу решить балто-славянскую проблему на основании всего доступного материала. Начиная со второй половины 10-х годов, стало обычным появление исследований по частным вопросам балто-славянского языкознания, в которых, естественно, общая проблема отходила на задний план, а иногда и вовсе отсутствовала. Впрочем, это не мешало тому, что термин „балто-славянский“ продолжал широко употребляться многими лингвистами. При этом обычно не разграничивали двух значений этого термина: „относящийся к балто-славянскому праязыку“ и „общий балтийским и славянским языкам“. Это неразличение, может быть, лучше всего отражает основной результат предвоенной дискуссии: отказ давать интерпретацию в терминах балто-славянских языковых отношений тем или иным сходным явлениям этих языков.

Разумеется, и в это время продолжали появляться работы, авторы которых по-прежнему исходили из теории балто-славянского праязыка (Х. Педерсен, И. Миккола, В. Вондрак, О. Гуйер, А. Соболевский⁵⁷ и др.), однако это не были попытки обновить старую теорию или поддержать ее новыми соображениями; напротив, труды такого рода были просто данью традиции.

Единственной работой большого масштаба, ставившей целью защитить теорию балто-славянской языковой общности (baltisch-slavisches Sprachgemeinschaft), была книга Р. Траутмана „Балто-славянский словарь“⁵⁸, появившаяся в Геттингене в 1923 г. В ней автору удалось

⁵⁶ H. Hirt. Die Indogermanen, ihre Verbreitung, ihre Urheimat und ihre Kultur, Bd. I. Straßburg, 1905, стр. 119. Общие взгляды Хирта о балто-славянских языковых отношениях в древности изложены в этой же книге в разделе „Das baltisch-slavisches“, I, стр. 119—128 и в „Indogermanische Grammatik“, Bd. I. Heidelberg, 1927, стр. 32, 52 (где повторяются, правда, в более умеренных тонах старые мысли).

⁵⁷ А. Соболевский, придерживавшийся некогда ортодоксального взгляда на балто-славянский язык (см. его книгу „Древний церковно-славянский язык“. М., 1891, стр. 53), впоследствии изменил некоторые частности и выдвинул крайне искусственную теорию, согласно которой праславянский язык представляет собой соединение двух языков („язык с“ и „язык х“), причем один из них раньше составлял одно целое с балтийскими языками. — См. А. Соболевский. Русско-скифские этюды. — ИОРЯС, т. XXVII, 1924, стр. 331).

⁵⁸ R. Trautmann. Baltisch-slavisches Wörterbuch. Göttingen, 1923. — Наиболее значительные рецензии на эту книгу написаны А. Мейе („Slavia“, роç. III, 1925,

собрать весьма большой материал и установить немало не известных до тех пор балто-славянских лексических соответствий и этимологий. И сейчас этот словарь остается самым значительным собранием слов, общих балтийским и славянским языкам. Однако цель работы, сформулированная на стр. V введения, оказалась невыполненной и, более того, она и не могла быть достигнута, поскольку само строение словаря и вид восстанавливаемых исходных форм обнаруживает априорное убеждение автора в том, что балто-славянский язык представляет собой нечто данное и уже доказанное. Именно поэтому „Балто-славянский словарь“ Р. Траутмана, по существу, не смог оказать серьезной помощи сторонникам теории балто-славянского языка. Показательно, что и сам Траутман впоследствии вынужден был существенно изменить свои взгляды по вопросу о древнейших судьбах балтийских и славянских языков и говорить лишь об „общей базе некоторого рода“ и об известной культурной общности⁵⁹.

Однако наиболее ценное в словаре Траутмана — конкретные сопоставления и этимологии — получило одобрение и у сторонников и у противников балто-славянской теории и сохранило свое значение до сих пор⁶⁰.

Более характерным для периода, начавшегося с середины 10-х годов, было скептическое отношение к возможности существования балто-славянского языка и к необходимости объяснить общие балто-славянские явления с его помощью.

В общем виде такое отношение было весьма четко выражено Г. Ильинским в „Праславянской грамматике“. Признавая проблему балто-славянского праязыка спорной, он видел основной недостаток всех исследований в том, что, изучая балто-славянские факты, лингвисты имеют дело с явлениями, относительная хронология которых почти полностью неизвестна. Поэтому, по мнению Ильинского, «... окончательному решению вопроса о взаимном отношении балтийских и славянских языков должно предшествовать тщательное изучение хронологии моментов в развитии того или другого языка, и до тех пор, пока такая подготовительная работа не будет проделана, теория балто-славянского единства останется лишь так называемой „рабочей гипотезой“, значение которой будет обратно пропорционально количеству фактов, объясняемых наукой без ее помощи. Но судя по тому, что к этой помощи современной лингвистике приходится прибегать все реже и реже, прогноз о будущем теории балто-славянского языка даже как рабочей гипотезы не может быть особенно благоприятным»⁶¹.

стр. 673—676), Г. Геруллисом (IF, Bd. 44, 1926, стр. 113—115), А. Брюкнером (ZfslPh, Bd. IV, 1927, стр. 212—218).

⁵⁹ R. Trautmann. Die slavischen Völker und Sprachen. Eine Einführung in die Slavistik. Leipzig, 1948.

⁶⁰ Из других работ Траутмана в области балтийской и славянской этимологии следует указать: „Die altpreussischen Sprachdenkmäler“. Göttingen, 1910 (особенно словарь); „Baltisch-Slavisches“. — „Festschrift Ad. Bezzenberger zum 14. April, 1921“. Königsberg, 1921, стр. 44—51; ср. также статьи Траутмана в KZ, Bd. 42, 44, 46, 48—51, в BB, Bd. 30 и др. В области фонетики наибольшего внимания заслуживает статья Траутмана „Vienas baltų ir slavėnų gramatikos bruožas“. — „Švietimo darbas“, 1922, № 3—6, стр. 271 и след. (ср. немецкий вариант — „Ein Kapitel aus der Lautlehre der baltisch-slavischen Sprachen“. — „Slavia“, roč. II, 1923—1924, стр. 1—4); в ней автор развивает мысль Микколы и Буги, объясняя наличие *i* или *u* перед плавными и носовыми (в соответствии с более древними слоговыми плавными и носовыми) алаутными отношениями и расширяя их сферу на ряд других случаев, ср. прус. *ape* при лит. *ipė*, лтш. *ipe* и т. д.

⁶¹ Г. Ильинский. Праславянская грамматика. Нежин, 1916, стр. 26.

Тем не менее и в „Праславянской грамматике“⁶², и в многочисленных статьях и книгах по общеславянским и праславянским вопросам, и, конечно, в огромном количестве этимологий, перечислять которые нет возможности⁶³, Г. Ильинский неоднократно подчеркивал балто-славянские совпадения, называя некоторые из них изоглоссами. Одна из них кажется особенно убедительной и оригинальной: литовский суффикс сравнительной степени *-esnis* (ср. *saldesnis*) и соответствующий славянский суффикс (ср. ст.-сл. *прѣтъснь*, укр. *сивісінький*, польск. *pierwiastek* и т. п.)⁶⁴.

Если Ильинский в своем скептическом отношении к балто-славянскому языку исходил из некоторых общих соображений и из известной оппозиции к фортунатовской школе, то К. Буга, во многом определивший направление развития балтийского языкознания, отрицая возможность существования балто-славянского праязыка, опирался прежде всего на местную традицию (К. Явнис⁶⁵); к тому же, такое отрицательное отношение в известной степени объяснялось некоторыми другими факторами: большая древность и раздробленность балтийских диалектов по сравнению со славянскими позволяет специалистам в области балтийского языкознания обращаться к славянским фактам гораздо реже, чем это делают слависты в отношении балтийских данных.

В своей первой крупной работе („Aistiški studijai“. СПб., 1908), являющейся, по сути дела, изложением взглядов его покойного учителя, Буга совершенно игнорирует вопрос о возможных балто-славянских связях, переходя от индоевропейской эпохи непосредственно к айстийской (ср. восемь пунктов, отличающих айстийский язык от индоевропейского праязыка, см. § 4). В 1913 г. Буга вынужден подчеркнуть факт особой близости балтийских и славянских языков, однако он предлагает отказаться от таких понятий, как „славяно-балтийская эпоха“ или „славяно-балтийский праязык“, на том основании, что уже в индоевропейском праязыке между балтийским и славянским диалектами существовали различия⁶⁶. Эта точка зрения стала основой взглядов Буги по вопросу о балто-славянских языковых связях, хотя в дальнейшем он критически пересмотрел многое из своих ранних работ⁶⁷.

⁶² См., например, рассуждение о славянском имперфекте в сравнении с балтийским претеритом, вдохновленное статьей И. Баудиша „Das slavische Imperfektum“. — *IF*, Bd. 23, 1908, стр. 135—152. Ср. также V. V o n d r á k. Das slavische Imperfektum und sein Verhältniss zum litauischen Präteritum. — *BB*, Bd. 29, 1905, стр. 295—305.

⁶³ Г. Ильинский оставил после себя рукописный „Праславянский словарь“ (хранится в библиотеке Института языкознания АН СССР).

⁶⁴ См. Г. Ильинский. Одна балтийско-славянская морфологическая изоглосса. — *PF*, t. XIV, стр. 591—598. В заключении этой статьи указывается (может быть, в некотором противоречии с теоретическими взглядами автора), что эта изоглосса является „одним из самых красноречивых доказательств былого единства обеих великих индоевропейских ветвей“. В этом же плане интересна другая статья Ильинского «К этимологии балто-славянских названий „зубра“» (*TZ*, кн. IV, 1926, стр. 51—56). Заслуживает внимания то, что Ильинский одним из первых стал говорить о балто-славянских „изоглоссах“.

⁶⁵ По-видимому, скептическое отношение Явниса к проблеме балто-славянского языкового единства повлияло и на И. А. Бодуэна де Куртене и на А. Погодина. — См. К. B ū g a. Kalbų mokslas bei mūsų senovė. — „Ateities“, Kaunas, 1913, № 10, стр. 9. Ср. также M. D u k s z t a. Recherches ethnographiques concernant la langue primitive des peuples aryens et l'apparition des races baltico-slaves et autres en Europe, Genève, 1916 (дилетантская брошюра).

⁶⁶ К. B ū g a. Kalbų mokslas bei mūsų senovė, стр. 9—10. См. также К. B ū g a. Litewski język. — „Wielka Encyklopedia ilustrowana“, ser. I. t. 43—44, zes. 346 b, стр. 624—633.

⁶⁷ Об отношении Буги к „Айстийским штудиям“, помимо известных высказываний в поздних работах, пожалуй, лучше всего свидетельствует один факт, отмечен-

10-е годы Буга в основном посвящает исследованию отдельных неясных вопросов литовской грамматики и фонетики. Ближе всего подходит он к балто-славянской тематике в своих многочисленных этимологических работах⁶⁸ и в статьях, ставящих вопрос о литовских заимствованиях в славянских языках⁶⁹.

В начале 20-х годов усиливается интерес Буги к древнейшим периодам существования балтийских языков. В связи с этим внимание литовского лингвиста привлекают данные об исчезнувших диалектах балтийских языков, вопросы языковых связей балтийской ветви, топонимические исследования. Общий итог целой серии статей⁷⁰ Буги заключается в том, что нет ни одного языкового факта, который заставил бы признать существование балто-славянского праязыка. Общие же черты балтийских и славянских языков объясняются долгим соседством славян и балтов на их общей прародине — в бассейне Припяти. По Буге, это соседство продолжалось весьма долго (видимо, до XV в. до н. э.). Во всяком случае, характер балто-славянских совпадений заставляет считать, что айстийские и славянские племена находились друг подле друга (по обе стороны от Припяти) дольше, чем италийцы и кельты, также некогда обитавшие в бассейне Припяти (этот же район, по мнению Буги, являлся прародиной и для германских языков)⁷¹. Особенная близость славянских языков к балтийским (большая, чем к иранским) кажется Буге очевидной; он не отрицает и наличия ряда общих балто-славянских новообра-

ный недавно в литовской печати. См. К. К. К. Būgos savikritiška dedikacija. — „Literatura ir kalba“, II. Vilnius, 1957, стр. 489.

⁶⁸ См. К. Б у г а. Славяно-балтийские этимологии. — РФТ, т. 67, 1912, стр. 232—250; РФВ, т. 70, 1913, стр. 100—108, 248—256; РФВ, т. 71, 1913, стр. 50—60, 464—471; РФВ, т. 72, 1914, стр. 187—202; РФВ, т. 73, 1915, стр. 335—343; РФВ, т. 75, 1916, стр. 141—156; ср. также «Литовское название „внука“ *anūkas* и *nepuotis*». — РФВ, т. 65, 1911, стр. 327—330; «Балтийские (айстийские) этимологии». — РФВ, т. 66, 1912, стр. 234—255; «Lituanica (III. Этимологии)». — ИОРЯС, т. XVII, кн. 1, 1912, стр. 16—52; «Kalba ir senovė». Kaunas, 1922 (здесь приведено немало сведений из области балтийской этимологии в связи со славянскими фактами). Наконец, заслуживают внимания и оставшиеся после смерти К. Буги в его архиве работы, целиком или отчасти посвященные этимологии. См. «Iš K. Būgos palikimo. Baltica в „Праславянской грамматике“ Г. А. Ильинского». — АРФ, кн. I, Kaunas, 1930, стр. 37—68; е го же. Заблуждения к „Этимологическому словарю русского языка“ А. Преображенского. — „Rinktiniai raštai“, t. I. Vilnius, 1959; материалы для этимологического словаря литовского языка (картотека хранится в Институте языка и литературы АН Лит. ССР).

⁶⁹ Среди них особенно важна „Lituanica“. I. К вопросу о хронологии литовских заимствований с русского. II. Лит.-латш. *uo* и *ie* заимствованных с русского слов на месте ожидаемых *ū* и *ī*. См. также „Die litauisch-weißrussische Beziehungen und ihr Alter“. Вопросы балто-славянских связей второй половины первого тысячелетия нашей эры неоднократно освещаются в статьях Буги 20-х годов.

⁷⁰ См. К. Б у г а. Kalba ir senovė. Kaunas, 1922 (см. особенно введение, а также: „Kaip sena latvių kalba?“, „Visūsenieji lietuvų santykių su germanais“ и т. д.); е го же. Upių vardų studijos ir aiščių bei slavėnų senovė. — TŽ, кн. I, Kaunas, 1923, стр. 1—3; е го же. Aistiškos kilmės Gudijos vietovardžiai. — TŽ, кн. I, стр. 20—44 (в этом же томе содержится много других топонимических заметок Буги); е го же. Lietuvių įsikūrimas šių dienų Lietuvoje. — TŽ, кн. II, 1924, стр. 1—27; е го же. Šis-tas iš lietuvų ir indoeuropiečių senovės. — TŽ, кн. II, стр. 98—110; е го же. Aisčių praeitis vietų vardų šviesoje [немецкий вариант — „Die Vorgeschichte der Aistischen (Baltischen) Stämme im Lichte der Ortsnamenforschung“]. — „Streitberg-Festgabe“. Leipzig, 1924, стр. 22—35]; е го же. Lietuvių kalbos žodynas. Kaunas, 1924; Sašiūvinis I; 1925, Sašiūvinis II; из более ранних работ Буги, в которых широко используются данные топонимии, см. „Kann man Keltenspuren auf baltischen Gebiet nachweisen“ — RS., t. VI, 1913, стр. 1—38 (убедительная критика шахматовской теории).

⁷¹ Основанием для признания бассейна Припяти прародиной пяти ветвей индоевропейских языков было наличие в этих языках реминисценций старого названия припятских болот, ср. слав. *more*, лит. *marės* и т. д. Ср. A. Nehrting. Ing.* *mari*, * *mori*. — „Festschrift F. R. Schröder“. 1959, стр. 122—138.

зований, но их он склонен объяснять в свете волновой теории. Тем не менее, лингвистическая сторона вопроса о балто-славянских связях в древнейший период не нашла подробного освещения в этих работах Буги. Возможно, что ранняя смерть помешала выдающемуся лингвисту с должной обстоятельностью изложить свои взгляды на балто-славянскую проблему. Во всяком случае, творческий путь Буги, начавшийся с изучения литовского языка и приведший к постановке общебалтийских вопросов, мог бы подтвердить наше мнение. Интересно отметить и то, что никто так детально не обрисовал последовательность этапов продвижения балтийских племен на их теперешние территории и их первые связи с восточными и западнославянскими племенами. При этом для доказательства Бугой был привлечен очень солидный, в значительной степени новый языковой материал, прежде всего топонимический, значение которого для выяснения вопроса о древнейших судьбах балтийских диалектов исследователь неоднократно подчеркивал.

Взгляды Буги на балто-славянские языковые отношения в древности были приняты литовскими лингвистами 20—30-х годов, хотя специальных исследований на эту тему не проводилось. Подробнее всего по данному вопросу писал А. Салис, повторивший основные положения теории Буги⁷². Более привлекающими оказались темы, посвященные поздним связям балтийских (прежде всего, литовского) и славянских языков в плане заимствований⁷³.

⁷² A. Saly s. Baltų kalbos. — „Lietuviškoji Enciklopedija“, t. II, стр. 984—995; то же сделал И. Плакис („Die baltischen Völker und Stämme“. — „Die Letten“. Riga, 1930, стр. 49—55). П. Шмиат („Sprachliche Zeugnisse über die Heimat der Balten und ihre Kultur“. — „Die Letten“. Riga, 1930, стр. 71 и след.) вовсе обходит вопрос о балто-славянских связях, упоминая лишь о том, что прародина балтов была севернее прародины славян, а прародина индоевропейцев находилась в Литве (на основании данных флоры и фауны).

⁷³ См. P. Skardžius. Die slavischen Lehnwörter im Altlitauischen. — TŽ, kn. VII, 1931; его же. Sugli prestiti dallo slavo dell' antico lituano. — St. balt., vol. 4, 1934, стр. 45—49; его же. Kalbos mažmožiai. Klaipėda, 1929 (о лит. *da-*), и др. Из латвийских лингвистов более других в период между двумя войнами писал на эту тему А. Аугсткалнс, см. его статьи: „Zur baltischen Lehnwörterkunde“ — ZfslPh, Bd. XII, 1935, стр. 105—109; его же. Lituano *do*. — St. balt., vol. 6, 1936—1937, стр. 99—103 и др.; А. Абе́ле. Slavismi (?) mūsu augšzemnieku konsonantismā. 1. Intervokālās jotas liktenis un jotas proteze. — FBR, sēj. XX, 1940, стр. 205—213. Ср. также Е. Блесе. Die Entwicklungsphasen der lettischen Sprache. — „Die Letten“. Riga, 1930, стр. 64—65 [помимо лексических заимствований, здесь говорится и о славянском влиянии в области акцентологии; речь идет о так называемом нисходяще-монофтонгическом типе слога и о круге вопросов, поднятых А. Абе́ле („Par stieptās intonācijas pāreju kritiņš“. — FBR, sēj. III, 1923, стр. 40—42) и т. д.]; его же. Alcuni rapporti fra il bianco russo e le lingue baltiche. — St. balt., vol. 5, 1935—1936, стр. 1—29. Отдельные вопросы, связанные с изменениями в польском языке Виленщины в условиях польско-литовского симбиоза, рассматривались в трудах польских лингвистов (особенно Г. Турской). Обратное влияние стало предметом исследования А. Зенна („Polish influence upon Lithuanian“. — „Language“, vol. 14, 1938, стр. 148—153), не говоря уже о многочисленных работах Э. Френкеля: „Zur Behandlung der slavischen Lehnwörter im ostlit. Dialekte von Twerecz“. — IF, Bd. 53, 1935, стр. 123—134; „Zum Dialekt von Buividze“. — KZ, Bd. 54, 1926, стр. 293—294; „Zu litauischen Mundarten“. — KZ, Bd. 61, 1934, стр. 257—269; „Wortschatz des Litauischen des Wilnagebietes unter besonderer Berücksichtigung der Nachbildung slavischer Redewendungen mit einheimisches Mitteln.“ — „Księga referatów II Międzynarodowego Zjazdu Słowistów“. Warszawa, 1934. 1 Sekcja, стр. 20—21; „Der Stand der Erforschung des im Wilnagebiete gesprochenen Litauischen“. — BSlav., t. II, Wilno, 1936, стр. 16—107; „Calchi semantici e sintattici dallo slavo nel lituano del territorio di Vilna“. — St. balt., vol. 4, 1934, стр. 25—44; „Apie Vilniaus krašto lietuviškių tarmių ypatybes. Reti slavų žodžiai ir konstrukcijos šitose tarmėse“. — Liet. T., kn. V, 1935, стр. 257—262; „Zum ostlit. Dialekt von Twerecz“. — BSlav., t. III, 1938, стр. 28—54 и др.

Особое значение имеет книга Я. Отрембского, посвященная монографическому описанию тверещкого говора. См. J. Otrębski. Narzeczce twereckie. Kraków, 1934, cz. I; 1932, cz. III. (славянские заимствования в тверещком словаре).

Принципиальный интерес представляет попытка решения проблемы древнейших балто-славянских языковых отношений в работах итальянской неолингвистической школы, оказавшей влияние на взгляды ряда языковедов, занимавшихся балто-славянским вопросом, но не разделявших во всей полноте теоретические принципы „пространственной“ лингвистики. Анализ взглядов неолингвистов на балто-славянские языковые отношения весьма показателен еще и потому, что на его примере отчетливо видны противоречия между общими принципами и субъективными представлениями отдельных ученых, с одной стороны, и зависимость частных решений, выбора вопросов и критериев от основополагающих идей данного направления, с другой стороны.

Неолингвистическое направление осознало себя в борьбе с теоретическими основами и приемами практического анализа младограмматической школы. Если оставить в стороне тот круг неолингвистических проблем, который обязан своим происхождением учению Б. Кроче и связан с именами Дж. Бертони, К. Фосслера, Л. Шпитцера, то в центре внимания неолингвистов окажутся те же вопросы, что характеризовали устремления целого ряда ученых конца XIX и особенно начала XX в. (Г. Шухардт, Ж. Жилберон, И. А. Бодуэн де Куртене и др.). Но в отличие от названных лингвистов только итальянская школа смогла создать вполне законченную общую теорию и распространить ее на изучение древнейших индоевропейских диалектов, выдвинув на первый план проблемы пространственных и хронологических (прежде всего, поскольку они отражены в первых) отношений. Кроме того, именно неолингвистами были подробно разработаны технические приемы исследования.

Здесь нет необходимости говорить об общих принципах пространственной лингвистики, поскольку ее основатели сами позаботились об их популяризации⁷⁴. Целесообразнее рассмотреть преломление основных положений неолингвистики в их работах, относящихся конкретно к балтийским и славянским языкам в их связи друг с другом и с остальными индоевропейскими диалектами.

Выше отмечалось особое внимание неолингвистов к хронологическим вопросам, рассмотренным преимущественно в пространственном отражении. Более всего в этой области было сделано Бартоли, который проводил строгое различие между „*innovazioni preetniche*“ и „*innovazioni postetniche*“ и в связи с этим между консервативными и архаичными языками. Конкретное определение того или иного вида инновации достигалось при анализе так называемых „географических фигур“ (*figure geografiche*) на основе шести принципов ареальной лингвистики, установленных Бартоли еще в 1925 г. Обратная интерпретация полученных результатов делала возможным заключение о месте того или иного языка в кругу других индоевропейских языков в связи с хронологическим фактором⁷⁵. Исследование такого рода в отношении балтийских

⁷⁴ М. Bartoli, G. Bertoni. *Breviario di neolinguistica*. Modena, 1925 (см. особенно II. *Criteri tecnici*, стр. 63—126); М. Bartoli. *Introduzione alla neolinguistica. Principi, scopi, metodi*. Ginevra—Roma, 1925; ег о же. *Saggi di linguistica spaziale*. Torino, 1945; М. Bartoli, G. Vidossi. *Lineamenti di linguistica spaziale*. Milano, 1943, и др.

⁷⁵ М. Bartoli. *Studi sulla stratificazione dei linguaggi ario-europei*. — *AGIt*, vol. 25, 1933, стр. 1—51; ег о же. *Die chronologische Stellung des Germanischen innerhalb der ario-europäischen Sprachen*. — „*Neophilologus*“, Bd. 8, 1933, стр. 292—299; ег о же. *Il posto che spetta al latino nella famiglia dei linguaggi ario-europei*. — *AGIt*, vol. 26, 1934, стр. 1—42 (ср. еще „*Atti del III Congresso Internazionale dei Linguisti*“). Roma, 1933, стр. 164—171) и др.

языков было написано Бартоли в 1933 г.⁷⁶ На основании анализа очень небольшого материала (законы Фортунатова — де Соссюра и Хирта — Микколы; две географических фигуры: индоевропейское название червя и соотношение $s : h$) он приходит к выводу, что хронологическое положение балтийских языков определяется тем, что в них больше доэтнических новообразований, чем в германских языках, но гораздо меньше, чем в древнеиндийском (стр. 17). Это утверждение Бартоли вызвало критический ответ Дж. Бонфанте⁷⁷, по мнению которого, балтийские языки вместе с праславянским и древнегреческим характеризуются минимумом „постэтнических“ новообразований, тогда как их позиция в отношении доэтнических инноваций менее ясна, чем позиция двух других указанных здесь языков, отличающихся предельно большим количеством новообразований этого типа. На этом основании Бонфанте утверждает, что балтийские языки одновременно и консервативны и архаичны, тогда как славянские только консервативны, но не архаичны. Развернувшаяся дискуссия завершилась новой статьей Бартоли⁷⁸, смысл которой сводится к тому, что в балтийских и в славянских языках доэтнические новообразования более редки, чем в индо-иранском и греческом; примерно то же можно сказать и об отдельных „постэтнических“ инновациях.

Принципиальное значение подобных исследований, несомненно, велико, однако существенные расхождения взглядов Бартоли и Бонфанте уже в частном вопросе о месте балтийских и славянских языков показывают, что даже признание общих принципов пространственной лингвистики и сходство в оценке значений того или иного ареала не делает еще неолингвистику в полном смысле слова точной наукой, поскольку в ней отсутствуют сколько-нибудь строгие критерии для отнесения тех или иных диалектов к определенному лингвистическому ареалу.

Понятно, что в рамках классической неолингвистики вопрос о древнейших балто-славянских языковых отношениях не мог быть поставлен изолированно от вопроса о связях с другими индоевропейскими диалектами. Теоретические принципы неолингвистики оправдывают поэтому отказ Бонфанте от определения взаимных отношений балтийских и славянских диалектов в его известной работе по индоевропейской диалектологии⁷⁹. По этим же соображениям Бонфанте ограничивается лишь указанием на то, что балтийские языки занимают промежуточную пози-

⁷⁶ M. Bartoli. Il carattere conservativo dei linguaggi baltici. — *St. balt.*, vol. 3, 1933, стр. 1—26.

⁷⁷ G. Bonfante. „Arcaico“ e „conservativo“ nel gruppo baltico. — *St. balt.*, vol. 5, 1935—1936, стр. 30—37.

⁷⁸ M. Bartoli. Ancora del carattere conservativo dello slavo e del baltico. — „Сборник лингвистических и филологических расправа А. Белифу“. Белград, 1937, стр. 197—202.

⁷⁹ См. G. Bonfante. I dialetti indoeuropei. — „Annali del R. Istituto Orientale di Napoli“, vol. IV, 1931, стр. 65—185. Точно так же и Х. Педерсен („Le groupement des dialectes indo-européens“. København, 1925) почти не уделил внимания балто-славянским языковым связям, но по другим мотивам: его прежде всего интересовал круг вопросов, связанных с хеттским, тохарским, италийским и кельтскими языками. Об отношении двух последних групп см. теперь P. Bollélli. Unità italica e unità italo-celtica. — „Annali della Scuola normale superiore di Pisa“, ser. II, vol. 9, 1940, стр. 97—134 [решительное отрицание теории об итадо-кельтском единстве, естественное, впрочем, после известной работы А. Вальде (Über die älteste sprachliche Beziehungen zwischen Kelten und Italiker. Innsbruck, 1917); ср., впрочем, возражения Вандриеса (J. Vendryes. Italique et Celtique. — „Revue Celtique“, t. 42, 1925, стр. 379—390)]. Важна также статья Бонфанте о соотношении италийских и кельтских языков в лексике (G. Bonfante. Notas sobre el vocabolario celtico y latino. — „Emerita“, vol. 2, 1934, стр. 263—306).

цию между замкнутой восточной областью (куда входит, между прочим, и славянский) и западной, причем они тяготеют скорее к востоку, чем к западу. Однако игнорирование балто-славянской проблемы в трудах Бонфанте связано не только с принципиальной стороной⁸⁰; по-видимому, отчасти это объясняется и тем, что основные интересы итальянского лингвиста лежат в сфере исследования индо-хеттских, греко-армянских и других связей⁸¹.

Больше, чем другие итальянские неолингвисты, занимался балто-славянской проблемой В. Пизани, написавший специальную статью „Балтийский и славянский“⁸².

В ней он ставит себе задачу определить изоглоссы, общие балтийским и славянским языкам, выделив те из них, которые возникли явно в более поздние периоды по сравнению с тем, что принято называть периодом распада индоевропейского праязыка.

Признавая, как и Бонфанте, несомненные балто-германские или славяно-арийские изоглоссы, Пизани, полемизируя с Бонфанте, заявляет, что он вполне допускает возможность существования компактной балто-славянской группы, отличной от других языков, в период, следующий за распадением индоевропейской языковой общности (стр. 9). В ходе дальнейших рассуждений Пизани приходит к выводу, что балтийские и славянские диалекты прошли период общего развития. В применении к этому периоду можно говорить о балто-славянской языковой общности (но не о праязыке!). Ее отличительной чертой является система балто-славянских изоглосс, остающаяся после исключения тех изоглосс, которые связывают балтийские и славянские диалекты с другими. Этих оставшихся изоглосс, по мнению Пизани, довольно много, и за ними скрываются „одинаково образованные и одинаково употребляющиеся“ факты. На этом основании можно говорить о „единстве балто-славянской теории (l'unita del territorio balto-slavo) в течение долгого периода после распада индоевропейского единства“ (стр.18—19).

В хронологические рамки периода балто-славянской общности Пизани помещает 19 изоглосс, весьма не одинаковых по своей доказательной силе и в ряде случаев явно разновременных. С одной стороны, перечисляются такие хорошо известные целому ряду индоевропейских языков факты, как им. п. мн. ч. *o*-основ на *-oi* вместо *-os*⁸³ или упрощение геминат; с другой стороны, отмечаются явления, присущие, кроме балтийских и славянских диалектов, хотя бы некоторым отдельным индоевропейским языкам (ср. переход *rs* в *rš*; совпадение род. и отлож. падежей; собирательные суффиксы *-er*, *-or* типа лит. *penkeri*, слав. *perťorъ*; ср. соответствующие тохарские факты, и т. д.); наконец, лишь некоторые изоглоссы, указываемые Пизани, являются собственно балто-

⁸⁰ См. решительную критику теории балто-славянского единства в „I dialetti indoeuropei“, стр. 89 и след.

⁸¹ Впрочем, иногда Бонфанте указывает частные связи интересующих нас языков с другими диалектами. Ср., например, „*Sabadios — Svoboda le libérateur*“. — „Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves“, t. 7, 1939—1944, стр. 41—46 (фрако-фригийско-славянская изоглосса) и особенно „L'accento prussiano“. — St. balt., vol. 2, 1932, стр. 68—77, где Бонфанте показывает, что в литовском языке закон Лескина возник в качестве новообразования (пруссский его не знает) и независимо от славянских языков; что закон де Соссюра, напротив, был общебалтийским, а известная закономерность, предусмотренная Хиртом, могла быть даже балто-славянской.

⁸² V. Pisanì. Balto e slavo. — St. balt., vol. 2, 1932, стр. 1—22. Статья перепечатана в сборнике „Linguistica generale e indoeuropea“. Milano, 1947, стр. 65—82.

⁸³ Любопытно, что Бартоли („Il posto che spetta al latino...“, стр. 5) считает необоснованным мнение о большей древности *-os* по сравнению с *oi*, указав, между прочим, что как раз *-oi* сохраняется в латеральных ареалах.

славянскими. Здесь нет необходимости перечислять их, поскольку они не оригинальны и часто использовались в связи с вопросом о балто-славянских языковых отношениях и раньше (исключение составляет пример со словом „девять“, в котором в восточнобалтийских и славянских диалектах выступает *d-* вместо ожидаемого *n-*). Показательно, что и среди изоглосс этого типа есть разновременные (ср. рефлексы слоговых *ɣ*, *ʃ*; акут на долгих гласных и на дифтонгах с долгой слоговой частью и тут же изменения в группах *tj*, *dj*, палатализация заднебных, преобразования в дифтонгах на *-i*⁸⁴, охватывающие лишь восточнобалтийские диалекты, притом в довольно позднюю эпоху). Понятно, что отсутствие четкой стратификации изоглосс, приведенных Пизани, делает весьма относительным понятие балто-славянской общности, отстаиваемое им. Во всяком случае, многие из указанных изоглосс плохо вяжутся с чересчур конкретной интерпретацией этой общности (она еще существовала в V в. до н. э., ср. геродотовские невры; окончательное ее распадение относится лишь к IV в. н. э.; исходный пункт общих новообразований — восточная часть балто-славянского ареала).

Интересной и важной в теоретическом отношении оказалась следующая большая работа Пизани „Studi sulla preistoria delle lingue indoeuropee“ („Memorie della R. Accademia Nazionale dei Lincei, cl. mor.-stor.-filol.“, vol. IV, fasc. 6, 1934, стр. 547—653). Здесь выдвигаются два новых принципа. Во-первых, изоглоссы могут пересекать уже оформившиеся диалектные границы; вследствие этого многое из того, что считалось праязыковым наследством, следует отнести к гораздо более позднему времени, ср. „сатемную“ палатализацию заднебных, утрату аспирации в звонких придыхательных (вопрос, неоднократно привлекавший к себе Пизани) и т. д.; в связи с указанным принципом находятся наблюдения над направлением движения изоглосс и над их хронологией. Во-вторых, Пизани обосновывает в этой работе принцип выделения изоглоссных областей на основании колебаний в проявлении того или иного процесса; уже само наличие таких колебаний сигнализирует о том, что здесь кончается данная изоглосса; отсутствие же колебаний, наоборот, является показателем того, что тут нужно искать центр иррадиации указанной изоглоссы. Эти положения подтверждаются известными фактами колебаний между заднебными и сибилантами.

Прекращением ряда изоглосс разных изоглоссных областей объясняет Пизани промежуточное положение балтийских языков между германскими и славянскими. В ряде случаев приводятся примеры, показывающие, что нередко литовский и латышский языки относятся к разным изоглоссным областям. Значительное внимание уделяется в этой работе балто-германским изоглоссам. Из них особенно следует отметить изоглоссу имперфекта (ср. готск. *nēmjau* < **nēmjē-u*, лит. *nešiau*)⁸⁵.

В равной степени не были оставлены без внимания и славяно-иранские изоглоссные явления⁸⁶.

⁸⁴ Ср. также V. Pisanì. Quisquillie baltiche. — St. balt., vol. 5, 1935—1936, стр. 99—105, где снова говорится, что вост.-балт. изменение *ai*, *ei* в *ie* объясняется влиянием монофтонгизации слав. *oi*, ставшим возможным в силу культурного превосходства славян (l'a superiorita culturale slava). Примерно такими же соображениями объясняет Пизани переход балт. *ei* в *iau*. Объяснение вост.-балт. *ie*, предложенное итальянским лингвистом, было впоследствии принято А. Зенном.

⁸⁵ Позднее Пизани не раз останавливался и на других примерах такого рода. Из них особого внимания заслуживает его статья: „L'ottativo (congiuntivo) baltico e li trattamento di *ō* in sillaba finale in gotico e baltico“. — St. balt., vol. 9, 1952, стр. 34—43.

⁸⁶ Ср. V. Pisanì. Avestico *ravan*. — „Rivista degli Studi Orientali“, vol. 14, 1934, стр. 433—444 (слав. *гавън*-, *говън*-, возможно, иранское заимствование); е го же, Slavo i iranico. — „Atti del III. Congresso Internazionale dei Linguisti“. Roma, 1933.

Начиная с известной лекции о реконструкции индоевропейского праязыка, прочитанной в 1936 г. в Кальяри⁸⁷, во взглядах Пизани происходят определенные перемены, сближающие его с ортодоксальным направлением в неолингвистике. Если раньше можно было на основании замкнутой системы изоглосс говорить о балто-славянском единстве, о праславянском или балтийском единстве, то теперь Пизани, последовательно проводя свою мысль, пишет о том, что „праславянский, прагерманский и т. д. никогда не существовали; никогда не существовал также протоиндоевропейский как строго единый язык; он просто лингвистическая стадия, которой может достичь сравнение, унаследованная от бесчисленных других стадий, в которых дивергенции между различными диалектами могли быть столь же большими или даже основополагающими“⁸⁸. При этом указывается, что доступная нам стадия с рядом общих особенностей не может мыслиться как синхронная. Отсюда, конечно, следует скептическое отношение к реконструкциям, которые, по мнению Пизани, имеют в качестве их результата не язык, а собрание отдельных разновременных черт⁸⁹.

Тем не менее практически Пизани продолжает нередко говорить о балто-славянской изоглоссной области, сравнимой с германской, иллирийской, фракийской и т. д.⁹⁰ и образующей особую лингвистическую лигу (ср. теорию „языковых союзов“ в работах представителей Пражского лингвистического кружка).

Несмотря на ряд существенных пробелов и едва ли обязательных ограничений, связанных с неолингвистической теорией, ее идеи еще не исчерпаны, и их применение к решению балто-славянской проблемы обещает новые важные результаты, особенно если эти идеи будут дополнены достижениями последних лет в области внутренней реконструкции.

Из работ, появившихся между двумя мировыми войнами и претендующих на освещение балто-славянской проблемы в целом, заслуживают внимания статья В. Краузе в сборнике, посвященном памяти О. Реха⁹¹, и особенно заметка Ю. Куриловича в „Словаре славянских древностей“, оставшаяся неизвестной многим специалистам⁹². Если

стр. 371—379 (здесь делается попытка установить хронологию и исторические обстоятельства двух эпох особенно интенсивных ирано-славянских связей — XII в. до н. э. и VIII—VII вв. до н. э.); его же. *Il paganesimo balto-slavo*. — „Storia delle religioni P. Tacchi Venturi“. Torino, 1934, стр. 591—632 (в издании 1939 г., стр. 39—80), где много говорится об иранских влияниях на славянскую религиозную терминологию. ⁸⁷ См. V. Pisanì. La ricostruzione dell' indoeuropeo. — „Annali della Facoltà di Lettere della R. Università di Cagliari“, vol. VI, № 2, Cagliari, 1936.

⁸⁸ V. Pisanì. *Glottologia indoeuropea*. Torino, 1949, стр. XXVI.

⁸⁹ Эта мысль особенно четко выражена в „*Geolinguistica e indoeuropeo*“. — „Memorie della R. Accademia Nazionale dei Lincei“, ser. VI, vol. IX, fasc. 2, Roma, 1941, стр. 270 (160 особой пагинации), а также в работах Пизани последних лет. — См. V. Pisanì. La question de l'indo-hittite et le concept de parenté linguistique. — AO, vol. XVII, p. 2, 1949, стр. 251—264; его же. Parenté linguistique. — „Lingua“, vol. 3, 1952, стр. 3—16.

⁹⁰ V. Pisanì. *Geolinguistica e indoeuropeo*, стр. 314 и след. (204 и след. особой пагинации); его же. L'albanais et les autres langues indo-européennes. — „Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves“, t. 10, 1950, стр. 519—538.

⁹¹ W. Krause. — „Kultur und Rasse“. Monachium—Berlin, 1939.

⁹² J. Kuryłowicz. *Baltosłowiańska jedność językowa*. — „Słownik starożytności słowiańskich“. Warszawa, 1934, стр. 4—7. Здесь нет надобности останавливаться на ряде других работ, которые не оказали никакого влияния на развитие науки и остались незамеченными (ср. К. Treimer. *Slawische und Baltische*. Wien—Leipzig, 1922, и др.). Более существенны (хотя они и выходят за пределы нашей темы) такие работы, как F. Balodis. *L'ancienne frontière slavo-latvienne*. — „Conférence des historiens des États de l'Europe orientale. II. Compte rendus et communications“.

Краузе наиболее решительно сформулировал свои возражения против теории балто-славянского языкового единства, то Курилович, наоборот, после целого ряда работ, в которых он избегал говорить о причинах тех или иных совпадений между балтийскими и славянскими языками, в указанной статье предпочитает объяснять эти сходства существованием балто-славянского единства. В связи с этим Курилович затрагивает два важных теоретических вопроса, получивших впоследствии более полное освещение. Во-первых, речь идет об отделении общих архаизмов от общих новообразований и степени доказательности тех и других при решении балто-славянского вопроса. Во-вторых, в статье обращается внимание на первостепенную важность установления относительной хронологии балто-славянских новообразований, поскольку именно она, по мнению автора, могла бы служить мерой близости балтийских и славянских языков в разные эпохи их существования. Особое значение придает Курилович явлениям, связанным с созданием новых морфем, а также тем случаям, когда результаты фонетических процессов используются в морфологическом плане. В частности, уже здесь автор указывает на необходимость изучения морфологической роли интонации и удлиненной ступени гласного в балтийских и славянских языках. С другой стороны, польский лингвист не склонен придавать большого значения таким фактам, как известное изменение *s* или трактовка *ei*, которые долгое время стояли в центре внимания лингвистов, пытавшихся решить балто-славянскую проблему. Так же скептически смотрит Курилович и на возможность использования данных синтаксиса и лексики для выяснения характера древнейших отношений между двумя группами языков. Несмотря на то, что Курилович говорит о балто-славянском единстве и приводит целый ряд фактов в его подтверждение (они более или менее традиционны), в статье отчетливо проявляется чувство неудовлетворенности автора существующими приемами доказательства и обычными способами сопоставления фактов, при которых случайность и недоказуемость играют слишком большую роль.

Следует упомянуть еще две работы, в которых проблема балто-славянского единства признается решенной в положительном смысле. Речь идет об исследовании Г. Арнтца, посвященном языковым связям балто-славянского и арийского⁹³. Хотя непосредственно оно ничего не дает для вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских диалектов, в нем обобщен довольно значительный материал, характеризующий преимущественные связи балто-славянского языкового массива (известный интерес представляют некоторые наблюдения в области лексики и грамматики: балто-славяно-арийский сигматический аорист в 1-м л. ед. ч. имел *-om*, а не *-m*, совпадения в каузативе и т. п.). Другая работа, исходящая из безоговорочного признания балто-славянского праязыка, принадлежит Ф. Шпехту⁹⁴, много писавшему о балтийских языках. В ней он указывает ряд балто-славянских совпадений, которые он склонен отнести к древнейшему периоду: вытеснение и замена *nom. agentis* муж. р. на *-ter* и, наоборот, сохранение *-ter* в образованиях жен. р.; замена лок. ед. ч. указательного местоимения через

Varsovie, 1928; C. Engel. Herkunft und Urheimat der baltischen Völker. — „Führer durch die vorgeschichtliche Sammlung des Dommuseums“. Riga, 1933 и др.

⁹³ См. Н. Arntz. Sprachliche Beziehungen zwischen Arisch und Balto-slavisch. Heidelberg, 1933.

⁹⁴ F. Specht. Zur baltisch-slavischen Spracheinheit. — KZ, Bd. 62, 1935, стр. 248—258; ср. еще е р о ж е. Baltische Sprachen. — „Streitberg—Festgabe“. Leipzig, 1924, стр. 622—648.

вин. п. с постпозитивной частицей (лит. *tame*, слав. *tomь* < **tamen*; ср. его же „Litauische Mundarten“, Bd. II. Heidelberg, 1922, стр. 102); четкое разграничение основ на *-л* и на *-men*; общие преобразования основ на *-и* женского рода и т. п.

Разумеется, что в рассматриваемый здесь период появились и некоторые другие работы, основной целью которых было дать ответ на вопрос о характере древнейших балто-славянских связей. Однако общее количество таких выступлений было крайне невелико, особенно если вспомнить дискуссию 1908—1913 гг. и столь богатый работами общего характера период после 1945 г. Главное же, однако, заключалось в том, что даже среди очень немногих трудов общего характера почти не было таких, в которых не наблюдалось бы очевидной диспропорции между выводами и уже имеющимся фактическим материалом. Сейчас может показаться странным, почему двадцатилетие, обогатившее науку огромным количеством открытий в области балтийских и славянских языков, оказалось почти бесплодным в плане теоретического осмысления древнейших связей этих языков. Впрочем, если только не ограничиваться поверхностными наблюдениями, в этом нет ничего удивительного. Дело в том, что факты, обнаруженные в это время, собирались разными способами и с разными целями; при этом почти никто не ставил вопроса о том, какие факты нужны, чтобы решить балто-славянскую проблему. Следовательно, оставалось в тени и то, как нужно ставить вопросы, чтобы получить новые данные, без которых нельзя решить всю проблему в целом. Обилие и разнородность фактов при отсутствии достаточно продуманной программы исследования не могли, конечно, привести к строгой постановке вопроса и тем более к удовлетворительному его решению. Однако именно конкретные факты, собранные в 20—30-е годы, являются наиболее существенной частью наследия, оставленного нам лингвистикой между двумя войнами. Некоторые из них уже совершенно ясны с точки зрения их доказательной силы при решении вопроса о балто-славянских связях, значение других еще остается не выясненным до конца. Поэтому на следующих далее страницах придется (хотя бы суммарно и кратко) изложить и те и другие, помня, что время окончательной оценки их еще не наступило.

После дискуссии по балто-славянской проблеме перед первой мировой войной более всего было сделано в области изучения фонетики балтийских и славянских языков. К сожалению, подавляющее большинство работ ставило своей задачей выяснение тех или иных частных вопросов вне связи с более широким комплексом проблем; сопоставлялись, как правило, изолированные факты, а не совокупность связанных между собой фактов, что существенно ограничило бы появление случайности. Лишь в области изучения акцентно-интонационных отношений, системный характер которых более очевиден и обнаруживается почти автоматически, полученный материал оказывается особенно важным в силу его доказательности.

Несомненно, что самый действенный стимул исследованиям по балто-славянской акцентологии был дан Г. Хиртом⁹⁵; его работы определили и то направление, в котором стали вестись исследования этой проблемы. Более того, в известной степени Хирт заложил основы учения о балто-

⁹⁵ H. Hirt. Der indogermanische Akzent. Marburg, 1895 (ср. также другие работы на эту тему, помещенные им в IF в конце XIX—начале XX в.: „Zur litauisch-slavischen Betonung.“— IF, Bd. 10, 1899, стр. 38—55 и др.). Из работ того времени ср. еще F. N. Finck. Über das Verhältnis des baltisch-slavischen Nominalakzents zum urindogermanischen. Marburg, 1895.

славянском акценте, которые были развиты позднее (в частности, Н. ван Вейком).

Наиболее значительные работы в области балто-славянской акцентологии принадлежат, несомненно, Н. ван Вейку. Среди них особое место занимает книга, посвященная исследованию балтийской и славянской акцентологической и интонационной систем⁹⁶. Общий вывод достаточно неопределенен и в известной степени зависит от точки зрения Мейе, с которой ван Вейк старается примирить исследованные им факты. Согласно мнению ван Вейка, различия в акцентной и интонационной системах балтийских и славянских языков столь велики, что нельзя думать об общем периоде развития большой длительности. По существу, лишь одно явление относится голландским ученым к этому периоду⁹⁷ — метатония в супине, ср. лит. *būti* — *būty* и словен. *biti* — *bit* (впрочем, и здесь ван Вейк готов допустить в славянском независимое передвижение акцента, вызвавшее появление циркумфлекса). Тем не менее, в книге указывается целый ряд фактов (некоторые из них раньше оставались незамеченными или не оцененными по достоинству), когда балтийские и славянские языки обнаруживают удивительные совпадения, позволяющие думать о едином источнике их происхождения: речь идет о Nom. pl. *жены*, *gálvos*, о циркумфлектированной интонации Acc. sg. на *-am* (лит. *rañkq*, с.-хорв. *rūku*), о соотношении лит. *sūko*, *ēme* и с.-хорв. *pīta*, *živje* (Озриничи), отчасти о случаях вроде лит. *dūmai*, с.-хорв. *dīm* и т. д. Однако такие совпадения, как лит. *vařnas*; *vārna* при с.-хорв. *vrān*; *vrāna*, русск. *ворон*; *ворона*, об индоевропейском происхождении которых говорить не приходится, рассматриваются автором как недоказуемые, если в них видеть результат балто-славянской метатонии. Значительное внимание уделено ван Вейком систематизации и изучению фактов, связанных с действием закона де Соссюра. Особенно ценна попытка определить относительную хронологию действия этого закона. Наряду с классическими случаями его проявления, относящимися к древнебалтийскому и праславянскому периодам, ван Вейк особо выделяет те примеры, которые, по его мнению, характеризуют отдельные славянские языки. Ср. штокавский Loc. sg. на *-u*, Loc. sg. на *ō* (соотв. *-āu'*), Gen. pl. на *-ōu*, *-ī* у словинцев (поморских); сербско-хорватский Gen. pl. на *-a*, русские формы Gen. pl. на *-ōv*, Loc. sg. на *-ū*, Gen. pl. на *-ēy*, возвратные глаголы на *-ся*. Вероятно, многое из фактов такого рода опускает и иные объяснения; то же, видимо, можно сказать и о попытке

⁹⁶ N. van Wijk. Die baltischen und slavischen Akzent- und Intonationssysteme. — „Ein Beitrag zur Erforschung der baltisch-slavischen Verwandtschaftsverhältnisse“. Amsterdam, 1923 [из рецензий на эту книгу выделяются: Л. А. Булаховского (ZfslPh, Bd. I, 1924, стр. 216—232), А. Мейе (BSL, t. 14, 1926, стр. 175—215), К. Буги (TŽ, kn. II, 1924, стр. 479—480)]; из многочисленных работ по акцентологии, имеющих более непосредственное отношение к балто-славянской проблематике, стоит указать следующие: N. van Wijk. Zum baltischen und slavischen Akzentverschiebungsgesetz. — IF, Bd. 40, 1922, стр. 1—40 (высказывается сомнение в том, что действие закона де Соссюра следует относить к балто-славянской эпохе); е го же. Z powodu metatonij słowiańskiej i bałtyckiej. — „Prace lingwistyczne ofiarowane Janowi Baudoinowi de Courtenay“. Kraków, 1921; е го же. Zur baltischen Metatonieforschung. — APh, kn. V, 1935, стр. 23—35; е го же. Die slavische Metatonien im Lichte der Phonologie. — IF, Bd. 59, 1942, стр. 51—66; е го же. Zur Betonung der Verba mit stambbildenden i. — AfsIph, Bd. 37, 1920, стр. 1—46, и другие работы, касающиеся вопросов возникновения вторичных интонаций или интонационных особенностей тех или иных грамматических категорий в отдельных славянских и балтийских языках.

⁹⁷ Характерна оговорка ван Вейка: „Sogar Meillet hat das (короткий балто-славянский период. — В. Т.) zugestanden“.

увидеть вслед за Педерсеном различие в проявлении закона де Сосюра между балтийскими и славянскими языками в том, что последние допускали перенос ударения через слог (русск. *лепетать* из **lèpetati*)⁹⁸. Однако в общем без предварительного исследования ван Вейка, наиболее полно и последовательно описавшего балтийскую и славянскую систему интонационных и акцентных отношений в духе соответствующих работ по индоевропестике, были бы невозможны позднейшие исследования Куриловича и Станга, знаменующие следующий этап в изучении этой области.

На материале балтийской и славянской акцентологии делали те или иные выводы о древнейших балто-славянских языковых связях и другие ученые. Еще в 1920 г. Н. С. Трубецким была написана большая статья о первоначальной системе праславянских интонаций⁹⁹. В ней предпринята попытка проследить эволюцию интонационных отношений от индоевропейской эпохи до отдельных славянских и балтийских языков. По мнению Трубецкого, важнейшее новообразование балто-славянского периода сводилось к прибавлению к старым индоевропейским интонациям музыкального по своему характеру нисходящего отрезка, который продлил нисходящее движение старого циркумфлекса и преобразовал гомогенную мелодию старого акута и интонации кратких слогов в гетерогенную мелодию:

И.-е. Балто-слав.

Циркумфлекс	∧	∨
Акут	/	∧
Интон. кратк. слогов	/	∧

В дальнейшем литовский и латышский языки превратили первую часть этих трех интонаций в нейтральную, тогда как славянские языки сохранили более древнее состояние балто-славянского типа. Хотя общая картина, нарисованная Трубецким, несколько спекулятивна и не учитывает некоторых существенных частных особенностей, ей нельзя отказать в оригинальности и изящной простоте (полезно напомнить, что статья появилась до известной работы ван Вейка). Из общей балто-славянской акцентологической системы исходили и некоторые другие лингвисты, в частности Х. Педерсен¹⁰⁰, Д. В. Бубрих¹⁰¹, К. Оштир¹⁰² и Т. Торбиёрнссон¹⁰³. Даже Л. Ельмслев, посвятивший большую работу балтий-

⁹⁸ С. М. Кульбакин. Заметки о славянском количестве и ударении. — ИОРЯС, т. XI, кн. 4, 1906, стр. 262.

⁹⁹ N. S. Troubetzkoj. De la valeur primitive des intonations du slave commun. — RESI, t. 1, 1920; ср. его же. Zum urslavischen Intonationssystem. — „Streitberg-Festgabe“, 1924, стр. 359—366.

¹⁰⁰ H. Pedersen. Neues und Nachträgliches. — KZ, Bd. 40, 1907, стр. 129—217 (особенно стр. 213—217) и др.

¹⁰¹ Д. В. Бубрих. Северно-кашубская система ударения. — ИОРЯС, т. XXVII, 1924, стр. 1—194; его же. Du système d'accentuation en slave commun. — RESI, t. 6, 1926, стр. 175—215; его же. Czy istniały wspólne słowiańsko-bałtyckie zmiany w dziedzinie akcentuacji? — „Symbolae Rozwadowski“, vol. II, стр. 3—10.

¹⁰² К. Оштир. Baltoslovanska metonija. — „Razprave Znanstvenega Društva“, II, 1925, стр. 55—119 (к балто-славянскому периоду, помимо указанной метатонии, Оштиром относятся также явления, предусматриваемые законом Педерсена).

¹⁰³ См. Т. Torbjörnsson. Baltysko-słowiańskie zagadnienia akcentowe. — „Symbolae Rozwad“, vol. II, стр. 35—44; его же. Die Akzentuierung der Ordinalzahlen im Slavo-baltischen. — „Språkvetenskapliga sällskapets i Uppsala förhandlingar“, 1934—1936, стр. 31—38, и др. более частные работы.

скому ударению и оставивший в стороне вопрос о балто-славянских новообразованиях, практически прибегает к общей балто-славянской схеме¹⁰⁴. В эти годы лишь в очень редких случаях лингвисты пытаются ставить общие проблемы балтийской или славянской акцентологии без обращения к балто-славянской схеме (ср. книгу Майера)¹⁰⁵.

Много занимался вопросами балтийской и славянской акцентологии Р. Экблом, хотя чаще всего он интересовался ими с несколько иными целями, чем те, которые важны для решения балто-славянской проблемы. Все же следует подчеркнуть, что в своей основной работе¹⁰⁶, чрезвычайно ценной в плане уяснения механизма балтийских и славянских интонаций долгих слогов, Экблomu удалось достаточно убедительно свести балтийскую и славянскую интонационные системы к одной общей и проследить пути их дальнейшей эволюции. Менее существенна другая крупная работа Экблома по акцентологии, в которой — в параллель распределению восходящей и нисходящей интонаций в шведском языке в зависимости от древних количественных отношений следующей гласной — устанавливается особый балто-славянский закон, заключающийся в том, что восходящая интонация в балто-славянском удерживалась или сокращалась в зависимости от большей или меньшей „весомости“ заударной части слова (ср. лит. *prië*, но *priëkelis*)¹⁰⁷.

Наряду с перечисленными работами по балтийской и славянской акцентологии, в 20—30-е годы появилось большое количество ценных исследований в этой области, которые, однако, не ставили своей задачей исследование вопроса о древнейших балто-славянских связях. Балтийская акцентология получила наиболее полное отражение в трудах Эндзелина, Абеле, Плакиса, Буги, Скарджюса, Бонфанте, Экблома, Торбиёрссона, Шпехта, Зиттига, ван Вейка и др. Специально славянская акцентологическая проблематика была представлена, прежде всего, работами Лера-Сплавинского, а также Белича, Кульбакина, Булаховского, Вондрака, Рамовша, Нахтигала, Бубриха и ряда других ученых.

Но, конечно, самым существенным вкладом в балто-славянскую акцентологию были труды Куриловича¹⁰⁸, о которых в данной связи можно сказать лишь вкратце, учитывая то, что общая концепция была изложена в книге, появившейся уже после второй мировой войны. Суть концепции Куриловича, как она отражена в перечисленных работах, заключается в следующем: балто-славянская интонационная система не зависима от индоевропейской и поэтому должна рассматриваться как новообразование; источником этого новообразования послужила морфологическая рецессия акцента¹⁰⁹ в сильных формах окситонной

¹⁰⁴ L. Hjelmslev. *Études baltiques*. Copenhagen, 1932.

¹⁰⁵ K. H. Meyer. *Slavische und indogermanische Intonation*. Heidelberg, 1920 (ср. суровую критику ван Вейка. — „Slavia“, роč. 1, 1922, стр. 605—611).

¹⁰⁶ R. Ekblom. *Zur Physiologie der Akzentuation langer Silben im Slavo-baltischen*. Uppsala, 1922.

¹⁰⁷ R. Ekblom. *Zur Entstehung und Entwicklung der Slavo-baltischen und der nordischen Akzentarten*. Uppsala—Leipzig, 1930.

¹⁰⁸ J. Kuryłowicz. *Les problèmes des intonations balto-slaves*. — RSI, roc. X, 1931, стр. 1—80; его же. *L'indépendance historique des intonations baltiques et grecques*. — BSL, t. XXXV, 1934, стр. 24—34; его же. *Intonation et morphologie en slave*. — RS, t. XIV, 1938, стр. 1—66; его же. *Intonation et morphologie en lituanien*. — St. balt., vol. 7, 1939, стр. 37—87, и др.

¹⁰⁹ Рецессию акцента Курилович называет „несомненно самой важной морфологической чертой, из когда-либо указанных до сих пор, которая проливает свет на самое близкое родство этих двух лингвистических групп“ (см. RS, t. X, 1931, стр. 80).

парадигмы; местом возникновения фонологического противопоставления интонаций в балтийском и славянском был начальный слог, тогда как конечный слог представлял собой место нейтрализации интонационных различий; общность происхождения и начального развития интонации в балтийском и славянском обусловила многочисленные поразительные совпадения в морфологическом использовании интонации в этих языках. Понятно, что, признавая сходство в принципе морфологического использования интонации в балтийских и славянских языках, приходится заключить, что и морфологическая структура этих языков до возникновения интонаций была тождественна. По мнению Куриловича, различия между балтийскими и славянскими языками в области морфологического использования интонации начинаются сравнительно поздно (закон де Соссюра в балтийском, возникновение нового акута в славянском).

Все это дает Куриловичу основание говорить об особой балто-славянской эпохе. Детальный анализ балто-славянской акцентологической и интонационной систем в сочетании с новой методологией исследования, близкой к тому, что принято называть структурным подходом, — делает эти исследования Куриловича наиболее ценным вкладом в решение балто-славянской проблемы в промежутке между двумя войнами.

Из акцентологических работ, имеющих отношение к нашей теме, заслуживает особого внимания небольшая статья А. Вайяна¹¹⁰. В ней высказывается мнение, согласно которому славянский и балтийский акут возник из общей балто-славянской интонации, возникшей только на тех долгих гласных, которые получились в результате выпадения ларингальных (ср. хетт. *arh-*, лит. *árti*, чешск. *rádlo*; хетт. *tarh-*, лит. *firti*, с.-хорв. *třti*, русск. *тепѣть* и т. п.). Любопытно, что опровержение Лера-Сплавинского, совершенно конкретное с точки зрения системы доказательств классической акцентологии, оказывается малосущественным с точки зрения, отстаиваемой Вайяном. Поэтому вопрос о том, кто был прав в этой полемике, требует для своего решения ответа на гораздо более фундаментальные вопросы. В известной степени то же можно сказать почти обо всех работах по балто-славянской акцентологии: ценность лучших из них заключается в том, что они выявляли некие системы, удовлетворяющие данной совокупности фактов; интерпретация же этих систем в плане выявления характера древнейших языковых балто-славянских отношений оказывалась, по существу, невозможной без решения гораздо более общих проблем, относящихся скорее к теории доказательства, чем к конкретным лингвистическим областям.

В области фонетики изучение общих балтийским и славянским языкам явлений ограничивалось частными вопросами и, строго говоря, не имело существенного значения для решений балто-славянской проблемы. Можно упомянуть о двух традиционных вопросах из области балто-славянского вокализма, которые пользовались наибольшим вниманием, начиная с конца XIX в. и особенно в начале XX в. Речь идет о длительной дискуссии вокруг происхождения балт. *iau* и слав. *ju* (Э. Бернекер¹¹¹,

¹¹⁰ A. Vaillant. Le problème des intonations balto-slaves. — BSL, t. XXXVII, 1936, стр. 109—115. Ср. также критику со стороны Т. Лера-Сплавинского (RS, t. XIII, 1937). Точка зрения Вайяна нашла дальнейшее отражение в недавних работах его самого и некоторых других авторов.

¹¹¹ E. Berneker. Von der Vertretung des idg *ǵu* im baltisch-slavisches Sprachzweig. — IF, Bd. 10, 1899, стр. 145—167.

И. Миккола¹¹², И. Эндзелин¹¹³, А. Мейе¹¹⁴), о судьбах индоевропейских слоговых сонантов в балтийских и славянских языках (И. Эндзелин¹¹⁵, Р. Траутман¹¹⁶ и др.). Несколько в ином направлении вел исследование И. Зубатый¹¹⁷. Из более поздних работ, касающихся балто-славянского вокализма, следует отметить этюд Я. Отрембского¹¹⁸, в котором ставится вопрос о балто-славянском чередовании *in:i*, *un:ū* и о специфическом распределении обоих вариантов (при этом восточно-литовские рефлексy, ср. тверечск. *i*, *u*, оказались в одной группе со славянскими), и особенно статью Н. ван Вейка о фонологической параллели между балтийской, славянской и германской системами вокализма¹¹⁹; в ней рассматривается ряд следствий, вызванных фонологически параллельным развитием *ě*, *ǣ*, *ǫ* в названных языках („передвижение“ *e*, совпадение *a* и *o*, соответственное развитие балт. *ie*, *uo* и близких звуков в русских диалектах, а также продолжателей старых *ě*₂ и *ō* в нижне- и верхненемецких диалектах¹²⁰ и др.). Специального упоминания заслуживает мнение М. Муха о том, что и.-е. *o* дало *a* не только в балтийском, но и в славянском, откуда впоследствии возникло слав. *o*¹²¹. Подобное решение позволило отвести еще один пункт, в котором, как было принято считать, славянские и балтийские языки обнаружили различие. К сожалению, точка зрения Муха долгое время оставалась малопопулярной и была подтверждена лишь значительно позднее при фонологическом подходе к этой проблеме.

Балто-славянский консонантизм нашел исследователей в лице Лидена, Агрелля, Шефтеловица, Леви, Зубатого и ряда других ученых. К числу наиболее значительных работ в этой области можно отнести исследование Э. Лидена¹²², приведшее к установлению так называемого „закона Лидена“, согласно которому и.-е. *ur-* и в балтийском и в славянском давало *r-* (соответственно и.-е. *ul-* балт.-слав. *l-*): лит. *ritu*, *risti* при др.-англ. *wriþan*; слав. *rana* при др.-инд. *vrana* и т. п.¹²³. Серьезное исследование Агрелля было посвящено доказательству одинаковости развития и.-е. *k'*, *g'*, *k'h*, *g'h* в балтийских и славянских языках¹²⁴; речь шла о диспалатализации этих звуков перед твердыми *r*

¹¹² J. Mikkola. Woher lit. *iau* und slav. *ju?* — IF, Bd. 16, 1904, стр. 95—100.

¹¹³ И. М. Эндзелин. Славяно-балтийские этюды (фонетика, VI).

¹¹⁴ A. Meillet. Sur le traitement de **-eu* en letto-lituanien. — BSL, t. 25, 1924, стр. 174—175.

¹¹⁵ И. М. Эндзелин. Славяно-балтийские этюды (фонетика, I).

¹¹⁶ R. Trautmann. Vienaš baltų slavėnų gramatikos bruožas. — „Švietimo darbas“, 1922, № 3—6, стр. 271—272 (см. выше).

¹¹⁷ J. Zubatý. Lit. *ě*=slav. *i*. — IF, Bd. 4, 1894, стр. 470—472.

¹¹⁸ См. J. Otrębski. Przyczynki słowiańsko-litewskie, cz. I. Wilna, 1930. В несколько ином виде эта тема рассматривалась Микколой — см. J. Mikkola. Lit. *gýsla* „Ader“ und die Behandlung der Verbindungen *in*, *un*, *im*, *um* im Slavischen. — BB, Bd. 22, 1896, стр. 245—255.

¹¹⁹ N. van Wijk. Een phonologiese parallel tussen Germaans, Slavies en Balties. — „Mededeelingen der Koninklijke Akademie van Wetenschappen“, Afdeeling Letterkunde, Deel 77, ser. A, № 2, Amsterdam, 1934, стр. 1—35.

¹²⁰ Об этом см. также N. van Wijk. Les voyelles *uo*, *ie* en lettolituanien et en russe. — St. balt., vol. 4, 1934, стр. 144—149.

¹²¹ M. Much. Abhandlungen zur germanischen Philologie. — „Festgabe für R. Heintel“. Halle, 1898, стр. 213 и след. — Ср. дискуссию по этому вопросу, в которой приняли участие Мейе, Эндзелин, Кретчмер, Фасмер, Шарпантье и др.

¹²² E. Lideń. Ein baltisch-slavisches Anlautgesetz. — „Göteborgs Högskolas Årsskrift“, Bd. V, № 4, 1899, стр. 3—31. — К аналогичным выводам был близок И. А. Бодуэн де Куртене.

¹²³ В последнее время раздаются скептические голоса по поводу „закона Лидена“.

¹²⁴ S. Agrell. Baltoslavische Lautstudien. Lund, 1919. Ему же принадлежит ряд менее существенных в данной связи работ по славянской фонетике.

и *г* (ср. слав. *svekry* при др.-инд. *śvaśru*, лит. *smakra* при др.-инд. *śmaśru* и т. д.); наряду с этим Агрелль указывает и ряд случаев, когда балтийские и славянские факты обнаруживают различия (ср. диспалатализацию перед *ǣ* из **ǣ* или **э* в славянском при отсутствии ее в балтийском: слав. *skakati* — лит. *šokti*; слав. *gospь* — лит. *žqsis*; слав. *kotora* — др.-инд. *śatru*- и др.). В известной степени близкие вопросы балто-славянского консонантизма привлекали внимание И. Шефтеловица¹²⁵: в его статьях собран весьма обильный материал, не утративший своего значения и сейчас; к сожалению, балтийские и славянские факты анализируются, как правило, изолированно, без постановки более общих вопросов о происхождении исследуемых форм. Важно отметить, что вторая из названных работ Шефтеловица имеет прямое отношение и к вопросам древнейшего балтийского и славянского словообразования (прежде всего — глагольного). Более частный характер носят замечания Э. Леви о некоторых балто-славянских примерах сохранения „подвижного“ *s*- (слав. *stoborь*, лит. *stuobrys* и др.)¹²⁶; отдельные наблюдения Х. Педерсена, К. Уленбека, Э. Германа, Г. Ильинского о некоторых деталях славянского или балтийского консонантизма; исследование И. Зубатого о балто-славянских корнях с начальным *st*-двойного происхождения; статья Э. Френкеля о неорганических фонетических изменениях функционально ослабленных элементов¹²⁷ и ряд других работ. Морфологическое использование чередования гласных в литовском и славянском было предметом исследования Горака¹²⁸.

В области изучения морфологии балтийских и славянских языков первые десятилетия XX в. принесли значительное количество специальных исследований, которые позволили уточнить существенные детали исторического развития или, по крайней мере, привлечь новые факты. Несомненно, что подобные работы косвенным образом подготавливали почву для решения общей проблемы древнейших балто-славянских связей. Однако в рассматриваемый здесь период значение этих новооткрываемых фактов было принижено отсутствием новых подходов к балто-славянской проблеме. Можно с некоторым основанием сказать, что новые данные продолжали накапливаться в направлении, предопределенном старыми теориями, методологическая ценность которых в это время была уже крайне невелика. Поэтому здесь достаточно упомянуть лишь о некоторых работах, более непосредственно отражающих балто-славянскую тематику.

¹²⁵ J. Scheftelowitz. Idg. *zgh* in den Einzelsprachen. — KZ, Bd. 54, 1926, стр. 224—253; его же. Die verbalen und nominalen *sk'*- und *sk*-. Stämme im Baltisch-Slavischen und Albanischen. — KZ, Bd. 56, 1929, стр. 161—210 (последняя тема оставалась популярной и впоследствии, особенно на рубеже 30—40-х годов; ср. J. Endzelin. Über den slavisch-baltischen Reflex von idg. *sk*-. — ZfslPh, Bd. XIV, 1938, стр. 212—213, а также работы М. Леймана, Х. Педерсена, Э. Френкеля; см. о них В. Н. Топоров. Новейшие работы в области изучения балто-славянских языковых отношений. — ВСЯ, вып. 3, 1958, стр. 147—148).

¹²⁶ E. Lewy. Einige Bemerkungen zum beweglichen *s*-. — KZ, Bd. 40, стр. 419—423 (тема *s*- „подвижного“ отражена и в других трудах того времени, см. работы Миллера, Зибса, Схрейнена, Дупитды, Шредера, Перссона, Колине и др.). — Ср. также R. Trautmann. Über die Behandlung der Anlautgruppe *spr*- im Urslavischen. — KZ, Bd. 50, 1922, стр. 66—68 (ср. слав. *pręqь* — лит. *springti*, русск. *прыть* — лтш. *sprukti* и др.).

¹²⁷ E. Fraenkel. Zur Verstümmelung bzw. Unterdrückung funktionsschwacher oder funktionsarmer Elemente in den baltoslavischen Sprachen. — IF, Bd. 41, 1923, стр. 393—421.

¹²⁸ J. Horák. Ke' stupňování ve slovanštině a litevštině. — LF, roč. 29, 1902, стр. 130—138, 230—242; roč. 30, 1903, стр. 346—357, 423—438.

Прежде всего следует отметить серию работ, посвященных судьбе индоевропейского склонения основ на, *-iā*, *-iō* в балтийских и славянских языках. Обращение к этой теме, независимо от его результатов, существенно для решения балто-славянской проблемы, поскольку судьба этих основ в балтийских и славянских языках, по крайней мере в отнесенительно позднее время, несколько различна. На славянском материале эту тему впервые поставил И. Зубатый¹²⁹. Однако более широкие масштабы дискуссия по этому вопросу приобрела после появления известной книги Ф. Зоммера¹³⁰, ряд аргументов которой был подвергнут критике со стороны Х. Педерсена. В свою очередь точка зрения Педерсена, согласно которой балт. $(i) j\bar{a} > \bar{e}$ (по крайней мере, в части случаев), была оспорена Эндзелином¹³¹, коснувшимся, правда, лишь фонетической стороны проблемы. Возможно, что наиболее трезвое мнение было выдвинуто Н. ван Вейком, взявшим, однако, лишь одну группу случаев (лит. *žemė*, слав. *zemlja*): в них ван Вейк видит старые основы на согласных (сюда же слав. *gora* — лит. *girė*; *saule*, *musė*, *jušė* и др.), оформленные на почве балтийских языков в основы на *-ē*, а на славянской почве — в основы на *-ia*¹³². Позднее к анализу флексий основ на *-ē* вернулся Ф. Шпехт¹³³, приложивший много усилий к исследованию балтийского и индоевропейского склонения на уровне флексий и основ. Специально балто-славянским основам на *-n-* посвящена работа того же ученого¹³⁴, ряд важных вопросов образования именных основ в балтийском и отчасти славянском затронут Шпехтом в многочисленных статьях 30-х годов (прежде всего в KZ)¹³⁵. Из других работ, связанных с изучением имени и его флексий, можно отметить очень немногие: старую статью Зубатого о генетивных флексиях в латышском, славянском и древнеиндийском, опубликованную еще в 1917 г.; заметку Шельда¹³⁶ о склонении сложных прилагательных в литовском языке, представляющую известный интерес с точки зрения установления относительной хронологии; основательное исследование Ниеминена об окончании *-āi* в им.-вин. мн. ч. среднего рода в балтийском¹³⁷ (здесь же и славянские факты). Это исследование, однако, в ряде случаев скорее связано с фонетическими вопросами; отдельные статьи Френкеля¹³⁸ и некоторых других авторов¹³⁹.

¹²⁹ J. Zubatý. Zur Deklination der sog. *-iā-* und *-iō-*Stämme im Slavischen. — AfsI Ph, Bd. 15, 1893, стр. 493—518.

¹³⁰ F. Sommer. Der idg. *iā-* und *iō-*Stämme im Baltischen. Leipzig, 1914.

¹³¹ J. Endzelin. Balt. $(i) j\bar{a} > \bar{e}$? — AfsI Ph, Bd. 38, 1923, стр. 281—282.

¹³² N. van Wijk. Lit. *žemė*, aksl. *zemlja* und das Problem der baltischen *ē*-Deklination. — AfsI Ph, Bd. 42, 1929, стр. 286—289.

¹³³ F. Specht. Lituanica. II. Die Flexion der idg. *ē*-Stämme und des Dativs Singularis. — KZ, Bd. 63, 1936, стр. 68 и след.

¹³⁴ См. F. Specht. Die Flexion der *n*-Stämme im Baltisch-Slavischen und Verwandtes. — KZ, Bd. 59, 1932, стр. 213—298.

¹³⁵ В первую очередь это относится к уже упоминавшейся статье Шпехта о балто-славянском языковом единстве.

¹³⁶ H. Sköld. Linguistic gleanings. — „Lunds Universitet Årsskrift“, NF, Avd. 1, Bd. 19, № 5, 1925 (I. Slavo-Baltica, стр. 3 и след.).

¹³⁷ E. Nieminen. Der urindogermanische Ausgang *-āi* des Nominativ-Akkusativ Pluralis des Neutrum im Baltischen. Helsinki, 1922.

¹³⁸ Ср., например, E. Fraenkel. Notes baltiques et slaves. — BSL, t. XXIX, 1914, стр. 1—19 (I. L'adjectif en concurrence avec l'adverbe en baltique et en slave. 2. A propos de l'emploi des collectifs en baltique et en slave) и др. Впрочем, следует сказать, что довольно многочисленные работы Френкеля с названиями типа „Zur balto-slavischen Grammatik“ почти не касаются морфологии; кроме того, рассматриваемые в них факты обычно объясняются не балто-славянским наследием, а параллельным развитием.

¹³⁹ Ср. важное наблюдение А. Вайяна, согласно которому флексия род. мн. ч. в славянском восходит к **-ōl* в противоположность соответствующей балтийской форме.

Исследователей балто-славянского глагола более всего привлекал комплекс проблем, связанных с образованием претеритальных основ. Эта тема, отмеченная в предыдущий период работами Видемана, Баудиша, Вондрака, Ильинского и других ученых, в 20—30-е годы стала объектом пристального внимания ряда виднейших специалистов. Помимо Эндзелина, написавшего специальную статью о балто-славянском глаголе, следует назвать имена ван Вейка, неоднократно обращавшегося к вопросу о происхождении названных основ и видевшего в их последующем использовании одно из важных балто-славянских новообразований¹⁴⁰; Остен-Закена¹⁴¹, Зандбаха¹⁴², Шпехта¹⁴³, Куриловича¹⁴⁴, Отрембского¹⁴⁵, Вайяна¹⁴⁶ и др. Основы и флексии настоящего времени стали предметом исследования в целом ряде работ¹⁴⁷, о которых в данном случае можно не говорить подробнее. Особого упоминания заслуживает, пожалуй, лишь интересная статья Коржинека, в которой доказывается, что в лит. *duomi*, слав. *damь* не кроется старая редуцированная форма (мысль, не раз повторенная другими учеными в последние полтора десятилетия)¹⁴⁸; значение этого факта тем важнее, что другие индоевропейские языки представляют в данном случае удвоенную основу (ср. др.-инд. *dadāmi*, греч. *δίδωμι*). Ряд сведений, небезразличных для решения балто-славянской проблемы, содержится в славистических исследованиях, посвященных возникновению вида (работы ван Вейка, Куриловича, Кошмидера, Гавранека, Сафаревича и др.); ср. анализ приставки слав. *po-*/лит. *pa-*, на основании которого Кошмидер признает балто-славянский период¹⁴⁹.

¹⁴⁰ N. van Wijk. Zu den slavischen und baltischen Präteritalstämmen auf *-ā-*, *-ē-*. — TZ, kn. IV, 1926, стр. 67—84; его же. Le problème des *prétérito-présents* slaves et baltiques. — St. balt., vol. 3, 1933, стр. 134—139; его же. Das litauische langvokalische Präteritum. — IF., Bd. 34, 1915, стр. 367—383 и др.

¹⁴¹ W. Osten-Sacken. Das litauische langvokalische Präteritum in seinem Verhältnis zum Invenitum und Praesens. — IF, Bd. 40, 1922, стр. 145—149.

¹⁴² E. Sandbach. Die indogermanischen zweisilbigen schweren Basen und das baltische (litauische) Präteritum. Heidelberg, 1930 (см. также рецензию Коржинека. — „Slavia“, роç. 10, 1931, стр. 385—387).

¹⁴³ F. Specht. Zur Geschichte der Verbalklasse auf *-ē*. Ein Deutungsversuch der Verwandtschaftsverhältnisse des Indogermanischen. — KZ, Bd. 62, 1934, стр. 29—115.

¹⁴⁴ J. Kuryłowicz. La structure de l'imparfait slave. — „Mélanges linguistiques offerts à H. Pedersen“, 1937 (см. новый вариант статьи в 1 томе „International Journal of Slavic Linguistics and Poetics“).

¹⁴⁵ J. Otrębski. Über die Herkunft des slavischen Imperfekts. — ZfslPh, Bd. XV, 1938, стр. 302—311.

¹⁴⁶ A. Vaillant. L'imparfait slave et les *prétérits* en *-ē-* et en *-ā-*. — BSL, t. XL, 1939, стр. 5—30.

¹⁴⁷ См. J. Horák. Die Formen des Praesensstammes der Verba der III. Klasse, 2. Gruppe: *trpěti*. — AfslPh, Bd. 14, 1891, стр. 152—155; N. van Wijk. Zur slavischen und baltischen Präsensflexion. — AfslPh, Bd. 36, 1916, стр. 111—116; его же. Der Ursprung der litau-lettischen Praesensklasse mit Formans *-sta-*. — APh, kn. IV, 1935, стр. 57—63; J. Scheftelowitz. Die verbalen und nominalen *-sk-* und *-st-* Stämme im Baltisch-Slavischen und Albanischen. — KZ, Bd. 56, 1929, стр. 161—210; J. Otrębski. Z badań nad infiksem nosowym w językach indoeuropejskich. Kraków, 1929; его же. Przyczynki słowiańsko-litewskie. I (о глаголе *bęgo*, рассматриваемом как результат контаминации двух первоначально различных типов; совпадение славянских и восточно-литовских форм); E. Fraenkel. Zur slavischen und baltischen Grammatik. — „Slavia“, роç. 14, 1936, стр. 496—509 (2. Infigierung im Baltischen und Slavischen) и др.

¹⁴⁸ См. J. M. Koříněk. Praesentní tvary kořene *dō-*, *dāvati* v jazycích slovanských a baltských. — LF, роç. 65, 1938, стр. 445—454.

¹⁴⁹ E. Koschmieder. Studien zum slavischen Verbalaspekt. — KZ, Bd. 55, 1928, стр. 280—304; Bd. 56, 1929, стр. 78—105.

Общее балто-славянское преобразование и.-е. **nān* (ср. греч. *νόνα*) видит Траутманн в лит. *nānai* и слав. *нупѣ*¹⁵⁰; естественно, что славянские наречия на *-ѣ* он сопоставляет с литовскими наречиями на *-ai*, но объясняет иначе, чем другие ученые (ср. Зольмсен. — KZ, Bd. 44, стр. 161 и след.).

В области синтаксиса общие балто-славянские явления, как и достаточно древние расхождения между двумя языковыми группами, не вызвали особого интереса лингвистов. Поэтому почти все написанное на эту тему носит довольно случайный характер. Чаще всего речь идет об изолированном анализе некоторых относительно второстепенных синтаксических явлений или о способах выражения некоторых ситуаций в балтийских и славянских языках без попытки установления генетических связей сопоставляемых фактов. Такого рода подход особенно характерен для Френкеля, много сделавшего для изучения балтийского (и отчасти славянского) синтаксиса¹⁵¹. Его статьи по синтаксису посвящены частным проблемам (средства усиления¹⁵², синтаксис частиц, некоторые особенности предложного управления, синтаксические контаминации, случаи эллипсиса, синтаксис отрицания, отношение гипотактических конструкций к паратактическим, синтаксические кальки и т. п.)¹⁵³ и за редким исключением (ср. образцовую статью о творительном предикативном в балтийском и славянском с учетом широкого индоевропейского фона)¹⁵⁴ не имеют прямого отношения к вопросу о древнейших языковых отношениях балтов и славян. Столь же ограничены выводы, которые можно сделать из работ Гаверса о *dativus sympatheticus*¹⁵⁵, Келлера об асидетонии в балтийских и славянских языках¹⁵⁶, Мейер-Любке об интенсивном употреблении инфинитива (лит. *degte dega*, русск. *стоймя стоять, продавать не продаю* и т. п.)¹⁵⁷, Зиттига об эллиптических

¹⁵⁰ R. Trautmann. Die litauischen Adverbia auf *-ai* und die slavischen Adverbia auf *-ě*. — KZ, Bd. 49, 1920, стр. 251—252.

¹⁵¹ E. Fraenkel. Syntax der litauischen Kasus. Kaunas, 1928; его же. Syntax der litauischen Postpositionen und Präpositionen. Heidelberg, 1929 и др.

¹⁵² См. в несколько ином плане: E. Hofmann. Ausdrucksverstärkung. Untersuchungen zur etymologischen Verstärkung und zum Gebrauch der Steigerungsadverbia im Balto-Slavischen und in anderen Sprachen. Göttingen, 1930 (KZ, Ergänzungsheft, № 9).

¹⁵³ См. E. Fraenkel. Baltoslavica. Beiträge zur balto-slavischen Grammatik und Syntax. Göttingen, 1921; его же. Weiteres zu Numerus und Person im balto-slavischen (Lituanica 2). — KZ, Bd. 50, 1922, стр. 201—206; его же. Griechisches, Lateinisches und Baltisch-Slavisches. — IF, Bd. 40, 1922, стр. 81—100; его же. Zur balto-slavischen Grammatik. I. — KZ, Bd. 51, 1923, стр. 243—258; его же. Zur griechischen, balto-slavischen und albanischen Grammatik und Wortkunde. — „Streitberg-Festgabe“, 1924, стр. 86—92; его же. Zur balto-slavischen Grammatik. II. — KZ, Bd. 53, 1925, стр. 36—65; его же. Zur balto-slavischen Sprachgeschichte und Grammatik. — AfslPh, Bd. 39, 1925, стр. 68—92; его же. Zur Parataxe und Hypotaxe im Griechischen, Balto-slavischen und Albanesischen. — IF, Bd. 43, 1926, стр. 290—315; его же. Zur slavischen und baltischen Grammatik. — „Slavia“, roč. 14, 1936, стр. 496—509 и многие другие.

¹⁵⁴ E. Fraenkel. Der prädikative Instrumental im Slavischen und Baltischen und seine syntaktischen Grundlagen. — AfslPh, Bd. 40, 1926, стр. 77—117; ср. также A. Meillet. L'emploi de l'instrumental au prédicat. — BSL, t. 76. — В применении к родительному падежу, но в более суженном виде тот же вопрос был поставлен А. И. Томсоном — ср. A. Thomson. Beiträge zur Kasuslehre. III. Zur Genetivreaktion des Verbums im Balto-slavischen. — IF, Bd. 29, 1911—1912, стр. 249—259 и далее; ср. еще A. Meillet. À propos d'un emploi du génitif dans l'expression „de nuit“. — MSL, t. 18, 1913, стр. 238—241.

¹⁵⁵ W. Havers. Untersuchungen zur Kasussyntax der indogermanischen Sprachen. Strassburg, 1911.

¹⁵⁶ G. S. Keller. Das Asyndeton in den balto-slavischen Sprachen. Heidelberg, 1922.

¹⁵⁷ W. Meyer-Lübke. Der intensive Infinitiv im Litauischen und Russischen. — IF, Bd. 14, 1903, стр. 114—127.

типах¹⁵⁸, некоторых исследований Э. Германа¹⁵⁹ и др. Любопытная синтаксическая параллель, приведенная ван Вейком (слав. *jb-že*, готск. *saei*; и то, и другое из местоимения с указательно-анафорическим значением), не осталась без внимания исследователей и была в известной степени преодолена за счет балтийских фактов (Френкель, Рысевич, Виссеман, Гонда и др.)¹⁶⁰.

Балто-славянское словообразование также не пользовалось особым вниманием ученых, хотя то немногое, что было написано на эту тему, имело, конечно, гораздо более прямое отношение к вопросу о древних схождениях балтийских и славянских языков, чем перечисленные работы по синтаксису.

Остен-Закену принадлежит подробно разобранное и хорошо аргументированное сопоставление балтийского суффикса *-iba* со славянским *-ьба*, а отчасти и балт. *-astis* со слав. *-ostь*¹⁶¹. Геруллис обратил внимание на важное суффиксальное соответствие славянскому *-ik-* в литовских говорах (*-yk-*, ср. *brolykas*), которое позволяет восстановить балто-славянский суффикс *-ik*¹⁶²; если учесть, что во всех славянских языках *-ik-* принадлежит к числу весьма распространенных словообразовательных элементов, то станет понятным значение обнаруженного литовским ученым соответствия. Выше говорилось о предложенном Г. Ильинским сопоставлении лит. *-esn-* со слав. *-ěsn-* в прилагательных. Специальное исследование Э. Рысевича было посвящено балтийским и славянским прилагательным с суффиксом *-ko-*¹⁶³. Большая часть работ была, однако, посвящена частным вопросам словообразования отдельных языков (среди них есть несколько весьма полезных¹⁶⁴) или же, напротив, касалась фактов, относящихся скорее к индоевропейской эпохе (ср. работы Бенвениста, Шпехта, Отрембского, Френкеля¹⁶⁵ и др., а из более

¹⁵⁸ E. Sittig. Eine elliptische Konstruktion in den idg. Sprachen. — KZ, Bd. 50, 1922, стр. 56—65 (ср. отчасти W. Krause. — KZ, Bd. 50, 1922, стр. 74—129 и E. Hermann. — KZ, Bd. 50, 1922, стр. 130—138).

¹⁵⁹ E. Hermann. Über die Entwicklung der litauischen Konjunktionalsätze. Jena, 1912; егo же. Litauische Studien. Berlin, 1926.

¹⁶⁰ N. van Wijk. Eine slavisch-germanische syntaktische Parallele. — „Germanoslavica“, 3, 1935.

¹⁶¹ См. W. F. Osten-Saken. Zur Entwicklungsgeschichte der Nomina auf slavisch *-ьба*, litauische *-ybas*, *-yba*, *-ybe*, lettisch *-iba*. — IF, Bd. 26, 1909, стр. 307—324 (ср. еще W. Prellwitz. — BB, Bd. 22, 1896, стр. 76—114); см. егo же. Die Ausbreitungstendenzen der Abstrakta auf lit. *-estis*, *-astis*, lett. *-ests*, *-asts*, *-estiba*, *-astiba*. — IF, Bd. 28, 1911, стр. 407—440.

¹⁶² G. Gerullis. Balt.-slav. Suffix. *-ik-*. — KZ, Bd. 50, 1922, стр. 248.

¹⁶³ Z. Rysiewicz. Z morfologii przymiotników w bałtyckim i słowiańskim. Formacje z sufiksem *-ko-*. — BPTJ, zesz. VI, 1937, стр. 28—38. С этим вопросом отчасти связаны и такие работы, как: F. Ewald. Die Entwicklung des *k-*Suffixes in den indogermanischen Sprachen. Heidelberg, 1924; N. S. Troubetzkoy. Les adjectifs slaves en *-akъ-*. — BSL, t. 24, 1923, стр. 130—137; A. Vaillant. Les adjectifs slaves en *-akъ-*. — BSL, t. 31, 1931, стр. 43—46 и др.

¹⁶⁴ См., например, P. Arumaa. Sur les adjectifs en *-i* dans les langues baltiques. — „Mélanges linguistiques offerts à H. Pedersen“. Aarhus, 1937, стр. 431—442; F. Specht. Zur Bildung der adjektivischen *u-*Stämme. — KZ, Bd. 65, 1938, стр. 193—207; отчасти E. Fraenkel. Zur Vermischung der *-ō-* und *-u-*Stämme im Baltischen. — KZ, Bd. 61, 1934, стр. 270—276; ряд вступов П. Скарджюса и др.

¹⁶⁵ См. E. Fraenkel. Die indogermanischen *-l-*Stämme. — KZ, Bd. 63, 1936, стр. 168—201 (особенно: 1. Zur Umbildung konsonantischer Stämme im Baltischen. Das Schicksal der idg. *-l-*Stämme in diesem Sprachzweig); егo же. Zur *eu-*Erweiterung indogermanischer Wurzeln unter besonderer Berücksichtigung von Baltisch, Slavisch und Griechisch. — „Mélanges E. Boisacq“. Paris, 1937. Следы балтийских и славянских образований с элементом *su-* (слав. *sъdravъ*, лит. *sūdrus*) были указаны Френкелем. — См. E. Fraenkel. Zur baltischen Wortforschung und Syntax. — „Mélanges H. Pedersen“, стр. 443—455.

ранних — известный труд В. Перссона). Внимание Френкеля было привлечено и совершенно особой группой случаев — так называемыми „ложными“ образованиями в балтийском и славянском¹⁶⁶.

Из всех разделов балто-славянского языкознания самой популярной оказалась этимология. В ее разработке в первые десятилетия XX в. принимали участие десятки ученых, иногда довольно далеких от собственно балто-славянских интересов. Результатом этих интенсивных исследований были сотни новых сопоставлений или существенных поправок в старые этимологии. Учесть весь этот вклад довольно трудно и, видимо, даже не обязательно, поскольку некоторые сопоставления носили слишком случайный характер и вскоре были опровергнуты.

Разумеется, что слова балто-славянского происхождения полнее всего были собраны в уже упоминавшемся словаре Траутмана, дополненном в известной степени рядом новых примеров в рецензиях на этот труд¹⁶⁷. Значительное количество балто-славянских лексических сходжений отмечено в славянских этимологических словарях (Бернекер, Брюкнер, Преображенский, Голуб), в этимологических примечаниях Эндзелина, в словаре латышского языка Мюленбаха, в известном индексе Г. Бендера¹⁶⁸, не говоря уже о ряде других этимологических и сравнительных словарей древних индоевропейских языков. Некоторые балто-славянские лексические параллели были указаны выше (ср., в частности, многочисленные этимологии Буги).

В двадцатилетие, предшествующее первой мировой войне, в области балто-славянской этимологии наиболее успешно трудились (помимо уже названных в других местах этой работы ученых) К. Уленбек¹⁶⁹, В. Перссон¹⁷⁰, А. Бещенбергер¹⁷¹, В. Остен-Закен¹⁷², И. Зубатый¹⁷³, И. Микола¹⁷⁴ и некоторые другие, обращавшиеся к балто-славянскому мате-

¹⁶⁶ E. Fraenkel. Bildung sekundärer Simplicia, namentlich durch falsche Abtrennung, aus der Composition im Baltischen und Slavischen. — „Slavia“, роč. 13, 1934—1935, стр. 1—29.

¹⁶⁷ Помимо „Балто-славянского словаря“ Траутман написал ряд отдельных этимологических статей, содержащих ряд лексических сопоставлений балтийских и славянских элементов. — Ср., например, R. Trautmann. Miscellen. — KZ, Bd. 43, 1909, стр. 173—176 (лит. *pažvilti*, слав. *zъlъ*); егo же. Miscellen II. — KZ, Bd. 44, 1911, стр. 223; егo же. Ačech. *čily* „frisch, lebhaft, munter“. — KZ, Bd. 46, 1914, стр. 239—240 (ср. прус. *kylo*, лит. *kylė, kielė*); егo же. Baltisch-slavisches. — „Festschrift A. Bezzenberger“. Göttingen, 1921, стр. 167—168 (вост.-лит. *stuburas* — словен. *stabar*, с.-хорв. *stabar*; и.-е. *gʰōu- в балт. и слав.) и др.

¹⁶⁸ H. Bender. A Lithuanian etymological index. Oxford, 1921.

¹⁶⁹ C. C. Uhlenbeck. Die lexikalische Urverwandtschaft des Balto-slavischen und Germanischen. Leiden, 1890 (ср. голландский вариант — „De verwantschapsbetrekkingen tussen de Germanische en Balto-slavische talen“. Leiden, 1888); егo же. Etymologica. — KZ, Bd. 39, 1904, стр. 258—261; Bd. 40, 1906, стр. 552—561 и др.

¹⁷⁰ Немало ценного материала по балто-славянской этимологии содержится в работах: W. Persson. Studien zur Lehre von der Wurzelweiterung und Wurzelvariation. Uppsala, 1891; ср. егo же. Etymologisches. — KZ, Bd. 33, 1893, стр. 284—294 (балтийский материал); егo же. Zur lateinischen und griechischen Wortforschung. — KZ, Bd. 48, 1917, стр. 121—136 (рассуждения о ряде балто-славянских соответствий) и др.

¹⁷¹ Ср. многочисленные статьи этого ученого в ВВ и ряде других изданий, продолжающие его этимологические исследования 80-х годов.

¹⁷² W. Ostern-Sacken. Etymologien. — IF, Bd. 23, 1908, стр. 376—384 (целый ряд новых этимологий); егo же. Etymologien. — IF, Bd. 24, 1909, стр. 238—248 (лит. *gailus* — слав. *žalb, žalъkъ*); егo же. Berichtigungen und Ergänzungen zu Waldes Lateinischen Etymologischen Wörterbuch aus dem Gebiet der Slavistik und Lituanistik. — IF, Bd. 33, 1913, стр. 181—271 и др.

¹⁷³ Этимологии Зубатого собраны теперь воедино. — См. J. Zubatý. Studie a články, I—II. Praha, 1945—1949 (см. особенно часть II).

¹⁷⁴ J. J. Mikola. Etymologische Beiträge. — ВВ, Bd. 21, 1895, стр. 218—225 (ср. лит. *šelmuo*, слав. *slěmъ* и др.); егo же. Slavica. — IF, Bd. 6, 1896, стр. 349—

риалу лишь спорадически¹⁷⁵. Из исследований по этимологии, появившихся после первой мировой войны, заслуживают внимания работы шведских лингвистов, прежде всего Петерссона и Лидена. Большое количество балто-славянских лексических сопоставлений собрано в двух монографических исследованиях Петерссона¹⁷⁶ (среди них подробный этюд о балто-славянском слове *звезда* и несколько десятков оригинальных балто-славянских этимологий). Другие работы этого автора, непосредственно не связанные с балто-славянской проблемой, также содержат немало ценных параллелей между балтийской и славянской лексикой¹⁷⁷. Примерно такая же направленность характеризует исследования Лидена¹⁷⁸; следует лишь отметить, что при рассмотрении балтийской и славянской лексики он уделяет особое внимание установлению ее связей с индо-иранской и армянской; в частности, некоторые сопоставления балтийских слов с иранскими нужно считать весьма ценными, особенно в связи с недавними открытиями в этой области. Иной характер носят работы Р. Экблома, связанные с лексикой: его прежде всего интересуют судьбы некоторых важных в историко-культурном отношении германских слов, проникших в балтийские и славянские языки и отложившихся в них, в частности в топонимии (таковы его исследования о корне **gud-*)¹⁷⁹. В этом же направлении трудились

352; его же. *Baltische Etymologien*. — BB, Bd. 22, 1897, стр. 239—255; его же. *Baltische Etymologien II*. — BB, Bd. 25, 1899, стр. 73—76; из более поздних работ см. „Beiträge zur baltischen Etymologie“. — AfslPh, Bd. 39, 1925, стр. 12—14, и др. Следует отметить, что работа Микколы „*Baltisches und Slavisches*“ (Helsingfors, 1902—1903) рассматривает отдельные вопросы фонетики и грамматики балтийских и славянских языков порознь.

¹⁷⁵ Ср. Н. Osthoff. *Allerhand Zauber etymologisch beleuchtet*. — BB, Bd. 24, H. 1—2, 1899, стр. 109—173; H. 3—4, стр. 177—213; его же. *Etymologische Pargera*, I. Leipzig, 1901 и др.; Н. Pedersen. — МРКJ, I, Kraków, 1901, стр. 165—172 (слав. *goba*, лит. *gumbas*); F. Prusik. *Slavische Miscellen*. — KZ, Bd. 35, 1898, 596—603; E. Zupitza. *Etymologien*. — BB, Bd. 25, 1899, стр. 89—105; его же. *Wortdeutungen*. — KZ, Bd. 35, 1898, стр. 265—271; его же. *Miscellen*. — KZ, Bd. 37, 1901, стр. 387—406 и др.; F. Solmsen. *Slavische Etymologien*. — KZ, Bd. 37, 1901, стр. 575—601; R. Meringer. *Omphalos, Nabel*. — WuS, Bd. 5, 1913, стр. 43—91 (особенно стр. 84—86: о балто-славянском слове для соответствующего понятия); ряд работ Прельвица, Лидена (ср. лит. *uolektis* — русск. *альчик*. — KZ, Bd. 40, 1906, стр. 257—265), Стокеса (лит. *tarnas* — слав. *за-тарньль* — KZ, Bd. 41, 1907, стр. 381—390) и др.

¹⁷⁶ Н. Petersson. *Baltisches und Slavisches*. — „Lunds Universitets Arsskrift“, NF, Avd. 1, Bd. 12, № 2. Lund, 1916; его же. *Baltisch-slavische Wortstudien*. Lund, 1918.

¹⁷⁷ Н. Petersson. *Zur indogermanischen Wortforschung*. — IF, Bd. 24, 1909, стр. 250—278; его же. *Lateinische und griechische Etymologien*. — „Glotta“, Bd. 4, 1913, стр. 294—299; его же. *Zwei sprachliche Aufsätze zur etymologischen und semasiologischen Forschung*. Lund, 1917; его же. *Einige Tier- und Pflanzennamen aus idg. Sprachen*. — KZ, Bd. 46, 1914, стр. 128—149 (ср. анализ ряда редуцированных слов); его же. *Germanische Worterklärungen*. — PBB, Bd. 43, 1917, стр. 149—153 (о слав. **visknōti*); его же. *Etymologische Miscellen*. — „Lunds Universitets Årsskrift“, NF, Avd. 1, Bd. 19, № 6. Lund — Leipzig, 1923 и др.

¹⁷⁸ E. Lidén. *Baltisch-slavische Worterklärung*. — „Le Monde Oriental“, t. 5, стр. 195—203; его же. *Zur vergleichenden Wortgeschichte*. — KZ, Bd. 56, 1929, стр. 211—222 (ряд балто-иранских сравнений); его же. *Beiträge zur baltischen und slavischen Wortgeschichte*. — AASF, t. 27, 1932, стр. 115—120; его же. *Zur indogermanischen Terminologie der Milchwirtschaft*. — KZ, Bd. 61, 1933, стр. 1—3; его же. *Wortgeschichtliches*. — „Mélanges linguistique offerts à H. Pedersen“, стр. 88—94 (лит. *rietas* — слав. *ritь* — арм. *eri*) и ряд других статей.

¹⁷⁹ См. R. Ekblom. *Ortnamns vittnesbörd om svenskarnas tidiga förbindelser med slaver och balter*. — „Språkväternskapliga sällskapet i Uppsala förhandlingar. 1940—1942“. Uppsala, 1942, стр. 149—178 (ср. полемику, развернувшуюся по этому вопросу между Френкелем, Экбломом, Херманом, Эндзелином).

Т. Торбиёрнссон¹⁸⁰ и особенно К. Акнес¹⁸¹. Весьма любопытна книга Акнеса, в которой рассматриваются некоторые сложные имена и прозвища в древнесеверном, балтийских и западнославянских языках; автор приходит к выводу, что влияние шло со стороны балтийских и западнославянских территорий.

За пределами скандинавских стран также велись широкие этимологические исследования балто-славянской лексики. Немало новых параллелей было обнаружено Эндзелином в серии „Мелочи“, продолжавшейся в 20—30 годы¹⁸², а также в ряде других его статей: ср. анализ пары слав. *pěšь* — лит. *pėščias*¹⁸³; лтш. *apausi* — слав. *uzda*¹⁸⁴; лтш. *cerēt* — с.-хорв. *korot(a)*¹⁸⁵; др.-русск. *Simъ* и соответствующие балтийские слова¹⁸⁶; многочисленные прусско-славянские параллели¹⁸⁷ и т. п. Ряд лексических схождений между балтийскими и славянскими языками, не говоря уже о славянских заимствованиях в литовском (об этом см. выше), был указан П. Скарджюсом¹⁸⁸. Немало этимологий слов, общих балтийским и славянским языкам, появилось в межвоенные годы в немецких журналах. Семантические тонкости сопоставления лит. *krauti* и слав. *kryti* были объяснены В. Шульце¹⁸⁹; Ю. Покорный вернулся к вопросу о соотношении балтийского корня *kum-* (ср. лит. *kumelė*) со славянским *kom-* (ср. *комонь*) и попытался определить форму, лежащую в их основе¹⁹⁰, Лёвенталь реконструировал (ошибочно) балто-слав. **veskeras* (ср. и.-е. **ueskero-*), откуда лит. *vaikas*, слав. *večerь*¹⁹¹. Довольно многочисленные факты, связанные с этимологией балтийских и славянских слов, содержатся в статьях Ф. Шпехта¹⁹².

Специальную работу о балто-славянских словах, обозначающих процесс акустического восприятия, написал Преведен¹⁹³. Широко пользовался сравнением балтийской и славянской лексики Г. Ильинский (ср. слав. *visěti* — лит. *vypsoti*; русск. *стебать* — лит. *staibas*; др.-русск.

¹⁸⁰ T. Tornbiörnsson. Smärre slaviska bidrag. — „Språkvetenskapliga sällskapets i Uppsala förhandlingar, 1916—1918“. Uppsala, 1918, стр. 7—16 (ср. швед. *stroke* — слав. **strōžen* и др.).

¹⁸¹ K. Ahnäs. Slavisch-baltisches in altnordischen Beinamen. Uppsala, 1937.

¹⁸² См. J. Endzelīns. Sikumi. — FBR, sēj. VII—XIX, 1927—1939; ср. его же. Par *kāts* vārda etimoloģiju. — FBR, sēj. XI, 1931, стр. 200—201 (лтш. *kuts* — слав. *košta*).

¹⁸³ J. Endzelīns. Slav. *pěšь* „zu Fuss“ und lit. *pėščias* fass. — ZfsIPh, Bd. XIII, 1936, стр. 76—80.

¹⁸⁴ J. Endzelīns. Etymologische Beiträge. — „Donum natalicum Schrijnen“. Nijmegen-Utrecht, 1929, стр. 397—404 (5. Le *apausi* und slav. *uzda*).

¹⁸⁵ J. Endzelīns. Baltische Miscellen. — „Streitberg-Festgabe“, 1924, стр. 41—45.

¹⁸⁶ J. Endzelīns. Lettische Miscellen. — KZ, Bd. 42, 1909, стр. 375—379 (особенно „Lexikalisch-etymologische Beiträge“).

¹⁸⁷ J. Endzelīns. Sikumi. LII. — FBR, sēj. XI, 1931, стр. 46 и след.; его же. Par *prūšu valodas radniecības sakariem*. — FBR, sēj. XI, 1931, стр. 189—193 (статья важна и в более общем плане выявления языковых связей прусского языка, в частности, объединяющих его со славянскими языками).

¹⁸⁸ P. Skardžius. Lietuvių-latvių kalbos žodyno dalykai. — APh, kn. III, 1932, стр. 47—54.

¹⁸⁹ W. Schulze. Lit. *krauti* und sl. *kryti*. — KZ, Bd. 50, 1922, стр. 275.

¹⁹⁰ J. Pokorný. Zur Etymologie von lit. *kumelė* „Stute“. — KZ, Bd. 56, 1929, стр. 130—133.

¹⁹¹ J. Loewenthal. Lat. *vesper*. — KZ, Bd. 55, 1927, стр. 4—5; ср. его же. Zur baltisch-slavischen Wortkunde. — AfsIPh, Bd. 37, 1920, стр. 377—394.

¹⁹² Ср., например, F. Specht. Lateinisch-Griechische Miscellen. — KZ, Bd. 55, 1927, стр. 6—23; его же. — KZ, Bd. 57, 1929, стр. 158 и след. (лит. диал. *plėšti*, ст.-лит. *plāšti* — слав. *plēsati*), см. по этому поводу: V. Pisanì. Sulla radice *πλατ-*. — „Mélanges E. Boisacq“, t. 2, 1938, стр. 181—192, и др.

¹⁹³ F. R. Preveden. Some Balto-Slavic terms of acoustic perception. — „Language“, vol. 8, 1932, стр. 145—151.

ушь — лит. *usnis*; *лѣстовка* — лит. *laiškas*; *жбень* — лтш. *gībt*; слав. *Pikulik* — прус. *pickāls*, ст.-лит. *pikulus*; моравск. и слав. *pěra* — лит. *spira* и др.)¹⁹⁴. Ряд этимологий Коржинека связывает балтийские слова со славянскими (ср. чеш. *hezký*, лит. *gudrus* и т. п.)¹⁹⁵. Я. Отрембский также уделял внимание балто-славянской лексике (ср. интересное в словообразовательном плане сравнение польск. *wszytek* с вост.-лит. *visitelis* при лит. *visintelis*)¹⁹⁶.

Одна из наиболее значительных работ 30-х годов в области балто-славянской лексикологии принадлежит В. Махеку¹⁹⁷. В отличие от многих других исследований такого рода в этой книге отчетливо проступает стремление автора увидеть за частными соответствиями общую картину; он понимает, что наличие вполне определенных расхождений в лексике между славянскими и балтийскими языками делает необходимым ее анализ, так как без него решение всей балто-славянской проблемы было невозможным. Вместе с тем уже в начале работы Махек указывает, что „каким бы образом ни смотреть на характер балто-славянской связи (можно даже полностью отрицать балто-славянское единство), есть . . . одна область, где должно признать балто-славянскую общность; это область лексики“ (стр. 4). Случаи типа слав. *pъrstъ* — лит. *pirštas*, по мнению Махека, можно объяснить, только приняв положение об указанной общности. Подчеркивая, что балтийская лексика, как правило, отражает более древний этап, чем славянская, он указывает, что именно древнейшие балтийские и славянские слова, доказательная сила которых наиболее велика, должны были сильнее всего разойтись между собой; понятно, что это обстоятельство значительно затрудняет нахождение соответствий. Махек считает, что решение этой задачи делает необходимым выявление новых принципов этимологического анализа. В частности, для этого древнейшего лексического слоя, по мнению чешского лингвиста, можно допустить колебание звонких и глухих согласных, ср. сопоставление лит. *grožis* с с.-хорв. *kras* (из **krasъ*), чередование подвыжного *s-* с его отсутствием, ср. лит. *remti* — слав. *stromiti*; лит. *tarpti* — слав. *storbiti*, *стербнумь*; лит. *raupis* — слав. *strup* и др. (всего около сорока примеров). К сожалению, Махек не дает четкого обоснования выдвигаемым им принципам, если не считать довольно общих соображений („как только . . . слово потеряло свою семью, оно сразу же оказывается без опоры, выходит из своей категории, и ничто больше не мешает его переходу в другую категорию“, стр. 10). В ряде других работ 20—30-х годов Махек также приводит кое-какие славянские лексические факты¹⁹⁸.

¹⁹⁴ Г. А. Ильинский. Славянские этимологии. — ИОРЯС, т. XXIII, кн. 1, 1919, стр. 125—182, его же. Славянские этимологии. — ИОРЯС, т. XXIV, кн. 1, 1922, стр. 113—140; его же. Slovenské etymologie. — „Sborník Matice Slovenskej“, Turč. Martin, 1924, стр. 97—100, и другие работы, включая оставшийся в рукописи этимологический словарь.

¹⁹⁵ J. Kořínek. K. čes. hezký. — LF, roč. 58, 1931, стр. 149—157 и др.; ср. его же. Příspěvky k slovanské etymologii. — LF, roč. 65, 1938, стр. 440—445 (семантическая параллель: чешск., польск. *ocas* из **ot-jasъ*, ср. лит. *jūosti*; слав. *chobotъ* — лит. *kabėti*).

¹⁹⁶ J. Otrębski. Przyczynki słowiańsko-litewskiej Wilna, 1930, cz. I; 1935, cz. II. Ср. его же. Sprachwissenschaftliche Beiträge, I. — ZfslPh, Bd. XV, 1938, стр. 82—85 (слав. **ninzъ* в личных именах, прусск. *nauns* — новый вариант сопоставления).

¹⁹⁷ V. Machek. Recherches dans le domaine du lexique balto-slave. Brno, 1934.

¹⁹⁸ V. Machek. Slov. *klъkъ*. — LF, roč. 51, 1924, стр. 125—131; его же. Slov. **dblъzъ*, stpruss. *dulsis*. — LF, roč. 51, 1924, стр. 132—135 (речь идет о заимствовании польского слова); его же. Ario-Slavica. — KZ, Bd. 64, 1937, стр. 261—266 (индо-ирано-славянские соответствия); отчасти — его же. Studie o tvoření výrazů expresivních. Praha, 1930, и др.

Весьма много занимался сравнительным изучением балтийской и славянской лексики и ее семантическими особенностями Френкель¹⁹⁹. Правда, чаще в центре его интересов оказывались относительно поздние случаи, прямо не связанные с вопросом о соотношении древнейшего балтийского и славянского слоя; иногда речь идет о сравнении функционально сходных, но генетически не сопоставимых слов, или о заимствованиях. Тем не менее эти исследования нельзя игнорировать и при изучении более древнего периода балто-славянских языковых отношений.

Разумеется, что балто-славянская проблематика во многих ее разновидностях неоднократно становилась предметом изучения и в ряде других работ, прежде всего — в общих пособиях (книги Вондрака, Гуйера, Ильинского, Мейе, Фортунатова, Нахтигала, Эндзелина, Микколы и др.). Однако реальный прогресс в изучении балто-славянских языковых отношений в большей степени был связан со специальными исследованиями, охарактеризованными выше²⁰⁰.

¹⁹⁹ Вот некоторые из заслуживающих внимания работ Френкеля (помимо ряда других, названных выше): „Baltoslavica. Beiträge zur baltoslavischen Grammatik und Syntax“. Göttingen, 1921 (о славизмах у Ширвила, о некоторых славянских и балтийских частицах, о литовском соответствии славянскому слову *umė*); „Zur baltoslavischen Grammatik. I“. — KZ, Bd. 51, 1923, стр. 243—258 (о славянских заимствованиях в литовском, о семантическом влиянии славянских языков на балтийские); „Zur griechischen und albanesischen Grammatik und Wortkunde“. — „Streitberg-Festgabe“, 1924, стр. 86—92 (семантические параллели); „Zur griechischen und baltoslavischen Grammatik und Wortgeschichte“. — „Satura Berolinensis“, 1924, стр. 20—33 (о лит. *valdyti*, слав. *vlasti*); „Zur baltoslavischen Sprachgeschichte und Grammatik“. — AfsIPh, Bd. 39, 1925, стр. 68—92 (балтийские и славянские слова для обозначения естественной смерти); „Zur baltoslavischen Etymologie und Wortforschung“. — TZ, kn. III, 1925, стр. 481—489 (дополнения и поправки к словарю Траутмана); „Sprachliches und Sachliches aus dem Gebiete des Baltischen. Zu den bautechnischen Ausdrücken des Litauischen“. — WuS, Bd. 12, 1929, стр. 186—196 (слав. *stogъ* — лит. *stogas* и др.); „Baltische und slavische Etymologien“. — ZfsIPh, Bd. XI, 1934, стр. 36—50 (слав. *jalovъ* — лтш. *alava*); „Zur slavischen und baltischen Grammatik“. — „Slavia“, roč. XIV, 1936, стр. 496—509 (вост.-лит. *perlaukei*, прус. *Perlauken* — чешск. *přespoli* и др.); „Beiträge zur idg. Semasiologie“. — „Revue des Etudes Indo-européennes“, t. 1, 1938, стр. 405—439 (слав. *mъd-/mud-* и балт. *maud-*; слова со значением 'гордый' в балтийском и славянском; имена значений 'лес': 'болото'); ср. дополнение к этой статье: E. F r a e n k e l. Die baltische Sprachwissenschaft in den Jahren 1938—1940. Helsinki, 1941, стр. 13—15 и др.

²⁰⁰ После написания этой работы появились две статьи, в той или иной степени посвященные истории изучения балто-славянских отношений. — См. Б. В. Горнунг. Из истории изучения балтийско-славянских языковых отношений. — „Rakstu krājums veltījums akad. J. Endzelīnam“. Rīgā, 1959, стр. 109—132; Н. Д. Боголюбова, Т. А. Якубайтис. История разработки вопроса о балто-славянских языковых отношениях. — „Rakstu krājums veltījums akad. J. Endzelīnam“, стр. 331—376.

В. В. Мартынов

ПРОБЛЕМА СЛАВЯНСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ПРОНИКНОВЕНИЙ В ГЕРМАНСКИЙ ЯЗЫК

Постановка проблемы славянских лексических проникновений в германский праязык нуждается в тщательном предварительном обосновании. Такое обоснование может быть лишь внелингвистическим, так как в конечном счете речь идет о возможности языковых контактов между двумя этническими группами в определенный период времени и на определенной территории. Для того, чтобы возникли условия для славянских лексических проникновений в германский праязык, необходимо наличие территориальной смежности славян и германцев в период существования германского праязыка, т. е. локализация славянских поселений в бассейнах Вислы и Одры в V—III вв. до н. э.¹ Но последнее оспаривается в силу якобы отсутствия древнейших славнизмов в прагерманском² и, таким образом, возникает порочный круг.

Рассмотрение интересующей нас проблемы усложнено еще и тем, что сторонники висло-одерской локализации прародины славян не придают большого значения древнейшим славяно-германским лексическим взаимопрокинновениям как критерию истинности их концепции. Они придерживаются данных В. Кипарского³ и интерпретировавшего его

¹ Гипотеза о висло-одерской локализации прародины славян была выдвинута в 20-х годах нынешнего столетия в трудах польских археологов (см. J. Kostrzewski. Wielkopolska w czasach przedhistorycznych. Poznań, 1923; L. Kozłowski. Kultura łużycka a problem pochodzenia Słowian. — „Pamiętnik IV powszechnego zjazdu historyków polskich w Poznaniu“. Lwów, 1925). В поддержку висло-одерской гипотезы выступили лингвисты и антропологи (см. T. Lehr-Spławiński. Kilka uwag o praojczyźnie Słowian. — „Sprawozdania towarzystwa naukowego“, IV. Lwów, 1924; J. Czekański. Wstęp do historii Słowian. Lwów, 1927). Первый итог дискуссии вокруг гипотезы был подведен в 40-х годах (см. T. Lehr-Spławiński. O pochodzeniu i praojczyźnie Słowian. Poznań, 1946; K. Jażdżewski. Atlas to the Prehistory of the Slavs. Łódź, 1949). В последнее время дискуссия нашла отражение в книгах: K. Moszyński. Pierwotny zasięg języka prasłowiańskiego. Wrocław—Kraków, 1957; H. Ułaszyn. Praojczyzna Słowian. Łódź, 1959; M. Rudnicki. Prasłowiańszczyzna. Lechia-Polska. Poznań, 1959.

² См. M. Vasmer. Studien über die germanisch-slawischen Beziehungen. — ZfslPh, Bd. III, 1927, стр. 361. — Такой же точки зрения придерживается В. Кипарский: „... при локализации прародины славян в бассейне Вислы и Одры следует ожидать длительных языковых контактов между славянами и германцами, что должно было выразиться в обоюдосторонних заимствованиях. Однако заимствований из славянского в общегерманском пока, как известно, не найдено“.

³ V. Kiparsky. Die gemeinslavischen Lehnwörter aus dem Germanischen. Helsinki, 1934.

Е. Куриловича⁴. В этих данных в качестве надежных славянизмов в германских диалектах фигурируют готск. *plinsjan* и др.-исл. *serkr*, др.-англ. *sierc*⁵. Причем первый ограничен готским материалом, т. е. мог проникнуть в германский диалект в I—III вв. н. э., а второй рассматривается В. Кипарским как „terminus technicus“, заимствованный сначала в северногерманские диалекты, а потом в древнеанглийский к VIII в. н. э. Ясно, что эти примеры не имеют прямого отношения к поставленной нами проблеме в силу ограниченного распространения и поздней датировки.

Между тем внелингвистические выводы, которые следуют из книги В. Кипарского и гипотеза о висло-одерской локализации прародины славян взаимно исключают друг друга⁶. Сторонники висло-одерской локализации славян не предприняли поисков древнейших славянизмов в германском языке и тем самым значительно ослабили свою аргументацию, так как одностороннее изучение германских заимствований в славянском языке привело к выводу о том, что славяне вошли в соприкосновение с основным германским (западногерманским) этническим массивом только в V—VI вв. н. э., в период же I—IV вв. н. э. наблюдалось движение отдельных восточногерманских племен по обширной территории, занятой славянами.

Для того, чтобы выйти за пределы порочного круга в доказательстве возможности славянских лексических проникновений в германский язык, предлагается предварительное принятие гипотезы о висло-одерской прародине славян со следующим ограничением во времени.

Оставляя вопрос о месте более древней локализации открытым, допускаем датировку висло-одерской локализации с V в. до н. э. Что существенного дает такая датировка? Она позволяет использовать первое передвижение согласных в германских языках, датируемое примерно V в. до н. э. в качестве критерия при определении славянского происхождения того или иного прагерманского слова. Возможность более древней датировки первого передвижения согласных приводит соответственно и к более древней датировке висло-одерской локализации славян. После предварительного принятия гипотезы о висло-одерской прародине славян, мы можем начать поиски древнейших славянизмов в германском языке.

⁴ J. Kuryłowicz. Związki językowe słowiańsko-germańskie. — „Przegląd Zachodni“, № 5-6, 1951; см. также J. Kuryłowicz. Germańsko-słowiańskie stosunki językowe“. — „Słownik starożytności słowiańskich“. Zesz. dyskusyjny. Wrocław, 1958.

⁵ V. Kiparsky. Die gemeinslavischen Lehnwörter aus dem Germanischen, стр. 98—99. О славянизмах в отдельных германских диалектах см. O. Vočadlo. The Slavonic Element in English. — „Časopis promoderní Filologie“, díl 26. Praha, 1939.

⁶ Однако следующее высказывание Кипарского служит скорее подтверждением висло-одерской гипотезы: „Принимая во внимание, с одной стороны, наличие весьма древних балтийских заимствований в балтийско-финских языках, а также в мордовском и марийском, и древних иранских заимствований в языках славянских, а с другой стороны, отсутствие иранских заимствований в языках балтийских, следует предположить, что племена, из которых впоследствии развились балтийские народы, были отделены предками славян от иранцев; предки же славян были отделены балтийскими племенами от угро-финнов. Так как последние имеют очень древние заимствования из иранских языков, то следует предположить первичное расселение этих четырех этнических групп вокруг какого-то непроходимого препятствия, по всей вероятности обширных болот в бассейне Припяти“ („Сборник ответов на вопросы по языкознанию. К IV Международному съезду славистов“. М., 1958, стр. 171). Нетрудно заметить, что схема, которую приводит В. Кипарский, полностью совпадает с расположением этнических групп вокруг территории современной Белоруссии на карте № 1 атласа К. Яжджевского.

До сих пор еще не было предпринято ни одной попытки систематического изучения германского материала с подобной целью. Поэтому ссылки на отсутствие прагерманских славянизмов не имеют под собой никакой почвы.

К сожалению, существовала еще одна причина, мешавшая критическому рассмотрению германского лексического материала с целью обнаружения возможных древнейших славянизмов. Причина эта определялась традиционными представлениями о прямой зависимости между лексическими и культурными влияниями одной этнической группы на другую. А так как среди большей части немецких ученых господствовало мнение о полной культурной гегемонии германцев в центральной и восточной Европе, то подобное рассмотрение германского лексического материала просто не имело места. Вся история изучения славяно-германских языковых контактов может быть сведена к истории изучения германских заимствований в славянских языках. Труд этот проделан учеными, изучавшими древнейший слой славянской лексики. И если высказывались отдельные соображения по поводу возможности в том или ином случае обратного заимствования (например, для слав. **skotъ* и **dělitī*), то лишь только в процессе изучения славянского материала.

Существует два вида исследований, посвященных рассмотрению славяно-германских языковых отношений древнейшей поры. Основная масса работ посвящена германским заимствованиям в славянских языках⁷ и меньшая часть — изучению славяно-балто-германских лексических изоглосс⁸.

Первые обширные и систематизированные сводки германизмов в славянских языках даны в работах Ф. Миклошича, А. Матценауэра, К. Уленбека и Г. Хирта. В последних двух работах, пожалуй, без чувства меры расширен список германизмов, приведенный Ф. Миклошичем, в результате чего к началу XX в. возникла необходимость критического пересмотра всего материала. Для перечисленных выше работ характерна одна общая черта: они представляют собой собрание

⁷ См. F. Miklosich. Die Fremdwörter im Slawischen. Wien, 1867; A. Matzenauer. Cizí slova ve slovanských řečech. Brno, 1870; C. C. Uhlenbeck. Die germanischen Wörter im Altslawischen. — *AfslPh*, Bd. 15, 1893; H. Hirt. Zu den germanischen Lehnwörter im Slavischen und Baltischen. — *PBB*, Bd. 23, 1898; Ст. Младенов. Старите германски елементи в славянските езици. — „Сборник за народни умотворения, наука и книжнина“, кн. 25, 1909; A. Stender-Petersen. Slavisch-Germanische Lehnwortkunde. Göteborg, 1927; N. Vasmer. Studien über die germanisch-slavischen Beziehungen. — *ZfslPh*, Bd. IV, 1927; K. Knutsson. Die germanischen Lehnwörter im Slavischen vom Typus *buky*. — „Lunds Universitets Årsskrift“, Neue Folge, Bd. 24, № 9, 1929; V. Kiparsky. Die gemeinslavischen Lehnwörter aus dem Germanischen S. H. Cross. Gothic Loan-Words in the Slavic Vocabulary. — „Harvard Studies and Notes in Philology and Literature“, vol. 16, 1934; K. Knutsson. Die ältesten germanischen Lehnwörter im Slavischen. — *ZfslPh*, Bd. XV, 1938; R. Smal-Stocki. Slavs and Teutons. The Oldest Germanic-Slavic Relations. Milwaukee, 1950; J. Kuryłowicz. Związki językowe słowiańsko-germańskie; V. Machek. Quelques mots slavo-germaniques. — „Slavia“, roč. XX, seš. 2–3, 1951; roč. XXI, seš. 2–3, 1953; roč. XXII, seš. 2–3, 1953; H. Barič. Starogermański tragovi u balkanskim jezicima. — „Lingvističke studije“. Sarajevo, 1954; J. Kuryłowicz. Germańsko-słowiańskie stosunki językowe.

⁸ См. C. C. Uhlenbeck. Die lexikalische Urverwandtschaft des Baltoslavischen und Germanischen. Leiden—Leipzig, 1890; Ph. Scherer. Germanic-Balto-Slavic Etyma. — „Supplement to Language“, vol. 17, № 1, 1941; В. Георгиев. Балто-славяно-германското родство. — „Известия на семинара по славянска филология при Университета Свети Климент Охридски в София“, кн. VIII, 1941; В. Георгиев. Балто-славянский, германский и индо-иранский. IV Международный съезд славистов. — „Славянская филология“, 1. М., 1958.

разнородного лексического материала без серьезной попытки его классификации с точки зрения общей лингвистической концепции.

К сожалению, ученые, стремившиеся к пересмотру, в пылу полемики нередко высказывали взгляды, также свидетельствующие о недостаточно критическом отношении к фактам. Так, во многом справедливы критические замечания В. Кипарского в адрес Ст. Младенова, который впервые выступил с широкой программой пересмотра установившихся в данной области взглядов⁹. Ст. Младенов справедливо выдвинул в качестве основной лингвистическую аргументацию¹⁰. Однако лингвистическая аргументация Ст. Младенова грешила слишком свободным обращением с корневыми определителями в тех случаях, когда требовалось доказать исконное родство славянских и германских слов.

Вслед за Ст. Младеновым с большой монографией, посвященной проблемам славяно-германских языковых отношений, выступил А. Стендер-Петерсен. В отличие от Ст. Младенова Стендер-Петерсен вновь выдвинул в качестве основной аргументации культурно-историческую. „Я убежден, — писал он, — что ненадежность результатов предшествующих исследователей объясняется той неправомерно высокой оценкой, которую они давали лингвистическому методу“¹¹.

И, наконец, после монографии А. Стендера-Петерсена была опубликована работа В. Кипарского, которая отличалась научной объективностью, библиографической полнотой, а главное тем, что в ней вновь и на этот раз с большей доказательной силой использовался в качестве основного лингвистический принцип. Факты, собранные В. Кипарским, послужили материалом для интересной акцентологической статьи Е. Куриловича. Последний, анализируя различные рефлексy германских подударных долгот в соответствующих славянских словах, заимствованных из германского, устанавливал относительную хронологию заимствования¹².

Следующие две работы, посвященные данной проблеме, очень неравноценны. Р. Смаль-Стоцкий остается в лагере скептиков в отношении широких возможностей заимствований из славянского¹³, но не в этом основной порок его работы. Главный недостаток — в устаревших этимологиях, включенных в работу без малейших попыток со стороны автора дать им обоснование. В отличие от Р. Смаль-Стоцкого В. Махек предпринял смелую попытку пересмотреть ряд славяно-германских этимологий, которые В. Кипарский считал установившимися. Аргументация В. Махека не всюду в одинаковой степени убедительна, но работа отличается большой обстоятельностью (каждая этимология весьма подробно аргументируется) и умением сочетать доказательства лингвистического, исторического и этнографического характера.

Мы остановились на индивидуальных особенностях основных работ, посвященных проблеме славяно-германских языковых отношений с тем, чтобы далее перейти к рассмотрению того, что их объединяет и вместе с тем затрудняет прогресс в данной области.

Первый недостаток, присущий как рассмотренным, так и не вошедшим в наш краткий обзор работам, заключается в смешении двух различных форм языковых отношений: заимствования и проникновения. Выше уже говорилось о традиционном установлении широкой зависимости между лексическим и культурным влиянием одной этнической

⁹ См. V. Kiparsky. Указ. соч., стр. 18.

¹⁰ Ст. Младенов. Старите германски елементи в славянските езици, стр. 7.

¹¹ A. Stender-Petersen. Slavisch-Germanische Lehnwortkunde, стр. 70.

¹² J. Kuryłowicz. Związki językowe słowiańsko-germańskie, стр. 198—199.

¹³ R. Smal-Stocki. Slavs und Teutons..., стр. 33.

группы на другую. В действительности такой прямой зависимости не существует. Никто, например, не станет оспаривать того, что др.-англ. *hūsdomda* 'хозяин дома', *lagu* 'закон', северногерманские по происхождению, отражают культурное влияние скандинавских поселенцев. Но никому не придет в голову утверждать, что др.-англ. *tacan* 'брат', также северногерманского происхождения, в равной степени отражает культурное влияние скандинавов. Исходя из этого весьма простого соображения, мы определили дифференциальные признаки заимствования и проникновения следующим образом. Основная причина заимствования — культурное влияние, территориальная смежность не является обязательным условием. Основная причина проникновения — двуязычие в пограничном районе, обязательное условие — территориальная смежность.

Второй существенный недостаток, присущий всем исследованиям, посвященным славяно-германским языковым отношениям, заключается в фактическом отсутствии единой и последовательной методики фонетических реконструкций. В тех случаях, когда фактическое или предполагаемое наличие индоевропейских фонетических вариантов препятствует решению вопроса, у большинства исследователей субъективные склонности определяют критерий истины.

Известно, например, что в индоевропеистике одной из наиболее загадочных этимологий считается этимология готск. *dailyan*, др.-англ. *daelan*, др.-фриз. *dēla*, др.-сакс. *dēlian*, др.-в.-нем. *teilan* с общим значением 'делить на части'. Неясность данной этимологии возникает вследствие невозможности установить генетическое родство с абсолютно эквивалентными ст.-сл. дѣлити, русск. *делить*, болг. *деля*, с.-хорв. *děliti*, чешск. *děliti*, польск. *dzielić*. При условии, что др.-инд. *dāyate* 'делит', др.-греч. *δαίωμα* 'делю' представляют собой истинно родственные формы без суффиксального форманта *-l-*, приходится принять для германской группы либо заимствование из славянского¹⁴, либо возможность индоевропейских фонетических вариантов **dhoil-/*doil-*. Вероятность славянского заимствования из германского исключена, так как тогда пришлось бы признать и.-е. **dhoil-* что опровергается древнеиндийскими и древнегреческими формами. Большинство ученых склоняется к признанию генетического родства славянских и германских форм с учетом фонетических вариантов. Естественно, при этом отрицается возможность заимствования из славянского. М. Фасмер считает предположение о заимствовании из славянского „излишним“ (*überflüssig*)¹⁵. При этом он ссылается на Э. Бернекера. Аргумент Э. Бернекера в пользу „ненужности“ данного предположения сводится к следующему: „То, что германские слова заимствованы из славянского (Прельвитц, Педерсен), невероятно, так как мы не

¹⁴ H. Pedersen. Die Nasalpräsentia und der slavische Akzent. — KZ, Bd. 38, 1902, стр. 394; его же. Armenisch und Nachbarsprache. — KZ, Bd. 39, 1904, стр. 372. — Во второй статье Х. Педерсен подробно обосновывает свою гипотезу. В последнее время к гипотезе Педерсена присоединился В. Махек (см. MES, стр. 86).

¹⁵ RFW, Bd. I, стр. 338. М. Фасмер попросту игнорирует древнеиндийские и древнегреческие формы. В его словаре они не упоминаются. Ф. Славский пытается поставить под сомнение их генетическую связь со славянскими (см. SES, t. I, стр. 189). Между тем даже беглое сравнение исходных славянских, древнеиндийских и древнегреческих форм убеждает нас в их полной семантической идентичности. В самом деле, слав. **dělъ* (ст.-сл. дѣль, др.-русс. *дѣль*, болг. *дял*, с.-хорв. *део*, чешск. *dil*, славц. *diel*, польск. *dziół* и т. д.) имеет первичное значение 'разделение благ, участие, пай', др.-инд. *dāyate* 'наделяет, принимает участие', др.-греч. *δαίωμα* 'распределяю', *δαίτη* 'порция'.

располагаем другими аналогичными древними заимствованиями¹⁶. При такой „методике“ исследования любая попытка отыскать в германском древнейшие заимствования из славянского обречена на неудачу. В. Кипарский, не верящий в доказательную силу индоевропейских вариантов, в данном и в ряде аналогичных случаев не только признает их существование, но и строит на них свое доказательство¹⁷.

Имеются ли в рассматриваемом случае какие-нибудь особые на то причины? Нет. Более того, фонетические варианты в данном конкретном примере — фикция. Для ясности аргументации сравним его с другой славяно-германской этимологией, в которой также используются индоевропейские фонетические варианты. Др.-исл. *hringr* 'кольцо' и другие германские слова закономерно соответствуют ст.-сл. *кѣжгъ*. Наличие др.-исл. *kringla* 'кольцо, круг' с рядом параллельных форм могло бы вызвать предположение о заимствовании из славянского, если бы вторая группа примеров не соответствовала лит. *grėžti* 'вращать', лтш. *griezt* 'поворачивать'. В данном примере в отличие от предшествующего имеются все необходимые звенья для реконструкции фонетических вариантов **krengh-/*grengh-*. Реконструкция здесь основывается на языковых фактах, чего, конечно, нельзя сказать о готск. *dailjan* и ст.-сл. *дѣлити*, не имеющих в своих группах вариантных параллелей. Можно было бы привести и ряд других примеров, когда возможность реконструкции индоевропейских фонетических вариантов используется столь же субъективно. Нам представляется, что реконструировать фонетические варианты, даже в форме осторожной гипотезы, мы можем только в том случае, если хотя бы в одном из сравниваемых языков есть абсолютные в фонетическом и семантическом отношении вариантные параллели типа др.-исл. *hringr/kringla* или русск. *молоко/молозиво*, и по крайней мере в двух других языках — фонетически им соответствующие параллели типа ст.-сл. *кѣжгъ* (лит. *grėžti* или же лит. *malkas*/готск. *miluks*).

Однако соблюдение данного правила далеко не всегда дает ключ к решению вопроса, так как абсолютные в фонетическом и семантическом отношении вариантные параллели типа *молоко/молозиво* встречаются весьма редко.

Так, еще более запутанным представляется вопрос о происхождении слав. **čędo* (ст.-сл. *чѣдо* 'дитя', *чѣдъ* 'дружина, свита' и т. д.). Обширная литература по данному вопросу в основном была посвящена попыткам обосновать заимствование данной лексической группы из германского. Впервые Э. Бернекер высказал предположение об исконности слав. **čędo*, являвшегося, по его мнению, производным от слав. **čęti*. При этом было указано на возможность „случайного созвучия“¹⁸ с герм. **kinda*. Мысль Э. Бернекера была подтверждена В. Кипарским, который отнес славянское слово к числу слов, „не имеющих ничего общего с предполагаемыми германскими источниками“¹⁹. Однако фонетическая эквивалентность и предельная семантическая близость германского и славянского слов делала невозможным принятие гипотезы Э. Бернекера без серьезных возражений. Неудивительно поэтому, что в этимологическом словаре В. Махека подтверждается заимствование славянского слова из германского²⁰.

¹⁶ BEW, Bd. I, стр. 195.

¹⁷ V. Kiparsky. Указ. соч., стр. 65.

¹⁸ BEW, I, стр. 154.

¹⁹ V. Kiparsky. Указ. соч., стр. 22—23.

²⁰ MES, стр. 64.

В последнее время О. Н. Трубачев вновь пришел к отрицанию заимствования *čędo из германского. Он, в частности, утверждал, что общегерманского *kinda не существовало, а реальному следует считать лишь др.-в.-нем. *chind*²¹. Отсюда делается заключение, что позднее (V—VI вв. н. э.) заимствование дало бы слав. *šędo, а ранее не могло иметь места в силу отсутствия общегерманской формы. В действительности, существование общегерманского *kinda несомненно. На это указывают, кроме др.-в.-нем. *chind* 'дитя', др.-сакс. *kind* 'дитя' еще и др.-исл. *kind* 'дитя, материнский плод' (Sigrdrifumöl, 9), (а не только 'род, порода', что обычно приписывают древнеисландскому) и готск. *kindins* 'наместник'. Последнее является производным на -no-s от готск. *kindi, как готск. *fiudans* 'король, повелитель' от готск. *fiuda* 'народ'. Ср. лат. *tribunus* 'трибун, глава трибы' от лат. *tribus* 'триба'²².

Отсюда ясно, что готск. *kindi должно было означать людей, руководимых наместником (*kindins*), военным руководителем провинции, т. е. воинов, дружинников. Готск. *kindi 'дружина' совпадает по форме и значению со ст.-сл. члдь 'дружина'. Таким образом, проблема заимствования по-прежнему остается актуальной при рассмотрении славяногерманской пары *čędo/*kinda. Ведь не только *čędo можно рассматривать как заимствованное *kinda (*g'en-to, ср. др.-инд. *jantú* 'ребенок'), но и *kinda можно рассматривать как заимствованное *čędo (*ken-do, ср. др.-инд. *kanina* 'молодой').

Можно ли снять вопрос о заимствовании путем введения предположения о фонетических вариантах *g'en-/*ken-?

В данном случае это невозможно при всей правдоподобности вариантов *g'en-/*ken-, ибо в таком случае пришлось бы признать разное происхождение словообразовательных формантов сравниваемых слов.

Сложная специфика у славянских слов с начальным х. Известно, что ни одно из них не имеет еще надежной этимологии. Объясняется это тем, что происхождение славянской фонемы х остается невыясненным. Гипотезы А. Брюкнера ($x < sk$)²³ и В. Махека (x — результат экспрессивной субституции)²⁴ ни на шаг не подвинули решение вопроса.

Можно назвать ряд славяно-германских параллелей, объяснение которых невозможно без решения вопроса о происхождении фонемы х. Приведем один из примеров.

В. Кипарский, оценивая попытку вывести слав. *čvatъ из германского источника как необоснованную, предлагает объяснение: *čvatъ < *čvatati (как ловкий < ловить, лат. *capax* < *capere*)²⁵. Этимология В. Кипарского убедительна, однако предпринятая им попытка вообще отделить славянскую лексическую группу от германской — неудачна. В самом деле, ср. др.-исл. *hvatr 'быстрый, храбрый', др.-англ. *hvaet* 'быстрый, дельный, храбрый', др.-сакс. *hwat* 'храбрый, дельный' и русск. *хват*, польск. *chwat* 'молодец, смельчак', чешск. *čvatný* 'торопливый, поспешный' — значения 'быстрый, храбрый' совпадают полностью²⁶.

²¹ О. Н. Трубачев. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959, стр. 42.

²² См. F. S p e c h t. Germanisch Harigasti. — KZ, Bd. 60, 1932, стр. 131.

²³ См. A. B r ü c k n e r. Slavisches ch-. — KZ, Bd. 51, 1923.

²⁴ V. M a c h e k. Untersuchungen zum Problem des anlautenden ch- im Slavischen. — „Slavia“, роč. 16, seš. 2—3, 1939.

²⁵ V. K i p a r s k y. Указ. соч., стр. 35.

²⁶ Семантическое развитие 'быстрый', 'храбрый' можно еще продемонстрировать на следующих примерах: готск. *balþs* 'храбрый', др.-англ. *beald* 'храбрый', др.-в.-нем. *bald* 'храбрый, дельный, быстрый'; ст.-сл. нагль 'быстрый', русск. *наглый* (-дерзкий) и т. д.

Рассматривать это как случайность нельзя. Но этимологированию мешает начальное *x*, происхождение которого не установлено.

С большими трудностями фонетического порядка сталкиваемся мы при рассмотрении общегерманских слов с начальным *p*. Попробуем показать это на конкретном примере.

Как и все германские слова с начальным *p*, готск. *praggan* 'притеснять', ср.-англ. *prange* 'теснота', ср.-англ. *prengen* 'давить', ср.-в.-нем. *pfrengen* 'притеснять' отличаются неясностью происхождения. Отсутствие сколько-нибудь надежных примеров с начальным индоевропейским *b* приводит к тому, что все германские слова с *p* в начале слова следует считать заведомо иноязычными по происхождению. Данный пример служил предметом этимологического исследования, однако без убедительных результатов²⁷.

Для восстановления первичного конкретного значения германской лексической группы следует обратить внимание на ср.-в.-нем. *pranger* 'позорный столб' (собственно 'привязь, оковы'), ср.-в.-нем. *prange* 'лошадиный намордник', голл. *prang* 'ошейник, лошадиный намордник'. Сравнение позволяет предположить первоначальное значение герм. **prang*- 'привязь, упряжка'.

Ср., с другой стороны, др.-русск. *пружь* 'сеть', русск. *подпруга*, с.-хорв. *пруло* 'силок', чешск. *pruhlo* 'силок', *popruh* 'лямка' и др.²⁸, приводящие к восстановлению аналогичного значения.

Близость славянской и германской лексических групп не может быть объяснена генетическим родством. Что касается возможности разного происхождения, то она столь же маловероятна, как и заимствование из германского. Последнее исключено, ибо германские слова с начальным *p* сами являются заимствованными, а также и потому, что славянская лексическая группа значительно богаче и представлена во всех славянских языках в виде глагольных и именных форм с регулярным аблаутом.

Наука не располагает в настоящее время надежными данными, позволяющими утверждать, что в данном случае мы имеем дело со славянским проникновением в германский, но среди прочих возможностей последняя является наиболее предпочтительной²⁹.

Исследователь, изучающий древнейшие славяно-германские языковые отношения, не может также не обратить внимания и на довольно многочисленные случаи, когда индоевропейские архетипы реконструируются только на основании славянских, балтийских и германских форм, либо даже только славянских и германских. Список архетипов, приложенный к работе Ф. Шерера³⁰ дает нам довольно яркое представление о такого рода случаях. Возможна ли реконструкция **dhe-*

²⁷ Т. Зибс в своей известной работе „Anlautstudien“ (Т. Siebs. Anlautstudien. — KZ, Bd. 37, 1904, стр. 301—302) в подтверждение своей теории „подвижного *s*“ пытается реконструировать и.-е. **brengh*, но надежных примеров, естественно, привести не может.

²⁸ Р. Траутман, который скептически относится к вопросу о „подвижном *s*“, считает, что сравнение слав. **preǵo* с герм. **springan* обязательно предполагает исконное начальное *spr-*. Впрочем, он утверждает, что во всех случаях исконное начальное *spr-* утрачивает *s* на славянской почве (см. R. Trautmann. Über die Behandlung der Anlautgruppe *spr-* im Urslavischen. — KZ, Bd. 50, 1920, стр. 68). Э. Файст возражает против сравнения со слав. **preǵo* (см. S. Feist. Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache. Leiden, 1939, стр. 43).

²⁹ Если принять гипотезу Р. Траутмана и считать, таким образом, слав. **preǵo* более поздним образованием из исконного **spreǵo*, то тем более возможно рассматривать германскую лексическую группу как проникновение из славянского.

³⁰ Ph. Scherer. Germanic-Balto-Slavic Etyma.

*rāgh (?)*³¹ на основании ст.-сл. *ДРАГВ*, русск. *дорога*, др.-исл. *draga?* В этом случае возможность проникновений еще более вероятна. Таких примеров можно привести множество.

Итак, отсутствие единой рациональной методики исследования фонетических закономерностей древнейших славяно-германских языковых отношений особенно ярко сказывается при определении возможных индоевропейских фонетических вариантов, при рассмотрении славянских слов с начальным *х* и германских с начальным *р*, при реконструкции индоевропейских архетипов на основании славянских, балтийских и германских форм.

Наконец, третий недостаток исследований, посвященных древнейшим славяно-германским языковым отношениям, заключается в том, что материал этих исследований уже длительное время не пополняется новыми примерами. На это обратил внимание М. Фасмер³². В целях преодоления застоя на этом участке исследовательской работы М. Фасмер рекомендует обратиться к старым текстам и приводит две новые этимологии, обнаруженные им таким путем.

Замечание М. Фасмера нашло отклик в книге Р. Смаль-Стоцкого, который, соглашаясь с мнением немецкого ученого, предлагает со своей стороны обратить особое внимание на изучение украинских и белорусских диалектов.

Нельзя не признать эти предложения весьма своевременными, однако трудно предположить, что нам удастся обнаружить таким образом новые, неизвестные еще науке, лексические группы. Изолированные примеры М. Фасмера как раз и свидетельствуют о том, что исследователь, видимо, и не думал обнаружить новые этимологические параллели. Если это так, то пути к ним следует искать в ином направлении. То, что мы называем третьим недостатком, т. е. отсутствие новых славяно-германских этимологий со времени Ф. Миклошича и Э. Бернекера, в значительной мере объясняется первыми двумя: смешением понятий „заимствование“ и „проникновение“ и отсутствием единой последовательной методики фонетических реконструкций. Изучение проблемы прародины славян со всей настоятельностью требует возобновления широких исследований в области славяно-германских языковых отношений древнейшей поры. И это прежде всего означает выработку иных, более совершенных методов исследования и поиски новых этимологий.

Прежде чем перейти к рассмотрению конкретных случаев, необходимо дедуктивно установить основные критерии определения славянского источника для слов германского праязыка. Вернемся к тому, о чем мы говорили в начале нашей статьи. Мы исходили из предположения, что в V в. до н. э. славяне были непосредственными соседями германцев. При таких исходных данных каждый предполагаемый общегерманский славянизм должен был распространиться среди германских диалектов на протяжении V—VI вв. до н. э., ибо в III в. до н. э., по-видимому, начинается распад германского языкового единства. А так как V веком приблизительно датируется первое передвижение согласных в германских языках, то основным критерием определения заимствования было бы обнаружение в германском праязыке слов, звуковая форма которых не носит на себе следов первого передвижения согласных.

³¹ В списке Ф. Шерера № 130.

³² M. V a s m e r. Zu den alten germanischen Lehnwörter im Slavischen. — ZfslPh, Bd. XV, 1938, стр. 119.

Вторым важным критерием, основанным на закономерностях германского консонантизма, было бы обнаружение в германском праязыке слов со следами ассимиляции древнейших палатализованных, т. е. со следами фонологической системы *satəm*. В этом случае мы можем предполагать при отсутствии дополнительных данных возможность значительно более древней датировки лексического проникновения.

Таким образом, устанавливается в качестве минимального нижнего хронологического предела V век до н. э. А в ряде случаев можно будет гипотетически установить и более древнюю датировку.

Мы судим, как известно, о древнейшем слое германской лексики на основании памятников, древнейшие из которых относятся к IV в. н. э. За этот период времени (V в. до н. э.—IV в. н. э.) звуковая форма предполагаемых прагерманских славянизмов должна была подвергнуться значительным преобразованиям в области вокализма, а частично и консонантизма. Известно, во-первых, что к I в. н. э. в германских языках реализуется так называемое передвижение гласных. Следовательно, вокализм более древних заимствований должен был наравне с вокализмом исконно германских слов подвергнуться действию закона передвижения гласных.

Приблизительно к I в. н. э. относится реализация закона Вернера; следовательно, на более древних заимствованиях должны обнаруживаться следы действия и данного закона.

Мы коснулись здесь фонетических критериев, необходимость учета которых очевидна. Далее необходимо остановиться на критерии другого рода, введение которого нуждается в обосновании. Критерий этот зиждется на коренном различии фонологических систем славянского и германского праязыка. Каждое слово как звуковой комплекс, перешедшее из одной фонологической системы в другую и подвергшееся там адаптации, не может сохранить звуковую адекватность по отношению к первоисточнику. Сохранение звуковой адекватности было бы возможно только при контакте адекватных фонологических систем. Между тем, как было выше замечено, существует коренное различие в фонологических системах славянского и германского праязыка. Это различие обнаруживается и в противоположности акцентологических структур: славянскому было свойственно тоническое ударение, не влиявшее на количество гласных, германскому — динамическое ударение, преобразовавшее количество гласных. Следовательно, звуковая оболочка каждого славянского слова в ходе приспособления к германской фонологической системе (адаптации) должна была подвергнуться преобразованиям.

О характере этих преобразований мы будем говорить при рассмотрении конкретных примеров.

Таким образом, можно говорить о двух стадиях преобразования звуковой оболочки славянского слова, проникшего в германскую языковую среду: 1) преобразование согласно закономерностям приспособления к акцентологической структуре германского праязыка (в ходе самого проникновения); 2) преобразование согласно закону передвижения гласных и закону Вернера (I в. н. э.).

Помимо определения критериев заимствования, необходимо установление гарантий для данного источника заимствования. Иными словами мы должны в каждом конкретном случае определить относительную гарантию того, что источником заимствования не является третий неизвестный нам язык. Можно установить характер этих гарантий также дедуктивно. Они могут быть разбиты на две категории: на категорию положительных и категорию отрицательных гарантий. Положительные

гарантии должны заключаться в том, что в данном заимствованном слове германского праязыка возможно обнаружение следов специфически славянских звуковых и словообразовательных закономерностей. Отрицательные гарантии должны сводиться к утверждению, что нам неизвестны адекватные закономерности в других индоевропейских языках, либо, что нам неизвестны индоевропейские языки с такого рода закономерностями.

Перейдем к рассмотрению конкретных слов германского праязыка, которые, по нашему убеждению, являются древнейшими славянизмами в германском.

В самое последнее время К. Мошинский вновь вернулся к рассмотрению славяно-германской параллели **sedʎlo*/**sadula*: ст.-сл. осѣдѣлѣти, др.-русск. *седьло*, *сѣдло* болг. *седло*, с.-хорв. *сѣдло*, чешск. *sedlo*, польск. *siodło*, др.-исл. *sqdull*, др.-англ. *sadol*, др.-в.-нем. *satul*.

Если Э. Файст, рассматривая германское слово, ограничивался риторическим вопросом («Но где же искать „первоисточник„?»³³), то К. Мошинский нашел общий первоисточник для славянского и германского в иранском³⁴. Он видит при этом основное препятствие при обосновании своего тезиса в наличии интервокального *l*, что не свойственно иранской группе, и значительную часть раздела посвящает доказательству возможности интервокального *l* в скифском.

Мы усматриваем основное противоречие не в этом. Таким взглядам противоречат следующие соображения.

1. В индо-иранском и вообще в каком бы то ни было из известных индоевропейских языков отсутствует слово, адекватное славянскому **sedʎlo*.

2. Слово надежно этимологизируется в славянском (чего нельзя сказать о германском), распадаясь на корень **sed-* и продуктивный славянский суффикс *-lo-* (трудности с предсуффиксальным *ʎ* не могут служить в данном случае препятствием).

3. Дериват первичного **sed-* должен был в индо-иранском характеризоваться долготой корневого гласного: **sāda*³⁵, а это привело бы к тому, что предполагаемое германское заимствование из иранского получило бы иную огласовку корня: **sōd-*, ибо в результате передвижения гласных в германских языках *ā > ō*.

Зачем же понадобилось К. Мошинскому и его предшественникам при наличии этимологически прозрачного слав. **sedʎlo* искать „третий неизвестный“. Причина кроется в том, что исследователи видят в корневом *a* герм. **sadula* рефлекс корневого *a* слова-первоисточника. Но ведь германский *a* является рефлексом не только старого *ǣ*, но вообще всех кратких гласных неопределенного тембра (т. е. исключая *ē*): *ō*, *ǣ*, *ǣ₁*, *ǣ₂*, и, как известно, отражал редукцию *ē*, т. е. представлял собой краткий гласный неопределенного тембра. Именно такой звук должен был возникнуть в корне славянского **sedʎlo* в ходе его приспособления к акцентологической структуре германского, учитывая окситоничность славянского слова. В результате **sedʎló > *sədʎló > *sádula* (*ǣ < ǣ*, *ǣ > u*, *ō > ǣ*).

Тем самым мы считаем лексическое проникновение слав. **sedʎlo >* герм. **sadula* доказанным.

В свете контаминации и.-е. **sed-* и и.-е. **sel-* рассматривается этимология слав. **selo* (ст.-сл. сѣло 'жилище, кров', свиште 'двор', се-

³³ S. Feist. Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache, стр. 43.

³⁴ K. Moszyński. Pierwotny zasięg języka prasłowiańskiego, стр. 117.

³⁵ J. Kuryłowicz. L'apophonie en indo-européene. Wrocław, 1956, стр. 328.

ЛИТВА 'жилище', др.-русск. село 'жилище, селение', болг. село 'деревня', с.-хорв. село 'деревня', чешск. selo 'деревня', польск. siolo 'деревня'). Такая контаминация действительно в некоторых частных случаях имеет место (например, н.-луж. sedlo), однако, во-первых, не она является определяющей для славянской лексической группы, а во-вторых, тем самым мы нисколько не приближаемся к решению вопроса о происхождении предполагаемого и.-е. *sel-.

Семантическое развитие *selo 'кров, жилище' > *selo 'деревня' подтверждается параллельным др.-греч. οἶκος 'дом' ~ ст.-сл. вѣсь 'деревня' (и.-е. *weik'-/*woik'-/*wik'), что вполне естественно, поскольку речь идет о жилых постройках. Сохранение праславянского *selo одновременно с праславянским *vьsь свидетельствует о принципиальном семантическом различии, так как столь длительное сосуществование абсолютных синонимов должно быть исключено. Если первичное значение *vьsь мы восстанавливаем благодаря др.-греч. οἶκος 'дом, семья, род', др.-иранск. vīs 'дом, деревня, род' и др., как 'родовое поселение', то первичное значение *selo благодаря сравнению с готск. saljan 'находить убежище', др.-исл. salr 'покой, дом', др.-англ. salor 'покой, дом', лангобард. sala 'двор, дом', др.-в.-нем. sal 'здание, помещение' восстанавливается как 'огороженный дом, убежище' или 'укрепленное селение'. Последнее, как известно, было весьма распространено у славян и служило защитой от набегов кочевников³⁶. Но, установив это, мы сразу же обращаем внимание на то, что предполагаемое и.-е. *sel- отражено только в славянском и германском, а следовательно, говорить о генетическом родстве трудно³⁷. Зато, если отвлечься от германских форм и попытаться реконструировать индоевропейский архетип на основании славянского, мы можем получить и.-е. k'el- с точными формальными и семантическими соответствиями почти во всех индоевропейских языках: др.-инд. śāla 'дом, двор, помещение', др.-инд. sarman 'кров, защита', др.-греч. χαλῶπτω 'прячу, прикрываю', лат. cēlo 'скрываю, даю убежище', cēla 'каморка'; др.-англ. helan 'прятать' и т. д.

Как же объяснить герм. *sala? С нашей точки зрения, одно из возможных объяснений заключается в том, что при своей окситоничности слав. *selo преобразуется в ходе приспособления к акцентологической структуре германского праязыка, так же как и *sedъlo, т. е. *selo > *salo > *sala (ə > a, ѓ > a).

Сторонники иранского первоисточника могли бы в этом случае выдвинуть более веские аргументы, чем в предшествующем, сославшись на действительно зафиксированное др.-инд. śālā, но долгота корневого гласного не позволила бы им и здесь прийти к желаемому результату (индо-иранск. ā дало бы герм. ō, а следовательно, герм. *sōl-).

Обращаем внимание на то, что здесь в качестве основного критерия при установлении заимствования в германском использованы следы фонологической системы satəm, а значит, имеется возможность значительно более древней датировки лексического проникновения. Косвенно и недвусмысленно это подтверждается тем, что, кроме основного

³⁶ См. W. Hensel. Słowiańszczyzna wczesnośredniowieczna. Warszawa, 1956, стр. 310.

³⁷ См. В. Георгиев. Балто-славянско-германското езиково родство... стр. 23; S. Feist. Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache, стр. 408. Р. Мерингер сближает с лат. solum, ссылаясь на частное значение др.-исл. salr 'земля' (см. R. Meringer. Wörter und Sachen, III. — IF, Bd. 18, 1905, стр. 242). — Однако аналогично существует, например, и вторичное значение для др.-русск. село 'поле, земельный участок', что представляет собой семантически закономерное развитие первоначального 'поселение'.

проникновения слав. **selo* > герм. **sala*, мы предполагаем еще проникновение суффиксального образования слав. **selitva* > герм. **salifwa* (ср. ст.-сл. СЕЛИТВА, др.-русск. *селитва*, русск. *селитва*, укр. *селитва* и готск. *salifwos* (plur.), др.-сакс. *selida*, др.-в.-нем. *selida* и т. д.). В этом случае суффиксальный *t* > *f*, т. е. подвергся действию закона первого передвижения согласных в германских языках.

Данная гипотеза, однако, останется неубедительной и недоказуемой до тех пор, пока вост.-лит. *salà* 'село' и вост.-латыш. *sala* 'село' будут рассматриваться как исконные.

Огромная литература посвящена славяно-германской параллели **jьstьba*/**stubo*³⁸: ст.-сл. ИСТЪБА 'комната', др.-русск. *истъба* 'дом (баня)', болг. *изба* 'хижина', с.-хорв. *изба* 'чулан, каморка', чешск. *jizba* 'комната, каморка', польск. *izba* 'комната, каморка' и др.-исл. *stofa* 'комната', др.-англ. *stofa* 'баня', др.-в.-нем. *stuba* 'обогреваемая комната'. Вопрос усложняется наличием романской параллели³⁹: ит. *stufa*, исп. *estufa*, фр. *étuve*. Отсутствие соответствия в латинском приводит исследователей на путь фиктивных реконструкций типа **extufa* < **extūfāre* (на основании ит. *stufare* и фр. *étuver*, первичность которых доказать нельзя) и далее из несуществующей формы **tufus* < др.-греч. τῦφος 'чад, дым'. Противники заимствования германской лексической группы из романской предлагают семантически недоказуемое образование **stubo* < *stiuban* 'распыляться, рассеиваться'.

Эти этимологии могут упоминаться лишь постольку, поскольку этимологического решения не существует ни для романской группы, ни для германской.

Между тем совсем простое соображение внелингвистического порядка должно помочь разобраться в сути германо-романской параллели. Дм. Зеленин пишет по этому поводу буквально следующее: „Германцы, которым римская купальня (*balneum*) под названием *stuba* (?) была уже известна, называли тем же словом восточную парную, с которой они познакомились при посредстве славян“⁴⁰. К этому удивительно нелогичному заключению можно добавить, пожалуй, еще и то, что славяне после того, как германцы называли их парную несуществующим латинским названием, решили это название принять для обозначения своей парной. Вот как выглядит этимология ром. **extufa* > герм. **stubo* > слав. **jьstьba* в приложении к этнографии. Казалось бы, чего естественнее предположить, что развитие распространялось в противоположном направлении (вместе с реалией). Но тогда бы пришлось отказаться от гипотезы о романском происхождении слова и от гипотезы о германском происхождении слова.

Перейдем к сугубо лингвистическому рассмотрению существа вопроса. Если принять германское происхождение славянского слова,

³⁸ Германское происхождение отстаивают: R. Meringer. *Wörter und Sachen*, III, стр. 273; N. van Wijk. *Germanische Etymologien*. — IF, Bd. 24, 1909, стр. 35; A. Stender-Petersen. *Slavisch-Germanische Lehnwortkunde*, стр. 245; V. Kiparsky. Указ. соч., стр. 237.

³⁹ Романское происхождение отстаивают: A. Meillet. *Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave*, P. 1. Paris, 1902—1905, стр. 182; А. И. Соболевский. Несколько замечаний о заимствованных словах. „*Slavia*“, роç. 8, сеж. 3, 1929, стр. 489; V. Machek. *Quelques mots slavo-germaniques*, стр. 278—281. По Махеку, лат. *aestuarē* > ст.-фр. *estuarē* > ст.-фр. *estuve*, а **estuva* > **estuba* (необъяснимая субституция *v* > *b*/).

⁴⁰ D. Zelenin. *Russische (ostslavische) Volkskunde*. Berlin—Leipzig, 1927, стр. 280. Столь же путанные рассуждения по данному предмету мы находим в работе V. Geramb. *Die Kulturgeschichte der Rauchstuben*. — WuS, Bd. 9, 1924—1926, стр. 30.

т. е. **stubō* > **jbst̥ba*, то никогда нельзя будет объяснить начальное **j̥b-* в славянском. М. Фасмер убедительно отверг повторенное В. Кипарским объяснение В. Вондрака начального *j̥b-* как протетического *i-*⁴¹. Последнее встречается лишь в поздних русских заимствованиях. На основании сравнения перечисленных выше славянских форм (следует добавить в.-луж. *jstwa*, н.-луж. *śpa*, полаб. *jāzbā*) реконструируется праславянский *j̥b-* в слабой позиции (**jbst̥bā*)⁴², который имеет тенденцию к резкому сокращению вплоть до исчезновения, наблюдаемого от случая к случаю в лехитских и лужицких диалектах (ср. польск. диал. *źba* и н.-луж. *śpa*).

Если принять романское происхождение славянского слова (**estūva* > **jbst̥ba*), то необъясненным останется *υ* > *b*, *ū* > *ъ* и *e* > *ь*. В случае признания реконструкции В. Махека, ром. **estūba* должно было дать на славянской почве **jest̥ba*.

Сомнения наши должны исчезнуть, если мы примем гипотезу о проникновении из славянского в германский. При окситоничности слав. **jbst̥ba* и без того слабый *ь* находился во втором предударном слоге. Это приводило, как мы говорили выше, к его исчезновению в некоторых лехитских и лужицких говорах. Тем более он должен был синкопироваться в германском праязыке в ходе приспособления слав. **jbst̥ba* к акцентологической структуре германского. Выше, в случаях **sedlō* и **selō* мы наблюдали редукцию краткого *e* при его адаптации в ходе проникновения слова в германский. В случае **jbst̥ba* наблюдается закономерная синкопа чрезвычайно краткого *ь* при его адаптации.

Итак, с нашей точки зрения слав. **jbst̥ba* > герм. **stubō*. Как и в предшествующем случае (герм. **sala* > ит. *sala*, фр. *salle* и т. д.) во время миграции германских племен слово проникло в романские диалекты. При этом герм. *u* в **stubō* (зап.-герм. *stufa*) получило удлинение в открытом слоге, что закономерно для позднего периода развития народной латыни, а в испанском, старопровансальском и старофранцузском перед начальным *st* столь же закономерно развилось *e*. Отсюда ит. *stufa*, но исп. *estufa*, ст.-прованс. *estuba* и ст.-фр. *estuve*. Ясно, что реконструированное В. Махеком ром. **estūba* фиктивно.

Фактическое отсутствие этимологий для германских и романских слов приводит, естественно, к стремлению этимологизировать слово на славянской почве. При условии, что слав. **jbst̥bā* > герм. **stubō*, слово **jbst̥ba* должно неизбежно этимологизироваться на славянской почве. Нами была уже предпринята попытка установить происхождение слав. **jbst̥ba*⁴³. Здесь мы приведем лишь результаты данного исследования. В слав. **jbst̥ba* с регулярной йотацией начального *ь* может быть гипотетически выделен корень **bst-*, который (с аблаутной степенью *ei* по сравнению с *i* в **bst-*) мы находим в слав. **isto*, **istina*, др.-русск. *исто*, польск. *iścina*, чешск. *jistina* 'наличное имущество', русск. *истец*, польск. *iściec*, чешск. *jistec* 'истец, владелец'. При этом в отношении последнего принимается этимология Х. Станга (слав. **isto* сравнивается с готск. *aihts*, др.-англ. *aēht*, др.-в.-нем. *ēht* 'собствен-

⁴¹ REW, Bd. I, стр. 473; ср. V. M a c h e k. Quelques mots slavo-germaniques, стр. 277—278.

⁴² J. R o z w a d o w s k i. Przyczynki do historycznej fonetyki języków słowiańskich. — RS, t. 7, 1914—1915, стр. 9—13; T. L e h r - S p ł a w i ń s k i. Prastowiańskie *j̥b-* w językach zachodniosłowiańskich. — „Studia i szkice wybrane“. Warszawa, 1957, стр. 215—218.

⁴³ Материалы к этимологическому словарю русского языка, изд-во МГУ, вып. 3 (в печати).

ность', др.-инд. *īśe* 'имеет, владеет', др.-иранск. *īšti* 'имущество, богатство', пелазг. *áida* 'доля'⁴⁴.

Мы считаем возможным объяснить слав. *jbstьba* как 'недвижимая собственность, хозяйство, дом', из **istь + ba* (как **otroba*, **chudoba*, **zьloba* и т. д.). Наличие *й(ь)* в **jbstьba* на месте *о* в **otroba*, **chudoba*, **zьloba* можно предположительно объяснить как отражение *й*-основы прилагательного **istь* (ср. старославянские формы *истовина*, *истовьнъ*, *истовъ*; др.-русск. *истововати*, *истовьство*)⁴⁵. Ср. также очень любопытное в.-луж. *jstwa*, *stwa* наравне с *jьpa*, *ьpa*. Для семантического развития 'имущество > хозяйство > дом' ср. др.-греч. *οἶκος* 'дом' в значении 'хозяйство, имущество'.

Ряд выводов, сделанных на основании анализа предшествующих примеров, может быть использован и при рассмотрении славяно-германской параллели **osenь*/**asani*.

При попытке установления этимологии слав. **osenь*, ст.-сл. *късьнь*, русск. *осень*, болг. *есен*, с.-хорв. *jьсен*, польск. *jesień*, чешск. *jeseň* исследователи сталкиваются с двумя вопросами⁴⁶. Во-первых, надежные эквиваленты⁴⁷ славянской лексической группы мы находим только в прагерманском: готск. *asans* 'время жатвы', др.-в.-нем. *aran* 'жатва', др.-исл. *opl* 'полевые работы'⁴⁸ и древнепрусском: *assanis* 'осень'. Причем, последнее изолировано в балтийском и поэтому вероятнее всего заимствовано из славянского или германского. Во-вторых, мы не можем считать несомненный сам по себе факт эквивалентности славянских и германских форм равнозначным этимологическому решению. В самом деле, если в др.-англ. *haerfest* 'жатва', 'осень', др.-в.-нем. *herbist* 'время сбора плодов, осень' и т. д. легко обнаружить внутреннюю форму (ср. лат. *carpo* 'срываю, собираю'), то этого нельзя сказать о рассматриваемых формах. А это может вызвать подозрение о неисконности данной лексической группы у славян или германцев. Попытка этимологизировать готск. *asans* и его германские соответствия ни к чему не приводит⁴⁹. Картина, однако, меняется, когда мы пытаемся этимологизировать **osenь* на славянской почве.

Прежде всего вспомним, что славяне создали свои, уходящие в глубину древности названия для частей года. Эти названия были созданы в связи с трудом человека, явлениями окружающей его природы и только после принятия христианства определились как названия месяцев. Первоначальное же время типа укр. *травень*, *квітень*, польск. *grudzień*, чешск. *leden* и т. д. употреблялись для обозначения той или иной поры года. Эти названия образовались, как мы полагаем, из абстрактно-

⁴⁴ См. А. J. van Windenkens. Griech. *ἀιδυμ'αω* ein pelasgische Lehnwort. — IF, Bd. 62, 1956, стр. 188.

⁴⁵ См. Р. Эккерт. К вопросу о составе группы имен существительных с основой на -й в праславянском языке. — ВСЯ, вып. 4, 1959, стр. 104—105.

⁴⁶ REW, Bd. II, стр. 281; F. Sławski. Słownik etymologiczny języka polskiego, t. I. Kraków, 1952—1956, стр. 563.

⁴⁷ Предложенная В. Шульце (см. W. Schulze. Questiones epicae, Gueterslohiae, MDCCCXCII, стр. 475) и поддержанная в последнее время Э. Бенвенистом (см. Э. Бенвенист. Индоевропейское именное словообразование. М., 1955, стр. 43) реконструкция др.-греч. *ὀσάρα* 'пора сбора плодов' < **op-osara*, где **osara* означало бы гетероклитический вариант к слав. **osenь*, столь же фиктивна, как реконструкция лат. *annōna* < **anno* — *osna*. В подобной реконструкции нет острой необходимости. Др.-греч. *ὀσάρα* хорошо объясняется как *ὀσo + ᾠρα* с закономерным исчезновением интервокального придыхания и стяжением *o + ω > w*.

⁴⁸ S. Feist. Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache, стр. 58—59.

⁴⁹ Этимология Г. Швабе в семантическом отношении произвольна (готск. *asans* ~ лат. *areo* 'быть сухим'); см. Н. О. Schwabe. Etymological Notes. — „Journal of English and Germanic Philology“, t. 17, 1918, стр. 588.

собираательных имен существительных женского рода с суффиксом $-(e)n\bar{n}$ типа **zelenb*. Уже будучи названиями месяцев, они перешли в мужской род под влиянием определяемого (**travenb* > *travnjъ mĕsĕcъ*) с изменением по аналогии звуковой оболочки суффикса: $-en\bar{n}$ > $-bn-j\bar{n}$.

Рассмотрение слав. **osenb* в ряду слов типа **zelenb* позволяет выделить корень **os-*, который содержится также в русск. *ость*, чешск. *ost'*, польск. *ość* 'усик на колосе', полаб. *gesseroy* 'усики на колосе'. Ср. готск. *ahs* 'колос', лат. *agna* 'колос' и т. д. (и-е. **ak'*)⁵⁰.

Отражение восточнославянского начального о как *je* в западно- и южнославянском мы объясняем, вслед за Я. Розвадовским, ассимилятивным воздействием последующего гласного переднего ряда⁵¹. Во всяком случае для славянского праязыка реконструкция в данном примере начального *e* немыслима в силу несомненной германской параллели (готск. *asans* и др.) и др.-прусс. *assanis*.

Таким образом, слав. **os-enb* 'колос-ень > время уборки колосовых'. В этом случае германская лексическая группа должна рассматриваться лишь как результат проникновения из славянского праязыка. При обосновании данного положения мы прежде всего должны обратить внимание на древнюю окситонию слав. **osenb*. Она доказывается консервативными в акцентологическом отношении наречными формами⁵²: укр. *восені*, русск. диал. *восеня́х*, а особенно праславянским **osenésb* (ср. **lĕtosb*); русск. *осенёсь*, болг. *есенёс*, с.-хорв. *есёнес*. Восстанавливаемая таким путем праславянская форма **osenb* в ходе приспособления к акцентологической структуре германского праязыка должна была аналогично предшествующим примерам преобразоваться в герм. **asani*, т. е. предударное *ě* через *ə* преобразовалось в *a*, *ō* — также в *a* (**osenb* > **asāni* > **asani*). Окситоничность проникшей в германский праязык формы предполагает также действие закона Вернера. И действительно, за исключением готского, в котором, как известно, закон Вернера не нашел широкого распространения, в других германских диалектах следы его действия ясно обнаруживаются. Ср. др.-в.-нем. **aran* (< **azani*), др.-исл. *ənn* (< **aznō*). Форма скандинавского праязыка нуждается в специальном объяснении. Поскольку в скандинавском существительные женского рода перешли в класс *ō*-основ (**azani* > **azanō*) после синкопы срединного гласного **azanō* > **aznō* > *ənn* (под действием *и-умлаута*).

Помимо прямых подтверждений данной этимологии, можно привести не менее важные косвенные. Лат. *annōna* 'годовой урожай, хлеб в зерне, продовольствие' < лат. *annus* 'год', 'время года'. Последнее мы выводим из лат. **agnus* < **acnus*. Ср. лат. *agna* 'колос', *acus* 'хлебная мякина'. Ср. также лат. *sol-ennis* и умбр. *sev-acni*, лат. *perennis* и умбр. *per-acni*⁵³, с одной стороны, и др.-греч. ἀκμή, ἀκμά 'кон-

⁵⁰ Этимологическое объяснение арм. *ašun* 'осень' < **as-skjĕn* (см. J. Scheffelowitz. Die verbalen und nominalen *sū-* und *su-*Stämme im Arischen und Armenischen. — „Zeitschrift für Indologie und Iranistik“, Bd. 6, 1928, стр. 122) подкрепляет нашу этимологию.

⁵¹ J. Rozwadowski. Przyczynki do historycznej fonetyki języków słowiańskich, стр. 18. — Неприемлема точка зрения, высказанная Г. Ильинским (см. Г. Ильинский. К вопросу о чередовании ряда *o*, *e* в начале слов в славянских языках. — „Slavia“, гоґ. 2, сеґ. 2—3, 1923, стр. 245), так как непонятно, каким образом один из рядов *аблаута* закрепился за одной группой славянских языков, а другой — за двумя другими. Ясно, что мы имеем дело с комбинаторными изменениями.

⁵² См. J. Kuryłowicz. L'accentuation des langues indo-européennes. Wrocław—Kra-ków, 1958, стр. 223—224.

⁵³ K. Thurneysen. Zu den Etymologien im Thesaurus Linguae Latinae. — „Archiv für lateinische Lexikographie und Grammatik“, Bd. 13, 1902, стр. 25. Для

чик, острое, расцвет, зрелость, лучшая пора', ἀκμάζω 'процветать, изобилывать, зреть' (для хлебов), с другой⁵⁴. Это сравнение, как нам кажется, дает возможность установить для итальянских и греческих форм *ak-no, *ak-mo общее значение 'пора созревания, пора урожая, пора года', а следовательно, адекватность слав. *osenb.

Все вышеизложенное дает основание считать герм. *asani славянским проникновением. Отраженная в германской форме фонологическая система satəm говорит о возможности отнести проникновение к периоду, предшествовавшему V в. до н. э.

Значительный интерес в плане нашей проблемы представляет собой следующая германская лексическая группа: готск. -*trusnjan* 'сыпать', др.-исл. *trosna* 'рассыпать(ся), распадаться', др.-исл. *tros*, *ō-tros* 'хвост, мусор, навоз', др.-англ. *trus* 'хворост'⁵⁵.

В древнесаксонском и древневерхненемецком соответствия вызывают сомнения в силу того, что здесь действуют разнообразные аналогии.

Германская лексическая группа не имеет признанной этимологии.

На основании перечисленных выше примеров устанавливается герм. **trusnan*, **trus*.

Можно ли считать германские формы древнейшими славянизмами, результатом проникновения слав. **trousnōti* (< **trōpsiti*)? С нашей точки зрения, да. Слав. **trousnōti* могло возникнуть из первичного **trōpsiti* в результате альтернации *ρ/ου*⁵⁶, типичной для славянского праязыка. Мы принимаем в данном случае интерпретацию Т. Лера-Сплавинского⁵⁷, который объясняет переход *ρ > ου* усилением лабиализации во второй половине носового гласного, что превращает его постепенно в дифтонг (*ρ > ρʷ > ρυ > ου*). В нашем примере деназализации должно было способствовать диссимилятивное влияние суффикса -*np*.

Глагол **trousnōti* образован при помощи суффикса *np*-⁵⁸ от первичного глагола и поэтому, в отличие от деноминативных глаголов, с тем же суффиксом окситоничен⁵⁹. Можно, следовательно, восстановить первичную форму **trousnō*, **trousnōti*. Как и в предшествующих примерах, окситоничность славянской формы ведет к сокращению корневых гласных в процессе приспособления славянской звуковой оболочки к акцентологической структуре германского праязыка. А значит, **trousnōti* > **trōsnán* > **trūsnan*.

Теперь можно перейти к семантическому обоснованию. Первичный глагол **trōpsiti* приобретает следующие значения в основных славянских языках: ст.-сл. трѣсити 'трусить, сыпать', др.-русск. *трусити* 'трусить,

сведений: окск.-умбр. **akno* и лат. *annus* к **at-no*. (См. F. Froede. Zur lateinischen Lautlehre. — PBB, Bd. 16, 1890, стр. 196). Говорить о связи с готск. *aþn* 'год' нет никаких оснований. Готск. *aþn* не встречается ни в одном из прочих германских диалектов, в Библии Вульфылы фигурирует только дважды. Нельзя считать готск. *aþn* первичной формой и тем более, опираясь на него, делать далеко идущие фиктивные реконструкции.

⁵⁴ Ср. др.-греч. ὄρα 'цветущая пора' ~ слав. **jarb* 'весна' и др.-греч. ἀκμή 'пора зрелости' ~ слав. **osenb*.

⁵⁵ S. Feist. Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache, стр. 511; A. Jóhannesson. Isländisches etymologisches Wörterbuch, Lief 4—5. Bern, 1954, стр. 489.

⁵⁶ *Оυ* — для периода, предшествующего упрощению дифтонгов (см. Т. Lehr-Splawinski. O dubletach słowiańskich z *q i u*. — „Studia i szkice wybrane“. Warszawa, 1957, стр. 191—195; F. Sławski. Oboczność *q: u* w językach słowiańskich. — SO, t. 18, 1947, стр. 246—290).

⁵⁷ Т. Lehr-Splawinski. O dubletach słowiańskich z *q i u*, стр. 193.

⁵⁸ См. V. Machek. Die Herkunft des *np*-Stammes in der slavischen II Verbal-kategorie. — ZfslPh, Bd. XV, 1938, стр. 87.

⁵⁹ J. Kurýłowicz. L'accentuation... , стр. 324.

вытряхивать', болг. *трѣсам* 'трясти', словен. *trositi* 'высыпать, разбрасывать', чешск. *trousiti* 'сыпать, трусить', польск. *trząść* 'трясти, вытряхивать', которые можно свести к двум: 'встряхивать' и 'сыпать'. Второе из них полностью совпадает со значением германского **trusnan*. Убедительность семантического сближения достигается сопоставлением различного рода производных. Так, русск. диал. *трус* 'хворост', ст.-польск. *trzęsianka* 'вид соломы', моравск. *trus* 'мелкие отходы сена', словен. *tros* 'спора', с.-хорв. *трѣсови* 'споры', чешск. *trus* 'помет', словц. *trus* 'помет'. Как мы видим, частные вторичные значения славянской и германской лексических групп также совпадают.

Последнее время этимологи вновь возвращаются к старому объяснению происхождения праслав. **plougъ*: ст.-сл. *плу҃гъ*, др.-русск. *плу҃гъ*, болг. *плог*, с.-хорв. *плѹг*, чешск. *pluh*, польск. *plug* из славянского же глагола, первичного по отношению к рассматриваемому имени⁶⁰: чешск. *plouhati*, *ploužiti* 'тащить по земле'. Сюда же ст.-польск. и польск. диал. *plūzyc* 'таскаться, шататься'. При этом имеется в виду, что праслав. **ploug-* является суффиксальным образованием и в свою очередь распадается на **plou-g-*⁶¹. Корень **plou-* восходит к и.-е. **pleu-*⁶²; ст.-сл. *плу҃ти*, 'плыть', лит. *plūsti* 'поплыть', др.-инд. *plāvate* 'плывет, летит' и т. д. С нашей точки зрения, сюда же с иной огласовкой относятся чешск. *plížiti* 'красться ползком', словц. *pl'uha* 'гадюка', польск. *plugawic* 'грязнить', русск. *плогавый* и т. д.⁶³

Данное сравнение дает возможность реконструировать и.-е. **pleu-/ *plou-gh*. Большое распространение имеет другой вариант того же корня **pel-gh* (ст.-сл. *пльзж* 'ползу', *пльжь*, 'улитка', болг. *пльзам се* 'скользить', чешск. *plznouti* 'ползать', польск. *pełzać* 'ползать' (ср. болг. *позуха* 'род плуга')⁶⁴.

Таким образом, восстанавливается и.-е. **pel-/*pleu/*plou-gh*. Два варианта этого корня отражены в исконно родственных славянским формам прагерм. **felgan/*flōgan* (др.-англ. *fielg* 'обод колеса', др.-в.-нем. *felga* 'вспаханное поле, борона', др.-исл. *fliuga* 'лететь', др.-англ. *fleogan* 'лететь, бежать' и т. д.)

Перечисленные факты свидетельствуют о том, что прагерм. **plōg-* (др.-исл. *plōgr*, др.-англ. *plōg*, др.-в.-нем. *pfluoc*) не может рассматриваться как источник праславянского **ploug-*, а является результатом славянского проникновения в германский.

⁶⁰ V. Machek. Quelques mots slavo-germaniques, стр. 206; T. Lehr-Splawinski. O dubletach słowiańskich z *g i u*, стр. 191—195; F. Sławski. Obecność *g : u* w językach słowiańskich, стр. 246—290.

⁶¹ D. Zelenin. Russische (ostslavische) Volkskunde, стр. 11. — В. Террас приводит ряд примеров с праславянским суффиксальным образованием на *-g*, в том числе **plugъ* — См. V. Terras. slavische Etymologien. — ZfslPh, Bd. XIX, 1947, стр. 123.

⁶² Этот корень содержится, очевидно, в упоминаемом Плинием *plumorati* (см. V. Carnou. Dictionnaire de la langue protoindoeuropéenne. Louvain, 1955, стр. 141). Однако прагерм. **plōg-* нельзя рассматривать как источник данного слова: в нем отсутствует суффиксальное *-g-*. Семантика его весьма неопределенна, еще менее определенно происхождение реалии (см. Paulys. Real-Encyclopädie, Hbd. 38. Stuttgart, 1938, стр. 1468).

⁶³ Мы убеждены в том, что русск. *плогавый* и чешск. *plížiti* являются ближайшими соответствиями. Слав. **pljugъ* (исходная форма для прилагательного **pljugavъ*), возможно, имело значение 'гад' (ср. словц. *pl'uha* 'гадюка'), отсюда укр. *поплюжити* 'изгадить' (**pljugъ : *pljužiti = *gadъ : *gaditi*).

⁶⁴ В последнем случае мы реконструируем также *gh*, а не *g'h*, так как разделяем положение о двух рядах индоевропейских гуттуральных, выдвинутое В. Георгиевым. — В. Георгиев. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958, стр. 39. Но и в случае ошибочности данного положения несомненным останется **pleu/*plou-gh*.

Акутовая интонация в славянских формах указывает на старую бари-тонезу. Из этого следует, что корневой вокализм не подвергся количественным изменениям в ходе приспособления к акцентологической структуре германского праязыка ($ou > \bar{o}$ ⁶⁵).

Приведенных примеров, конечно, недостаточно для определения общих закономерностей процесса лексических проникновений из славянского в германский. Указанное нами правило приспособления звуковой оболочки проникшего славянского слова к акцентологической структуре германского праязыка выведено дедуктивно и экспериментально проверено лишь на рассмотренных примерах.

Если методику данного исследования признают удачной, а частные этимологии — достаточно надежными, то судьба поставленной проблемы будет в конечном счете зависеть от того, насколько удастся умножить количество примеров и тем самым увеличить вероятность наличия древнейших славянизмов в германском праязыке.

⁶⁵ T. Lehr-Splawiński. O dubletach słowiańskich z *q* i *u*, стр. 191—195; F. Sławski. Oboczność *q*:*u* w językach słowiańskich, стр. 246—290.

Л. Э. Калнынь

КОРРЕЛЯЦИЯ ТВЕРДЫХ И МЯГКИХ СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ В УКРАИНСКОМ ЯЗЫКЕ

§ 1. Украинский язык сформировался на основе одного из древнерусских наречий. Процессы, пережитые древнерусским языком в период до падения редуцированных, были характерны и для наречия, легшего в основу украинского языка.

К числу явлений, общих всем древнерусским наречиям, относится утрата различия между фонематической и позиционной мягкостью согласных, свойственного праславянскому языку. Следствием этого явилось функциональное противопоставление твердых и мягких слогов, т. е. такая ситуация, когда твердость и мягкость согласных не может быть изолирована от переднего или заднего образования последующего гласного, и наоборот. При наличии функционального противопоставления твердых и мягких слогов как твердые и мягкие согласные, так и передние и задние гласные в пределах одного подъема являются потенциальными вариантами одной согласной или гласной фонемы.

Разрешением этой ситуации явилось падение редуцированных, в результате которого во всех древнерусских наречиях оформилась корреляция твердых-мягких согласных фонем, а передние и задние гласные в пределах одного подъема подверглись функциональному отождествлению.

Падение редуцированных явилось вместе с тем и таким этапом, после которого пути развития отдельных древнерусских наречий разошлись, с тем чтобы в конечном итоге привести к формированию языков русского, украинского и белорусского.

В связи с этим исследование корреляции твердых-мягких согласных фонем в тех ее формах, которые она приобрела в украинском языке, следует начинать со времени после падения редуцированных.

§ 2. В первый период после падения редуцированных система твердых и мягких согласных фонем в том древнерусском наречии, на основе которого впоследствии развился украинский язык, существенно не отличалась от аналогичной фонологической категории в других древнерусских наречиях. По твердости-мягкости были противопоставлены как зубные согласные фонемы $t-t'$, $d-d'$, $n-n'$, $l-l'$, $r-r'$, $s-s'$, $z-z'$, так и губные $p-p'$, $b-b'$, $v-v'$, $m-m'$.

На то, что в украинском языке в прошлом были мягкие губные согласные, образующие фонемы, противопоставленные по твердости-мягкости, указывают согласные j , l' , n' после губных, которые разви-

лись в результате имевшего место в положении перед гласными выделения мягкости у губных в самостоятельную артикуляцию.

Подтверждением того, что мягкие губные были известны и в конце слова, служит судьба гласного *e* в слове *sedmь* в североукраинских говорах. Гласный *ē* из *e* после падения редуцированных подвергся таким изменениям, которые имели место только в положении перед мягкими согласными, т. е. в североукраинских говорах всегда имеет *s'iem*, но никогда *s'ïdm*, как должно было бы быть, если бы в период изменения гласного *ē* за ним следовал твердый согласный.

В современном украинском языке в положении перед *e*, *i* представлены только твердые согласные. В связи с этим ряд исследователей выдвигает тезис о том, что перед *e*, *i* в украинском языке согласные никогда не были мягкими¹.

Однако подобное утверждение противоречит фактам украинского языка, свидетельствующим о том, что в наречии, легшем в основу этого языка, так же как и в остальных древнерусских наречиях, согласные в положении перед *e*, *i* и перед другими гласными переднего ряда развили праславянскую позиционную мягкость в мягкость фонематическую и лишь позже отвердели. Факты, подтверждающие данное положение, были перечислены Шахматовым. Это — мягкость согласных перед заменой *e* в новых закрытых слогах; мягкость согласных после утраты последующего слабого *ь*; мягкость конечного согласного в формах 2-го л. мн. ч. императива *berit'*, *nesit'* из *berēt'e*, *nesēt'e* и, наконец, то обстоятельство, что лишь твердыми перед *e*, *i* в украинском языке бывают не только согласные, имевшие в этом положении в праславянском языке позиционную мягкость, но и праславянские палатальные согласные².

§ 3. Оформление категории твердых и мягких согласных фонем сопровождалось функциональным отождествлением передних и непредних гласных в пределах одного подъема. В то время как различие по твердости-мягкости для согласных приобрело функциональную значимость, различие в ряде для гласных эту значимость утратило. Гласные *e* и *o*, *i* и *u* стали функционировать как позиционно обусловленные варианты одной фонемы.

Вариантами одной фонемы были и гласные *ē*, *ō*, развившиеся одновременно с падением редуцированных в новых закрытых слогах. Несмотря на то, что с самого их появления употребление гласных *ē*, *ō* было позиционно ограниченным, эти гласные функционировали как фонематически самостоятельная единица, так как они в закрытом слоге были противопоставлены всем другим гласным, в том числе и *o*, *e*, с которыми *ō* и *ē* могли чередоваться в пределах одной морфемы. Ср. *n'ēs* — *d'en'*, *nōs* — *тох*.

¹ П. И. Житецкий. Очерк звуковой истории малорусского наречия. Киев, 1875, стр. 223, 254; St. Smah1-Stockuj und Th. Gartner. Grammatik der ruthenischen Sprache. Wien, 1913, стр. 48; К. Німчинов. Диспалаталізація приголосних перед *e*, *u*. — „Записки історично-філологічного відділу УАН“, т. IX, Київ, 1926, 1875, стр. 253; О. Н. Синявський. Фонетична контроверса. — „Записки історично-філологічного відділу УАН“, т. XIII—XIV, Київ, 1927, стр. 271; Ст. Смаль-Стоцький. „Мягкі“ і „тверді“ голосівки. — „Slavia“, роѣ. VII, sv. 4, Praha, 1929, стр. 833; L. Ossowski. Jak powstaje małoruska twarda wymowa prasłow. połączeni: spółgłoska + *i*, *e*. — „Sprawozdania z czynności i posiedzeń Polskiej Akademje umięjętności“, t. 40, № 8, Kraków, 1935, стр. 250.

² Al. Schachmatov. Wie im Kleinrussischen die Palatalisation der Consonanten vor *e* und *i* verloren ging. — AfsI Ph, Bd. 25, H. 2, Berlin, 1903, стр. 223; О. Шахматов, А. Крымський. Нариси з історії української мови. Київ, 1924, стр. 61; T. Lehr. Рецензия на кн.: St. Smah1-Stockuj und Th. Gartner. Grammatik der ruthenischen Sprache. — „Rocznik Sławistyczny“, t. VII, 1914—1915, стр. 92—95.

Таким образом, в период непосредственно после падения редуцированных в украинском языке твердые и мягкие согласные были противопоставлены на конце слова, перед гласными фонемами *i/y, u, o/e, ѓ/ѣ, a* и перед некоторыми согласными; в позиции перед *e* имела место нейтрализация противопоставления твердых и мягких согласных фонем. Ср. *son — p'en', ty — t'ixo, luk — l'ubov', nos — n'es, gorodok — d'en', dam — d'ad'a; ž'enka — b'el'en'ka, syn — kam'ěn'* и *o syn'ě, o kámen'ě*.

В североукраинском наречии рано сложилось различие между системами ударных и безударных гласных. Это было связано с тем, что в этом наречии гласные *o, e* в новых закрытых слогах в безударном положении или не продлились, или же, если и продлились, то очень быстро подверглись сокращению³.

Кроме того, в североукраинском наречии рано произошло изменение *ě > e* в безударных слогах; в большей части североукраинских говоров изменению в *e* подвергался также безударный гласный *a* после мягких согласных. Следствие этого в названных говорах в безударных слогах твердые и мягкие согласные фонемы были противопоставлены перед гласными фонемами *i/y, u, e/o* и не различались перед *a*. Ср. *dymok — d'ivak; tuman — t'ut'un; domok — d'ela, vod'enyj; lož'n'ic'a — l'esok*.

§ 4. Отверждение мягких согласных перед *e, i*, являясь специфическим достоянием истории украинского языка, имело место вскоре после падения редуцированных. При этом можно предположить, что отверждение согласных перед *e* и перед *i* происходило одновременно. На более раннее отверждение согласных в положении перед *e* как будто указывают некоторые южные белорусские говоры, близкие к североукраинским, но в отношении рассматриваемой черты более архаичные. В этих говорах мягкие согласные отвердели только перед *e* и сохранились перед *i*: *den', med, odeža, tešča* и *c'ixō, adz'in, s'in'i*⁴.

Мягкие согласные перед *e* отвердели до того, как стало осуществляться характерное для восточнославянских языков изменение *e > o* (*ě > ō*), являющееся следствием функционального отождествления этих гласных. Об этом свидетельствует сама система употребления гласного *o* на месте *e*. Как известно, в украинском языке изменение *e > o* произошло после шипящих и *j* (*pšono, žona, jogo*); наличие гласного *o* вместо *e* после мягких согласных, образующих фонемы, коррелятивные по твердости-мягкости, за исключением отдельных случаев (таких, как *posl'ón, upl'ótu, zapal'ónij*), объясняется нефонетическими причинами⁵.

Изменение *e > o* после мягких согласных в украинском языке не является фонологически закономерным. Причина, вызвавшая отверждение мягких согласных перед *e*, в то же время устраняла фонологическую предпосылку к изменению *e > o*. Причина эта состоит в фонологизации гласных *o* и *e*, являвшихся в первый период после падения редуцированных вариантами одной фонемы. Этой фонологизации способствовала морфологическая аналогия, приведшая к появлению гласного

³ В. Ганцов. Діалектологічна класифікація українських говорів. Київ, 1923, стр. 19.

⁴ См. Е. Ф. Карский. К вопросу об отверждении звуков *e* и *i* в малорусском наречии. — „Изборник Киевский, посвященный Т. Д. Флоринскому“. Киев, 1904, стр. 86.

⁵ Л. А. Булаховский. З історичних коментарів до української мови. Голосні повного утворення. — „Наукові записки Київського університету“, т. V, вип. 1, 1946, стр. 98.

Здесь и далее ударение обозначается в тех словах, где оно указано в цитируемом источнике.

о во флексиях после мягких согласных основы. Появление гласного о в этих условиях относится к числу весьма ранних фактов украинского языка и свидетельствуется памятниками уже с XII в.⁶

Смешение парадигм твердой и мягкой разновидности склонения было свойственно, если и не всем украинским говорам, то большей части их. Так, в современном украинском языке формы типа *kon'om*, *koval'om*, *kon'ovi* свойственны большей части юго-западных и северных диалектов⁷. Ср. говоры Ужгородского р-на: *vól'ôv*, *zím'l'ôv*, *vuvč'ar'ôvi*, *dn'ôvi*, *pól'ovi*⁸; западной части Дрогобычской обл.: твор. ед. *dín'ou*, *zeml'ou*, *kós''c''ou*, *zlós''c''ou*⁹; Полесского р-на Киевской обл.: *ved-méd'ou*, *lós'ou* (ДАУ, 51¹⁰); Чернобильского р-на Киевской обл.: *zem-l'ôju*, *dolón'ou*, *za kolódez'om*, *kon'om* (ДАУ, 90) и т. д.

Если раньше гласный о употреблялся только после твердых, а е — только после мягких согласных, что и являлось причиной функционального отождествления этих гласных, то после осуществления вышеназванной морфологической аналогии гласный о стал употребляться как после твердых, так и после мягких согласных (*snom*, *kon'om*), а гласный е — только после мягких. Таким образом, гласные о и е стали функционировать как самостоятельные фонемы, причем в положении перед е противопоставление твердых и мягких согласных фонем подвергалось нейтрализации. Ср. *son* — *d'en'* и зв. ед. *sn'e dn'edavny*. То обстоятельство, что в положении перед е мягкость согласных, образующих коррелятивные фонемы, утратила функциональное значение, послужило причиной отвердения мягких согласных в этом положении. О том, что в этом случае шла речь об утрате только той мягкости, которая из фонематической преобразовалась в функционально незначимую, свидетельствует сохранение перед е мягкости, никогда не имевшей функционального значения, т. е. мягкости согласных *š'*, *ž'*, *č'*, *šč'*, *j*.

Фонологических последствий отверждение согласных перед е не имело, так как положение перед е продолжало оставаться позицией нейтрализации противопоставления твердых и мягких согласных. Ср. *son* — *d'en'* и *sn'e dn'edavny* > *son* — *den'* и *sne dnedavny*.

Может возникнуть вопрос, почему нейтрализация способствовала отвердению мягких согласных только перед е, но не привела к аналогичным результатам в позиции перед ё. Вероятно, это можно объяснить тем, что сохранению мягкости в позиции перед ё способствовали фонетические условия, а именно переднее и высокое образование гласного ё.

Как уже было сказано, фонологизация гласных о и е в украинском языке устранила фонологическую предпосылку к изменению е > о в тех немногих случаях, когда по тем или иным причинам мягкость согласных перед е сохранялась. Однако изменение е > о произошло в этих случаях по аналогии с фонологически закономерным переходом гласного

⁶ Л. А. Булаховський. Фонетичні і морфологічні південнорусизми в староруських пам'ятках XII—XIV століть. — „Праці Київського державного університету“, I, 1954, стр. 132.

⁷ С. П. Бевзенко. Нариси з історичної граматики української мови. Морфологія. Киев, 1953, стр. 27.

⁸ П. П. Чучка. Система голосних у говірці села Баранниці Ужгородського району. — „Наукові записки Ужгородського державного університету“, т. XIV, Львів, 1955, 151.

⁹ Я. О. Пура. Говори західної Дрогобиччини, ч. I. Львів, 1958, стр. 51.

¹⁰ ДАУ — диалектологічний атлас українського мови. Цифра означає номер рукописного отвѣта на „Програму для збирання матеріалів до діалектологічного атласа української мови“ (Київ, 1949), зберігається в секторі діалектології Інститута лінгвістики АН УРСР.

\bar{e} в \bar{o} перед твердыми согласными. По аналогии с $n'os < n'es$ появились $l'on < l'en$, $t'omnyj$, $pasl'on$ и т. д.

Изменение $\bar{e} > \bar{o}$ имело место перед твердыми согласными. В положении между мягкими согласными узкое и напряженное образование гласного \bar{e} препятствовало его изменению в \bar{o} . Вследствие того, что изменение $\bar{e} > \bar{o}$ было ограничено определенными фонетическими условиями, функциональных последствий оно не имело, и гласные \bar{e} , \bar{o} продолжали оставаться вариантами одной фонемы: вариант \bar{o} употреблялся после твердых согласных и после мягких перед твердыми, вариант \bar{e} — между мягкими согласными. Ср. sol' , $s'ol$, $s'em'$.

§ 5. По мнению некоторых исследователей украинского языка, уже в ранних южнорусских памятниках XI в. (например, в Изборнике Святослава 1073 г.) в смешении букв u и y нашел отражение процесс отвердения мягких согласных перед i и совпадение гласных i и y ¹¹. Однако, по справедливому замечанию Шахматова, в памятниках XI и даже XII в. смешение букв u и y является всего лишь отражением орфографии болгарских оригиналов¹².

Данные украинского языка указывают на то, что отвердение мягких согласных перед i могло произойти только после падения редуцированных, т. е. после XII в. Именно о такой хронологии свидетельствует то обстоятельство, что согласные отвердели перед i , развившимся из \bar{y} перед j , и из безударного \bar{y} после плавных перед согласными. Ср. $sinij$, $sliza$, lij , $riju$.

В украинском литературном языке и многих современных говорах мы встречаем как будто бы сохранение мягкости согласного перед флексивным i у прилагательных. Ср. в литературном языке: $domašn'ij$, $sin'ij$, $orl'ij$, $budn'ij$, $bratn'ij$ и т. д. Однако мягкость согласных в этих случаях является вторичной, развившейся вновь под влиянием тех форм прилагательного, которые имели мягкие согласные не перед i и e , т. е. $sinij > sin'ij$ по аналогии с $sin'a$, $sin'u$ ¹³.

Отвердение согласных перед i произошло до того, как в украинских говорах развился гласный i на месте старых \bar{o} , \bar{e} в новых закрытых слогах, так как перед этим вновь возникшим i согласные сохраняли свою мягкость.

Причину отвердения мягких согласных перед i следует, может быть, искать в стремлении фонологизировать гласный y , бывший до этого времени вариантом фонемы i , т. е. в сочетаниях $t'i$ — ty перенести смысловоразличительную функцию с согласного элемента на гласный. В связи с этим можно заметить, что в основе отвердения мягких согласных в положении перед e и i в украинском языке лежат одинаковые фонологические причины, а именно стремление к упрощению фонематических средств, выражающееся в утрате мягкости, как дополнительной артикуляции в том случае, если она не является абсолютно необходимой для смысловоразличения. Однако отвердение согласных перед i в отличие от отвердения перед e имело фонологические последствия, выражающиеся в том, что гласные i и y стали функционировать как самостоятельные фонемы, в положении перед которыми твердые и мягкие согласные не были противопоставлены.

¹¹ Е. Тимченко. Курс історії українського языка. Київ, 1927, стр. 129; Ф. П. Медведєв. Історична граматика української мови. Харків, 1955, стр. 92.

¹² О. Шахматов, А. Крымський. Нариси з історії української мови, стр. 65.

¹³ Е. Тимченко. Курс історії українського языка, стр. 111; С. Кульбакин. Украинский язык. Харьков, 1919, стр. 66.

О том, что после отвердения согласных перед *i* гласные *i* и *y* стали функционировать как самостоятельные фонемы, свидетельствуют некоторые из архаических юго-западных украинских говоров, до сих пор имеющие две фонемы в качестве замены древнерусских *i* и *y*. Ср. доливский говор: *biti, nositi, malina, lipa, dobytok, bystryj, mysliti*¹⁴; говор с. Валашковец: *prišl'i, prisl'ilo, smaril'i, ryba, dyn'a, syn, snopy*¹⁵; говор с. Яворок: *robiti, zimno, sito, prositi, koryto, syn, tyžden'*¹⁶; надсянский говор: *bitisi, rudina, nusiti, byti, dym, syn*¹⁷ и т. д.

Качество гласных, образующих фонемы, соответствующие древнерусским *i* и *y*, неодинаково по говорам. На месте древнерусского *i* чаще всего представлен гласный передне-среднего ряда верхне-среднего подъема¹⁸. Но в некоторых говорах в этом же случае выступает гласный переднего ряда верхнего подъема¹⁹. Гласный, выступающий на месте древнерусского *y*, имеет разные звуковые оттенки: средний ряд верхний подъем, задний ряд средний подъем²⁰. Кроме того, в некоторых закарпатских говорах гласный *y* в своем образовании имеет элемент лабиальности. Ср. *sy^on, by^ok, ry^oba, dy^on'a, ly^osy^oj, stoly^o, dvory^o, ty^o*²¹.

Следует заметить, что в некоторых говорах, сохраняющих фонематическое различие между *i* и *y*, эта архаическая черта сопровождается нововведением: позиция перед этими фонемами стала позицией различения твердых и мягких согласных фонем. Это стало возможно вследствие процессов, приведших к появлению гласных *i* и *y* после мягких согласных фонем. Таков, например, говор с. Яворок, где $\bar{o} > y$, вследствие чего твердые и мягкие согласные фонемы противопоставлены перед *y*: *nyti, nys — n'ys*²².

В надсянских говорах представлен одинаковый гласный на месте старых *i, ̄i, ē, ě*. В результате положение перед *i* стало позицией различения твердых и мягких согласных фонем: *silā — s'ino; nis, nit' — n'is*.

Сохранение фонематического различия между заменителями древнерусских *i* и *y* является архаической чертой, свойственной лишь немногим украинским говорам. В основной же массе украинских говоров произошла дефонологизация противопоставления *i—y* вследствие совпадения гласных, образующих эти фонемы, в одном гласном, качество которого неодинаково по говорам. В североукраинских говорах это гласный верхнего подъема переднего ряда, в юго-восточных — верхне-среднего подъема передне-среднего ряда, в юго-западных — это гласный более низкого образования, чем в юго-восточных²³.

В позиции перед фонемой, образованной этим гласным, твердые и мягкие согласные фонемы первоначально не были противопоставлены.

¹⁴ І. Верхратський. Про говор долівський. — „Записки наукового товариства ім. Шевченка“, т. XXXV—XXXVI, кн. III—IV, Львів, 1900, стр. 2, 11.

¹⁵ І. Панькевич. Говір села Валашковець бувшої Земплинської жупи на Закарпатті. — „Записки наукового товариства ім. Шевченка“, т. 99, 1936, стр. 341—343.

¹⁶ J. Ziłiński. Lemkiewska góvorka села Яворок. — „Lud słowiański“, t. III, zes. 2, Kraków, 1934, стр. 192—193.

¹⁷ М. Пшепюрска. Надсянський говір. Варшава, 1938, стр. 7.

¹⁸ J. Ziłiński. Opis fonetyczny języka ukraińskiego. Kraków, 1932, стр. 21.

¹⁹ М. Пшепюрска. Надсянський говір, стр. 15; Г. Ф. Шило. Південно-західні говори УРСР на північ від Дністра. Львів, 1957, стр. 52.

²⁰ І. Панькевич. Українські говори підкарпатської Русі і сумежних областей. Praha, 1938, стр. 60.

²¹ С. П. Бевзенко. Лабіалізоване *ы* (*ы^o*) в говорах Закарпаття. — „Наукові записки Ужгородського державного університету“, т. XIV, Львів, 1955, стр. 165.

²² См. J. Ziłiński. Lemkiewska góvorka села Яворок, стр. 187—197.

²³ J. Ziłiński. Opis fonetyczny języka ukraińskiego, стр. 17.

Лишь впоследствии в юго-восточных говорах в связи со смягчением согласных перед i^{24} из \bar{o} положение перед i стало позицией различения твердых и мягких согласных фонем. Ср. *sin* — *s'il'* (см. об этом ниже). Однако в большей части украинских говоров позиция перед i продолжает оставаться позицией нейтрализации противопоставления твердых и мягких согласных фонем. Ср. в литературном языке: *v'iz* — *gr'az'* и *voziti grazivo*; *l'od* — *gv'iz'd'* и *l'odina gvozditi*.

Отверждение мягких согласных перед e , i является общеукраинской чертой. Мягкость согласных в этом положении известна лишь немногим крайне западным говорам и может быть отнесена за счет влияния соседних словацких говоров²⁵. Так, в гуцульских говорах согласные имеют слабую степень мягкости перед e , i : *ut'eklé^y*, *yd n'emú*, *u z'imi*²⁶; то же в некоторых говорах Львовской и Дрогобычской обл.: *v'ečuri*, *sm'érika*, *z'érnju*, *s'éstra*, *d'érou*, *žn'éc*²⁷.

В части северо-восточных украинских говоров, граничащих с территорией белорусского и русского языков, под влиянием этих последних также появляется мягкость согласных перед e , i . Ср. говоры Городнянского р-на Черниговской обл.: *vlad'éja*, *z'eml'óju*, *krin'íceju*, *s'eló*, *ad'in*, *s'est'éer* (ДАУ, 97).

§ 6. Гласные \bar{e} и \bar{o} в украинских говорах подвергались дифтонгизации. Гласный \bar{o} изменился в \bar{uo} (*núos*, *n'úos*), \bar{e} в \bar{ie} (*p'ieč'*). Дифтонгизация гласного \bar{e} привела к его совпадению с \bar{ie} из $\bar{ě}$ (*p'ies'ti*) и тем самым к фонологизации \bar{uo} из \bar{o} . Если гласные \bar{e} и \bar{o} являлись вариантами одной фонемы (\bar{e} употреблялся между мягкими согласными, \bar{o} — в остальных положениях), то развившиеся из них дифтонги \bar{ie} , \bar{uo} стали функционировать как самостоятельные фонемы, так как дифтонг \bar{ie} в отличие от \bar{e} стал употребляться не только перед мягкими согласными (ср. *l'ies*, *l'iez'*).

Перед фонемой \bar{uo} твердые и мягкие согласные фонемы были противопоставлены, перед \bar{ie} имела место нейтрализация противопоставления твердых и мягких согласных фонем. Ср. *suol'* — *s'uoil* и *v sel'ie sol'iet'* (императив) *s'iem'*. Следует заметить, что все эти процессы — продление o , e в новых закрытых слогах, отверждение согласных перед e , изменение $\bar{e} > \bar{o}$ и дифтонгизация \bar{e} , \bar{o} — являлись этапами того фонологического цикла, толчок к осуществлению которого был дан падением редуцированных. Именно этим объясняется то обстоятельство, что все указанные явления имели место в непосредственной близости ко времени падения редуцированных. Ср., например, появление „нового ять“ (написание \bar{t} на месте \bar{e}) уже в памятниках конца XII в.; с XIII в. появляется написание *ou*, *u* на месте \bar{o} .

Дифтонг \bar{uo} во всех украинских наречиях, а дифтонг \bar{ie} только в южноукраинском претерпели ряд изменений, приведших их к монофтонгизации в южноукраинских говорах и части североукраинских. По замечанию Шахматова, изменение дифтонга \bar{uo} шло по линии расподобления обеих частей дифтонга, т. е. $\bar{uo} > \bar{uo} > \bar{ue}$, *iu*, во всех украинских говорах, но последующее сближение расподобленных частей ди-

²⁴ С этого пункта знаком \bar{i} обозначается передний гласный верхнего подъема (орфографическое i), а знаком i — гласный передне-среднего ряда верхне-среднего подъема (орфографическое u).

²⁵ І. Панькевич. Говір села Валашковець... стр. 364; его же. Фонетика говору села Завадки на південнім Спіші на словаччині. — „Sbornik Matice slovenskej“, roč. XVI, číslo 1, Turč. Martin, 1936, стр. 80.

²⁶ J. Japów. Z fonetyki gwar huculskich. — „Symbolae grammaticae in honorem Joannis Rozwadowski“, t. II. Kraków, 1928, стр. 277—278.

²⁷ Г. Ф. Шило. Південно-західні говори УРСР на північ від Дністра, стр. 52, 63.

фтонга, т. е. появление $\hat{y}\hat{i}$, $\hat{u}\hat{i}$ откуда \hat{i} , имело место только в южных украинских говорах²⁸.

Современные североукраинские говоры представляют различные стадии развития дифтонга $\hat{u}\hat{o}$, причем во многих говорах дифтонги сосуществуют с монофтонгами, заменившими в ряде случаев эти дифтонги.

Наиболее распространены в североукраинских говорах дифтонги $\hat{u}\hat{o}$: говор с. Михайло-Коцюбинское: $t'\hat{u}\hat{o}tka$, $s'\hat{u}\hat{o}l$ и $n'\hat{u}s$ ²⁹; корницкий говор: $t'\hat{u}\hat{o}tka$, $st\hat{u}\hat{o}l$, $s'\hat{u}\hat{o}l$, $m\hat{u}\hat{o}st$ ³⁰; говор Любецкого р-на: $t'\hat{u}\hat{o}tka$, $n'\hat{u}\hat{o}s$, $v\hat{u}\hat{o}z$ и $v\hat{w}z$, $gr\hat{w}m$, $dv\hat{w}r$, $grum$ ³¹; говор Куликовского р-на Черниговской обл.: $v\hat{u}\hat{o}z$, $t\hat{u}\hat{o}k$, $l\hat{u}\hat{o}j$, $r\hat{u}\hat{o}j$, $ber\hat{u}\hat{o}zka$, $top\hat{u}\hat{o}l'$, $sl'\hat{u}\hat{o}z$, $dop'\hat{u}\hat{o}k$ (ДАУ, 115); говор Полесского р-на Киевской обл.: $t\hat{u}\hat{o}k$, $st\hat{u}\hat{o}l$, $sl'\hat{u}\hat{o}z$ и $d\hat{o}m$, $k\hat{o}z$ (ДАУ, 51).

$\hat{u}\hat{i}$: говор Борисполя: $v\hat{u}\hat{i}n$, $kor\hat{u}\hat{i}v$ и $dv\hat{w}r$, $t\hat{i}k$, $st\hat{i}g$, $st\hat{i}l$ ³²; южно-черниговские говоры: $tv\hat{u}\hat{i}j$, $v\hat{u}\hat{i}n$, $vor\hat{u}\hat{i}t$, $p\hat{u}\hat{i}d$, $st\hat{u}\hat{i}l$ и $v\hat{w}z$, $p\hat{i}d$, $t\hat{i}k$ ³³; говор местечка Сосниці: $r\hat{u}\hat{i}dna$, $n\hat{u}\hat{i}\check{c}ka$, $st\hat{u}\hat{i}l$, $t'\hat{u}\hat{i}tka$, $pl'\hat{u}\hat{i}v$, $l'\hat{u}\hat{i}d$ ³⁴; говор Березнянского р-на Черниговской обл.: $s\hat{u}\hat{i}l'u$, $v\hat{u}\hat{i}z$, $t\hat{u}\hat{i}k$, $p\hat{u}\hat{i}d$, $gr\hat{u}\hat{i}m$, $xar\hat{i}t\hat{u}\hat{i}n$, $sl'\hat{u}\hat{i}z$, $t'\hat{u}\hat{i}tka$, $xvar'\hat{u}\hat{i}b$ (ДАУ, 110); говор Бобровицкого р-на Черниговской обл.: $v\hat{u}\hat{i}z$, $t\hat{u}\hat{i}k$, $n\hat{u}\hat{i}\check{c}$, $sl'\hat{u}\hat{i}z$, $dop'\hat{u}\hat{i}k$ (ДАУ, 316); говор Борзенского р-на Черниговской обл.: $v'\hat{u}\hat{i}z$, $t'\hat{u}\hat{i}k$, $n'\hat{u}\hat{i}\check{c}$, $ber'\hat{u}\hat{i}zka$ (ДАУ, 146).

$\hat{u}\hat{e}$: говор Корюковского р-на Черниговской обл.: $v\hat{u}\hat{e}z$, $p\hat{u}\hat{e}d$, $st\hat{u}\hat{e}l$, $n\hat{u}\hat{e}\check{c}$, $s\hat{u}\hat{e}\check{c}$ (= sov) (ДАУ, 134).

$\hat{u}\hat{a}$: говоры Седлецкой губ.: $v\hat{u}\hat{a}l$, $k\hat{u}\hat{a}l$, $uzl\hat{u}\hat{a}v$ ³⁵; черниговские говоры: $v\hat{u}\hat{a}l$, $pv\hat{u}\hat{u}\hat{a}\check{c}$, $kor\hat{u}\hat{u}\hat{a}v$ ³⁶ и т. д.

Перед любым дифтонгом, развившимся из $\hat{u}\hat{o}$, твердые и мягкие согласные фонемы противопоставлены. Ср. $st\hat{u}\hat{o}l$ — $t'\hat{u}\hat{o}tka$, $st\hat{u}\hat{e}l$ — $t'\hat{u}\hat{e}tka$, $st\hat{u}\hat{i}l$ — $t'\hat{u}\hat{i}tka$, $st\hat{u}\hat{a}l$ — $t'\hat{u}\hat{a}tka$ и т. д.

§ 7. В южных украинских говорах как восточных, так и большей части западных конечным результатом изменения дифтонга $\hat{u}\hat{o}$, а также $\hat{i}\hat{e}$ явился гласный \hat{i} переднего ряда верхнего подъема. Появление гласного \hat{i} из \hat{o} является сравнительно поздним фактом истории украинского языка и свидетельствуется памятниками не раньше XV или даже XVI в.³⁷

Первоначально во всех говорах, развивших гласный \hat{i} , перед этим гласным были противопоставлены все фонемы, образующие корреляцию твердости-мягкости, как зубные, так и губные, т. е. $t\hat{i}k$ — $t'\hat{i}k$, $d\hat{i}l$ — $d'\hat{i}l$, $s\hat{i}l$ — $s'\hat{i}l$, $vo\hat{z}\hat{i}\check{c}$ — $z'\hat{i}l'a$, $n\hat{i}s$ — $n'\hat{i}s$, $r\hat{i}j$ — $or'\hat{i}x$, $b\hat{i}k$ —

²⁸ О. Шахматов, А. Крымский. Нариси з історії української мови, стр. 70.

²⁹ П. С. Лисенко. Говірка села Михайло-Коцюбинського, Чернігівської області. — „Діалектологічний бюлетень“, вип. II, Київ, 1950, стр. 68.

³⁰ Н. А. Янчук. Корницкий говор. — „Труды комиссии по диалектологии русского языка“, вып. 9, Л., 1927, стр. 21.

³¹ Э. Г. Николаенко. Говірка Любецького району, Чернігівської області. Канд. дисс. Київ, 1951, стр. 45, 52.

³² В. М. Брахов. Характерні риси говірок трьох населених пунктів на Бориспільщині, Київської області. — „Діалектологічний бюлетень“, вип. III, Київ, 1951, стр. 24.

³³ Ф. Т. Жилко. Південночернігівські говірки, перехідні до полтавських. — „Діалектологічний бюлетень“, вип. V, Київ, 1955, стр. 49.

³⁴ Ю. Виноградський. До діалектології Задесення. — „Український діалектологічний збірник“, кн. I, Київ, 1928, стр. 155.

³⁵ В. Шимановский. Звуковые и формальные особенности народных говоров Холмской Руси. Варшава, 1897, стр. 25.

³⁶ О. Шахматов, А. Крымский. Нариси з історії української мови, стр. 69.

³⁷ Там же, стр. 70; Л. А. Булаховський. Фонетичні і морфологічні південнорусизми в староруських пам'ятках XII—XIV століть, стр. 126.

b'ig, m'ist — m'isto, v'iz — v'iz. Это различие было обусловлено тем, что перед *ī < ō* употреблялись твердые согласные, перед *ī < ě, ē* — мягкие.

В дальнейшем первоначальное различие по твердости-мягкости в положении перед *ī* сохранили преимущественно зубные согласные фонемы и только в юго-западных и немногих североукраинских говорах. Губные согласные фонемы, вообще утратив в украинском языке различие по твердости-мягкости (см. об этом ниже), в положении перед *ī* любого происхождения стали приобретать позиционную мягкость; в тех говорах, где отсутствует противопоставление *г—г'*, фонема *г* также имеет позиционную мягкость в положении перед *ī* любого происхождения.

Ср. говор. с. Нехворощи: *st'il — ut'ik, godi'ul'a — d'id, n'is — dn'iu, sik — gos'in', voz'iu — z'l'a, plit — l'ig* и *v'il, smor'id, m'istok, p'idu'id*³⁸; некоторые надсянские говоры: *t'ik — ft'ik, dijka — d'iuka, sil' — s'inu, lij — l'itu*³⁹; говоры Брюховецкого р-на: *t'ik — t'ik, dim — d'id, n'is — n'is, ps'iu — s'im, vz'ir — z'il'i* и *b'ij, b'ik, m'ist, gr'ip, pur'ix*⁴⁰ т. д.

Твердые губные согласные сохранились в положении перед *ī < ō* лишь в очень немногих говорах, создавая тем самым известную возможность различения твердых и мягких губных согласных фонем перед *ī*. Ср. говор Маньковского р-на Черкасской обл.: *p'dval — dop'ik, v'in, v'iz* (ДАУ, 758); говоры Прилукщины: *dom'iuka — xm'il', p'iz'n'e — p'ic'*⁴¹; говор Смелянского р-на Черкасской обл.: *v'iz — v'it'ar, p'id — p'is'ki* (ДАУ, 582) и др.

В юго-восточных украинских говорах, а также в некоторых юго-западных (ср., например, говор с. Мошковец⁴², говоры Дрогобычской обл.⁴³) смягчению перед *ī* из *ō* наряду с согласными, образующими фонемы, стоящие вне корреляции твердости-мягкости, подверглись также согласные, образующие коррелятивные по твердости-мягкости фонемы, т. е. *t, d, s, z, n, l*. Ср. распространенное в этих говорах произношение *st'il, rad'ist, s'il', vz'ir, n'ic', gol'iuka*.

Высказывалось мнение, что смягчению зубных согласных перед *ī* из *ō* способствовало междиалектное смешение и распространение „икавизма“ на диалектную территорию с другой органической заменой старого *ō*; отсутствие навыков в произношении твердых согласных перед *ī* привело к их смягчению⁴⁴. Однако вряд ли это так. Трудно представить, что на такой большой территории, какую занимают юго-восточные говоры, гласный *ī* является не результатом органического развития, а элементом заимствованным. Кроме того, данные некоторых современных говоров свидетельствуют о том, что мягкости зубных согласных перед *ī* из *ō* предшествовало произношение твердых согласных в том же положении. В подобных говорах перед *ī* из *ō* произносятся как твердые, так и мягкие зубные согласные, т. е. вытеснение твердых зубных согласных мягкими в положении перед *ī* из *ō* является живым процес-

³⁸ П. Гладкий. Говірка села Нехворощі. — „Український діалектологічний збірник“, кн. II, Київ, 1929, стр. 119—120.

³⁹ М. Пшепюрська. Надсянський говір, стр. 16.

⁴⁰ П. І. Приступа. Говірки Брюховицького району Львівської області. Київ, 1957, стр. 16—17.

⁴¹ А. И. Филиппова. Говоры Прилукщины Черниговской области. Автореф. канд. дисс. Киев, 1959, стр. 8.

⁴² J. Jan ó w. Gwara małoruska Moszkowiec i Siwki Naddniestrzańskieje z uwzględnieniem wsi okolicznych. Lwów, 1926, стр. 17.

⁴³ Я. О. Пура. Говори західної Дрогобищини, стр. 26.

⁴⁴ П. І. Приступа. Тверді і м'які приголосні перед *і* в українській мові. — „Діалектологічний бюлетень“, вип. V, стр. 8.

сом. Таковы говоры Переяслав-Хмельницкого р-на: *tik, stīg* и *l'ij, t'ik*⁴⁵; Уманского р-на *nž, nič, lij, dijka* и *z'irka, s'il'*⁴⁶; Красноозерского р-на⁴⁷ и др.

Более правдоподобным кажется предположение Зилинского о том, что зубные согласные перед *ī* из *ō* смягчились под влиянием мягкости согласных перед *ī* из *ē, ē*⁴⁸. Однако здесь может возникнуть недоумение, почему же в таком случае аналогичное смягчение не произошло в юго-западных говорах, где также перед *ī* из *ē, ē* представлены мягкие согласные.

На это можно ответить следующим образом. В связи с различным качеством гласного, образующего фонему *i* (из *i, y*) в юго-восточных и юго-западных украинских говорах, смягчение зубных согласных перед *ī* из *ō* и вытекающее из этого употребление перед *ī* только мягких согласных должно было бы привести в этих диалектных группах к различным фонологическим результатам.

В юго-восточных говорах смягчение согласных перед *ī* любого происхождения не ведет к превращению позиции перед *ī* в позицию нейтрализации противопоставления твердых и мягких согласных фонем. Это связано с тем, что высокое образование гласного *ī*, свойственное юго-восточным говорам, делало возможным функциональное отождествление гласных *ī* и *i*, которые стали функционировать как варианты гласной фонемы переднего ряда верхнего подъема: вариант *i* употреблялся только после твердых согласных фонем, вариант *ī* — только после мягких.

В юго-западных говорах в случае употребления перед *ī* только мягких согласных положение перед *ī* стало бы позицией нейтрализации противопоставления твердых и мягких согласных фонем, так как пониженная, часто близкая к *e* артикуляция гласного, образующего фонему *i*, препятствовала бы функциональному отождествлению гласных *i* и *ī*.

Именно то обстоятельство, что в юго-западных говорах смягчение зубных согласных перед *ī* из *ō* привело бы к появлению новой позиции нейтрализации противопоставления твердых и мягких согласных фонем, возможно, и послужило препятствием этому смягчению, хотя фонетические предпосылки к нему были те же, что и в юго-восточных украинских говорах.

В тех говорах, где в положении перед *ī* употребляются только мягкие согласные, гласные *i* и *ī* образуют варианты одной фонемы. Вариант *ī* употребляется после мягких согласных и *j*, вариант *i* — после твердых согласных. Ср. *s'il, v'iz, gnojiti, ti, dim* и т. д. Что касается положения в начале слова, то здесь в литературном языке в одном и том же слове могут произноситься как *ī*, так и *i* (*īnšij* и *inšij, īskra* и *iskra*)⁴⁹. По говорам перед начальным *i* или *ī*

⁴⁵ В. М. Бра х н о в. Фонетичні риси говірок Переяслав-Хмельницького району на Київщині. — Сб. „Полтавсько-київський діалект — основа української національної мови“. Київ, 1954, стр. 73.

⁴⁶ А. Д. Очеретний. Говірки Уманського району Черкаської області. Канд. дисс. Київ, 1957, стр. 60.

⁴⁷ Л. С. Терешко. Особливості фонетичної системи надбузьких говірок Красноозерського району на Миколаївщині. — „Діалектологічний бюлетень“, вип. VI, Київ, 1956, стр. 101.

⁴⁸ Ziłyński. Opis fonetyczny języka ukraińskiego, стр. 13.

⁴⁹ „Курс сучасної української літературної мови“, т. I. Київ, 1951, стр. 158; І. З. Петличий. До питання про систему голосних фонем в сучасній українській літературній мові. — „Питання українського мовознавства“, кн. I. Львів, 1956, стр. 18.

может развиваться согласный *j*. Так, в говоре Бахмачского р-на Черниговской обл.: *jix*, *jixati*, *jisti* (ДАУ, 152); в говоре Репкинского р-на той же области: *jix* (ДАУ, 68).

Существенным обстоятельством является то, что с появлением фонемы *i/i* вновь возникает возможность различения по твердости-мягкости для губных согласных фонем. Если при наличии противопоставления твердых и мягких согласных фонем перед *i* мягкость губных согласных в этом положении является позиционной, то при различении твердых и мягких согласных фонем перед *i/i* мягкость губных согласных перед *i* становится фонематической. Ср. *ti* — *st'il* и *bik* — *b'ib*.

В южноукраинских говорах, буковинских, гуцульских, бойковских, согласные *s'*, *z'* выступают только перед *i* флективным, подвергаясь отвердению перед *i*, находящимся не во флективных морфемах. Ср. говоры Виноградовского р-на: *s'ruj*, *s'no*, *sus'id*, *s'idlo* и *svas'i*, *na n'oz'i*, и *pr'os'i*, *na n'os'i*⁵⁰; Ужгородского р-на: *s'no*, *s'idlo*, *pos'jav*, *zil'a*, и *pluz'i*, *b'os'i*⁵¹; долины р. Турьи: *sus'ik*, *s'no*, *zil'a* и *na stris'i*, *na voz'i*, *kruz'*, *zas'*, *voz'me*, *blis'ko*, *s'adeš'*⁵², и др.

Причины, вызвавшие это отвердение, — неясны. То обстоятельство, что *s'*, *z'* отвердели не перед любым *i*, делает возможным в этих говорах различение фонем *s—s'*, *z—z'* перед *i*: *s'no* — *svas'i*, *zil'a* — *na n'oz'i*.

Гласный *i* в украинских говорах развился не только на месте старых *e*, *ě*, *o*, но и в некоторых других случаях. Гласный *i* выступает в окончании им.-вин. мн. ч. прилагательных, где он развился на месте сочетания *ye* через ступень *yi*, изменившегося в *i*⁵³.

В говорах, сохраняющих различие твердых и мягких согласных фонем перед *i*, в положении перед *i* из *ye* употребляются согласные, образующие твердые коррелятивные фонемы, а губные согласные и *r* приобретают позиционную мягкость. Ср. говор Брюховецкого р-на: *gord'i*, *b'il'i*, *tviréz'i*, *sin'i*, *lis'i* и *grub'i*, *dubov'i*, *kar'i*⁵⁴; говор с. Монастырского: *jasn'i*, *čorn'i* и *sír'i*⁵⁵.

По говорам нередко случаи, когда гласный *i* с предшествующей мягкостью выступает в отдельных словах на месте древнерусского *i*. Ср. говоры Уманского р-на: *z'ima*, *prot'iu*, *prad'ivo*, *brat'ik*⁵⁶; Кривоозерского р-на: *s'il'ne*, *kras'ivij*, *v'ixor*⁵⁷; Переяслав-Хмельницкого р-на: *ut'irajut*, *nazb'irajte*, *z'ima*, *pot'iu*, *kras'iva*⁵⁸; западнополтавские

⁵⁰ П. М. Лизанець. Система голосних в українських південнокарпатських говірках Затися Виноградівського району. — „Наукові записки Ужгородського державного університету“, т. XXVI, Ужгород, 1957, стр. 131.

⁵¹ П. П. Чучка. Система голосних у говірці села Баранниці Ужгородського району, стр. 159.

⁵² В. І. Добош. Из спостережень над фонетикою південнокарпатських говірок долини р. Тур'ї. — „Наукові записки Ужгородського державного університету“, т. XXVI, стр. 96.

⁵³ О. Шахматов, А. Кримський. Нариси з історії української мови, стр. 71.

⁵⁴ П. І. Приступа. Тверді і м'яккі приголосні перед *i* в українській мові, стр. 6.

⁵⁵ А. И. Сорочан. Описание говора с. Монастырского Подольской губернии. — ИОРЯС, т. XVII, кн. 4, СПб., 1912, стр. 251.

⁵⁶ А. Д. Очеретний. Говірки Уманського району... стр. 65.

⁵⁷ Л. С. Терешко. Особливості фонетичної системи надбужських говірок... стр. 103.

⁵⁸ В. М. Брахнов. Фонетичні риси говірок Переяслав-Хмельницького району... стр. 72.

говору: *p'is'mo, k'is'il, z'ima, ob'ida*⁵⁹; говору Каховского р-на; *do grud'i, v'is't'i* (им. мн.) *máter'i* (дат. мн.)⁶⁰ и т. д.

Своим появлением гласный *i* в этих случаях обязан разным причинам. Это может быть и влияние русского языка, и воздействие со стороны форм с мягкими согласными не перед *i* (ср. появление *do grud'i* под влиянием формы *grud'*), и, наконец, вокальная гармония. Именно вокальной гармонией вызвано во многих случаях появление гласного *i* вместо *i* с твердостью предшествующего согласного в некоторых юго-западных говорах. Ср. южнокарпатские говору: *pil'i, pism'i, z'im'i*, а отсюда и *pilá, zímá, pismó, vino*⁶¹; долиньский говор: *malíny, černíc'i, pír'g, vídiu*, а также *gádina, lípa, zímno*⁶².

Появление гласного *i* во всех этих случаях не вносит изменений в систему противопоставления твердых и мягких согласных фонем в положении перед *i* или *i(i)*.

§ 8. В юго-западных украиньских говорах, а также в некоторых североукраиньских дифтонги, разившиеся на месте *o, e* в новых закрытых слогах, претерпев ряд изменений монофтонгизовались не только в *i*, но и в ряд других гласных.

Чаще всего на месте *o* представлен гласный *u*. Ср. южноукраиньские говору: *stul, sul', pup, vun, pun'us, t'utka*, на месте старого *e* представлен гласный *i*⁶³; в южнокарпатских говорах и в говорах окрестностей Ужгорода: *mul', ruj, stuj, na n'új, t'uk, ur'úk, pril'úx, ubl'úks'a*⁶⁴; в говорах Мукачевского р-на: *bul', vul, nuč', ruj, sul', xtur'* (= *mxip*), *t'utka, t'uk, n'us, puvjus*⁶⁵; в говорах Димерского и Чернобыльского р-нов Киевской обл.: *tuk, stul, vur, pud, dopjuk, sl'uz, l'ud* (ДАУ, 90, 273) и т. д.

Иногда на месте *o* представлен гласный верхнего подъема переднего ряда лабиализованный *ü*, образующий в этом случае, видимо, самостоятельную фонему. Ср. *stül, snüp, lüj, rük, vücar', t'ütka, pryn'üs, l'üd, mjüd*⁶⁶; *vül, kün', sül', stölvü, grüm, n'üs, t'ük, l'üg, mn'üd*⁶⁷.

В немногих говорах гласному *u* из *o* всегда предшествует мягкость согласных: *n'už, n'uč, d'um, vol'um*⁶⁸. По мнению Панькевича, мягкость согласных в этих случаях могла явиться под влиянием мягкости согласных перед *u*, разившимся из *o < e*⁶⁹.

Во всех этих говорах появление гласного *u* после мягких согласных способствует расширению противопоставления твердых и мягких согласных фонем в положении перед этим гласным.

⁵⁹ І. О. Варченко. Фонетичні особливості говірок західної Полтавщини. Канд. дисс. Київ, 1954, стр. 273.

⁶⁰ Я. Д. Нагін. Говірки Каховського та сусідніх районів Херсонської області. Канд. дисс. Херсон, 1955, стр. 47.

⁶¹ В. І. Добош. Південнокарпатські українські говірки долини річки Тур'ї. Канд. дисс., Київ, 1955, стр. 29.

⁶² І. Верхратський. Про говор долиньський, стр. 13.

⁶³ В. І. Добош. Південнокарпатські українські говірки долини річки Тур'ї, стр. 42, 109.

⁶⁴ В. І. Добош. Із спостережень над фонетикою південнокарпатських говірок долини р. Тур'ї, стр. 110, 113; П. П. Чучка. Система голосних у говірці села Баранниці Ужгородського району, стр. 152.

⁶⁵ І. Д. Пагіря. Система голосних у говірках північно-західної Мукачівщини. — „Наукові записки Ужгородського державного університету“, т. XXVI, стр. 87.

⁶⁶ І. Панькевич. Українські говори підкарпатської Русі..., стр. 96, 98.

⁶⁷ П. М. Лизанець. Система голосних в українських південнокарпатських говірках Затисся..., стр. 132.

⁶⁸ І. Панькевич. Українські говори підкарпатської Русі..., стр. 91.

⁶⁹ І. Панькевич. Фонетика говору села Завадки..., стр. 82.

В некоторых юго-западных украинских говорах в качестве конечного результата развития гласных *ō*, *ē* представлен гласный *y*. Ср. говор с. Яворок: *styl, snyp, syl', topyr, prin'ys, medvjyt', peršcyn', l'yt*⁷⁰. В этом говоре в качестве самостоятельных фонем существуют гласные *i* и *y*, заменяющие собою соответствующие древнерусские гласные. Появление гласного *y* после мягких согласных делает возможным противопоставление твердых и мягких согласных фонем перед *y*: *syn—s'yl* (род. мн. от *selo*).

В ряде говоров гласный *y* развился на месте *ō* только после твердых согласных, гласный же, развившийся на месте *ē* после мягких согласных сохраняет лабиализацию. Ср. говор замешанцев: *syjka, lišyčka, kyt* и *l'ud, t'utka*⁷¹; доливский говор: *syl', dyl, luj, ruo, uyr* и *l'ud, prin'us*⁷². Появление гласного *y* в этих случаях, ограниченное положением после твердых согласных, не вносит изменений ни в систему противопоставления твердых и мягких согласных фонем, ни в систему гласных, которой и без этого известно различие фонем *i* и *y*.

§ 9. В части юго-западных и северо-западных украинских говоров гласный *a* в положении после мягких согласных независимо от ударения подвергся изменению в гласный переднего ряда, качество которого по говорам неодинаково.

Это могут быть гласные *ä*, *e* или *i*. Нередко качество гласного, выступающего на месте *a*, определено его положением по отношению к ударению: под ударением выступает гласный более широкого образования, без ударения — более узкого. В то же время есть и такие говоры, в которых на месте *a* после мягких согласных независимо от ударения употребляются как *ä*, *e*, так и *i*. Ср. в покутских говорах: под ударением *ä*, без ударения *e* — *pol'än, dery'ol'än, žyt'ä, zadn'ipriän'sk'i, stol'it'ex, kn'ez'i*⁷³; в говорах Брюховецкого р-на: под ударением *e*, без ударения *i* — *d'ekuvati, gnil'ek, dn'emi, vz'eti, t'iška, zozul'i, vud'inij, l'igati*⁷⁴; то же в некоторых говорах Тернопольской и Львовской обл.: *gagn'et'a, vz'eu, til'et'a, t'eško, ziml'e, pur'edok, gus'ita, vuzoun'i, stajni, t'igati, bur'i*⁷⁵; в надпрутском говоре: под ударением *e*, *i*, без ударения *i* — *t'eško, z'et', por'idok, car'i, zdr'ečij, kn'igin'u, cel'id*⁷⁶; то же в буковинском говоре: *tel'e, pr'edivo, poros'i, stril'iti, uz'ev, f'emiti*⁷⁷ и т. д.

Мягкость согласных перед *e*, *i* в этих случаях свидетельствует о том, что появление этих гласных на месте *a* имело место после отвердения согласных перед *e*, *i*. По свидетельству памятников, это могло быть в XIII—XIV вв.⁷⁸

⁷⁰ І. Зілінський. Лемківська говірка села Явірнок, стр. 197.

⁷¹ І. Верхратський. Говор Замішанців. — „Записки наукового товариства ім. Шевченка“, т. III, Львів, 1894, стр. 157.

⁷² І. Верхратський. Про говор долівський, стр. 10, 16.

⁷³ О. Курило. Про незалежну від наголосу зміну *a* по м'яких консонантах та по *i* в українських діалектах. — „Український діалектологічний збірник“, кн. II, Київ, 1929, стр. 88.

⁷⁴ П. І. Приступа. Говірки Брюховіцького району Львівської області, стр. 10, 11.

⁷⁵ Г. Ф. Шило. Південно-західні говори УРСР... стр. 36, 39.

⁷⁶ К. Кисілевський. Надпрутський говір. — „Записки наукового товариства ім. Шевченка“, т. 162, Нью-Йорк — Париж, 1954, стр. 13.

⁷⁷ О. Курнло. Про незалежну від наголосу... стр. 83; М. В. Леонова. До характеристики говірок північних районів Буковини. — „Питання історії і діалектології східнослов'янських мов“. Чернівці, 1958, стр. 90.

⁷⁸ О. Шахматов, А. Кримський. Нариси з історії української мови, стр. 66.

Появление гласного *e* из *a* после мягких согласных создало в названных выше говорах возможность противопоставления твердых и мягких согласных фонем перед *e*. Ср. *dnem* — *dn'emi*, *den'* — *d'ekuvati*, *tešča* — *t'eško*. Дальнейшее изменение *e* в *i* фонологических последствий для системы твердых-мягких согласных фонем не имело, так как гласный *i* в этом случае примкнул к фонеме *i̇*, перед которой названные согласные фонемы различаются или не различаются в зависимости от того, какой гласный развился на месте старого *o*.

В том случае, если *a* после мягких согласных изменился в *ä*, этот последний функционирует как вариант фонемы *a*, употребляющийся после мягких согласных. Ср. *lačka* — *pol'än*.

§ 10. Выше нами был рассмотрен ряд важнейших процессов украинского вокализма в их отношении к системе твердых и мягких согласных фонем. Среди этих процессов одни были вызваны оформлением корреляции твердости-мягкости, другие, напротив, сами вызывали известные изменения в системе фонем, коррелятивных по твердости-мягкости.

Однако преобразования в системе твердых и мягких согласных фонем в украинском языке были связаны не только с процессами в области вокализма, но и с изменением согласных, образующих фонемы, коррелятивные по твердости-мягкости. Это прежде всего относится к изменению согласных, образующих мягкие губные фонемы, фонему *r'*, и некоторым другим изменениям.

В большей части украинских говоров утрачено противопоставление по твердости-мягкости для губных согласных фонем. Подобное функционирование губных согласных фонем обусловлено звуковой спецификой губных согласных, которым в украинском языке присуща сильная лабиовелярная артикуляция. Ср. лабиализующее воздействие губных согласных на соседние гласные в некоторых юго-западных говорах: южнокарпатские говоры — *molo*, *posok* < *pysok*, *vumja* < *vumja*⁷⁹; восточногалицийские говоры — *моц*, *kazou*, *srou*, *trymou*⁸⁰; говоры Подбужского р-на — *bju*, *vjn'is*, *vj*, *vjmerli*⁸¹. В последнем говоре сильная лабиовелярность губных согласных способствует тому, что находящийся после губных гласный *i* понижает свое образование и изменяется в *e*. Ср. *ved'iu*, *per'ix*, *l'ubel'i*, *mesl'u*, *per'iská*⁸². В гуцульских говорах в положении после губных гласный *y* (из *o*), приобретая лабиализацию, изменяется в *ü*^y: *mü^yst*, *fü^yst*, *bü^yk*, *wü^yn*⁸³. В одном из южнокарпатских говоров в соседстве с губными лабиализацию приобретает гласный *i*: *d'üvka*, *xl'üv*, *spüvanka*, *l'ütus*⁸⁴.

Украинским говорам известно и понижение артикуляции гласных, особенно *e*, под влиянием велярности соседних согласных, преимущественно губных, но также и задненебных и *r*. Ср. западночеркасские говоры: *naparéd*, *mané*, *barlôga*, *jaurěj*⁸⁵; говор с. Могильная: *vare-*

⁷⁹ I. Панькевич. Українські говори підкарпатської Русі... стр. 172.

⁸⁰ I. Зілинський. З фонетичних студій. — „Lud słowiański“, t. I, zesz. 2, Kraków, 1930, стр. 185.

⁸¹ Д. Г. Бандарівський. Говірки Підбузького району Дрогобицької області в їх зв'язках з говірками суміжних районів. Канд. дисс. Львів, 1955, стр. 30.

⁸² Д. Г. Бандарівський. Говірки Підбузького району... стр. 34.

⁸³ J. Jan ów. Z fonetyki gwar huculskich, стр. 268.

⁸⁴ П. М. Лизанець. Система голосних в українських південнокарпатських говірках Затисся... стр. 134.

⁸⁵ А. П. Могила. Говірки західної Черкащини. Канд. дисс. Київ, 1956, стр. 67.

*nici, traba*⁸⁶; говоры Брюховецкого р-на: *valika, varitěnu, garbata* (= *cherbata*⁸⁷); долиньский говор: *ramin, xrabět, parep'ička, žarabě, paravěslo, Paremyšl'*⁸⁸; гуцульские говоры: *trě't'a, ve'sná, me'skala, sve'kla*⁸⁹.

При наличии сильной лабиовелярности артикуляция мягкости, являясь по своей сущности средненебной, у губных находится в известном противоречии с их основной артикуляцией.

В то время как у зубных согласных мягкость достигается лишь некоторым видоизменением основной артикуляции, мягкость у губных являет собою самостоятельную дополнительную среднеязычную артикуляцию. В качестве самостоятельной артикуляции она легко может утратиться.

В украинском языке мягкие губные согласные отвердели на конце слова и перед согласными. Ср. *násip, dr'ib, s'im, čerw*.

Отверждение губных в конце слова произошло достаточно рано, может быть вскоре после падения редуцированных. Косвенное указание на это дает форма местн. мн. *na golubax*. То обстоятельство, что перед флективным *a* выступает непосредственно твердый губной согласный без выделившейся мягкой артикуляции (как это имеет место в тех случаях, когда перед *a* в прошлом находился мягкий губной согласный), свидетельствует о том, что в период распространения флексий **a*-основ на **i*-основы слово *golub* оканчивалось на твердый согласный.

Впервые форма местн. мн. на *-ax* существительных м. р. **i*-основ встречается в грамоте 1433 г.⁹⁰ Если учесть, что между моментом возникновения того или иного явления и моментом его отражения в письменных памятниках существует известный промежуток времени, то станет ясно, что распространение флексий *a*-основ на *i*-основы относится, может быть, к XIV в., а отверждение губных в конце слова, таким образом, к еще более раннему времени.

Что касается положения перед гласными, то перед *e, i* мягкие губные отвердели вследствие фонологической тенденции, вызвавшей отверждение всех мягких согласных в этой позиции. Однако украинские говоры содержат указания на то, что эта фонологическая тенденция в отношении губных согласных осуществлялась более интенсивно, чем в отношении зубных. Так, в ряде черниговских говоров перед безударным гласным *e* из *ě* отвердели только губные согласные, в то время как зубные сохранили мягкость. Ср. говоры Корюковского р-на Черниговской обл.: *mešók, pesók, vedró* и *d'elá, st'ená, d'edók, l'esámi* (ДАУ, 134); Батурицкого р-на той же обл.: *mešók, vedró* и *d'rdok, l'isámi, r'ički*, где безударный гласный *e* после мягких согласных изменился в *i* (ДАУ, 144). В положении же перед передними гласными *u, o, a* у губных произошло выделение мягкости в самостоятельную артикуляцию, качество которой неодинаково в различных украинских говорах. В юго-западных говорах после отвердевших губных преобладает *l'*, в остальных говорах — *j*; во всех говорах мягкость согласного *m'* нередко эмансипируется в виде согласного *n'*. Ср. юго-западные говоры Нижнего Поднестровья: *dereul'ánij, król'i, kipl'ácu*,

⁸⁶ Е. Грицак. Говірка села Могильної Гайсинського пов. на Поділлі. — „Записки наукового товариства ім. Шевченка“, т. ХСІХ, ч. II, Львів, 1930, стр. 324.

⁸⁷ П. І. Приступа. Говірки Брюховецького району. . . , стр. 68.

⁸⁸ І. Верхратський. Про говор долиньський, стр. 19.

⁸⁹ J. Jabów. Z fonetyki gwar huculskich, стр. 274.

⁹⁰ С. П. Бевзенко. Нариси з історичної граматики української мови, стр. 38.

*žabl'ače bolóto, pámn'atnik, mn'asistij, pul'imn'óti*⁹¹; Кривоозерского р-на: *gulubl'áta, dirjuł'ánij, rumn'ánok*⁹²; окрестностей Ужгорода: *kroul'a-nij, púdnibl'a, olovl'ánka, vorobl'ač'ka, mn'akúška, pámn'at*⁹³; северные и юго-восточные говоры — Шосткинского р-на Сумской обл.: *pámjat', mjaso, mjat', golubjata, ribjata* (ДАУ, 161); Розважевского р-на Киевской обл.: *pámjat', mjaso, golubjata, žabjáči* (ДАУ, 242); с. Нехворощи: *ribjáčij, goróbjáčij, pjat', dévjat', semn'a, mn'aso*⁹⁴; Переяслав-Хмельницкого р-на: *žabjáčij, dévjat', pjat', mn'aso, vrémn'a*⁹⁵; западночеркассские говоры: *vjazát', golubjata, xlopjata, devjat' и mn'ata, imn'a*⁹⁶.

Согласные, развившиеся вследствие выделения мягкости у губных в самостоятельную артикуляцию, совпали с уже имевшимися в украинском языке фонемами. Поэтому сочетания отвердевших губных с последующими согласными, развившимися в результате эмансипации мягкости у губных, функционируют как двухфонемные. Двухфонемные сочетания губных с *j, l, ʎ* представлены как в *pjanic'a, grabl'ami, zemn'ak*, так и в *pjat' žabl'acij, mn'ač*.

Неодинаковым изменениям в украинских говорах подверглись мягкие губные согласные в положении перед *і*. Положение перед *і* в силу артикуляционной специфики этого узкого переднего гласного не создавало благоприятных условий для фонетического процесса отвердения мягких согласных вообще, в том числе и губных⁹⁷. Подтверждение этого дают, в частности, мягкие шипящие согласные, которые в ряде украинских говоров (а также и в литературном языке) утратили свою функционально незначимую мягкость во всех положениях, кроме позиции перед гласным *і*. Ср. в литературном языке: *p'ič, čub, rušča, žona, duša* и *b'iž'it', duš'i, moč'it', šč'itka*; в говорах восточной части Харьковской обл.: *žona, žal', žuk* и *ž'inka, š'ist'*⁹⁸; в говоре с. Нехворощи: *čogo, došč, žaba, duša* и *ž'inkoju, ɥ duš'i*⁹⁹ и т. д.

Поэтому следует допустить, что в говорах, знавших противопоставление твердых и мягких фонем перед *і*, изменение мягких губных согласных перед *і* было обусловлено не фонетическим свойством губных согласных, а фонологической причиной, состоящей в общем ослаблении различения твердых и мягких губных согласных фонем, и происходило оно после того, как противопоставление твердых и мягких губных согласных фонем было уже утрачено во всех других положениях. Свидетельство именно такой последовательности отвердения мягких губных согласных в разных позициях находим в говоре с. Блиставицы, где мягкие губные согласные фонемы утратили возможность противопостав-

⁹¹ Й. О. Дзензелівський. Українські говори Нижнього Подністров'я. Канд. дисс. Одеса, 1951, стр. 119, 126.

⁹² Л. С. Терешко. Особливості фонетичної системи надбузьких говірок... стр. 107.

⁹³ П. П. Чучка. Фонетичні зміни в південнокарпатських говірках околиці Ужгорода. — „Наукові записки Ужгородського державного університету“, т. XXVI, Ужгород, 1957, стр. 66; І. Г. Чоредиченко. Деякі особливості говірок Ужгородської округи Закарпатської області. — „Діалектологічний бюлетень“, вип. II, Київ, 1950, стр. 59.

⁹⁴ П. Гладкий. Говірка села Нехворощі, стр. 122.

⁹⁵ В. М. Брахиов. Фонетичні риси говірок Переяслав-Хмельницького району... стр. 75.

⁹⁶ А. П. Могіла. Говірки західної Черкащини, стр. 52, 75, 92.

⁹⁷ Примеры того, что фонетическому преобразованию мягких губных согласных способствует в первую очередь положение перед непредидими гласными, дают и другие славянские языки, например белорусские, лужицкие говоры. — См. Z. Stieber. Stosunki pokrewieństwa języków łużyckich. Kraków, 1937, стр. 65—70.

⁹⁸ Л. Лисиченко. Особливості говірок східних районів (Куп'янського, Дворічанського) Харківської області. Канд. дисс. Харків, 1954, стр. 45.

⁹⁹ П. Гладкий. Говірка села Нехворощі, стр. 127.

ления во всех позициях, кроме положения перед *i*. Ср. *step, sip, goblub, s'im, cerkow, pjat', grobjovi, mjata*, но *bib — greb'inka, p'ip — p'ir-rej, mist — lom'it'*¹⁰⁰.

Будучи обусловлена общим ослаблением противопоставления твердых-мягких губных согласных фонем, ликвидация различия этих фонем перед *i* осуществлялась разными путями.

В немногих говорах имело место отверждение мягких губных согласных перед *i* или выделение мягкости у губных в фонематически самостоятельную артикуляцию. Ср. в говоре с. Писаревки: *pič, p'irja*¹⁰¹; в надсянском говоре: *bjilyj, vj'ines, v guluvji i gospit', mič, bib*¹⁰². При этом после отвердевших губных гласный *i* может понизить свою артикуляцию и измениться в *i*. Ср. бориспольские говоры: *mid, mix, piven', bilomu*¹⁰³.

Однако гораздо шире в украинских говорах распространена ликвидация противопоставления твердых и мягких губных согласных фонем перед *i* путем смягчения губных перед *i* из *o*, вследствие чего в позиции перед *i* губные фонемы, не различающиеся по твердости-мягкости, приобретают позиционную мягкость. Таково положение во многих юго-западных говорах. Что же касается юго-восточных говоров, то здесь, как об этом говорилось выше, в связи со смягчением всех согласных перед *i* из *o* и вытекающим из этого функциональным отождествлением *i* и *i*, вновь возникла возможность противопоставления твердых и мягких губных согласных фонем в положении перед *i* (*i*).

В тех говорах, где твердые и мягкие губные фонемы перед *i*, а также перед *ië*, не были противопоставлены, мягкость губных в этом положении, будучи позиционной, чаще всего сохраняется. Ср. в говорах Черниговской обл.: *v'iter, v'ira, p'iški* (ДАУ, 123), *b'iëli, ab'iëd, v'iëter* (ДАУ, 68); в говорах Иванковского р-на Киевской обл.: *b'iëlij, v'iëra u xl'iv'i* (ДАУ, 89) и др.

В части говоров позиционная мягкость губных в этих случаях утрачивается путем выделения мягкости у губных в фонематически самостоятельную артикуляцию. Ср. говор с. Завадки: *p'j'sn'a, bjilyj, vj'iter, m'j'sto*¹⁰⁴; говоры Киевской обл.: *vj'iter, p'j'ski, vj'ira* (ДАУ, 90), *bj'iëli, obj'iëd* (ДАУ, 237), *bj'iëli, obj'iëd, vj'iëter, vj'iëra, grem'j'iët'* (ДАУ, 242); говоры Черниговской обл.: *ab'j'iëd, vij'iëter, p'j'iëski* (ДАУ, 108).

Совсем редко происходит отверждение позиционно мягких губных. Ср. гуцульские говоры: *mid, pič, v kupi*¹⁰⁵; южнокарпатские говоры: *bilyj, mir'ati, spivaj, p'ir'a*¹⁰⁶.

Особо следует отметить изменение мягких губных согласных в положении после некоторых согласных.

В части юго-восточных говоров и в литературном украинском языке губные согласные сохраняют мягкость в положении перед *a* после согласных. Ср. *s'v'ato, c'v'ax, dz'v'aknuti*. В этом случае в условиях неразличения твердых и мягких губных согласных фонем мягкость губ-

¹⁰⁰ П. Гладкий. Говірка села Блиставиці, Гостомського району на Київщині. — „Український діалектологічний збірник“, кн. I. Київ, 1928, стр. 110.

¹⁰¹ О. С. Мельничук. Південноподільська говірка села Писарівки. — „Діалектологічний бюлетень“, вип. III, Київ, 1951, стр. 48.

¹⁰² М. Пшепюрьська. Надсянський говір, стр. 17, 24.

¹⁰³ В. М. Браханов. Характерні риси говірок трьох населених пунктів на Бориспольщині. . . , стр. 25.

¹⁰⁴ І. Панькевич. Фонетика говору села Завадки. . . , стр. 80.

¹⁰⁵ Б. Кобилянський. Гуцульський говір і його відношення до говору Покуття. — „Український діалектологічний збірник“, кн. I. Київ, 1928, стр. 31.

¹⁰⁶ В. І. Добош. Із спостережень над фонетикою південнокарпатських говірок долини р. Тур'ї, стр. 94.

ного согласного должна восприниматься как позиционная, обусловленная положением после мягких согласных. При этом мягкость согласных *s'*, *z'*, *dz'*, позиционная по своему происхождению в положении перед мягкими губными, в условиях неразличения твердых и мягких губных фонем в этом положении функционирует как фонематическая.

Этим как раз хорошо объясняется то обстоятельство, что в тех говорах, где мягкие губные в положении после согласных все-таки отвердели, предшествующие согласные сохранили мягкость, что было бы совершенно невозможно, если бы мягкость этих согласных перед мягкими губными функционировала как позиционная. По говорам известна такая фонологизация мягкости согласных перед губными, утратившими позиционную мягкость перед *ĭ*. Ср. говор с. Писаревки: *s'váto*, *s'vatij*, *s'mjéc'a*, *c'vax*¹⁰⁷; говор Уманского р-на: *s'vatij*, *c'vašók*¹⁰⁸; карпатские говоры: *s'mjx*, *s'vit*, *z'vizda*, *d'vi*¹⁰⁹; говоры Улановского и Хмельницкого р-нов Винницкой обл.: *s'váto*, *s'vatij* (ДАУ, 441, 449).

В некоторых говорах мягкие губные после согласных утрачивались, вероятно, через стадию *j*. Ср. говоры Переяслав-Хмельницкого р-на: *s'áto*, *c'ašók*, *roz'dáni*, *mert'ák*¹¹⁰; Бобровицкого р-на Черниговской обл.: *s'áto*, *s'atij* (ДАУ, 315); Димерского р-на Киевской обл.: *s'játo*, *s'jatij* (ДАУ, 272); Вороновицкого р-на Винницкой обл.: *z'azáç* (ДАУ, 468).

§ 11. Согласный *r'* в большей части украинских говоров подвергся изменениям, вследствие которых или совсем ликвидировалась возможность различения фонем *r—r'* или сократилось количество позиций, в которых имело место противопоставление этих фонем.

Изменения, которые претерпел согласный *r'* были обусловлены его фонетической спецификой. При сильной велярности согласного *r* в украинском языке его смягчение достигалось не путем видоизменения основной артикуляции, а вследствие присоединения самостоятельной дополнительной среднеязычной артикуляции. В качестве самостоятельной артикуляции, находящейся в известном противоречии с основной артикуляцией согласного, мягкость согласного *r'* может утратиться. Особенно способствовало отвердению согласного *r'* его положение на конце слова и перед согласными, т. е. в тех положениях, где мягкость не была поддержана артикуляцией следующего элемента. Переход от мягкого согласного к последующему гласному, даже непосредственному, происходит более плавно, чем к последующему согласному: гласный звук в силу своей большей гибкости в начальной стадии образования приспосабливается к артикуляции предшествующего мягкого согласного в значительно большей степени, чем согласный, и этим способствует сохранению мягкой артикуляции предшествующих согласных.

Отверждение согласного *r'* только на конце слова и перед согласными распространено в юго-восточных говорах, а также в литературном языке. Ср. в литературном языке: *tepér*, *tx'ir*, *z'v'ir*, *kosár*, *mát'ir*, *borbá*, *zírka* и *dr'uk*, *tr'ox*, *v'ir'óçka*, *r'ad'*; в говорах Каховского р-на: *dv'ir*, *tx'ir*, *z'írka kur'ú*, *mór'a*, *z'v'ir'om*¹¹¹; Смелянского р-на Черкасской обл.: *sant'ábr*, *u sibír*, *tápér*, *car* и *búr'a*, *zor'a*, *por'ádok*, *pri xvonar'áx* (ДАУ, 582); Софиевского р-на Днепропетров-

¹⁰⁷ О. С. Мельничук. Південноподільська говірка села Писарівки, стр. 55.

¹⁰⁸ А. Д. Очеретний. Говірки Уманського району... , стр. 86.

¹⁰⁹ І. Панькевич. Українські говори підкарпатської Руси... , стр. 170.

¹¹⁰ В. М. Бражнов. Фонетичні риси говірок Переяслав-Хмельницького району... , стр. 76.

¹¹¹ Я. Д. Нагін. Говірки Каховського та сусідніх районів... , стр. 140.

ской обл.: *mátir, tepér* и *dvír'áx, car'á, tr'ox* (ДАУ, 887); то же в говорах Броварского¹¹², Переяслав-Хмельницького¹¹³ р-нов Киевской обл. и т. д.

В говорах подобного типа различие фонем *r—r'* сохраняется, но только перед гласными; положение на конце слова и перед согласными становится позицией нейтрализации противопоставления фонем *r—r'*. Ср. *dvoróm—kosar'óm* и *dvír, kosár; gorá—zor'a* и *g'írka, z'írka*.

Отверждение согласного *r'* не только на конце слова и перед согласными, но и перед гласными отмечено в северных и юго-западных говорах. В некоторых из этих говоров согласный *r'* сохраняется в положении перед *i*, где он функционирует как позиционный вариант фонемы *r*. Ср. юго-западные говоры — с. Нехворощи: *car, verx, g'írkiij, búra, kosaróvi* и *na mór'i, bér'ig*¹¹⁴; с. Писаревки: *z'v'ir, zorá, rádno, rábij, trox*¹¹⁵; Вороновицкого и Томашпольского р-нов Винницкой обл.: *búra, porádok, šin'kár, do šin'kára, rasnij* (ДАУ, 468, 702); то же в с. Монастырском¹¹⁶; говоры, находящиеся на границе юго-восточного и юго-западного наречий в Уманском р-не: *car, kosár, morák, kurú, trox* и *r'imno, gr'im, r'idnij*¹¹⁷; в Кривоозерском р-не: *kobzár, garáčij, rad, carú*¹¹⁸; в североукраинских говорах Овручского р-на Житомирской обл.: *búra, porádok, zorá, gosudár, do gosudára* и *str'ičajut* (ДАУ, 26, 28); Городнянского р-на Черниговской обл.: *parádok, zará, búra, barbá, zv'ér* (ДАУ, 97).

При отверждении согласного *r'* во всех позициях фонема *r* функционирует как некоррелятивная в отношении твердости-мягкости.

Однако в говорах, утративших различие фонем *r—r'*, оно иногда вновь становится возможным, чему способствует появление в этих говорах согласного *r'*, вызванное влиянием литературного языка и говоров, знающих различие фонем *r—r'*. При этом нередко *r'* начинает употребляться в таких морфемах, где согласный *r* никогда не имел мягкости. Ср. говоры с. Блиставицы: *car, kosár, zorá, búra, kruk, kurú* и *gr'ád, bur'ák, r'áma, pr'áža, gr'az*¹¹⁹; Олишевского р-на: *kobzár, zv'ier, kurú, gorú* и *r'ásno, gar'áčij*¹²⁰; некоторые западночеркаские говоры: *car, búra, rabij, rad, trox, kurú* и *r'áma, gr'ád, dóx-tor'u, sáxar'u*¹²¹; то же в южночерниговских говорах¹²² и т. д. В некоторых из юго-западных и северо-западных говоров утрата противопоставления фонем *r—r'* вызвана не только отверждением согласного *r'*, но и выделением мягкости согласного *r'* в фонематически самостоятельную артикуляцию, т. е. *r' > rj*. Ср. говор с. Яворок: *car, miskár* и *brjux, kurjú, pisarjovu, štyrjox, zarjá*¹²³; холмские говоры: *rabyj,*

112 Г. П. Ї ж а к е в и ч. Про особливості говірок Броварського району Київської області. — „Діалектологічний бюлетень“, вип. II, Київ, 1950, стр. 39.

113 В. М. Б р а х н о в. Фонетичні риси говірок Переяслав-Хмельницького району, стр. 75.

114 П. Г л а д к и й. Говірка села Нехворощі, стр. 123.

115 О. С. М е л ь н и ч у к. Південноподільська говірка села Писарівки, стр. 52.

116 А. И. С о р о ч а н. Описание говора с Монастырского. . . , стр. 252.

117 А. Д. О ч е р е т н и й. Говірки Уманського району. . . , стр. 94.

118 Л. С. Т е р е ш к о. Особливості фонетичної системи надбузьких говірок. . . , стр. 105.

119 П. Г л а д к и й. Говірка села Блиставиці. . . , стр. 98, 111.

120 П. С. Л и с е н к о. Деякі особливості говірок Олишівського району Чернігівської області. — „Діалектологічний бюлетень“, вип. IV, Київ, 1953, стр. 30.

121 А. П. М о г и л а. Говірки західної Черкащини, стр. 108.

122 Ф. Т. Ж и л к о. Південночернігівські говірки, перехідні до полтавських, стр. 53.

123 І. З і л и н с ь к и й. Лемківська говірка села Явірок, стр. 202.

naradyty, obrad, verovka, govoru и *govorju, gorju, carja*¹²⁴; говоры Иванковского и Чернобыльского р-нов Киевской обл.: *búra, do móra, kudrávaja, kosarú* (род. мн.), *car* и *rjasní, zorjá, porjádok, do carjá* (ДАУ, 89, 90); говоры Дрогобычской обл.: *kúru, písara, guvóru, zorá* и *burják, búrja, zorjá, prjáža, rjabij, trjastí, morják*¹²⁵.

В карпатских и некоторых других юго-западных говорах согласный *r* не подвергался никаким изменениям, а в связи с этим и противопоставление фонем *r—r'* сохранилось как на конце слова и перед согласными, так и перед гласными. Ср. надпрутские говоры: *písar', dušar', cér'kova, zapr'áú, tr'ox*¹²⁶; южнокарпатские говоры: *car', čeredár', govór', mlinár', jar'mó, mir'kováti, zvir'xi, gur'kij, r'abýj, ór'u, zatvór'u, koš'ir'ga*¹²⁷; говоры окрестностей Ужгорода: *car', navár', koč'ir'gá, vir'ba, kur'ú, č'otir'óma*¹²⁸; гуцульские говоры: *car', kosár', rybár', mór'kva, pér'xnutá, tver'daj, mér'tvej, gor'ú, gr'édka, tér'xati*¹²⁹; надднестрянские говоры: *govor'ú, var'út, gr'atka, kosar'á, ver'x*¹³⁰; некоторые говоры Дрогобычской обл.: *kosár', car', tipér', mór'kva, ver'x, dvir'mi, cér'koú, ko"č"ár'ka*¹³¹.

С другой стороны, сохранение противопоставления фонем *r—r'* имеет место в юго-восточных говорах, территориально близких к русским говорам, со стороны которых они могут испытывать известное влияние. Таковы говоры восточной части Харьковской области, где фонемы *r—r'* противопоставлены на конце слова, перед согласными и гласными. Ср. *žar—p'ískár', vǎnbár', kosár', g'írka—xár'koú, ráda—gr'az'*¹³².

Противопоставление фонем *r—r'* на конце слова известно полтавским говорам¹³³.

§ 12. Зоны артикуляции согласных *t', d'*, с одной стороны, и *k', ɟ'* (этим знаком обозначаем задненебный взрывной звонкий согласный), с другой, являются смежными. При незначительном передвижении артикуляции назад согласные *t', d'* могут измениться в *k', ɟ'*. Именно такого рода явление имеет место в некоторых юго-западных украинских говорах.

Изменение *t', d'* в *k', ɟ'* имеет место главным образом в положении перед *i, e*. Однако это не должно наводить на мысль, что названное изменение обусловлено определенными фонетическими позициями. Дело в том, что изменению в *k', ɟ'* подвергались в основном не любые *t', d'*, а лишь те, которые находятся в таких морфемах, где они не чередуются с *t, d*, т. е. внутри корней. Если же учесть, что в говорах, знающих изменение *t', d' > k', ɟ'*, обычно на месте старых *ē, ō*, пред-

¹²⁴ В. Шимановский. Звуковые и формальные особенности народных говоров Холмской Руси, стр. 56.

¹²⁵ Г. Ф. Шило. Південно-західні говори УРСР..., стр. 72; Я. О. Пура. Говори західної дрогобиччини, стр. 38.

¹²⁶ К. Кисилевський. Надпрутський говір, стр. 18.

¹²⁷ В. І. Добош. Із спостережень над фонетикою південнокарпатських говірок долини р. Тур'ї. стр. 98; П. М. Лизанец. Украинские южнокарпатские говоры Затишся Виноградовского района Закарпатской области. Автореф. канд. дисс. Львов, 1959, стр. 7.

¹²⁸ П. П. Чучка. Украинские говоры окрестностей Ужгорода. Автореф. канд. дисс. Киев, 1958, стр. 6.

¹²⁹ Б. Кобилянський. Гуцульський говір..., стр. 34, 44; J. Janóv. Z fonetyki gwar huculskich, стр. 281.

¹³⁰ Г. Ф. Шило. Південно-західні говори УРСР..., стр. 69.

¹³¹ Я. О. Пура. Говори західної Дрогобиччини, стр. 37.

¹³² Л. Лисиченко. Особливості говірок східних районів (Куп'янського, Дворичанського) Харківської області, стр. 52.

¹³³ В. С. Ващенко. Полтавські говори. Харків, 1957, стр. 69.

ставлен *ĩ*, а гласный *a* после мягких согласных изменился в *e*, то станет ясно, что внутри корней согласные *t'*, *d'* (за исключением случаев типа *t'ut'ún*) выступают только в положении перед *ĩ*, *e*. Ср. надпрутский говор: *k'ílo*, *k'émjú*, *k'ísto*, *k'éško*, *i'íti*, *i'éi'ĩ*¹³⁴; буковинские говоры: *k'ísto*, *k'ísnij*, *k'éžko*, *k'égnúti*, *iíd*, *i'júka*¹³⁵; говор батюков: *k'ísto*, *k'ílo*, *k'éžkij*¹³⁶; некоторые говоры Дрогобычской обл.: *k'ísto*, *k'íjuna*, *k'íško*, *k'ílo*, *i'ido*¹³⁷. Там, где может отсутствовать изменение *'a* в *e*, согласные *k'*, *i' < t'*, *d'* выступают перед *a*. Так, в некоторых покутских говорах может быть *i'éi'a*, *i'átel'*¹³⁸.

Вместе с тем в некоторых юго-западных говорах изменение *t'*, *d'* в *k'*, *i'* имеет место и в таких морфемах, где согласные *t'*, *d'* могут чередоваться с *t*, *d*, в частности на конце слова. Ср. говор с. Мошковице: *k'íčka*, *k'íjuna koróva*, *i'im*, *dví ny'íli*, *i'it'kó*, *dév'ik'*, *dvác'ik'*¹³⁹; гудульские говоры: *k'ílo*, *k'in'*, *sk'iná*, *k'égnutə*, *molók'e* (3-е л. мн. ч.), *i'étel'*, *i'ilo*, *xuz'í*, *i'ék*, *i'éi'o*, *dvanác'ik'*, *uk'ík*, *i'id y smerk'*, *k'ma*, *k'ménna*, *yit*, *u voi'í*, *i'ístáú*¹⁴⁰; говоры южной части Тернопольской обл.: *pjek'*, *vixó'i* (3-е л. мн.), *pósk'il'*, *i'iti*, *bak'í*, *šmák'í*, *v xák'í*, *š'isk'*, *i'ížd'*¹⁴¹; покутские говоры: *k'ísto*, *k'ísnij*, *žik'é*, *sm'ik'é*, *š'isk'óx*, *i'id*, *i'ilo*, *i'júka*, *i'éi'a* (3-е л. мн.), *xó'i* и *xód'í*, *odinác'ik*, *dvác'ik* с отверждением *k'* на конце слова¹⁴².

Однако в этих говорах изменение *t'*, *d' > k'*, *i'* проведено не настолько последовательно, чтобы вытеснить окончательно фонемы *t'*, *d'*, а следовательно, и противопоставление фонем *t—t'*, *d—d'*. Ср. в тех же говорах: *let'ú*, *vod'ú*, *gromad'áni*, *vert'úx*, *kut'úx*.

От степени последовательности изменения *t' > k'* зависит фонологическая квалификация согласного *k'* из *t'* в данном говоре.

В том случае, если названное изменение происходит только внутри корней и в связи с этим только в положении перед *ĩ*, *e*, согласный *k' < t'* примыкает к уже имеющемуся в говоре *k'*, который функционирует как вариант фонемы *k*. Ср. *k'in'* и *k'ílo*; *k'épski*, *k'élix* и *k'éžko*.

Если же изменение *t' > k'* может осуществляться и перед другими гласными и на конце слова, то согласный *k'* образует фонему, противопоставленную фонеме *k*. Ср. *bik* — *dév'ik'*, *kon'a* — *š'isk'óx*.

Согласный *i'* являет собою элемент, ранее неизвестный фонетической системе украинских говоров. На этом основании некоторые исследователи квалифицируют согласный *i'* из *d'* как образующий мягкий коррелят фонемы *d'*¹⁴³. Однако это было бы справедливо лишь в том случае, если бы изменение *d' > i'* не знало исключений. Но так как этого нет и согласные *i'* и *d'* могут быть противопоставлены в одних и тех же условиях (*i'id* — *voni xod'í*), то согласный *i'* следует квалифицировать как самостоятельную фонему.

¹³⁴ К. Кисілевський. Надпрутський говір, стр. 20.

¹³⁵ М. В. Леонова. До характеристики говірок північних районів Буковини. — „Питання історії і діалектології східнослов'янських мов“. Чернівці, 1958, стр. 92.

¹³⁶ І. Верхратський. Говір батюків. Львів, 1912, стр. 27.

¹³⁷ Я. О. Пура. Говори західної Дрогобиччини, стр. 39.

¹³⁸ Ф. Т. Жилко. Нариси з діалектології української мови. Київ, 1955, стр. 120.

¹³⁹ J. Jan ów. Gwara małoruska Moszkowiec. . . , стр. 38.

¹⁴⁰ Б. Кобилянський. Гудульський говір. . . , стр. 24, 40, 41; J. Jan ów. Z fonetyki gwar huculskich, стр. 278; І. Панькевич. Українські говори підкарпатської Руси. . . , стр. 114.

¹⁴¹ Г. Ф. Шило. Південно-західні говори УРСР. . . , стр. 64.

¹⁴² Ф. Т. Жилко. Нариси з діалектології української мови, стр. 121.

¹⁴³ K. De jna. Gwary ukraińskie Tarnopolszczyzny. — „Prace językoznawcze“, 13, Wrocław, 1957, стр. 66.

§ 13. Первоначально после падения редуцированных в древнерусских диалектах, легших в основу украинского языка, корреляция $l-l'$ была представлена согласными t и l' , это характерно и для большей части современных говоров. Ср. говоры Вороновицкого р-на Винницкой обл.: *tad* — *zeml'a*, *ptug* — *l'udi*, *tist*, *téb'id'* (ДАУ, 468); Шосткинского р-на Сумской обл.: *butá* — *gul'át'*, *ptug* — *kl'učova*, *seto* — *l'on'a*, *biti*, *težát'* (ДАУ, 161); Лисогорского р-на Николаевской обл.: *butá* — *sil'anstvo*, *vat* — *s'il'*, *ptug* — *prisposobl'uvatos'a*, *vol'ru*, *tist* (ДАУ, 820); с. Кобылевки: *orét* — *xm'il'*, *mototij* — *l'on*¹⁴⁴.

В ходе истории украинского языка согласные t и l' подвергались изменениям, одни из которых были свойственны всему украинскому языку, другие — лишь части его говоров. Большая часть этих изменений никак не отражалась на судьбе корреляции $l-l'$.

Так, в украинском языке произошло изменение $t > \mu$, ограниченное определенными морфемами, а именно в окончании глагольных форм прошедшего времени мужского рода и в корнях слов перед согласными праславянского сочетания *tělt* (*biu*, *stau*, *vouk*, *močati*). В говоре батюков изменение $t > \mu$ происходит не только в указанных выше условиях, но и в окончании существительных после i : *povidau*, *doŭg*, *stiu*, *viu*, *diu* и *taska*, *taska*, *tižka*, *vat*¹⁴⁵.

Благодаря позиционной ограниченности изменения $t > \mu$, спирант μ по отношению к фонеме l являет собою самостоятельную функциональную единицу: μ и l противопоставлены во всех положениях, где встречается μ . Ср. *daŭ* — *stil*, *vouk* — *gólka*; в говоре батюков: *stiu* — *val*.

Таким образом, позиционно ограниченное изменение $t > \mu$ не вносит никаких преобразований в корреляцию $l-l'$. Следует заметить, что в украинском языке μ звук, артикуляционно стоящий на грани вокализма и консонантизма, выступает не только как результат изменения t в определенных морфемах, но и в соответствии с общерусским v после гласных на конце слова и перед согласными, а также в соответствии с общерусским безударным u после гласных перед согласными, что обычно бывает на стыке слов и морфем. Ср. *láuŭka*, *leu*, *do ŭmá*, *vona ŭneslá*.

Согласные v и μ исключают друг друга в одном и том же положении, что дает основание считать μ слабой фонемой¹⁴⁶, в которой реализуется сильная фонема v в конце слова и перед согласными. Ср. *lávóčka* — *lauŭka*, *ovés* — *v'iusá*, *l'vá* — *leu*.

Функциональная связь между v и μ наглядно проявляется в тех случаях, когда μ из t изменяется в v , например *čoven*, *žovtoŭr'úška* (Бачмачевский р-н Черниговской обл., ДАУ, 151).

Слабая фонема μ может вступать в фонетически обусловленное чередование с безударной фонемой u . Ср. *v'in unés* — *voná ŭnésla*, *v'in udavéc'* — *voná ŭdavá*.

В некоторых крайнезападных говорах имеет место изменение любого $t > \mu$. Ср. *biu*, *mýduo*, *poráta*, *kuen*, *buu*¹⁴⁷. Подобное преобразование согласного t ведет к ликвидации корреляции $l-l'$ и дефонологизации мягкости согласного l' . Кроме того, происходит перефонологизация элемента μ , который из слабой фонемы, употреблявшейся

¹⁴⁴ В. Отроковский. Малорусский говор с. Кобылевки Подольской губ. — ИОРЯС, т. XIX, кн. 4, 1914, стр. 38.

¹⁴⁵ І. Верхратський. Говір батюків, стр. 21.

¹⁴⁶ О понятии слабых фонем, образующих систему, представленную в слабых позициях различия фонем — см. Р. И. Аванесов. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956, стр. 28.

¹⁴⁷ І. Панькевич. Українські говори підкарпатської Русі... стр. 149.

только на конце слова и перед согласными, превращается в сильную фонему, выступающую не только в названных выше позициях, но и перед гласными. В связи с этим в данных говорах чередование *υ:Ϸ* следует рассматривать не как чередование сильной и слабой фонемы, а как чередование сильных фонем, поскольку *υ* и *Ϸ* оказываются противопоставленными в положении перед гласными.

В части украинских говоров, главным образом северо-восточных и в некоторых других, согласный *l* изменился в альвеолярный согласный *l'*. Ср. говоры Прилуцкого р-на Черниговской обл.: *lad, pl'ug, sel'ó, bul'á, čol'ov'ík* (ДАУ, 354); Черниговского р-на Киевской обл.: *pol'oskát', l'obodá, l'égki, pol'ín, gol'úbka, l'uj, bjíl'ij* (ДАУ, 90); то же в гуцульских и лемковских говорах¹⁴⁸.

Это изменение согласного *l* не вносит никаких преобразований в корреляцию *l—l'*. То обстоятельство, что фонема *l* в этих говорах представлена согласным *l'*, функционального значения не имеет. Так, ср. противопоставление фонем *l—l'* в говоре Фастовского р-на Киевской обл.: *pl'an — u moskal'ax, mol'oko — ziml'om'ír, val' — čm'il'* (ДАУ, 270).

Нередко изменение *l > l'* проведено непоследовательно, и в говоре в одном и том же положении употребляется как *l*, так и *l'*. Ср. некоторые говоры Черниговской обл.: *lú'ij, łapáta, łist, val' и u škólu ne xodí'la, l'ébed', l'isi* (Березнянский р-он, ДАУ, 110); *seło, bułá, łłop'ci, łist, łezát'* и *łopáta, pl'ug, l'ádu, val', kol'ixát, mal'én'ki* (Борзенский р-он, ДАУ, 146); *bułá, miłi, łopata, pl'úg* (Батуринский р-он, ДАУ, 144) и др.

В этих говорах фонема *l* может быть представлена как согласным *l*, так и *l'*; звуковое различие между этими согласными функционального значения не имеет.

§ 14. В части юго-западных говоров зубные согласные фрикативные, а иногда и взрывные имеют дорсальное (шепелявое) образование, которое некоторые исследователи относят за счет польского влияния¹⁴⁹. Ср. надсянский говор: *s''ínu, fs''ógo, z''et'', na duróz''y, t''ílu*¹⁵⁰; надднестрянский говор: *z''et'', z''íl'í, dés''it'* и *s''il, z''yú*¹⁵¹; говоры Дрогобычской обл.: *s''íno, s''udá, z''ísti*¹⁵² и др.

Согласные *s'', z'', t'', d''* так же, как и корональные согласные *s', z', t', d'*, являются представителями фонем *s', z', t', d'*, противопоставленных по твердости-мягкости фонемам *s, z, t, d*. Подтверждением этого является то обстоятельство, что противопоставление фонем, образованных согласным *s—s'', z—z'', t—t'', d—d''* подвергается нейтрализации в тех же позициях, где имеет место нейтрализация противопоставления твердых и мягких согласных фонем. Ср. *nus — d''yduš''* и *neséš d''ydušéva; xólod — mólod''* и *xolodéc', molodéc'*.

§ 15. В большей части современных украинских говоров и в украинском литературном языке согласный *c'* сохранил мягкость за исключением позиций перед *e, i*, где согласный *c'* отвердел так же, как и другие мягкие согласные. Ср. в литературном языке: *xl'opec', molodéc', vůlic'a, c'ar* и *licé, cíba*; говоры Шосткинского р-на Сумской обл.: *xl'opec'*,

¹⁴⁸ Б. Кобиланський. Гуцульський говір... стр. 24; І. Зілинський. Лемківська говірка села Явірок, стр. 202.

¹⁴⁹ „Курс сучасної української літературної мови“, т. I, стр. 137; І. Зілинський. Лемківська говірка села Явірок, стр. 204; Г. Ф. Шило. Південно-західні говори УРСР... стр. 65.

¹⁵⁰ М. Пшепюрська. Надсянський говір, стр. 7, 28.

¹⁵¹ Г. Ф. Шило. Південно-західні говори УРСР... стр. 34, 65.

¹⁵² Я. О. Пура. Говори західної Дрогобиччини, стр. 32.

zájac', míc'nij, cáč'ka, prác'a, tanc'uvát' и *sónce, xlópci* (ДАУ, 161); Бахмацкого р-на Черниговской обл.: *ptíc'a, siníc'u, xolodéc'* и *gorobcévu* (ДАУ, 151) и др.

Первоначально в украинском языке, как и в других славянских языках, фонема, образованная согласным *c'*, находилась за пределами корреляции твердости-мягкости; небная артикуляция, свойственная этому согласному, функционального значения не имела.

Однако в дальнейшем в части украинских говоров в силу ряда обстоятельств создалась возможность противопоставления фонем *c—c'*. Способствовавшие этому обстоятельствам заключались, во-первых, в сосуществовании в одном говоре *c* мягкого и отвердевшего и, во-вторых, в появлении согласного *c* в иноязычных заимствованиях, междометиях и звукоподражательных словах. Ср. в литературном языке: *bac!*, *palac — xlópec'*, *capl — c'ápati, cukati* (= говорить „*cu-cu*“) — *c'ukati*; кроме того, противопоставление фонем *c—c'* имеет место перед заударным *i* в связи с наличием *c* перед *i < ij* в формах прилагательных: *molodic'i — kúci*. В говоре с. Нехворощи: *mácati — xlópc'ami, kúcogo — do c'ogo, kúcu — pérc'u*¹⁵³; в говоре Каховского р-на: *cúcik — molodc'ú, cap — molodc'ám*¹⁵⁴; в говорах Олишевского р-на: *ulica — vodíc'a, zajec — míc'*¹⁵⁵.

Противопоставление фонем *c—c'* в условиях широко развитой в украинском языке системы фонем, коррелятивных по твердости-мягкости, может быть отнесено к числу коррелятивных. Противопоставление фонем *c—c'*, как и других твердых и мягких согласных фонем, нейтрализуется в положении перед *e, i*. Ср. в литературном языке: *kúci — molodic'i* и *kúce, molodiceju*.

В немногих украинских говорах согласный *c'* отвердел во всех положениях. Таковы, например, гуцульские говоры, где фонема *c* стоит вне корреляции твердости-мягкости¹⁵⁶.

§ 16. В юго-восточных и северных украинских говорах известны долгие мягкие зубные согласные, по своему происхождению восходящие к интервокальным сочетаниям соответствующих недолгих зубных согласных с *j* не на стыке приставки и корня: *žíť'a, m'íd'u, kolós'a, máz'u, kam'ín'a, voroň'a, ves'íl'a, nóč'u, bezdor'íž'a, l'u*.

В большей части юго-западных говоров в тех же случаях представлены недолгие мягкие согласные: *žit'e, m'íd'u, kolós'a* и т. д.

На стыке приставки и корня сочетания зубных с последующим *j* обычно сохраняются во всех говорах: *p'idjz, bezjazikij*, но ср. в надпрутском говоре: *z'ís'ti < zjisti*¹⁵⁷.

Сочетания губных согласных и *r* с последующим *j* в говорах, развивших долгие мягкие зубные согласные, сохраняются в любом положении в слове. Ср. южночерниговские говоры: *žit'é, z'íl'e, spaň'é* и *p'írje, prisl'ivje*¹⁵⁸; бориспольские говоры: *žit'é, ves'íl'e, kamín'e* и *p'írje, podv'írje*¹⁵⁹; говоры Броварского р-на: *ves'íl'e, kam'ín'e* и *p'írje*¹⁶⁰; говор с. Нехворощи: *nakriť'a, do puť'a, žolud'á, kolós'a, voroň'a* и *l'ubóju, podv'irja, soloujá*¹⁶¹ и др.

¹⁵³ П. Гладкий. Говірка села Нехворощі, стр. 127.

¹⁵⁴ Я. Д. Нагін. Говірки Каховського та сусідніх районів... , стр. 156.

¹⁵⁵ П. С. Лисенко. Деякі особливості говірок Олишівського району... , стр. 29.

¹⁵⁶ См. J. Jan ów. Z fonetyki gwar huculskich, стр. 279.

¹⁵⁷ К. Кисілевський. Надпрутський говір, стр. 22.

¹⁵⁸ Ф. Т. Жилко. Південночернігівські говірки перехідні до полтавських, стр. 51.

¹⁵⁹ В. М. Брахов. Характерні риси говірок на Бориспольщині, стр. 29.

¹⁶⁰ Г. П. Іжакевич. Про особливості говірок Броварського району... , стр. 37.

¹⁶¹ П. Гладкий. Говірка села Нехворощі, стр. 126.

Что касается юго-восточных говоров, то здесь губные согласные и *r* так же, как и другие согласные, ассимилировали последующий *j*. Губные согласные, а в некоторых говорах и согласный *r'* в этой позиции также подверглись характерному для этих согласных отвердению. Ср. доливский говор: *kolós'e*, *pipé*, *píre*¹⁶²; говор с. Писаревки: *žit'a*, *píra*, *podvíri*¹⁶³; говоры Кривоозерского р-на: *vis'il'a*, *žit'a*, *kolós'a*, *znarád'a* и *p'íra*¹⁶⁴; говоры окрестностей Ужгорода: *žyt'a*, *sm'it'a*, *nas'in'a* и *pír'a*, *vič'ír'a*¹⁶⁵ и др.

Ряд исследователей, отождествляя звуковое качество долгих мягких зубных согласных с их функциональной спецификой, считает, что эти согласные в украинском языке образуют долгие согласные фонемы, находящиеся в коррелятивных отношениях с соответствующими недолгими мягкими согласными фонемами¹⁶⁶. Однако в действительности функционирование долгих мягких согласных в системе украинского языка таково, что оно не позволяет считать их долготу дифференциальным признаком, лежащим в основе противопоставления долгих и недолгих согласных фонем.

Употребление долгих мягких согласных в украинском языке ограничено определенными морфологическими условиями. В этих же условиях сочетания губных согласных и *r* с последующим *j* сохраняется. Именно наличие в тождественных морфемах долгих мягких зубных согласных, с одной стороны, и сочетаний согласных с *j*, с другой (*kolós'a*, *žit'a* и *p'írja*, *solojja*), заставляет рассматривать долгие зубные согласные и в синхронном плане как заменяющие собою сочетания недолгих согласных с *j*. Функционально мягкие долгие зубные согласные в украинском языке являют собою слабые фонемы, в которых нейтрализуется противопоставление твердых и мягких зубных согласных фонем в сочетании с *j*. Ср. *ob'id* — *m'id* и *ob'id'a*, *m'id'u*; *kolos* — *ris'* и *kolós'a*, *ris'u*, *poloz* — *galuz'* и *polož'a*, *galuz'a* и т. д.

Противопоставление долгих и недолгих согласных в случаях *l'ut'* — *l'ut*, *u sud'i* — *u sud'i*, *voron'a* — *voron'a* не является противопоставлением сильных фонем, а представляет собою противопоставление слабой и сильной фонемы.

Долгие мягкие зубные согласные, являясь слабыми фонемами, в отличие от остальных сильных и слабых фонем всегда выступают на стыке основы и флексии и поэтому несут строго определенную морфологическую функцию, оформляя существительные ж. и ср. р. (*sviň'a*, *kaš'ó*), собирательную форму существительных (*bráf'a*, *kól'a*), твор. ед. существительных ж. р. (*ris'u*, *gr'áz'u*), 1-е л. ед. ч. настоящего времени некоторых глаголов (*l'u*). Долгота мягких зубных согласных выполняет ту же морфологическую функцию, которая в тех же морфемах после губных и *r* принадлежит согласному *j*.

В юго-западных говорах, где зубные согласные, ассимилировав себе последующий *j*, не развили долготы (а если развили, то вскоре

¹⁶² І. Верхратський. Про говор долівський, стр. 17.

¹⁶³ О. С. Мельничук. Південноподільська говірка села Писарівки, стр. 52.

¹⁶⁴ Л. С. Терешко. Особливості фонетичної системи надбузьких говірок, стр. 104.

¹⁶⁵ П. П. Чучка. Украинские говоры окрестностей Ужгорода, стр. 6; е го же. Фонетичні зміни в південнокарпатських говірках околиці Ужгорода, стр. 69.

¹⁶⁶ См. О. Н. Синявський. Спроба звукової характеристики літературної української мови. — „Наукові записки харківської науково-дослідної катедри мовознавства“, II, 1992, стр. 7; К. Деjna. Fonologiczny system języka ukraińskiego. — „Biuletyn polskiego towarzystwa językoznawczego“, XV, Kraków, 1954, стр. 152; „Курс сучасної української літературної мови“, т. I, стр. 145.

утратили), возникшие в результате этого мягкие согласные фонемы примкнули к уже имеющимся мягким фонемам. Ср. *žit'á* и *t'ázko*.

§ 17. Изменения в системе противопоставления и нейтрализации противопоставления твердых и мягких согласных фонем в украинском языке были вызваны не только различными процессами в области вокализма и консонантизма, но и явлениями морфологической аналогии и словообразования.

В украинском языке (исключая говоры, развившие *и* из *о*) в положении перед *и* различие по твердости-мягкости фонетически закономерным является только для фонем *r—r'*, *s—s'*, *z—z'*, *l—l'*, *n—n'*, так как фонетически закономерное различие твердых и мягких согласных фонем в этом положении непосредственно обусловлено возможностью употребления перед *и* праславянских палатальных согласных. Однако во всех украинских говорах в положении перед гласным *и*, кроме названных выше фонем, противопоставлены фонемы *t—t'*, *d—d'*, а возможность различия фонем *r—r'*, *l—l'*, *n—n'*, *s—s'*, *z—z'* значительно расширена. Это вызвано морфологическими и словообразовательными процессами, ведущими к появлению гласного *и* после мягких согласных.

Так, в украинском языке весьма распространены суффиксы, начинающиеся на *и* и сочетающиеся с основами на мягкий согласный. Ср. суффикс *-ug-*: *zlod'úga*, *kot'úga*, *ps'úga*, *v'itr'úga*, *balvan'úga*, *pjan'úga*; суффикс *-uk-*: *gad'úka*, *ps'úka*, *kamen'úka*, *glad'úk*, *ost'úk*, *sirot'úk*, *labz'úk*, *kras'úk*; суффикс *-ux-*, *-uš-*: *vert'úx*, *kut'úx*, *korot'úxa*, *Pos'm't'úxa* (женское прозвище), *zavir'úxa*, *ran'úška* (ранняя капуста, картофель¹⁶⁷); суффикс *-ur-*: *nos'ura*, *bas'ura*, *ps'ura*; суффикс *-usen'k-*: *čist'úsen'kij*, *dr'ibn'úsen'kij*.

Расширению употребления гласного *и* после мягких согласных способствовало также известное многим юго-восточным и юго-западным украинским говорам выравнивание глагольных основ 1-го л. II спряжения по остальной парадигме без старого чередования согласных. Ср. *xod'ú*, *bud'ú*, *plat'ú*, *virt'ú*, *voz'ú*, *láz'u*, *kos'ú*, *pros'ú*.

Гласный *и* после мягких согласных распространен также в междометиях и в иноязычных словах, встречающихся не только в литературном языке, но и в говорах. Ср. *bz'u-bz'u* (междометие, которым подзывают овец), *s'in't'úr* (материал¹⁶⁸).

Гласный *о* после мягких в украинском языке фонетически развился из гласного *е* лишь в очень немногих случаях¹⁶⁹. Появление гласного *о* после мягких согласных и вызванное этим широкое различие твердых и мягких согласных фонем в положении перед *о* обусловлено исключительно морфологической и словообразовательной аналогией — влиянием форм твердой разновидности на аналогичные формы мягкой разновидности.

Так, в украинском языке по аналогии с твердой разновидностью словообразования и формообразования явились следующие случаи употребления гласного *о* после мягких согласных: *sažn'ovij*, *tižn'ovij*, *mozol'ovij*, *sobol'ovij*, *los'ovij* по аналогии с *domovij*; *pen'ók*, *den'ók*, *pisar'ók* по аналогии с *lenók*; *sxvil'ovaniij*, *mal'ovaniij*, *zogor'ovaniij* по аналогии с *podarovaniij*; *pjat'óx*, *šist'óx*, *pjat'óm*, *šis't'óm* по аналогии с *dvoox*, *dvom*; *sin'ogo*, *tret'ogo* и *tret'omu* (Борзенский р-н Черниговской обл.,

¹⁶⁷ А. А. Москаленко. Словник діалектизмів українських говірок Одеської області. Одесса, 1958, стр. 62.

¹⁶⁸ Там же, стр. 66.

¹⁶⁹ См. Л. А. Булаховський й. З історичних коментаріїв до української мови, стр. 98; Н. Н. Дурново. Введение в историю русского языка. Брно, 1927, стр. 160.

ДАУ, 146), *zádn'ogo, perédn'ogo* (Крижопольский р-н Винницкой обл., ДАУ, 716) по аналогии с *r'ídnogo, r'ídnomu*.

В большей части украинских говоров имеет место проникновение окончания твор. ед. м. р. *-om*, твор. ед. ж. р. *-oju* и дат. мн. м. р. *-ovi* в склонение существительных с мягкой основой, т. е. *kon'óvi, zeml'óju, poros'óm* как *domóvi, pilóju, selóm*.

Кроме того, в некоторых западных говорах встречаются остатки старых дат. и местн. мн. существительных на *-om, -ox*. Ср. примеры из говоров с. Писаревки: *kon'óvi, dn'óvi, vasil'óva, pjat'írn'óju, višn'óvij*¹⁷⁰; с. Монастырского: *tes't'óvi, tés't'óm, sín'ogo, trét'ogo, trét'omu*¹⁷¹; Каховского р-на: *z'át'ov'i, koval'óm, dožd'óm, Marús'oj, trét'ogo, namal'óvano*¹⁷²; южнокарпатских: *zeml'óv, súlov, vol'ov* (тв. ед. ж. р.), *č'é're'dar'óm, dn'óm, pól'óm, id mór'ovi, kon'óvi, dn'óvi, pól'ovi, l'úd'óm, na san'óx, put'óm*¹⁷³; Перемышльского р-на Львовской обл.: дат. мн. *kon'óm, pol'óm, grud'óm, til'ét'óm, pac'ét'óm*, местн. мн. *na dn'óx, zeml'óx, svín'óx*¹⁷⁴; северной части Киевской обл.: *zeml'óju, kon'óm, za kolódez'óm, vedméd'ou, los'ou* (ДАУ, 51, 90); Винницкой обл.: *zaml'óju, sól'oju, t'in'uju* (ДАУ, 449, 459); с. Нехворощи: твор. ед. *góst'óm, džm'il'óm* и *koném*; *F'il'o, g'idús'o, Nást'o* (зв. ед.), *sín'ogo, min'ók* (рыба), *perkal'óvij*¹⁷⁵; с. Блиставицы: *ós'oju, t'in'uju, svín'uju, koval'óm, vedm'id'ova, vípl'ovat, smagl'óvati*¹⁷⁶; с. Валашковец: твор. ед. *vumn'óm*; род. мн. *vumn'ox, pol'o, pol'óm*; твор. мн. *pol'oma*; род. мн. *kus't'óx*; зв. ед. *dýn'o*; местн. мн. *dyn'ox*¹⁷⁷ и т. д.

Наряду с этим почти в каждом из украинских говоров имеются слова, в которых гласный *o* после мягких согласных представлен не на стыке морфем. Ср. в говорах Одесской обл.: *kl'óvati, l'ódic'a, kamn'ón* (болг.), *k'is'óra* (молд.), *t'óxati, a-s'okl'* (отгон лошадей)¹⁷⁸; Черниговской обл.: *rob'ýgla nau't'óki* (ДАУ, 144); *kol'ósa, t'óplij, čornoz'óm*¹⁷⁹, а также *kl'ob* (-пучок льна), *l'ox* (-погреб, яма), *zabr'óxa* (-забрызганный грязью), *nau'd'óri* (-наубег), *t'ópati* (-шлепать), *pat'ók* (-полоса текущей жидкости)¹⁸⁰.

§ 18. Рассмотренные выше явления и процессы в области вокализма, консонантизма, морфологии и словообразования способствовали формированию системы коррелятивных по твердости-мягкости фонем в том ее виде, который она имеет в современном украинском языке и его говорах.

В украинском языке корреляцию твердости-мягкости образуют фонемы *t—t'*, *d—d'*, *s—s'*, *z—z'*, *n—n'*, *l—l'*; в юго-восточных и некоторых юго-западных говорах к этой корреляции примыкают фонемы *r—r'*, а в юго-восточных также твердые и мягкие губные согласные

¹⁷⁰ О. С. Мельничук. Південноподільська говірка села Пісарівки, стр. 47.

¹⁷¹ А. И. Сорочан. Описание говора с. Монастырского..., стр. 225, 258.

¹⁷² Я. Д. Нагин. Говірки Каховського та сусідніх районів..., стр. 85.

¹⁷³ В. І. Добош. Південнокарпатські українські говірки долини річки Тур'ї, стр. 47; П. П. Чучка. Система голосних у говірці села Баранниці Ужгородського району, стр. 151; Д. Пагіря. Система голосних..., стр. 84; П. М. Лизанець. Система голосних в українських південнокарпатських говірках Затисся..., стр. 121.

¹⁷⁴ Г. Ф. Шило. Форми давального та місцевого відмінків множини іменників в південно-західних говірках. — „Звітно-наукова конференція Львівського державного педагогічного інституту. Секція лінгвістична. Тези доповідей“. Львів, 1955, стр. 15.

¹⁷⁵ П. Гладкий. Говірка села Нехворощі, стр. 129, 135, 139, 142.

¹⁷⁶ П. Гладкий. Говірка села Блиставиці..., стр. 104.

¹⁷⁷ І. Панькевич. Говір села Валашковець..., стр. 352—355.

¹⁷⁸ А. А. Москаленко. Словник діалектизмів українських говірок Одеської області, стр. 14, 39—41, 49, 71.

¹⁷⁹ А. И. Филиппова. Говоры Прилукщины Черниговской области, стр. 7.

¹⁸⁰ Б. Д. Гринченко. Словарь украинского языка. Киев, 1907.

фонемы, различающиеся только в положении перед *i/i*; в некоторых говорах имеет место противопоставление фонем *c—c'*, *k—k'*.

В украинском литературном языке и говорах твердые и мягкие согласные фонемы противопоставлены в позиции конца слова. Ср. в литературном языке: *brat — g'is't'*, *d'id — m'id'*, *pójas — ris'*, *v'iz — moróz'*, *krásen — krásen'*, *podíl — síl'*, *palác — xlopec'*; в карпатских говорах: *dzur — c'ar'*, *buk — dévek'*.

В юго-западных говорах в связи с оглушением звонких согласных в конце слова может отсутствовать различие фонем *d—d'*, *z—z'*.

В юго-восточных говорах в позиции конца слова противопоставление фонем *r—r'* и твердых и мягких губных нейтрализуется. Ср. *cúkru — z'v'ir'u* и *cúkor z'v'ir*; *dubi — greb'it'* и *dub gr'ib*.

Противопоставление всех или части твердых и мягких согласных фонем в конце слов отсутствует только в лемковских говорах. Ср. говор с. Яворок: *pjat, dés'at, kyst, žólut, z'at, gus* и *kyn', ogen', vorobel'*¹⁸¹; в других лемковских говорах: *den, os'in, k'ist, z'at, test*.

Это явление в лемковских говорах обычно связывается с влиянием словацкого языка.

Отдельные украинские говоры, имея неодинаковую систему вокализма, соответственно имеют и разную систему противопоставления твердых и мягких согласных фонем перед ударенными гласными.

Общими для всех украинских говоров являются только позиции различения твердых и мягких согласных фонем перед гласными *u* и *o*.

Перед *u*: *povitúxa — ost'úk, dúma — gad'úka, súmno — ps'úka, zub — labz'úk, núdno — kon'úš'n'a, glúzd — l'úbij, cúkati — c'ukati, rux — v'itr'úga*; в карпатских говорах: *stul — t'útka, sul' — s'ul, nus — pun'ús*.

Перед *o*: *tóusto — pjat'óx, dóbrij — bad'óro, sók'il — los'óvij, nóžik — den'ók, lóvi — sobol'óvij, rózum — tr'ox*.

Остальные позиции различения твердых и мягких согласных фонем перед ударенными гласными неодинаковы в отдельных группах украинских говоров.

Так, в североукраинских говорах твердые и мягкие согласные противопоставлены перед *uo* (или другим дифтонгом, восходящим к *o*) и перед *a*.

Перед *uo*: *stuol — t'úotka, súol' — s'úol, zúorka — černoz'úom, nuos — n'uos, lúoj — l'úod*.

Перед *a*: *táto — t'ážko, dáunj — d'átel, sad — poros'a, záutra — z'at', nájmička — zagon'áti, lájka — l'ak* (= испуг).

В юго-восточных говорах твердые и мягкие согласные фонемы противопоставлены перед ударенными гласными фонемами *i/i*, *a*.

Перед *i/i*: *tíxij — t'ilo, dim — d'im, sin — s'ino, zimi — z'irka, níva — n'is, lis — l'is, rij — r'ij, piti — p'isn'a, bik — b'ig, mi — m'ij, vi — v'id'ma*.

Перед *a* — так же, как в североукраинских говорах.

В большей части юго-западных говоров твердые и мягкие согласные фонемы противопоставлены перед ударенными *i* и *a*.

Перед *i*: *tik — t'ik, dil — d'il, sil — s'il, zir — z'il'a, nis — n'is, tij — t'ito*.

Перед *a* — так же, как в североукраинских говорах.

В некоторых карпатских говорах в связи с изменениями гласного *a* после мягких согласных и появлением *y* на месте старого *o* твердые

¹⁸¹ І. Зілянський. Лемківська говірка села Яворок, стр. 204.

и мягкие согласные могут быть противопоставлены в положении перед ударными гласными *e* и *y*.

Перед *e*: *těšča* — *t'ěško*, *den'* — *d'étel'*, *sěstry* — *poros'é*, *vezé* — *z'et'*, *dnem* (твор. ед.) — *dn'em* (дат. мн.), *kuvalém* — *kuval'ém*¹⁸².

Перед *y*: *syn* — *s'yl*, *snyy* — *n'ys*.

Различны по говорам и позиции нейтрализации противопоставления твердых и мягких согласных фонем.

Во всех украинских говорах, за исключением некоторых карпатских, противопоставление твердых и мягких согласных фонем нейтрализуется в положении перед *e*. Ср. *son* — *den'* и *sne* (зв.) *dnem* (по говорам может быть и *dn'om*); *vóron* — *kám'in'* и *voronéc'* *kam'inéc'*; *orél* — *dal'* и *orléc'* *daléko*; *n'is* — *d'idús'* и *nesěš*, *d'iduséva*; *xólod* — *mólod'* и *xolodéc'* *molodéc'*; *vart* — *g'üst'* и *gostěj ne várte*.

В юго-восточных говорах положением перед *e* и ограничиваются позиции нейтрализации противопоставления твердых и мягких согласных фонем.

В североукраинских говорах, кроме положения перед *e*, названная нейтрализация имеет место перед ударными *iē* и *i*.

Перед *iē*: *son* — *kūōn'* и *va sn'iē na kon'iē*; *zolá* — *zeml'á* и *zol'iē zeml'iē*; *vodá* — *gled'át'* и *vod'iē gled'iet'* (повелит. 2-го л. мн.) *ovés* — *gus'* и *vūōvs'iē gus'iē*.

Перед *i*: *son* — *ogón'* и *snítis'a ognívo*; *orel* — *gūōl'* и *orlinij goliti*; *gūōd* — *vedm'iēd'* и *godína vedmedic'a*; *vūōz* — *graz'* и *voziti grazívo*; *žart* — *gūōst'* и *žártik gostína*.

В юго-западных украинских говорах так же, как и в североукраинских, противопоставление твердых и мягких согласных фонем нейтрализуется в позиции перед *i*.

В тех карпатских говорах, в которых различаются фонемы *i* и *y*, а развитие гласного *ō* в новых закрытых слогах не привело к появлению гласного *y*, противопоставление твердых и мягких согласных фонем нейтрализуется в положении перед *i*, *y*. Ср. *vud* (род. мн.) — *mólod'* и *vodíca molodíca vodý molodýj*.

§ 19. В части украинских говоров представлены различные системы гласных фонем в ударных и безударных слогах. Характер и причины этого различия неодинаковы по говорам.

В южноукраинских говорах, как западных, так и восточных, различие между вокализмом ударных и безударных слогов вызвано в основном утратой противопоставления фонем *e* и *i* в безударных слогах. При этом закономерности и пути утраты названного противопоставления неодинаковы в разных говорах.

В литературном языке и сходных с ним говорах утрата различия между гласными *e* и *i* в безударных слогах связана с осуществлением гармонии гласных. Перед слогом с гласными верхнего и средне-среднего подъема *i*, *u*, *i* в соответствии с ударными *e*, *i* представлены более узкие гласные (*i^o*, *i*, *iⁱ*, *ī*), перед слогом с *e*, *o*, *a* — более широкие гласные (*e*, *eⁱ*). Ср. в литературном украинском языке: *vesná*, *devák*, *vedé*, *steráti* и *vizi*, *níd'íl'a*, *tikúčij*; в говорах Нижнего Поднестровья: *ri^obále*, *či^oréz*, *pirivid'it'*, *právi^ol'no*¹⁸³.

В говорах подобного типа безударные гласные *e* и *i* являются вариантами слабой гласной фонемы среднего подъема после твердых

¹⁸² Так именно в надсянских говорах. — См. М. Пшепюрська. Надсянський говір, стр. 38.

¹⁸³ Й. О. Дзензелівський. Українські говори Нижнього Подністров'я, стр. 76.

согласных: вариант *i* употребляется только перед слогом с *ĩ*, *u*, *i*, вариант *e* — перед слогом с гласными *e*, *o*, *a*.

Вокализм безударных слогов в этих говорах складывается из следующих фонем:

ĩ	u
i/e	o
	a

Верхне-средний подъем, характерный для гласного *i*, утрачивает в безударных слогах функциональную значимость, и гласный функционирует как представитель фонемы переднего ряда среднего подъема.

В некоторых юго-западных украинских говорах гласный *e* в безударном положении независимо от гласного в следующем слоге изменяется по направлению к *i* и часто с ним совпадает. Перед слогом с *ĩ* и перед мягкими согласными часто появляется *ĩ* как в соответствии с ударенными *e*, так и *i*. Ср. надсянский говор: *nisi*, *vizi*, *birú*, *Pitró*, *Fid'gó*, *viditi*¹⁸⁴; говор с. Писаревки: *tisáti*, *zilénij*, *zátirka*, *prib'íg*, *síd'iti*, *pšít*, *vis'il'a*, *virt'iti*¹⁸⁵; говор Брюховецкого р-на: *biréza*, *vidró*, *vis'il'e*¹⁸⁶; говор Кривоозерского р-на: *divjatsót*, *virtáj*, *vijs'ís*, *v'is'il'a*, *m'in'í*, *s'im'ir'ička*, *gr'im'ili*, *x'il'ic'a*¹⁸⁷; говор Хмельницкого р-на Винницкой обл.: *biréza*, *s Pitróm*, *zilénij*, *sibé*, *čovín*, *xlópic'*, *siló*, *zirnó*, *višnévij*, *silénnij* (ДАУ, 449).

В некоторых говорах безударный гласный *e* повышает свою артикуляцию, а безударный гласный *i* ее понижает, вследствие чего на месте этих безударных гласных выступает гласный, средний между *e* и *i*. Ср. говоры Борзенского р-на Черниговской обл.: *be'rézka*, *Pe'tró*, *be'rú*, *pérsti'n'*, *zi'léni*, *vi'snévi*, *še'róki* (ДАУ, 146); Белопольского р-на Сумской обл.: *bareza*, *pačát'*, *pérstan'*, *zelenij*, *selenij* (ДАУ, 194).

В говорах подобного типа в безударных слогах противопоставление сильным фонем *e* — *i* нейтрализуется в слабой фонеме, представленной гласными *i* или *ə*. Гласный *ĩ*, соответствующий ударенным *e*, *i*, примыкает к распространенной в юго-западных говорах фонеме *ĩ*, выступающей как под ударением, так и без него (*vis'il'a* как *u* *vidr'ĩ*). Безударный вокализм этих говоров также отличается от ударенного вокализма отсутствием фонемы верхне-среднего подъема, гласные *i* или *ə* функционируют как гласная фонема среднего подъема нелабиализованная.

В том случае, если в безударных слогах изменение гласного *e* не приводит к его совпадению с *i*, вокализм безударных слогов в этих говорах не отличается от вокализма ударенных слогов. Ср. в говорах западнopolтавских: *te'l'áti*, *ze'lénij*, *me'né*, *čove'n* и *bilina*, *kriló*, *xódit'*¹⁸⁸; Полтавского р-на Житомирской обл.: *tal'áti*, *səlo*, *Pətróm*, *ósən'*, *pógrəb*, *dəšévi*, *pəmə səstri* и *višn'óvi*, *siléni* (ДАУ, 245); Прилудского р-на Черниговской обл.: *ne'slá*, *me'né*, *ze'mel'* и *kričáti*, *lisá*, *viskákujé*, *mil'én'kogo* (ДАУ, 354); Лисогорского р-на Николаевской обл.: *be'réza*, *s Pe'tróm*, *očerét*, *te'pér*, *ve'čor'iti* и *sil'ntj*, *lisá*, *višn'óvij* (ДАУ, 820).

В этих говорах в безударных слогах фонема среднего подъема представлена гласным *e'* (ə), фонема верхне-среднего подъема гласным *i*.

В говорах, знающих сильные фонемы *i* и *ĩ*, различные модификации безударных гласных *i* и *e* не вызывают различий в системе противо-

¹⁸⁴ М. Пшепюрська. Надсянський гóвiр, стр. 17.

¹⁸⁵ О. С. Мельничук. Пiвденноподiльська гóвiрка села Писарiвки, стр. 51.

¹⁸⁶ П. I. Приступа. Гóвiрки Брюхóвiцького району... , стр. 40.

¹⁸⁷ Л. С. Терешко. Особливостi фонетичної системи надбузьких гóвiрок... , стр. 103.

¹⁸⁸ I. О. Варченко. Фонетичнi особливостi гóвiрок захiдноi Полтавщини, стр. 257—260; В. С. Ващенко. Полтавськi гóвiри, стр. 66.

поставления твердых и мягких согласных фонем перед ударными гласными, с одной стороны, и перед безударными, с другой. Твердые и мягкие согласные фонемы не различаются как перед сильными фонемами *i*, *e*, так и перед слабыми *i* (*diržáva, divitis'*), *i/e* (*devák, divitis'*) или *э* (*dəvák, dəvitis'*).

Что касается говоров с сильной фонемой *ĩ/i*, то в некоторых из них благодаря изменению безударных *e*, *i* > *ĩ* с сохранением твердости предшествующего согласного становится возможным различие твердых и мягких согласных фонем перед безударным *ĩ*, который в отличие от того же гласного под ударением функционирует как самостоятельная фонема, противопоставленная фонеме *i*. Подобное явление представлено в говоре с. Писаревки¹⁸⁹, где: *ti* — *t'ik*, *sin* — *s'ik*, *nitka* — *n'ig* и *síd'iti* — *s'íd'iti*. В том случае, если согласные мягки перед безударным *ĩ* любого происхождения, а употребление безударных *i* и *e* обусловлено качеством гласного в последующем слоге, безударные гласные *ĩ*, *i* и *e* функционально отождествляются: *ĩ* употребляется после мягких согласных, *i* — после твердых перед высокими гласными, *e* — после твердых согласных перед остальными гласными. Ср. *d'ijnic'a, d'ílami* — *deréun'a, divitis', di'rzkiĵ*.

Вокализм безударных слогов в этих говорах организован на основе различия двух степеней подъема — верхнего и неверхнего — и на основе наличия или отсутствия лабиализации. Гласная фонема верхнего подъема нелабиализованная представлена гласными *ĩ*, *i*, *e*, лабиализованная — гласным *u*, неверхнего подъема нелабиализованная — гласным *a*, лабиализованная — гласным *o*.

В надсянском говоре благодаря изменению гласного *a* после мягких согласных стало возможно различие твердых и мягких согласных фонем в положении перед безударным *i*: *ditini* — *Parán'i, viditi* — *xód'it* (3-е л. мн.).

В юго-восточных и юго-западных говорах изменение в безударных слогах претерпевает гласный *o*. В юго-восточных и некоторых юго-западных говорах это изменение связано с вокальной гармонией: перед слогом с *u*, *ĩ*, реже *i* гласный *o* изменяется в сторону *u* или совпадает с ним. Ср. в литературном языке: *ko^užúx, zo^uzúl'a* или *zu^ozúl'a, so^ujúz, nato^ub'ĩ*; говоры Запорожской обл.: *bo^utviñ'a, mo^ugila, zo^uzúl'a*¹⁹⁰; западночеркасские говоры: *vodá, pogóda, boréc* и *ko^užúx, to^ub'ĩ, gu^olúbka, sus'íd*¹⁹¹, *dukučiti, zuzúl'a, pudúška, kun'úšn'a*¹⁹²; говоры Мукачевской обл.: *tobí, sín'oji, dolú, domú, lopúx, u moloc'ĩ*¹⁹³.

В тех говорах, где безударный гласный *o* сближается с *u*, но не совпадает с ним, это не вносит изменения в систему гласных фонем безударных слогов в сравнении с ударенным вокализмом. В безударных слогах фонема *o* представлена гласными *o^u* или *u^o* в положении перед слогом с *ĩ*, *u*.

В тех же говорах, где безударный *o* перед слогом с *ĩ*, *u* изменяется в *u*, в безударных слогах представлена разная система фонем в зависимости от гласного следующего слога. Перед слогом с *ĩ*, *u* отсутствует фонема *o*, так как в этом положении происходит нейтрализация противопоставления фонем *o—u*. Ср. *kon'á—rudá* и *kun'úšn'a, rudú*.

¹⁸⁹ О. С. Мельничук. Південноподільська говірка села Писарівки, стр. 47.

¹⁹⁰ С. П. Самійленко. Фонетичні особливості говірок Запорозької області. — „Діалектологічний бюлетень“, вып. VI, Київ, 1956, стр. 92.

¹⁹¹ А. П. Могила. Говірки західної Черкащини, стр. 54.

¹⁹² А. Д. Очеретний. Говірки Уманського району..., стр. 72.

¹⁹³ І. Д. Пагіря. Система голосних..., стр. 82.

Во многих юго-западных говорах гласный *о* изменяется в *и* или сближается с ним во всех безударных слогах независимо от качества гласного в следующем слоге. Ср. надсянский говор: *guluvá, duróga, mícnu, kuróva, gáurun*, местн. мн. — *l'úd'ux, kón'ux, z'éť'ux*¹⁹⁴; долиньский говор: *rubítí, rusá, tunkij, vuróna*¹⁹⁵; говор Брюховецкого р-на: *bugáta, rubítí, suróčka, burudá, górlum*¹⁹⁶; в говорах Дрогобычской обл.: *to'dí, sto'jáli, pro'pála, su'lóma, no'síti, zlo'miŭ* и *polóva, ko'móra, poleť'iu, kačít'um* (твор. ед.); в других говорах той же области: *kužúx, bulóto, sulunína, lumítí, na kón'ux* (местн. мн.)¹⁹⁷; южнокарпатские говоры: *pun'ús, ubl'úks'a, kulut'úvka, na trít'um, cár'uv, kón'u* (род. мн.), *z'át'uv*¹⁹⁸; в западноволынских говорах *о > и* в предударных слогах, а в ударных только в том случае, если за ним следует гласный *и*: *rul'é, gurubéc', za klún'uju, z dín'uju* и *skóro, lítom*¹⁹⁹.

В том случае, если безударный гласный *о* сближается с *и*, но не совпадает с ним, результатом является то, что фонема *о* в безударных слогах представлена гласными *о^u* (или *и^o*). Если же *о* изменяется в *и*, то система безударного вокализма в отличие от ударенного не имеет фонемы *о*.

Все эти изменения гласного *о* в безударных слогах, оказывая то или иное воздействие на систему гласных фонем безударных слогов, не вносят изменений в систему противопоставления твердых и мягких согласных фонем перед гласными безударных слогов в сравнении с системой различия твердых и мягких согласных фонем перед ударенными гласными. Позиция перед безударными *о* (*о^u*, *и^o*), *и* так же, как перед ударенными *о*, *и* остается позицией различия твердых и мягких согласных фонем. Ср. *sová, so'júz — s'ogódn'i, do'vírja — d'ogť'ovij, mícnu — kón'ux* (местн. мн. в надсянском говоре).

В североукраинских говорах гласные *и, е, о* в безударных слогах обычно не подвергаются изменениям. Различие между системой ударенного и безударного вокализма обусловлено неодинаковой судьбой гласных *е* и *о* в новых закрытых слогах под ударением и без ударения, а также изменением безударного *а > е* после мягких согласных. Вследствие этого в североукраинских говорах в безударных слогах отсутствуют фонемы *и^o*, *и^e*, а фонема *а* употребляется только после твердых согласных.

Как результат рассмотренных изменений гласных в безударных слогах в современных украинских говорах представлена следующая система противопоставления твердых и мягких согласных фонем перед гласными фонемами безударных слогов.

Для юго-восточных украинских говоров характерно различие твердых и мягких согласных фонем перед всеми гласными фонемами, представленными в безударных слогах, т. е. перед *и* (*и/е*), *и*, *о*, *а*.

Перед *и* (*и/е*): *tepér, steráti, til'íga, tikúčij — st'íná st'ížká; divítis', dirzkij, deréŭn'a — d'ijníc'a d'ilámi; na sil'í, siníc'a, sestrá — s'ídló, s'ílníc'a* (-солонина).

Перед *и*: *tumán — t'ut'ún, nudnij — n'uxnúti, ruká — zavar'uváti*, а также может быть *tub'í — t'ut'ún*.

¹⁹⁴ М. Пшепюрська. Надсянський говір, стр. 23, 40.

¹⁹⁵ І. Верхратський. Про говор долиньський, стр. 22.

¹⁹⁶ П. І. Присуття. Говірки Брюховіцького району, стр. 60.

¹⁹⁷ Я. О. Пура. Говори західної Дрогобиччини, стр. 28—29, 51.

¹⁹⁸ В. І. Добош. Із спостережень над фонетикою південнокарпатських говірок долини р. Тур'ї, стр. 113.

¹⁹⁹ Г. Ф. Шило. Південно-західні говори УРСР..., стр. 54.

Перед *o*: *toúkáti, to^ub'í — lokt'ovij, dobró, do^ov'írja — d'ogt'ó-ovij, lobóčok — l'od'íuka.*

Перед *a*: *takij — t'agti, darémno — zaúd'aki, samá — pros'anij, zag'írj — z'at'kó, lajdák — gl'ažú, nab'ír — zn'alá, raptóvij — pr'amij.*

В тех юго-восточных говорах, где изменение безударного гласного *e* не привело к ликвидации противопоставления фонем *i* и *e* в безударных слогах, твердые и мягкие согласные противопоставлены перед выступающими в безударных слогах фонемами *ĩ/i* и не противопоставлены перед *e*. Ср. в полтавских говорах: *divítis' — d'ílámi, d'íjnic'a* и *daráun'a.*

В юго-западных говорах с характерным для них изменением безударных гласных *e, o* в *i, u* твердые и мягкие согласные фонемы противопоставлены перед безударными *ĩ, u, a*; перед безударным *i* твердые и мягкие согласные фонемы не различаются.

Перед *ĩ*: *stížká: — s'tiná, díjnic'a — d'ílámi, sil'nij [(-соленый)] — s'ímjá, zírkiĵ — z'íváti, ničnik — sn'žkú, ližnic'a — l'ísók.*

Перед *u*: *tumán — t'ut'ún, mícnu — kón'ux* (местн. ед.).

Перед *a*: так же как и в юго-восточных говорах.

Перед *i*: *tipér, divák, siníc'a, zilenij, liváda, nizáti.*

Если изменение гласных *i* и *e* в безударных положениях связано с качеством гласного в следующем слоге и в связи с этим в безударных слогах фонема среднего подъема представлена гласными *i/e*, в положении перед этой гласной фонемой твердые и мягкие согласные фонемы не различаются. Ср. *steráti, tikúčij, deržáva, derzkij, sed'áciĵ, siníc'a* и т. д.

В том случае, если изменение безударных гласных не ведет к ликвидации противопоставления фонем *i—e, u—o* в безударных слогах, твердые и мягкие согласные фонемы противопоставлены перед безударными *o, u* и не различаются перед безударными *e, i.*

В некоторых юго-западных говорах твердые и мягкие согласные фонемы не противопоставлены перед безударным *a*, но зато различаются перед *i*, так как гласный *a* после мягких согласных изменился в *e*, который в безударных слогах сузился в *i*. Ср. *stiráti — t'igti, divák — vod'inij, sistrá — pros'inij* (так, например, в надсянских говорах).

Если гласный *e* (из *a*) в безударных слогах изменяется в *ĩ*, то это ведет лишь к расширению возможностей противопоставления твердых и мягких согласных фонем перед безударным *ĩ*, а положение перед безударным *i* остается позицией неразличения твердых и мягких согласных фонем. Так, в говорах Брюховецкого р-на: *stížká — t'íšká, díjnic'a — vud'ínij, ližnic'a — zozúl'ĩ.*

В североукраинских говорах представлено наименьшее, в сравнении с другими украинскими говорами, количество позиций различения твердых и мягких согласных фонем перед безударными гласными. Твердые и мягкие согласные фонемы противопоставлены только перед безударными *u, o* и не различаются перед *i, e, a.*

Перед *u*: *tumán — t'ut'ún, lužók — l'ubóv.*

Перед *o*: *tob'ie — s'obáti, sová — s'ogódni, lovéc' — sl'ozámi.*

Перед *i*: *divítis, siníc'a, ziskáti, lizáti, nizáti.*

Перед *e*: *tel'iega, težkij, stená, deréun'a, vodenij, delámi; sestrá, prosenij, sedló; zelenij, ze'kó, zeváti.*

§ 20. В украинском языке, включая говоры, твердые и мягкие согласные фонемы могут различаться в положении перед согласными. Специфика этого различения, а также нейтрализация противопоставления твердых и мягких согласных фонем перед согласными обуслов-

лена теми процесами асимілятивного смягчення і отвердження, которі мали місце в групах согласных после падения редуцированных.

Твердые и мягкие согласные фонемы противопоставлены перед твердыми губными. Возможность этого противопоставления связана, во-первых, с сохранением мягкости согласными, за которыми некогда следовал слабый *ь* (*molod'ba*, *v'iz'mu*), и, во-вторых, с фонологизацией позиционной мягкости согласных перед отвердевшими губными. Примером последнего являются рассмотренные выше случаи типа *s'vato*, *t'man'iti*, а также *čob'it'mi*, *grud'mi*, *kol'is'mi*, *kril'mi*²⁰⁰, *k'in'my*, *gušcmý*²⁰¹.

Во всех украинских говорах перед твердыми губными различаются фонемы *t—t'*, *d—d'*, *s—s'*, *z—z'*, *n—n'*. Ср. *tverdiĵ — t'má*, *čob'it'mi*; *dbáti — borod'ba*, *pásmo — pis'mó*, *kol'is'mi*; *rozmváa — v'iz'mú*, *kanvá — k'in'mi*, *lin'ba*. В большей части говоров, различающих фонемы *r—r'*, положение перед согласными, в том числе и перед губными, является позицией нейтрализации противопоставления фонем *r—r'*. Ср. *borbá*, *čerpáti*, *červóna*, *bárva*, *kormiti*. Лишь в некоторых южнокарпатских говорах фонемы *r—r'* противопоставлены и перед губными согласными. Ср. говоры окрестностей Ужгорода: *gorb — vir'ba*²⁰²; другие южнокарпатские говоры: *korm — jar'mó*²⁰³.

В положении перед губными, имеющими позиционную мягкость, зубные согласные подвергаются позиционному смягчению. При этом фрикативные *s*, *z* в большей степени подвержены названному смягчению, чем взрывные *t*, *d*, *n*²⁰⁴. Ср. в говоре с. Блиставицы: *s'v'itlo*, *pos'p'it'*, *d'v'is'ci*, *léd'v'i*, *d'v'i*²⁰⁵; в говорах Подбужского р-на: *z'v'iz'dá*, *z'v'ir*, *s'p'ix*, *s'm'ix*, *d'v'ir*, *d'v'ir*, *t'v'ij*, *pán'bb'g*²⁰⁶; в говорах нижнего Поднестровья: *s'p'iváje*, *s'v'itilka* и *dv'is't'i*²⁰⁷; в говорах Винницкой обл.: *z'v'ir*, *s'm'ix*, *z'm'ina* (ДАУ, 459), *s'm'ix*, *z'v'ir* и *dv'is'ci* (ДАУ, 441), *od s'v'itan'a* и *dv'is'ci* (ДАУ, 449); в говорах Маньковского р-на Черкасской обл.: *z'm'iji*, *z'v'ir*, *z'm'ina*, *s'm'it'a*, *d'v'i* (ДАУ, 758); в говорах Стрелковского р-на Дрогобычской обл.: *d'v'i*, *d'v'ir*, *d'v'ista*, *z'v'itky*, *z'v'ici*, *z'v'ir*²⁰⁸.

Наряду с этим имеются говоры, в которых согласные перед позиционно мягкими губными или совсем не подвергаются асимілятивному смягчению или подвергаются ему не последовательно. Так, в говорах Черниговской обл.: *zv'ir*, *sm'ix*, *zm'ina* (ДАУ, 315), *s'p'iv'ix* (= спевов) и *sp'ivájut*, *z'v'azál'i* (ДАУ, 354), *s'm'ijális*, *s'v'ato*, *d'v'ist'i* и *zv'ir*, *sm'ix*, *rozb'izális* (ДАУ, 151), *zm'iena*, *sm'iena*, *z'v'ier'* (ДАУ, 115); в говорах Киевской обл.: *zv'ir*, *zm'ina* и *voz'm'it'* (ДАУ, 90); *odb'irájut'*, *dv'i*, *v sv'it'i*, *l'udv'inovc'i* (ДАУ, 237, 242).

Как при последовательно проведенном асимілятивном смягчении, так и при отсутствии его, положение перед губными, имеющими позиционную мягкость, является позицией неразличения фонем *t—t'*, *d—d'*, *s—s'*, *z—z'*, *n—n'*. В первом случае противопоставление названных фо-

²⁰⁰ См. П. Гладкий. Говірка села Нехворощі, стр. 140—142.

²⁰¹ J. Jan ów. Gwara małoruska Moszkowies..., стр. 66.

²⁰² П. П. Чучка. Украинские говоры окрестностей Ужгорода, стр. 6.

²⁰³ В. І. Добош. Із спостережень над фонетикою південнокарпатських говірок долини р. Тур'ї, стр. 98.

²⁰⁴ Л. І. Прокопова. Приголоскі фонемі сучасної української літературної мови. Київ, 1958, стр. 52; J. Ziłyński. Opis fonetyczny języka ukraińskiego, стр. 138.

²⁰⁵ П. Гладкий. Говірка села Блиставиці..., стр. 112.

²⁰⁶ Д. Г. Бандарівський. Говірки Підбузького району..., стр. 56, 72—73.

²⁰⁷ Й. О. Дзенделівський. Українські говори Нижнього Подністров'я, стр. 103.

²⁰⁸ Я. О. Пура. Говори західної Дрогобиччини, стр. 34.

нем нейтрализуется в слабой фонеме, представленной мягкими согласными, во втором — в слабой фонеме, представленной твердыми согласными.

Если ассимилятивное смягчение проводится не последовательно, то слабые фонемы, в которых нейтрализуется противопоставление твердых и мягких фонем, могут быть представлены как мягкими, так и твердыми согласными.

Существует мнение, что в украинском литературном языке ассимилятивное смягчение не распространяется на зубные согласные, находящиеся в положении перед мягкими губными на стыке приставки и корня, а также и на те случаи, когда мягкий губной находится в такой морфеме, где он может чередоваться с соответствующим твердым согласным, т. е. *v'ıdb'ır, dv'ır, u listv'i*²⁰⁹.

Вследствие подобного ограничения сферы ассимилятивного смягчения положением перед мягким губным согласным, находящимся не на стыке приставки и корня и не чередующимся с твердым губным, в литературном украинском языке стало бы возможным различие фонем *t—t', d—d', s—s', z—z', n—n'* перед губными, имеющими позиционную мягкость, т. е. *tv'ır — t'm'i, nadb'ıgti — molod'b'ı, sv'ij — s'v'iz'is't', izv'ır — z'v'ır, u sónm'i — lin'b'ı*.

Однако экспериментально-фонетическое исследование украинского литературного произношения опровергает положение об упомянутом ограничении сферы ассимилятивного смягчения согласных. В литературном языке ассимилятивное смягчение согласных может иметь место и на стыке приставки и корня, и перед мягкими согласными, чередующимися с твердыми²¹⁰.

§ 21. В большей части украинских говоров в положении перед твердыми зубными отсутствует различие твердых и мягких согласных фонем. В этой позиции представлены слабые фонемы *t, d, s, z, n*. Ср. *tlo, mutnij, batrák; v'ıddaváti, zv'ıdti, v'ıdznáka, bidlo, šk'ıdno, drug; list, rossıpati, oslın, osnóva; zdátnij, vezti, bezsilij, zlij, borozná, zrubáti, bandúra, pánstvo, sonlivij*.

Однако в некоторых говорах возможно различие твердых и мягких согласных фонем перед отдельными твердыми зубными согласными. Это связано с фонологизацией позиционной мягкости перед отвердевшими зубными согласными. Ср. в говоре с. Нехворищи: *porád'te, zabúd'te*²¹¹; в говоре Каховского р-на: *gl'án'te*²¹², но в западнopolтавских говорах: *s'áde, prixóde, kinte, pom'itte*²¹³; в гуцульских говорах согласные *s', z'* представлены в словах: *pás'ti, fos'ty, pus'te'ц, uz'driц*²¹⁴; в говоре батюков то же отмечено в слове *svıs'tati*²¹⁵.

В подобных говорах возможно противопоставление твердых и мягких согласных фонем перед твердыми зубными согласными. Ср. *list — svıs'tati, zv'ıdti — porád'te, bant — gl'án'te*.

В некоторых карпатских говорах в положении перед твердыми зубными противопоставлена фонема *r—r'*. Ср. в гуцульских говорах: *žartuváti — mér'tvej, gordij — tver'dij*.

²⁰⁹ „Курс сучасної української літературної мови“, т. I, стр. 207.

²¹⁰ Л. І. Прокопова. Приголосні фонемі сучасної української літературної мови, стр. 52.

²¹¹ П. Гладкий. Говірка села Нехворищі, стр. 124.

²¹² Я. Д. Нагін. Говірки Каховського та сусідніх районів..., стр. 134.

²¹³ І. О. Варченко. Фонетичні особливості говірок західної Полтавщини, стр. 374.

²¹⁴ J. Janów. Z fonetyki gwar huculskich, стр. 279.

²¹⁵ І. Верхратський. Говір батюків, стр. 17.

В положении перед мягкими зубными согласными в большей части украинских говоров зубные согласные подвергаются ассимилятивному смягчению. Ср. в надсянском говоре: *pīd'l'isum, d'n'e, s'n'ix, z'l'izla, s'l'up, p'iz'n'ij*²¹⁶; в говоре с. Блиставицы: *s'n'idañ'a, sas'n'ak, pas'l'in*²¹⁷; в говоре с. Монастырского: *s't'il, s'l'ipij, roz'd'iliti, do polūd'n'a*²¹⁸; в говорах Уманского р-на: *z'n'ati, p'os'l'i, s'n'ig, s'c'ina, s'c'ikló, rá-d'is'c'*²¹⁹; в гуцульских говорах: *p'is'n'a, na ves'n'ij*²²⁰; в говорах окрестностей Ужгорода: *stúd'n'a, lad'n'ij, drivút'n'a, r'an'd'a, s'ón'c'a*²²¹ и др.

Во многих говорах ассимилятивное смягчение согласных в этом положении может и отсутствовать. Ср. говор Лисогорского р-на Николаевской обл.: *polot'n'anix, do žiz'n'i, d'l'a, rozvid'n'ajes'a, ottoms't'u* и *u sn'ij, p'is'n'ij, zádn'o'ju, bídn'i, p'isl'a z'l'akális', zn'ála, žizn', zd'ijmá-las'* (ДАУ, 820); в говорах Черкасской обл.: *d'l'a, D'n'ipro, s'm'ix, sil'an's'kij, g'is'c', p'is'n'u* и *z'l'akaus'a* (ДАУ, 758), *šc'ina* и *sal'ans'ki, trudodn'ij* (ДАУ, 511); в говорах Черниговской обл.: *d'l'a, kóris'c', rad'an's'ka, g'is't', b'id'n'ak, d'n'iprá* и *kórist', otd'ilius'a, odr'izalo, test', rodn'a, p'uisl'e* (ДАУ, 315, 316); *zv'is't'ij, s't'ina, stáris't', s'n'igir* и *rad'ans'kij* (ДАУ, 151, 152); *raz'z'ava, p'ies'n'ij, d'l'a, sóves't'* и *st'égti* (ДАУ, 110); *p'is'l'a, iz'd'ivális', rad'an's'ki, d'l'a, tes'c'* и *p'isl'a postr'il'áli, st'ina, páns'ku* (ДАУ, 144); в говорах Винницкой обл.: *sal'an's'kij, g'is'c'* и *p'isl'a, sn'ip, do st'ini, s'ogódn'a, z'l'akaus'a, sr'ibnij* (ДАУ, 468); в говоре Димерского р-на Киевской обл.: *gvūdz'd', stáros't', žiz'n' i kúzn'u* (ДАУ, 272).

В некоторых южнокарпатских говорах в положении перед мягкими зубными согласными не подвергается ассимилятивному смягчению согласный *s*. Ср. *šist', l'isn'ak, dast', p'osl'ij, obýst'a*²²².

Положение перед мягкими зубными согласными является позицией нейтрализации противопоставления твердых и мягких согласных фонем *t—t', d—d', s—s', z—z', n—n'*. Слабая фонема, в которой нейтрализуется это противопоставление в одних говорах может быть представлена мягким согласным, в других — как мягким, так и твердым.

Существует мнение, что в современном украинском произношении ассимилятивное смягчение согласных перед мягкими зубными отсутствует на стыке приставки и корня. Только в том случае, если на стыке приставки и корня встречаются согласные тождественной артикуляции, ассимилятивное смягчение всегда имеет место и в этом положении, т. е. *v'id'd'il, v'id't'ati, roz'z'ava, s's'istis'a*²²³.

Если принять это положение, то система различения твердых и мягких согласных фонем перед мягкими зубными согласными в украинском литературном языке должна была бы иметь следующий вид.

Фонемы *d—d'* не различаются в положении перед *d', t'*, нейтрализуя противопоставление в слабой фонеме, представленной согласным *d'*: *v'id'd'acáti, v'id't'agáti*. Перед *l', r'* противопоставление фонем *t—t', d—d'* нейтрализуется в слабых фонемах, представленных как согласными

216 М. Пшепурська. Надсянський говір, стр. 32—34.

217 П. Гладкий. Говірка села Блиставиці, стр. 114.

218 А. И. Сорочан. Описание говора с. Монастырского..., стр. 254.

219 А. Д. Очеретний. Говірки Уманського району..., стр. 79—80.

220 J. Janów. Z fonetyki gwar huculskich, стр. 276.

221 П. П. Чучка. Фонетичні зміни в південнокарпатських говірках околиці Ужгорода, стр. 60.

222 В. І. Добош. Південнокарпатські українські говірки долини річки Тур'ї, стр. 116.

223 „Курс сучасної української літературної мови“, т. I, стр. 207.

t, *d'*, так и *t*, *d*: *tl'a*, *tl'iti*, *utr'ox*, *bajstr'úk*, *dl'a*, *nizdr'a*, *v'idr'izati* и *t'l'iti*, *d'l'a*²²⁴.

Фонемы *d*—*d'* различаются в положении перед *n'*: *p'idn'ati*, *p'idn'is* — *d'n'uvati*, *pere'd'n'ogo*.

В связи с тем, что согласный *t* перед *n'* на стыке приставки и корня не встречается, исключается возможность различения фонемы *t*—*t'* перед *n'*: *velet'n'i*, *nezabút'n'ij*.

Противопоставление фонем *s*—*s'*, *z*—*z'* в положении перед *s'* *z'* нейтрализуется в слабых фонемах, представленных согласными *s'*, *z'*: *ros's'v'it*, *s's'istis'a*, *roz'z'áva*, *perev'iz's'a*. В положении перед *r'* противопоставление тех же фонем нейтрализуется в слабых фонемах *z*, *s*: *zr'iti*, *zr'jun'ati*, *sr'iblo*.

Фонемы *z*—*z'* противопоставлены в позиции перед *d'*, *n'*, *l'*. Ср. *bez'd'itnij* — *gv'iz'd'*, *gruz'd'*, *zn'ati* — *prijáz'n'*, *láz'n'a*, *na boroz'n'í*; *zl'akati*, *zl'itati* — *z'l'iti*, *merz'l'ák*.

Противопоставление фонем *s*—*s'* в положении перед *t'*, *l'*, *n'* нейтрализуется в слабой фонеме, представленной согласным *s'*, что связано с невозможностью употребления согласного *s* перед *t'*, *n'*, *l'* на стыке приставки и корня, т. е. в таком положении, где согласный *s* мог бы не подвергнуться ассимилятивному смягчению. Ср. *s't'ina*, *gos't'uvati*, *pis'n'í*, *s'n'igi*, *s'n'idán'a*, *mis'l'*, *p'is'l'a*, *s'l'id*.

Однако подобную систему различения и нейтрализации противопоставления твердых и мягких согласных фонем в положении перед мягкими зубными вряд ли можно считать доказанной, так как положение об отсутствии ассимилятивного смягчения на стыке приставки и корня требует еще дополнительной проверки.

Вероятнее всего в литературном украинском языке, как и в говорах, в позиции перед мягкими зубными согласными всегда происходит нейтрализация противопоставления твердых и мягких согласных фонем.

В говорах, различающих фонемы *r*—*r'*, противопоставление этих фонем в положении перед мягкими зубными нейтрализуется в слабой фонеме, представленной согласными *r'* или *r*. Ср. говоры восточной части Харьковской обл.: *tver'd'*²²⁵; в литературном языке: *tverd'*, *na vart'í*, *na orl'í*.

§ 22. В украинском языке твердые и мягкие согласные фонемы противопоставлены в положении перед заднебными согласными. Ср. *mátka* — *bat'kó*, *p'idkóva* — *d'ád'ko*, *báskij* — *žen's'ka*, *kázka* — *bliz'kij*, *žinka* — *bilén'ka*; по говорам: *kázka* — *niz'koglázij*²²⁶, *láska* — *vójs'ko* (ДАУ, 144), *pus'kájut'* (ДАУ, 146), *prósis'ko*, *xlopčis'ko*²²⁷.

В некоторых карпатских говорах перед заднебными согласными противопоставлены фонемы *r*—*r'*. Ср. *derkác'* — *mór'kva*, *korx*²²⁸ — *pér'xnuti*, *orgán* — *koč'ir'gá*.

Твердые и мягкие согласные фонемы различаются и перед заднебными согласными, имеющими позиционную мягкость. Ср. *švidk'is't'* — *d'ad'k'íu*, *vjázk'is't* — *bliz'k'is't*.

²²⁴ А. А. Москаленко. Фонетика сучасної української літературної мови. Одеса, 1947, стр. 18.

²²⁵ Л. Лисиченко. Особливості говірок східних районів (Куп'яньського, Дворичанського) Харківської області, стр. 61.

²²⁶ А. А. Москаленко. Словник діалектизмів українських говірок Одеської області, стр. 52.

²²⁷ Л. П. Бова (Ковальчук). Говірки південної Житомирщини і їх відношення до полтавсько-київського діалекту. — Зб. „Полтавсько-київський діалект — основа української національної мови“. Київ, 1954, стр. 108.

²²⁸ Корх — мера длины. — См. Б. Д. Гривченко. Словарь украинского языка, т. II. Киев, 1908, стр. 288.

§ 23. В положении перед *j* на стыке приставки и корня противопоставление фонем *d—d'* нейтрализуется в слабой фонеме, представленной согласным *d*, а противопоставление фонем *z—z'* — в слабой фонеме, представленной согласным *z*, реже *z'*. Ср. *p'idjizd*, *v'idjémnij*, *bezjazikij*, *zj'ixatis'*, *zjavitis'a* и *z'javitis'*, *z'jistj*. Другие зубные согласные фонемы перед *j* на стыке приставки и корня не употребляются. В юго-восточных и северных украинских говорах в позиции не на стыке приставки и корня противопоставление фонем *t—t'*, *d—d'*, *s—s'*, *z—z'*, *n—n'* в сочетании с *j* после гласных нейтрализуется в слабых фонемах *i'*, *d'*, *s'*, *z'*, *n'*: *ču'á*, *m'id'u*, *kolós'a*, *polóz'a*, *ós'in'u*. В юго-западных говорах в аналогичных случаях представлены мягкие согласные фонемы, которые могут вступать в морфологическое чередование с твердыми согласными фонемами. Ср. *kolós'a* и *kólos*, *prút'a* и *prut*.

В тех говорах, где различаются фонемы *r—r'*, в положении перед *j* их противопоставление нейтрализуется в слабой фонеме, представленной согласными *r* или *r'*. Ср. в полтавских говорах: *p'írja*, *podv'írja* и *p'ír'ja*, *podv'ír'ja*²²⁹.

§ 24. Рассмотрение вопроса возникновения и функционирования в системе украинского языка корреляции твердых и мягких согласных фонем позволяет утверждать, что эта фонематическая категория с момента своего появления существовала в тесном взаимодействии с системой вокализма, а также с морфологической системой.

Само оформление твердых и мягких согласных в самостоятельную фонематическую категорию было вызвано процессами в области вокализма, связанными с падением редуцированных.

С явлениями в области вокализма связаны и многие из последующих изменений в системе твердых и мягких согласных фонем. Так, изменение гласного *a > e* после мягких согласных делает возможным в некоторых юго-западных говорах противопоставление твердых и мягких согласных фонем перед *e*. В говорах, знающих изменение *o > y*, твердые и мягкие согласные фонемы оказываются противопоставлены в этом положении. Если при этом в говоре сохранилось противопоставление фонем *i—y*, то положение перед *y* из позиции нейтрализации противопоставления твердых и мягких согласных фонем превращается в позицию их различия.

Изменение гласного *o > u* в соответствующих говорах значительно расширяет возможность противопоставления твердых и мягких согласных фонем в позиции перед *u*.

Со своей стороны корреляция твердых и мягких согласных фонем на протяжении всей истории своего существования оказывала организующее воздействие на систему вокализма.

Так, уже оформление твердых и мягких согласных фонем в самостоятельную фонематическую категорию сопровождалось функциональным отождествлением передних и непредних гласных в пределах одного подъема. Это отождествление сопровождалось звуковым изменением $\bar{e} > \bar{o}$, которое, однако, функциональных последствий не имело.

В дальнейшем отверждение мягких согласных перед *i* вновь привело к фонологизации гласных *i* и *y*. В юго-восточных говорах вследствие смягчения согласных перед *i* любого происхождения произошло функциональное отождествление гласных *i* и *i'*.

Воздействие морфологических процессов на систему твердых и мягких согласных фонем проявилось весьма рано. Так, вызванное морфологической аналогией проникновение флексий **o*-основ твердой раз-

²²⁹ В. С. Ващенко. Полтавські говори, стр. 65.

новидности в склонение мягких основ уже в XII в. создало возможность различения твердых и мягких согласных фонем перед *о*, обусловив тем самым фонологизацию гласных *е* и *о*, которые до этого были вариантами одной фонемы. То обстоятельство, что позиция перед *е* стала позицией нейтрализации противопоставления твердых и мягких согласных фонем, послужило причиной отвердения мягких согласных в этом положении.

Морфологические и словообразовательные процессы способствовали расширению, а для некоторых фонем и созданию возможностей противопоставления по твердости-мягкости перед *о* и *и*.

Согласные, образующие мягкие согласные фонемы, в процессе развития украинского языка претерпели ряд фонетических изменений, часто не имевших функциональных последствий.

Так, никак не отразилось на судьбе корреляции $l-l'$ то обстоятельство, что фонему l в части говоров стал представлять согласный l' , явившийся вследствие изменения $l > l'$.

Изменение корональных зубных t', d', s', z' в дорсальные, имевшее место в некоторых юго-западных говорах, также оказалось функционально незначимо. Согласные $\acute{c}, d\acute{z}, \acute{s}, \acute{z}, (t'', d'', s'', z'')$ в этих говорах функционируют как фонемы t', d', s', z' , противопоставленные фонемам t, d, s, z .

К иным последствиям привело в украинском языке изменение мягких губных согласных и r' . Мягкие губные согласные во всем украинском языке, а согласный r' — в части его говоров, претерпели утрату дополнительной артикуляции мягкости. Это осуществлялось или в виде отвердения мягких согласных, или в виде выделения мягкости в фонематически самостоятельную артикуляцию. Следствием такого изменения явилось сокращение состава фонем, противопоставленных по твердости-мягкости. В северных и юго-западных украинских говорах губные фонемы находятся вне корреляции твердости-мягкости, в юго-восточных говорах возможность различения твердых и мягких губных согласных фонем осуществляется только за счет вновь возникшего их противопоставления перед фонемой i/i . Во многих говорах согласный r также образует фонему, не противопоставленную по твердости-мягкости.

Функциональные последствия имело также фонетическое изменение $t' > k'$, известное крайним юго-западным говорам. Это изменение обусловило фонологизацию k' , бывшего ранее вариантом фонемы k , и включило в корреляцию твердости-мягкости $k-k'$.

Позиционно ограниченное изменение согласных может внести некоторые преобразования в систему нейтрализации противопоставления твердых и мягких согласных фонем, не касаясь системы их противопоставления. Таково изменение зубных согласных в сочетании с j не на стыке приставки и корня в юго-восточных и северных украинских говорах.

Украинские говоры представляют известные различия как в отношении состава фонем, коррелятивных по твердости-мягкости, так и в отношении состава позиций противопоставления этих фонем и его нейтрализации.

Во всех украинских говорах корреляцию твердости-мягкости образуют фонемы $t-t', d-d', s-s', z-z', n-n', l-l'$ (исключение составляют некоторые крайне западные говоры, где в связи с изменением $l > \mu$ отсутствует противопоставление $l-l'$). В юго-восточных и некоторых юго-западных говорах к этой корреляции примыкают фонемы $r-r'$, а в юго-восточных также твердые и мягкие губные согласные фонемы, противопоставленные перед i/i . В некоторых говорах имеет место противопоставление фонем $c-c', k-k'$.

Твердые и мягкие согласные фонемы противопоставлены в позиции конца слова (в этом отношении исключение составляют лишь лемковские говоры), перед гласными и перед губными, и твердыми зубными, и задненебными согласными.

Различие в системе противопоставления твердых и мягких согласных фонем перед гласными по говорам связано с теми различиями в системе вокализма, которые характеризуют отдельные украинские говоры.

Неодинаков по говорам и состав позиций нейтрализации противопоставления твердых и мягких согласных фонем. Во всех украинских говорах нейтрализация имеет место перед мягкими губными и зубными согласными и перед *e* (исключение составляют некоторые карпатские говоры, в которых твердые и мягкие согласные противопоставлены перед этим гласным). В североукраинских говорах к этому добавляется еще позиции перед *iĕ*, *i*, в юго-западных — перед *i*, в некоторых карпатских — перед *i* и *y*.

З. Н. Стрекалова

К ВОПРОСУ О МНОГОКРАТНЫХ ГЛАГОЛАХ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

Постановка вопроса о выражении многократности действия тесно связана с проблематикой вида и зависит от состояния изучения системы видов польского глагола. Все современные полонисты признают наличие в польском языке двух видов — совершенного и несовершенного. В процессе изучения системы видов вставал вопрос о многократном виде. Я. Лось утверждал, что „в польском языке три вида: несовершенный, совершенный и многократный“¹. Сведения о многократных глаголах в работах общего порядка, например, грамматиках польского языка, сводятся к указанию их наличия и более или менее полному перечислению бесприставочных кратных глаголов. Наряду с этим высказывается мнение, согласно которому кратность охватывает всю систему глагола. Так, Т. Скулина пишет: „... кратность, подобно виду (хотя менее выразительно) охватывает, по существу, все польские глаголы, классифицируя их, конечно, на основе других критериев“². Он считает, что многократность выражается не только бесприставочными глаголами несовершенного вида, но и глаголами совершенного вида с приставками *po-*, *na-*³.

Автор не придает значения семантическим различиям, которые существуют между кратностью бесприставочных глаголов (*mawiać*, *chodzić*) и дистрибутивной кратностью (*powyгуwаt*, *porozdaje*), которая определяется тем, что действие направлено на множество предметов и поэтому осуществляется по частям.

Словообразование вида, как и глагольное словообразование, — один из самых неисследованных вопросов польской грамматики. Это констатирует Т. Скулина во введении к упомянутой выше статье, об этом же говорит Ян Токарский в предисловии к книге „Польские глаголы“, которая представляет собой попытку подвести итоги изучению польского глагола; глагольное словообразование он не рассматривает, „как слишком мало еще систематизированное в теоретическом отношении“⁴. В книге В. Дорошевского „Основы польской грамматики“ словообра-

¹ J. Łoś. Gramatyka polska, cz. II, Słownictwo. Lwów, 1925, стр. 171.

² Т. Skulina. O aspekcie czasowników w słowniku Jana Mączyńskiego. — „Zeszyty Naukowe Uniwersytetu im. A. Mickiewicza“, Filologia, № 3, Poznań, 1959, стр. 111.

³ Там же, стр. 117.

⁴ J. Tokarski. Czasowniki polskie. Warszawa, 1951, стр. 5.

зование представлено всего лишь общей частью и разделом о существительных⁵.

Понятие многократности действия в польском языке может быть выражено различными средствами: морфологическими, синтаксическими, лексическими. Многократное значение вторичных имперфективных, как и других форм несовершенного вида, в польском языке вытекает из контекста, так же как в русском языке. Польский язык не знает кратных приставочных форм глагола, аналогичных чешским *vybírávat, připi-sovávát*.

Видимо, следует признать, что морфологическое выражение кратность получает лишь в специальных формах бесприставочных глаголов (например, *biegać, latać, mawiać, pisywać*).

В современном польском языке показателем кратности нужно считать не только самую форму бесприставочной основы, но и ее соотнесенность с парной основой несовершенного вида.

Так, формы *dawać* и *bywać* обе образованы посредством суффикса *-wa-*, но лишь последняя выражает кратность действия в силу того, что она противопоставлена основе несовершенного вида *być*, которая может выражать и единичное и кратное действия, тогда как корреляция *dać—dawać*, где *dać*—совершенного вида, служит выражению других отношений: совершенности—несовершенности. Объектом нашего анализа являются парные бесприставочные основы несовершенного вида типа *nieść—nosić, mówić—mawiać, brać—bierać*, представляющие собой некоторую аномалию в видовой системе польского глагола.

Отметим, что этим основам придается особое значение в связи с гипотезой происхождения вида ван Вейка—А. Потебни. Последний видел в них следы того древнего соотношения основ („конкретность—отвлеченность“), на базе которого посредством префиксации возник глагольный вид в славянских языках. Большинство современных исследователей вида—с теми или иными изменениями—принимают категорию „конкретности—отвлеченности“ или „определенности—неопределенности“ за исходный момент становления видов (Э. Кошмидер, Е. Курялович, К. Регнель, И. Немец, В. Бородич, Е. Чешко, Г. Кёльн). А. Достал считает, что категория определенности могла бы сыграть ту роль, которую приписывают ей ее сторонники, только при целом ряде условий, и, в частности, в том случае, если бы „детерминированное действие в значительной мере совпадало с совершенным видом, и, наоборот, действие недетерминированное было ближе к действию несовершенному“⁶. Стремление „сблизить“ категории определенности и совершенного вида проявляется и в работе Кёльна⁷. Рассматривая материал старославянского языка, он видит значение определенности лишь в формах совершенного вида типа *pasti*, но не в формах типа *nesti* („глаголы движения“), детерминация которых „не является полной“⁸. Отметим, что гипотеза, по которой категория определенности—неопределенности рассматривается как база, на которой в результате префиксации возникли виды, ни в коей мере не предполагает отождествления ее с категорией совершенности—несовершенности. Возникновение категории вида, по А. Потебне, предполагает новую степень конкретизации действия.

А. Потебня отмечал, что приставка, присоединенная к глаголу в целях образования формы совершенного вида, „не скрывает“ значений определенности—неопределенности, но, „ложась на это значение новым слоем, видоизменяет его только отчасти...“⁹; и дальше: „Таким образом, совершенность там, где она зависит от предлога, уже предполагает вид...“ (под этим термином Потебня понимает здесь выражение конкретности или отвлеченности действия).

Польский язык обладает двумя различными по своему характеру группами бесприставочных парных основ несовершенного вида. Первую

⁵ W. Doroszewski. Podstawy gramatyki polskiej, cz. pierwsza. Warszawa, 1952, стр. 268—319.

⁶ A. Dostál. Studie o vidovém systéme v staroslovenštině. Praha, 1954, стр. 36.

⁷ H. Kölln. Vidové problémy v staroslovenštině. — „Universitas Carolina“, vol. 3, Philologia № 1, Pragae, 1957, стр. 67—100.

⁸ Там же, стр. 84.

⁹ А. Потебня. Из записок по русской грамматике, том IV. М., 1941, стр. 75.

составляют „глаголы движения“ типа *nieść — nosić*; это замкнутое число глагольных пар, образованных непродуктивными способами. Они известны всем славянским языкам. В русском языке таких пар насчитывается четырнадцать¹⁰, в чешском — восемь¹¹, в польском их состав не был установлен.

Вторая группа — глагольные пары типа *mówić — mawiać*, — многократный член которых употребляется, как правило, очень редко. От русских многократных глаголов типа *говаривал* польск. *mawiać* отличается тем, что образует формы всех времен.

Таким образом, по сравнению с русским польский язык дает новый материал иного характера. В качестве источников были использованы как словари польского языка, так и произведения польских писателей, начиная с Мицкевича.

I. ОСНОВЫ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ

§ 1. Состав глаголов движения. Наиболее полный перечень польских глаголов движения находим у В. Добровского в его работе, посвященной славянскому глаголу. Он насчитывает 13 пар глаголов движения¹²:

<i>niosę — noszę</i>	<i> płynę — płynam</i>
<i> idę — chodzę</i>	<i> bieżę — biegam</i>
<i> brnę — brodzę</i>	<i> lecę — latam</i>
<i> wiozę — wożę</i>	<i> wlokę — włóczę</i>
<i> wiodę — wodzę</i>	<i> żonę — gonę</i>
<i> leżę — łożę</i>	<i> jadę — jeżdżę</i>
<i> pełzną — pełzam</i>	

Этот перечень нуждается в уточнениях и дополнениях.

1. Глагол *brnąć* означает ‘вязнуть’ (*brnąć w błocie, w grzechach* — ‘вязнуть в грязи, в грехах’); другое значение — ‘идти с трудом по песку или воде’, близкое к русскому ‘брести’, т. е. ‘медленно идти, с трудом переставляя ноги’, хотя русский глагол обозначает действие, замедленный темп которого объясняется почти всегда внутренними причинами (усталость, рассеянность), а не внешними, как в польском языке.

„Trzeba było . . . *brnąć* przez kąpiaste błoto, żeby dojść do wzgórza, na którym usypana była mogiła“ (Kraszewski, cyt. D,¹³ I, 658); „. . . żeśmy stanęli nad tonią, po której kilka dni *brnąć* wypadnie“ (Lelewel, cyt. D, I, 658); „Ale nagle od owej deszczowo-wietrznej aury, od opłotków, nieba i jesiennego szumu drzew zaleciało Warszawą. Jakby dopiero co wyszedł z „Dziurki“ i *brnął* przez błoto Krakowskiego Przedmieścia ku domowi“ (Brosz, 308).

Brodzić означает 1) ‘переходить вброд’, 2) ‘ходить по песку, воде, грязи’. Например: „*Brodzili* w krwi po same kolana“ (K); „*Chwytała* strzelbę i po całych dniach *brodziła* po moczarach i głuszach leśnych za ptakami“ (Reymont, cyt. D, I, 661); „. . . wśród złotych kwiatów kaczęca *brodziły* bociany“ (Sienkiewicz, cyt. D, I, 661).

¹⁰ Е. В. Чешко. Словообразование глаголов движения в современном литературном языке. (Канд. дисс.). М., 1947.

¹¹ J. Poldauf. Mechanismus slovesnych vidů v nové čestine. ČČF, roč. I, стр. 7.

¹² В. Добровский. К учению о славянском глаголе. — „Филологические записки“, вып. IV—V, Воронеж, 1884, стр. 298—299.

¹³ См. список сокращений в конце статьи.

В значении 'брести — бродить' польские формы *brnąć — brodzić* выступают как соотносительные и составляют пару, объединенную одним лексическим значением. Но в силу того, что другие лексические значения этих форм расходятся, связь форм как кратной и некротной ощущается слабо¹⁴. Поляками, даже обладающими большой наблюдательностью и культурой языка, *brnąć* и *brodzić* иногда не воспринимаются как родственные слова. Однако нет достаточных оснований, чтобы вовсе исключить эту пару из числа исследуемых глаголов.

2. Добровольский ошибочно указал, что *gonię* является многократным по отношению к *zoneę*. Обе эти формы образованы от *gonić*; *zoneę* встречается лишь в древнепольских памятниках. *Gonić* часто выступает как синоним *gnać*. Оба эти глагола имеют значения:

1) 'гнаться, преследовать': а) „*Gonią* mnie, pomóż mi się ukryć, nie mogę dalej uciekać...“ (Brandys K., cyt. D, II, 1228); „Wypił filiżankę kawy w restauracji z takim pośpiechem, jakby go kto *gonił*“ (Żeromski, cyt. D, II, 1228); „Zaczął mnie *gonić*. Był już blisko mnie, ale ja pędziłem szybciej od niego“ (Witowska, cyt. D, II, 1228); б) „Szedł szybko, jak gdyby coś go *gnało* i przed czymś uciekał“ (Świętochowski, cyt. D, II, 1193); „Chudziak, a ci go *gnają* bez odpoczynku i miłosierdzia“ (Sewer, cyt. D, II, 1228); „Krewni zabitego, chciwi zemsty, *gnać* go będą zajadle“ (Kraszewski J., cyt. D, II, 1193).

2) 'мчаться': а) „Noc była szara i zadeszczona... chmury *goniły* po niebie“ (Reymont, cyt. D, II, 1228); „Książę jak skoczył, tak *goni* na czele, ani się jeden między tłumem boi“ (Mickiewicz, cyt. D, II, 1228); б) „*Gnał* bez pamięci do upadłego, chociaż nikt go nie ścigał“ (Dygański, cyt. D, II, 1193); „Zadyszany *gnałem* co sił ulicami“ (Gardecki, cyt. D, II, 1193); „Pociąg *gnał* bez wytchnienia, stacje przelatowały koło okien wagonu“ (Morcinek, cyt. D, II, 1193).

3) 'гнать, погонять': а) „Już z *pożółkłych* połoniu Hucuł swe stada *goni*“ (Liebert, cyt. D, II, 1128); б) „Szara chmura leci wiosennym *gnana* wiatrem“ (Słowacki, cyt. D, II, 1193).

Кратный глагол *ganiać* выступает во всех трех значениях:

1) 'гоняться, преследовать': „Gdziez się podziały te chwile, kiedym wesoły, szczęśliwy na łąkach *ganiał* motyle, biegał za kwiatkiem na niwy“ (Kraszewski, cyt. D, II, 1038);

2) 'мчаться в разных направлениях', 'бегать стремглав': „Od świtu do późnej nocy *ganiam* z piętra na piętro i z ulicy na ulicę“ (Kłosowski, cyt. D, II, 1038); „*Ganiamy*, powiadam ci, jak charty. Wczoraj zrobiłem trzydzieści kilometrów marszu“ (Dąbrowska, cyt. D, II, 1038).

3) 'гонять': „On ze mną krówki na pastwiska *ganiał*“ (Brodziński, cyt. D, II, 1038).

3. Глагол *plynąć* имеет кратную форму лишь в значении 'плыть', но не в значении 'течь'.

4. Некоторые глаголы движения имеют три формы:

iść — chodzić — chadzać
nieść — nosić — naszać
lecieć — latać — latywać.

Глаголы *chadzać*, *naszać*, *latywać* означают действие, совершающееся с большими промежутками. Когда наряду с обычным *chodzić do szkoły* встречается выражение *chadzać do szkoły*, в последнем особенно четко выступает значение действия, нерегулярно повторяющегося.

¹⁴ Например, Я. Лось пишет, что формы *brnąć — brodzić* воспринимаются как два разных слова, близких по значению (см. J. Łoś. Gramatyka polska, cz. II, Słowotwórstwo, стр. 172).

Это выражение может быть отнесено к нерадивому ученику и имеет яркую эмоциональную окраску.

5. В. Добровский опустил в своем перечне некоторые глаголы, в частности редко употребляемую форму *pedzać*, которая составляет пару к *pedzić* — 'гнать'.

6. Очень редко встречается и глагол *ciągać (się)*, составляющий пару к *ciągnąć (się)* — 'тащить(ся)'. Ср. примеры из словаря под ред. В. Дорошевского: „Nie tylko sama jeździłam za armiami, w których miał zaszczyt służyć nieboszczyk general, lecz i dzieci za sobą *ciągałam*“ (Sztyrmer, cyt. D, I, 956); „Bandy rozbójnicze *ciągały się* od Sycylii po Włoszech w górach Piemontu i Walenzji zagnieżdżały się“ (Lelewel, cyt. D, I, 956); „A jak się upił, to bił mnie, za włosy *ciągał* i nogami kopał“ (Kosiakiewicz, cyt. D, I, 956).

7. Глагол *taczać (się)* встретился нам только в словарях (Карловича, Шобера). Кратное значение этой формы, соотносительной с *toczyć* — 'катить' подтверждается следующим примером: „Podczas burzy na okęście bezczki zaszła *się taczać*“ (из устной речи). Семантика этой формы значительно уже семантики глагола *toczyć*, который широко применяется и имеет много других значений (*toczyć nóż*, *toczyć łyżę*, *toczyć rozmowę* и т. п.).

8. Переходный глагол несовершенного вида *sunąć* — 'двигать' имеет кратную форму *suwać*¹⁵. Как видно из примеров, на которые ссылаются авторы словарей, она встречается главным образом в выражениях *suwać nogami* или *suwać kroki*, которые являются устойчивыми сочетаниями слов.

Среди наших примеров — большое число случаев на непереходное значение *sunąć* 'идти медленно, тащиться; двигаться грузно, плавно или тяжело'. В этом же значении выступает глагол *suwać*, выражая при этом конкретное целенаправленное действие: „Biegła bardzo szybko, *suwała się* gaczej“. „*Suwała się* ku niemu z wyciągniętą ręką“ (Мицкевич, Пан Тадеуш)¹⁶. В данном случае значения бесприставочных форм смешиваются, они не противопоставлены.

На основании сказанного можно утверждать, что не все из перечисленных нами глагольных пар являются устойчивыми. В некоторых случаях глаголы некротного значения часто употребляются и имеют переносные значения, а кратные корреляты выходят из употребления (*ciągać*, *pedzać*, *taczać*). Неустойчивыми нужно считать и те пары, где лексическое значение глаголов расходится (*brnąć* и *brodzić*).

Состав глаголов движения, допускающих в прямом значении (физическое обратное движение) употребление бесприставочных парных основ несовершенного вида, следующий:

<i>biec</i> — <i>biegać</i>	<i>pełznąć</i> — <i>pełzać</i>
<i>brnąć</i> — <i>brodzić</i>	<i>jechać</i> — <i>jeździć</i>
<i>ciągnąć (się)</i> — <i>ciągać (się)</i>	<i>lecieć</i> — <i>latać</i>
<i>gnać</i> — <i>ganiać</i>	<i>leżać</i> — <i>łazić</i>
<i>gonić (się)</i> — <i>ganiać (się)</i>	<i>nieść</i> — <i>nosić</i>
<i>iść</i> — <i>chodzić</i>	

¹⁵ Э. Стамировская в статье „О wpływie przechodności i nieprzechodności czasownika na jego znaczenie indywidualne (JP, r. XXXV, стр. 274—267), рассматривая данную глагольную пару с точки зрения переходности, не затрагивала вопрос о выражении кратности глаголом *suwać*. М. Куцала считает, что форма *suwać* — кратная по отношению к *sunąć* [см. статью „Sasać (-sosić) — suwać (-sunąć). — JP, r. XXXV, стр. 267].

¹⁶ Цит. по указанной статье Стамировской (JP, r. XXXV, стр. 256).

*pędzić — pędzać**ptynąć — pływać**sunąć — suwać**toczyć (się) — taczać (się)**wieść — wodzić**wieźć — wozić**wlec (się) — włóczyć (się).*

Морфологическое строение этих основ неоднородно и единого формального показателя кратности нет. В одних случаях таким показателем является корневой гласный *o*, противопоставленный *e* в некратных основах: *nieść — nosić, wieźć — wozić, wieść — wodzić* типа *nosić*.

Эти глаголы различаются не только чередованием гласного основы; в качестве показателя кратности выступает и суффикс *-i-*. Чередование *e: o* в некоторых формах выступает в своем долгом варианте, т. е. *ǫ: a*, что отражается в формах *leźć — łazić*. В формах *wlec — włóczyć* также имеется вариант чередования *e: o*. Глагольные пары *iść — chodzić, jechać — jeździć* образованы от разных основ. В остальных случаях кратность выражается суффиксом *-a-*.

Нужно признать, что бесприставочные глаголы движения — это исторически сложившиеся соотносительные формы, самое наличие которых делает возможным выражение кратного значения в противоположность некратному. Еще В. Добровский отмечал, что „наличие корреспондентов остается для иностранца почти единственным признаком относить один из корреспондентов к одному подвиду, другой — к другому, т. е. во многих случаях однократные и многократные глаголы взаимно себя определяют“¹⁷.

Некоторые лексические значения глаголов движения предполагают употребление лишь одной из парных форм (например, „*strumień bieży*“, но не „*biega*“).

Лексические значения, допускающие употребление обеих парных основ, являются основным объектом нашего анализа. Не имея различий лексического порядка, соотносительные парные основы служат для обозначения способа протекания действия.

§ 2. Соотносительные значения бесприставочных основ. Значение, свойственное каждой основе, яснее всего обнаруживается в таком контексте, который допускает подстановку парной формы (ср. *uczeń idzie do szkoły — uczeń chodzi do szkoły*). Этот прием позволяет определить те случаи, где основы взаимно определяют друг друга. Каждой группе значений кратных основ противостоит группа значений некратных основ. Чем больше обнаруживается линий, по которым эти основы противопоставлены, тем полнее раскроется общее значение формы.

Реализация каждого из рассматриваемых значений основ сопровождается определенным типом контекста, который способствует выявлению возможностей данной формы. Контекст может предполагать определенное направление движения или повторяемость данного действия, может содержать конкретные условия протекания действия во времени или указывать на их отсутствие. В зависимости от этого на первый план выдвигается та или иная сторона грамматического значения основы.

1. Если контекст содержит указание на конкретный момент проявления действия, кратная основа обозначает конкретное действие¹⁸, состоящее из отдельных актов: „*Siedział przygarbiony, śledząc wzrokiem*

¹⁷ В. Добровский. К учению о славянском глаголе, стр. 294.

¹⁸ Единичность проявления действия в нашем понимании предполагает и его конкретность (при условии определенности момента проявления). Но не всякое конкретное действие является единичным. Конкретным может быть и то действие, которое представляет собой группу актов, следующих один за другим и связанных с данной ситуацией, т. е. с данными определенными условиями времени и места.

Flisa, który *biegał* z nosem przy ziemi, szukając myszy polnych“ (Br, 143); „Jan sam, w płaszczu zarzuconym na ramiona — *chodzi*, patrzy w okno, potem mówi, ziewając...“ (Fr, 5; авторская ремарка в пьесе); „Żandarmi, świecąc w twarze leżącym, *tażyły* między przyczami ze stukiem kolb“ (Br, 34); „Ludzie *biegali* przerażeni, nie wiedząc, czy nie na nich idzie pożoga“ (S, 228); „Począł *chodzić* po pokoju i liczyć...“ (P, 2, 59).

В тех же условиях контекста некратная основа обозначает движение единичное, конкретное, протекающее в одном направлении: „Hesia *idzie* do okna, chucha na szybę, śpiewa“ (Z, 64; авторская ремарка в пьесе); „Z daleka zamajaczył błękitny ogień, *jechał* tramwaj“ (Was, 8); „W ręce *niesie* blaszaną miskę i, wyciągając ją ku widzom, mówi błagalnym głosem“ (S, 319); „Gdzież mógł być w ten deszczowy poranek? Może *pelźnie* po błocie, może śpi w ziemiance“ (Was, 8); „Długa chwila upłynęła zanim Wokulski skombinował... że baron nie oświadczył się pannie Izabelli i że nie dla niej *wiezie* szafiry“ (P, 2, 228).

Если в предложение с кратной основой по условиям контекста можно подставить некратную основу, то смысл его изменяется: речь будет идти о движении, направленном к определенной цели. Ср. в приведенных выше примерах: *biegał* z nosem przy ziemi — *biegł* z nosem przy ziemi; *chodzi*, *patrzy* w okno — *idzie*, *patrzy* w okno и т. д. Путем подстановки наиболее четко обнаруживается соотносительное значение рассматриваемых форм глаголов движения. Кратная форма обозначает движение неопределенно-моторное, некратная форма — определенно-моторное¹⁹, т. е. направленное к известной цели. Конкретность значения неопределенно-моторных основ в значительной степени зависит от контекста. Если лексическими средствами недостаточно четко указан момент протекания действия, неопределенно-моторная основа получает значение действия, происходящего не только в данный определенный момент, но и повторяющегося в различных направлениях: „*Chodziła* wokół szpitalnego łóżka lekkimi krokami...“ (Was, 51); „To tutaj *biegał* z piętra na piętro i baczynym okiem śledził pracę maszyn“ (Was, 33); „Dzieci białe i małe murzynki o kręconych czuprynach zamiast spędzać czas w szkole, — *włóczą się* po ulicach“ (S, 184).

В этих случаях не ясно, было действие конкретным и состоящим из нескольких нецеленаправленных движений или оно повторялось. Значение единичности и конкретности определенно-моторной основы четко проявляется даже там, где конкретность не выражена дополнительными лексическими средствами, и, следовательно, оно прочно закреплено за самой формой.

2. Если в контексте определено направление движения, неопределенно-моторные основы выражают действие, повторяющееся в одном направлении или по одной линии между двумя точками туда и обратно: „Otóż masz! Teraz powie, że to z mojej rady przez okno *łazi* na nocne biesiady“ (Fr, 21); „*Jeździł* on teraz codziennie do lasu, bo pan wszystek las sprzedał żydom, szedł więc wyrąb sosien“ (S, 74); „A nie pytałeś, gdzie oni *jeżdżą*?“ (P, Pł, 156); „Z donosami *biegał* do dworu o wszystkim, co się na wsi działo“ (Kr, 141); „Jedna parszywa owca wszystkim dowodzi i ludzi *ciąga* do karczmy“ (S, 66).

Определенно-моторные основы в тексте, предполагающем известное направление движения, означают единичное действие: „*Łaził* pod górę tak pracowicie, jak mrówka“ (S, 299); „Potem, gdy *biegły* przez ogrody i podwórza w kierunku śródmieścia, Pankrat oglądał się co kilka kroków,

¹⁹ Терминология А. А. Шахматова („Очерк современного литературного русского языка“. М., 1941, стр. 190).

czy Szarlej nie ustaje“ (Br, 114); „Niemcy *pędzili* więźniów na Zachód“ (Br, 95); „Przyzwól nam złamać zakon Pański, gdy *brnąć* będziemy do Warszawy przez Tatry martwych ciał germańskich“ (Tuwim, Modlitwa); „Wojskowy szedł, a raczej *włókł się* naprzód, cywilny o parę kroków za nim“ (P, 6).

В прошедшем времени неопределенно-моторный глагол в аналогичных условиях контекста обозначает движение, совершающееся между двумя точками туда и обратно. Два акта действия объединены здесь в одно действие, дающее результат, ради которого совершалось движение к пространственной цели и обратно. Значение этих неопределенно-моторных основ носит конкретный характер и часто имеет оттенок результативности: „Umyślnie po to *jeździłem* do Pragi w roku 1829, abym poznał tamecznych filologów i rozpatrzył się w ich dziełach“ (Mick, 436); „*Chodziłem* go prosić, jeszcze mi nawymyślał“ (S, 283).

Подстановка парных основ дает различные результаты в зависимости от того, содержится ли в контексте, кроме направления, указание на единичность действия. Прошедшее единичное целенаправленное действие при подстановке определенно-моторной основы вместо неопределенно-моторной заменяется действием, совершающимся между двумя точками туда и обратно: „Wawrzon Toporek rozmyślał, dlaczego *jechał* do Ameryki“ (S, 164); ср. *jeździł* do Ameryki; „*Płynął* do łodzi po ratunek dla niej“ (S, 230); ср. *pływał* do łodzi.

Если контекст не подразумевает однократности действия, подстановка дает обозначение действия, повторяющегося в данном направлении: „Chciałem nie pozwolić mu *iść* do szkoły“ (S, 151); ср. *chodzić* do szkoły; „Gromada dzieci *biegnie* do jarów po orał“ (P, 133); ср. *biega* po orał.

3. Неопределенно-моторный глагол в противоположность определенно-моторному обозначает действие отвлеченно, т. е. безотносительно к его конкретным проявлениям, в обобщенном виде. Так, всякое обычное действие, представленное вне определенных условий времени и места, является отвлеченным: „Ma na głowie losy wielu, wielu rodzin w rozmaitych powiatach, dokąd *jeździ* kontrolować i pomagać“ (Bog, 51); „*Chodził* teraz razem na samotne spacery“ (Dąb, 1, 19); „A chłopak twój niech mi *się* nie *włóczy* na kolonie!“ (P, Pl, 188). Подстановка определенно-моторной основы в этих случаях ведет к замене обычного (отвлеченного) действия единичным (конкретным).

Выражая отвлеченное действие, неопределенно-моторные основы обозначают также способность совершить данное действие как свойство предмета: „Teraz Maciek przypomniał sobie, że kiedyś galicyjskie bandosy opowiadały mu o maszynie, co sama *chodzi*“ (Br, 143); „Korek *pływa* na powierzchni wody“ (Sz); „Górka już *biega* i bełkoce; krzepka, silna, rumiana“ (Mick, 434); „Rak, żółw, gąsienica *pełza*“ (K, IV, 108); „Pan dobrze *jeździ* konno? ...Nieszczerólnie, ale *jeżdżę*“ (P, 2, 248).

Отвлеченному значению неопределенно-моторной основы в контексте, который не содержит конкретных условий протекания действия (т. е. не указывает ни момента, ни направления движения), противостоит конкретное значение определенно-моторной основы: „Na czele w osobowym aucie ... *jechało* dowództwo“ (Br, 8); ср. *jeździło* dowództwo — отвлеченное значение. „Ponadto w kieszeni... *wiózł* Kazimierz list aktuarjusza“ (Kr, 132); ср.: *woził* list w kieszeni — отвлеченное значение.

А. А. Потебня определил смысловую связь подобных форм следующим образом: «Чтобы употребить форму „носите“ в обыкновенном ее смысле, нужно обнять мыслью несколько однородных явлений, порознь добытых из чувственных восприятий, представить их одним протяженным

действием; к этой форме приурочен более сложный продукт мысли, чем к таким глаголам, как „нести“»²⁰.

Nosić имеет отвлеченное значение постольку, поскольку является обобщающим по отношению к частному, единичному *nieść*.

Следует отметить, что отвлеченное значение характерно для форм настоящего времени любого глагола. Определенно-моторные глаголы также могут обозначать целенаправленное действие безотносительно к моменту речи, т. е. в отвлеченном виде, например: *jesienią ptaki lecą na południe*.

Однако в польском языке, как и в русском, для обозначения свойства предмета „обычно используются глаголы типа *летать*, только потому, что в их семантике нет того ограничения процесса, которое имеется в глаголах типа *лететь*“²¹.

Приведем несколько примеров, где определенно-моторные основы выступают в кратном значении. Возможность такого употребления этих основ обусловлена особыми обстоятельствами: наличием повторяющейся ситуации, где два действия следуют одно за другим или являются одновременно: „*Często wychodziłem z domu o tej porze, kiedy miasto dopiero się budziło, a oni szli do pracy*“ (Br, 122); „*Zwykle sołtys wiodł kowala pod rękę, a ten dzwigał butelkę płukania na jutro*“ (P, 35); „*He razy szedł po dworu, jakiś głos wewnętrzny szeptał mu do ucha. . .*“ (S, 103).

Обозначая кратное действие, определенно-моторная основа всегда сохраняет свойственное ей значение целенаправленности и употребляется там, где речь идет о повторении целенаправленного действия. Действие, повторяющееся в разных направлениях, может быть выражено лишь неопределенно-моторной основой. Таким образом, тот факт, что определенно-моторная основа выступает в кратном значении, не является признаком смешения функций соотносительных форм.

* * *

Чтобы подвести итоги рассмотрения соотносительных значений бесприставочных парных основ глаголов движения, отметим, что значения целенаправленности, единичности и конкретности присущи определенно-моторной основе и присутствуют в ней все одновременно. Значения неопределенно-моторной основы — нецеленаправленность, повторимость, отвлеченность — находятся во взаимосвязи, вытекают одно из другого. По требованию контекста одно из этих ее значений может выдвигаться на первый план. Характерно, что при этом оно не только преобладает, но может и вовсе исключать другое значение неопределенно-моторной основы. Так, если в контексте указан определенный момент движения, неопределенно-моторная основа имеет конкретное значение, несовместимое с кратным и отвлеченным значением. Конкретное значение этих основ нельзя считать типичным для них, поскольку оно определяется средствами контекста, а не самой основой²².

Наш материал показывает, что для современного польского языка актуальным является противопоставление основ как по линии „отвлеченность — конкретность“, так и по линии „нецеленаправленность —

²⁰ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. IV, стр. 77.

²¹ Н. А. Янко-Трницкая. Особенности префиксации глаголов движения. — „Ученые записки Московского городского пединститута им. Потемкина“, т. XXII, М., 1952, стр. 47.

²² Аналогичные факты русского языка рассмотрены в работе Е. В. Чешко. „Словообразование глаголов движения в современном русском языке“, гл. II.

целенаправленность". Видимо, лишь одна из них является определяющей там, где дело касается формального выражения этих значений. Пространственная характеристика — это тот фактор, который обуславливает сохранение парных соотносительных основ. Глагол *ptynąć*, например, имеет кратную форму *ptywać* в значении плавать, но не имеет ее там, где он обозначает движение, которое по своей семантике является целенаправленным и „необратимым“. *Płynąć* в значении 'течь' не имеет формы для выражения кратности, а значение общности действия передается той же самой основой: *wielkie rzeki cicho płyną*.

Морфологические особенности глаголов движения — наличие бесприставочных парных основ несовершенного вида — тесно связаны с их лексическими особенностями как глаголов, обозначающих обратимое перемещение в пространстве субъекта или объекта.

§ 3. Лексические значения глаголов движения, связанные с одним каким-либо типом основы. Глаголы движения имеют богатую систему лексических значений, предполагающих употребление основы лишь одного какого-либо типа. Эти лексические значения несут на себе отпечаток либо определенно-моторного, либо неопределенно-моторного значения. Глаголы, образованные от определенно-моторных основ, имеют в основе своего значения представление о поступательном целенаправленном движении, как правило, прямолинейном. Они служат для обозначения различных видов необратимого движения и связанных с ним переносных значений. Необратимым, например, является течение жидкости: „*Strumień bieży po dolinie*“ (K, I, 147); „*Łzy lecą z oczu*“ (K, II, 700); „*Deszcz leci*“ (K, II, 700); „*Krew idzie z nosa*“ (K, II, 115).

Распространение звука, тепла, света, запаха также является необратимым движением и выражается посредством определенно-моторной основы: „*Nawoływania te biegły z ciemni i nieskończoności*“ (S, 170); „*Z Bóstwa idzie godne Bóstwa pienie*“ (K, II, 115); „*Głos leciał między pnie, a potem wracał echami*“ (S, 74); „*Zapach ambrozji z jej włosów rozpuszczonych idzie*“ (K, II, 115); „*Od tego trupa leci*“ (K, II, 700).

Необратимым является и течение времени; различные глаголы движения по-разному характеризуют его темпы и выражают эмоциональную оценку: „*Czas bieży*“ (K, I, 147); „*Czas leci*“ (K, II, 699); „*Dni, które zaczęły płynąć, były bardzo do siebie podobne*“ (Br, 154); „*W czasie moich przymusowych wakacji które nestety ciągną się po kilku lat, zajmuję się zoologią*“ (P, 2, 205).

Определенно-моторные основы передают также значение 'наступать, приближаться во времени': „*Już idzie ku wiosnie*“ (K, II, 114); „*Idzie jesień i zima, synów niema i niema*“ (Mickiewicz, cyt. K, II, 114). С течением времени тесно связано течение событий, жизни: „*Na sam proces wydał już niemało, wlokło się i wlokło*“ (S, 165); „*Tu zakochani nie rozpaczą, ale tańczą, śpiewają i w ogóle najweselej pędzą życie*“ (P, 2, 198).

Глагол *iść* в его личных и безличных формах передает значение 'развиваться во времени определенным образом': „*Wszystko idzie jak w zegarku*“ (K, II, 114); „*Jak interes idzie?*“ (K, II, 114); „*Jak ci idzie robota?*“ (K, II, 114); „*Idzie jak z płatka*“ (K, II, 114); „*Szło mu to z trudnością, gdyż słabo znał język*“ (Br, 151).

Некоторые переносные лексические значения этих глаголов полностью утрачивают связь с движением, но семантика их связана с определенным направлением: „*Oto dwie drogi: jedna wiedzie do nieobliczonych reform, ludzkości, druga — do podobania się*“ (P, 2, 230); „*Ścieżka biegła po skalistych stopniach*“ (K, I, 147); „*Droga ta idzie do Warszawy*“ (K, II, 114); „*Ulice biegły proste, szerokie*“ (K, I, 147); „*Ślad wiódł przez pola*“ (K, VII, 596).

К числу значений, сохраняющих связь с направлением в пространстве, относится значение 'идти, тянуться в пространстве': „Teraz jednolita ściana domów *ciągnie się* przez kilkaset kroków“ (P, 2, 177); „Ten las *wlecze się* milę“ (K, VII, 644).

Глаголы, образованные от неопределенно-моторных основ, могут иметь связь с представлением о движении, протекающем в разных направлениях, например „поворачиваться, двигаться в ту и другую сторону“: „Pomra lekko *chodzi*“ (K, I, 289); „Drzwi lekko *chodzą*“ (K, I, 289); „Klucz w zamku ciężko *chodzi*“ (K, I, 289).

Latać имеет переносное значение 'сильно дрожать': „Ałasz klnie i szczęka mu *lata*“ (Br, 173).

Значение 'употреблять как часть одежды' выражается глаголами *nosić* и *chodzić*: „Nie masz prawa *nosić* mundura akowca“ (Br, 23); „Nie rozumiem, co pani ma na myśli, mówiąc, że szewc bez butów *chodzi*“ (Bog, 50). Значение 'обладать, иметь' (о черте, качестве, признаке) выражается глаголом *nosić*: „Dzieła wszystkie ówczesne *noszą* cechę trwogi umysłowej i moralnego upadku“ (Mickiewicz, cyt. K, III, 410); „U drzwi domostwa wszystkie klamki... *noszą* szabel znaki“ (K, III, 410); „... *nosiła* krótkie włosy...“ (Dąb, 19); „*Nosić* imię, tytuł“ (K, III, 410); „Ten, kto dorabia się majątku, *nosi* tytuł sknery, kutwy, dorobkiewicza...“ (P, 2, 229).

Оценка состояния, поведения, настроения выражается также глаголами, образованными от неопределенно-моторного типа основ: „*Chodzić* z zadartym nosem“ (K, I, 289); „*wodzić* za nos“ (K, VII, 595); „*wodzić* na paskach“ (K, VII, 595); „*rej wodzić*“ (K, VII, 595). Эти выражения представляют собой тесные фразеологические сращения, имеют единое смысловое значение, из которого значения компонентов выделяются с трудом. В ряде словосочетаний, характеризующих состояние человека, значение глагола *chodzić* приближается к значению глагольной связки: „Tak mi łeb zawróciła, że *chodzę* jak głupi“ (K, I, 289).

Лексические значения, допускающие употребление основы одного какого-либо типа, ограничены в своих фразеологических связях и преимущественно имеют переносный характер. В противоположность этому лексические значения, предполагающие употребление соотносительных парных основ, имеют почти всегда прямое значение, которое допускает широкий круг фразеологических связей и свободно перемещается из одного словесного окружения в другое.

Глаголы движения имеют богатую систему переносных значений; те из них, которые связаны с употреблением лишь одного типа основ, отражают специфику значения данной основы.

Метафоризация является фактором, регулирующим возможность употребления парной основы. Например, выражение „*ciągnąć* ucznia za uszy“ в прямом смысле допускает подстановку формы *ciągać*, а в переносном значении — 'помогать при переводе из класса в класс' это выражение становится фразеологическим единством, не допускающим подстановки. Глаголы, обозначающие распространение звука или света, предполагают, как отмечалось выше, употребление определенно-моторной основы. Однако у Л. Кручковского читаем: „Szmer *biegał* wśród ławek“ (Kr, 34); „Jakieś szmery *łękliwe biegały* wśród wyrostków, siedzących bliżej okien“ (Kr, 34). Здесь имеет место яркая метафора, так же как в следующих примерах, взятых из произведения В. Василевской: „Tajły się po kątach cienie, mrok *pełzał* wśród nielicznych sprzętów“ (Was, 58); „Zmrok *pełza* po kątach“ (Was, 57). У этих писателей находим образцы индивидуально-творческого использования слова, которое не является отстоявшимся.

II. ГЛАГОЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ТИПА

mówić — mawiać, pisać — pisywać

§ 1. Словари современного польского языка содержат весьма скупые и неполные сведения о беспривставочных кратных формах типа *mawiać*. Данные различных словарей иногда не совпадают: например некоторые формы, имеющиеся у М. Арцта²³, отсутствуют в словаре С. Шобера, и наоборот. Словарь под редакцией Я. Карловича приводит редко употребляемые формы: *bierać, mieszkiwać, pijać, siadywać, siewać* и др.; многие из них авторы словаря считают диалектизмами. Наряду с редко употребляемыми формами этот словарь включает глаголы, вышедшие из употребления, как *rabiać, bolewać, chciawać, ciekawać, częstowywać*. Иногда не делается указания на то, что эти глаголы обозначают вторяющееся действие; иллюстративные примеры из литературных произведений даются далеко не всегда.

Таким образом, словарный материал не может служить достаточной базой для анализа интересующих нас глагольных форм.

В расписанных нами текстах содержатся следующие парные беспривставочные формы несовершенного вида:

<i>bić (się) — bijać (się)</i>	<i>mówić — mawiać</i>
<i>być — bywać</i>	<i>paść — pasać</i>
<i>brać — bierać</i>	<i>pić — pijać</i>
<i>czytać — czytywać</i>	<i>pisać — pisywać</i>
<i>grać — grywać</i>	<i>służyć — służyć</i>
<i>jeść — jadać</i>	<i>siać — siewać</i>
<i>leżeć — legić</i>	<i>siedzieć — siadywać</i>
<i>mieć (się) — miewać (się)</i>	<i>spać — sypiać</i>
<i>mieszkać — mieszkiwać</i>	<i>widzieć (się) — widywać (się)</i>

Кратные беспривставочные формы образуются посредством суффиксов *-a-, -'a-, -wa-, -ywa- (-iwa-)*; последний является продуктивным, поэтому рассматриваемые глаголы не представляют собой замкнутой группы, подобно глаголам движения.

Определить их количество в современном литературном польском языке можно лишь приблизительно. Не все приведенные кратные формы употребительны в равной мере.

Рассматриваемые кратные глаголы образуют формы всех четырех времен: *supiam, będą sypiać, sypiałem, byłem sypiać*. Причастия настоящего времени от них не образуются, причастие прошедшего времени — *mawiano, widywano* — форма довольно обычная.

Глаголы типа *mawiać* не совпадают по своему значению с русскими глаголами типа „говаривать“. Русскому „говаривал“ соответствует скорее *był mawiać*, чем *mawiać*.

Все перечисленные соотносительные пары беспривставочных глаголов служат для обозначения кратного действия в противоположность действию, которое с точки зрения кратности не охарактеризовано и может быть в зависимости от условий контекста как не кратным, так и кратным.

Условно принимая термин „кратные формы“, мы должны сделать попытку выявить и уточнить их отличительные признаки.

²³ M. Arct. Słownik ilustrowany języka polskiego. Warszawa, 1916.

Для этого будет использован прием подстановки маркированных кратных основ (*mawiac*) на место немаркированных (*mówić*). При этом можно установить, в каких условиях контекста невозможно употребление кратного члена противопоставления.

§ 2. Кратные основы могут выражать целую цепь связанных между собой значений: кратность тесно смыкается со значением обычности действия; из последней логически вытекает потенциальность действия, а также и способность предмета совершить данное действие. Общим для всех этих действий является то, что они представлены отвлеченно, т. е. не приурочены к каким-либо определенным конкретным условиям времени и места. Рассмотрим различные стороны значения основ типа *mawiac*.

1. Глаголы типа *mawiac* со значением повторяемости действия: „Fryderyka *widywano* tu raz na miesiąc, raz na dwa tygodnie“ (Brosz, 124); „*Mówiła*, że stryj za mocno ją *bijał*“ (P, Pl, 14); „*Bywam* tu ile razy *przepracuję* się... to jest dość często“ (P, 2, 39); „*Chłopak* drżał przed tą myślą i całymi nocami *siadywał* nad książką, byle tylko matki nie zmartwić“ (S, 142); „*Wrócił* do siebie i pierwszy raz całkiem spokojnie *począł* przebiegać myślą wszystkich adoratorów panny Izabelli, których *widował* z nią lub o których tylko *słyszał*“ (P, 2, 219).

В противоположность кратным формам (*mawiac*) глаголы типа *mówić* обозначают действие единичное и развивающееся непрерывно: „*Siedziała* swoim zwyczajem w kącie i *ćmiła* cygaro“ (Brosz, 362); Ср. *siadywała* swoim zwyczajem w kącie; „*Tamci grali*, a on *przepisywał* sobie list miłosny, jaki mu dał do przeczytania Malinowski...“ (R, 1, 388). Ср. *tamci grywali*, a on *przepisywał* (повторяющееся действие); „O parę kroków od niej na obalonym pniu sosny *siedział* Jan uśmiechał się w półfiluternie, w półtajemniczo“ (Orz, 185); ср. *siadywał* i *uśmiechał* się (повторяющееся действие); „*Grał* do późnej nocy — nie „śliczne“, nie „cudne“ frazy, kadencje i walcowe rytmy. *Grał* tę muzykę o której wiadano, że jest «politycznie podejrzana» (Brosz, 383); ср. *grywał* do późnej nocy (действие повторяющееся).

Подстановка кратной формы на место некротной, обозначающей единичное действие, невозможна там, где в контексте указан момент или период, в который данное единичное действие совершается: „*Siadał*że, panie Stanisławie... Cóż tam *słuchać*? *Czytam*, właśnie, Supińskiego, tęga głowa!...“ (P, 2, 16); „*Ktoś* mu *przerwał* zapyтaniem jakimś, więc *zaczął mówić* o czym innym i *żartować* z kogo innego“ (Orz, 103); „...agenci *zabrali* ze sobą jeszcze jakiegoś pijaniuteńskiego jak bela jego mościa, który *spał* przez cały czas w kącie, nie wadząc nikomu...“ (Brosz, 286); „*Teraz* nie miał czym się *zająć*, bo i tak trzeba było czekać, więc *zaczął czytać*...“ (H, 75); „*Raz* gdy *siedział* przed kawiarnią, pijąc mazagran, *zbliżył* się do werendy jakiś uliczny tenor...“ (P, 2, 196).

Если акты некоторого действия следуют один за другим, употребление кратных форм также невозможно. Например: „*Wokulski* *spójrzył* na adres, *gorączkowo rozerwał* kopertę i *czytał... czytał... Raz*, *drugi* i *trzeci* *przeczytał* list“ (P, 2, 81); „*Borowiecki* *tylko* nie *zważał* na to i Malinowski, który *wciąż* *milczał*, *jadł* i w *przerwach* *pisal* coś *szybko* w *notesie*, *leżącym* *obok* *talerza*“ (R, 1, 204).

Если в тексте имеется указание на то, что действие совершалось определенное число раз, возможна лишь некротная форма, но не форма типа *mawiac*: ср. „*trzy* *razy* *pisalem* (но не „*pisywałem*“); „*dwa* *razy* *widziałem* go“ (но не „*widywałem*“); ср. также: „*A* *ja* *sto* *razy* *mówiłem* i *sto* *pierwszy* *powtórzę*, że *komar* *naje* się *tym*, *co* *my* *od* *pana* *Korczyńskiego* *wygramy*“ (Orz, 148).

Посредством форм типа *mawiać* обозначаются действия, которые возникают изредка, в отдельные исключительные моменты и не должны рассматриваться как регулярные: „Gdy zaczął mówić o tym — spoważniał, i twarz zrobiła mu się surowa, jak w czasach, gdy jeszcze *miewał* żal do Elżbiety, że nie umie dostatecznie go kochać“ (Nałk, 193); „Uczciwość *miewa* chwile nudy, a wtedy jej się strzeżcie“ (P, 2, 341); „Mickiewicz tęsknił w „Panie Tadeuszu“ do Litewskich zaścianków — *bywają* tacy, co tęsknią nawet do nędzy“ (Brosz, 315); „Dlaczego ty, Emilciu, od niejakiego czasu *bywasz* dla mnie tak obojętna“ (Orz, 70); „Ładne sny *miewasz*, Feluś — mruknął z cicha Groman“ (Kr, 127).

Однако во всех этих случаях очень важна роль контекста. Характер кратности не определяется значением основы, он конкретизируется различными средствами контекста и вытекает из ситуации.

2. Глаголы типа *mawiać* выражают действие обычное, отвлеченно от конкретных условий его протекания. Например, в предложении „W tym pokoju *spiały* dzieci“ речь идет о том, что дети обычно спали в этой комнате, т. е. она служила им спальней, но это не значит, что дети были там в данный момент. В предложении „w tym pokoju *spatły* dzieci“ действие относится к строго определенному моменту: когда в этой комнате мы обязательно увидели бы спящих детей. Рассматриваемые основы противопоставлены здесь по линии отвлеченность—конкретность. Отвлеченное действие эти основы обозначают в следующих примерах: „Julian Tuwim *pisywał* listy długie, piękne i czułe. Jest ich wiele i nieprędko ocenimy ich bogata treść“ („Nowa Kultura“, 17. I 1954, стр. 5); „Jesień w Polsce *bywa* bardzo piękna. Ta jednak mierzi i mężczy wszystkim“ (Brosz, 83); „Ja się tutaj urodziłem, tutaj *pasatem* ojcowskie gęsi i bydłatka . . .“ (R, 2, 36); „Oto patrz — mówiło słońce — widzisz ten płat czarny? Tak czarne było wzgórze, kiedy twój ojciec *siewał* na nim pszenicę“ (P, Pl, 19); „Mówisz nieprawdę, herbatę lubisz i *pijasz* jej wiele, wiem o tym od męża“ (Orz, 217); „Nazajutrz jednak postanowił zajrzeć do restauracji, w której Chopin zazwyczaj *jadał*“ (Brosz, 301—302); „... pomyślała przelotnie, że chłopiec czeka pewnie na ojca, który o tej porze zwykł był na ganku *czytywać* gazetę“ (Kr, 57); „Zobacz pan, jakie i o co listy *pisują* do mnie“ (P, 1, 118).

В этих предложениях лексическими средствами подчеркивается именно обычность действия, тот факт, что оно в принципе возможно, а не его повторяемость.

Оттенок потенциальности, способности предмета совершить данное действие проиллюстрируем следующими примерами: „Musí mnie para kiedy nauczyć, jak *się jada* ryby nożem“ (P, 2, 20); „Są tacy, co i w ómie *widują*“ (Kr, 52).

В противоположность этим значениям основ типа *mawiać* их парные формы обозначают действие конкретное, т. е. такое, которое совершается в определенный момент или период времени: „Dziewiątego września — o tej porze dnia, kiedy na dworze jest jeszcze jasno, a w pokojach gromadzą się po kątach wieczorne cienie — *siedzieli* w niszy salonu“ (Brosz, 324); „W tej chwili czuje, że ktoś pochwycił go z tyłu za ramię i odwróciwszy głowę *widzi* owego majestatycznego pana, który od Szlangbauma dostał w cukierni rubla zadatku“ (P, 2, 70); „Tej nocy książka, którą czytały, była podróż po Egipcie“ (Orz, 241); „Zerwała się burza oklasków. — Brawo! Słusznie *mówił*“ (H, 56); „Jednego tedy wieczora *pije* u siebie herbatę, aż otwierają się drzwi i ktoś wchodzi“ (P, 2, 121); „Sąsiad z prawej strony *spatł* mu na ramieniu...“ (P, 2, 186).

В приведенных примерах подстановка глаголов типа *mawiać* вместо некротных форм невозможна, так же во всех случаях, где известны

конкретные условия протекания действия во времени. Это можно объяснить лишь тем, что конкретное значение, характерное для некрatных форм, совершенно исключено при обозначении действия глаголами типа *twiać*.

§ 3. Глаголы типа *mówić* сами по себе нейтральны по отношению к выражению кратности. Если в предложении констатируется, что имело место некоторое действие и смысл высказывания не зависит от того, произошло ли это один раз или данное действие повторялось, употребляется форма типа *mówić*: „Więc cóż? ty nawet bez perfum i tych tam... różnych swoich szlafroczków obejść się nie możesz, a tak ironicznie *mówisz* o chlebie...“ (Orz, 67); „Frycek podsuwa dźwięk po dźwięku, *gra*, jakby tłumaczył, podkreśla każdą sylabę muzycznego zdania“ (Brosz, 38); „Gazeta *mówiła* o głośnych i dalekich sprawach, które coraz więcej wydawały mu się obcymi i jałowymi“ (Orz, 85).

Единичное действие данные формы обозначают лишь в том случае, если это значение предполагается контекстом: „Wczoraj *mówiłeś*, że jeszcze nie tak prędko pojedziesz?“ (P, 2, 114); „Wojciechowski do mnie *pisał*, żebym Oratorium komponował“ (Brosz, 345).

Повторяемость действия, выражаемого этими формами, также всегда имеет опору в контексте: „Największy jego interes — to nie zrazą Sużina, który pomógł mu zrobić majątek... i nie raz *mówił* do mnie, że nie uspokoi się, dopóki Stanisław Piotrowicz nie odłoży sobie choć z milion rubli“ (P, 2, 61—62); „W początkowych dniach niedoli częste wspomnienia *mówiły*: lepiej ci było w Lipińcach“ (S, 186); „Znakomity artysta wiedział o tym, bywał co dzień w domu hrabiny, *grał* i deklamował wszystko, co mu kazała panna Izabela“ (P, 2, 13); „Fryderyk bywał w cesarsko-królewskim teatrze opery, u znakomych, u przyjaciół, *pisał* listy do domu i czekał na listy z kraju“ (Brosz, 210).

Глаголы типа *mówić* не охарактеризованы и в отношении выражения отвлеченности — конкретности. Примеры на значение отвлеченности: „Przewodniczący jednego, imię generał Dwiernicki, w karty *gra*, *pije*, *klunie*“ (Brosz, 262); „Jesteś jedyną w świecie osobą, która mi w oczy gorzkie prawdy *mówi*“ (Orz, 214); „Jakby prezesy, dyrektorzy, sekretarze *jedli* tak jak my, to też by się buntowali“ (H, 91); „Nie trudno było pojąć, że owe pieśni są częścią tego kraju — należą do jego treści, *mówią* o nim“ (Brosz, 113); „To, że były jego uczennicami, nie oznaczało, właściwie nic — *grały* źle, nie pojmowały, o co chodzi...“ (Brosz, 394).

Посредством этих форм выражается способность предмета совершить данное действие: „Stwierdził, że Plewa zupełnie dobrze *pisze* mimo braku palca“ (H, 98); „Z wysokiego domu pewno była, bo po anielsku *grała* i śpiewała i ręce z początku miała takie białe jak lilie“ (Orz, 189).

В целом ряде случаев значение способности совершить действие закреплено за формой типа *mówić*. Говорят, например, „on dobrze *mówi* po francusku“, но не *twiać*.

Умение читать обычно выражает глагол *czytać*: „...nie wiedziano nawet, kiedy nauczył się przy Ludce *czytać* i *pisać*“ (Brosz, 35—36). У Струга встречаем в том же значении глагол *czytywać*: „Zaczynał już samodzielnie *czytywać*“.

Способность играть на каком-либо инструменте выражает, как правило, глагол *grać*: „Dobry starszerek Żywny, który mnie też uczył i nie nauczył *grać* na fortepianie, był to może jeden z najpośledniejszych nauczycieli w Warszawie“ (Brosz, 87). У Сенкевича в том же значении выступает форма *grywać*: „Nieraz, kiedy na niebie wschodził srebrny księżyc, pan Żołzikiewicz brał harmonijkę, na którym to instrumencie *grywał* biegle...“ (S, 102).

Противопоставив форму *miał* и *miewał*, можно обнаружить их различия (последняя означает кратное действие). Но в предложениях „często *miał* z nim interesa“ и „często *miewał* z nim interesa“ эти различия под влиянием контекста нивелируются.

Подобные случаи использования и кратных и некратных основ в аналогичном контексте позволяют говорить о том, что функциональное различие этих форм при обозначении кратного или другого отвлеченного действия ступшевывается и они конкурируют.

Даже в пределах одного предложения повторяющееся действие выражается то кратной формой, то формой типа *mówić*: „Znowu *pił* koniak, *jadał* kosztowne potrawy, lub *grał* w karty w salonie baronowej...“ (Р, 2, 220).

Кратным формам свойственно отвлеченное значение — отсюда и оттенок неопределенности, который часто им сопутствует и придает известную семантическую окраску. Так, если человек, у которого спрашивают, читает ли он газеты, отвечает „*czytuje*“, — он выбирает эту форму, чтобы избежать определенности в ответе.

Глагол в выражении *jak się miewasz?* вовсе не причастен к обозначению кратности. Здесь имеет место переосмысление и стилистическое использование формы, которая рассматривается как синоним к *mieć się*, ср. *jak się masz?*

Польский материал, рассмотренный нами, показывает, что бесприставочные кратные основы несовершенного вида типа *mawiać* выступают в качестве отмеченного члена корреляции конкретность — отвлеченность (*mówić* — *mawiać*)²⁴.

Этим, в частности, они отличаются от глаголов движения (*biec* — *biegać*), где в качестве отмеченной выступает определенно-моторная форма, характеризующаяся конкретным значением направления и времени протекания действия.

Все функции отмеченных кратных основ типа *mawiać* (кратность, обычность, потенциальность действия и пр.) при известных условиях контекста могут выражаться их коррелятами. В силу этого возникает конкуренция парных бесприставочных форм типа *mówić* — *mawiać*; выражение кратности оснований типа *mawiać* ограничено довольно узким кругом бесприставочных глаголов.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

D, I, II — Słownik języka polskiego. Red. akad. W: Doroszewski. Warszawa, t. I, 1958; t. II, 1959.

K — Słownik języka polskiego. Red. J. Karłowicz i in. Warszawa, 1900—1927.

Sz — St. Szober. Słownik poprawnej polszczyzny. Warszawa, 1948.

Bog — H. Boguszevska. Czarna kura. Warszawa, 1952.

Br — K. Brandys. Człowiek nie umiera. Warszawa, 1951.

Brosz — J. Broszkiewicz. Kształt miłości. Warszawa, 1953.

Dąb, 1 — M. Dąbrowska. Noce i dnie, t. 1. Warszawa, 1947.

Dąb — M. Dąbrowska. Marcin Kozera. Warszawa, 1945.

H — B. Hamera. Naprzykład, Plewa. Warszawa, 1950.

Fr — A. Fredro. Śluby panienskie. Warszawa, 1952.

Kr — L. Kruczkowski. Kordian i Cham. M., 1950.

²⁴ К. Регнель отмечал, что *biti* не может быть названо „определенным“, так как им выражается только отсутствие „неопределенности“, заключающейся в *bivati* (Über den Ursprung des slavischen Verbalaspektes“. Lund, 1944, стр. 50).

- Mick — A. Mickiewicz. Korespondencja, t. VI. Warszawa, 1850.
Nałk — Z. Nałkowska. Romans Teresy Hennert. Warszawa, 1954.
Orz — E. Orzeszkowa. Nad Niemnem. [Вильнюс], 1953.
P — B. Prus. Nowele. Warszawa, 1952.
P, 1, 2 — B. Prus. Lalka, t. 1, 2. Warszawa, 1953.
P, Pl — B. Prus. Placówka. M., 1951.
R, 1 — W. Rejmont. Ziemia obiecana, t. 1. Warszawa, 1902.
S — H. Sienkiewicz. Opowiadania. M., 1953.
Was — W. Wasilewska. Po-prostu miłość. M.
Z — G. Zapolska. Moralność pani Dulskiej. Warszawa, 1952.
-

Р. В. Булатова

ГЛАГОЛЫ С ОСНОВАМИ *plu-/pli-/plov-/plav-* В СЕРБСКО-ХОРВАТСКОМ ЯЗЫКЕ

§ 1. Сербско-хорватские глаголы с основами *plu-/pli-/plov-/plav-*, обозначающие процесс плавания, интересны с двух точек зрения: как представители группы глаголов движения и как определенная лексическая группа однокоренных глаголов, в семантическом и морфологическом развитии которой в течение XII—XX вв. отразились черты, характерные для целого ряда глагольных основ сербско-хорватского языка, и развились свои специфические черты.

Глаголы с основами *plu-/pli-/plov-/plav-* со значением 'плыть — плавать' входили в общеславянском языке в состав так называемой группы глаголов движения, для которой было характерно противопоставление парных основ „определенного“ и „неопределенного“ вида¹. Общеславянские основы *plu-(pli-)*², *plov-* соотносились с основой *plav-* как „определенные“ и „неопределенная“ основы. В некоторых из современных славянских языков находим соответствующие этимологические корреспонденты, выражающие направленное, конкретное и ненаправленное, неконкретное движение: русск. *плыть* — *плавать*, польск. *pluć* — *plućać*³.

В сербско-хорватском языке состав глаголов, обозначавших плавание, изменялся, пополнялся в течение XII—XX вв. Известно более десятка однокоренных глаголов, составивших лексическую группу, которая отличалась определенными морфологическими и семантическими особенностями. Это глаголы: *plūti, plīti, plāvati, plāviti(se), plavčati, plitati, plūtati, plovati, plīvati, plōviti*. Они приводятся в словаре Югославской Академии наук⁴, данные которого можно считать наиболее исчерпывающими, поскольку он учитывает все предшествующие словари сербско-хорватского языка XVI—XIX вв.

Указанные сербско-хорватские глаголы в научной литературе не были предметом специального исследования. В книге А. Вайяна о языке

¹ См. А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 226.

² Есть мнение, что основа *plu-* являлась вариантом *plu-* еще в общеславянскую эпоху. См. Р. Брандт. Грамматические заметки, I. Варшава, 1883, стр. 77.

³ См. Е. В. Чешко. К истории глаголов движения. — „Эзиковедско-этнографски изследвания в памет на академик Стоян Романски“. София, 1960, стр. 209.

⁴ Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, JAZU, t. X. Zagreb, 1931. В дальнейшем в тексте дается сокращенно — RJA (до 1960 г. было выпущено 16 томов и 2 тетради 17-го тома).

Доминко Златарица⁵ есть краткая характеристика ряда этих глаголов с точки зрения их происхождения и употребления. А. Вайян признает, что картина употребления глаголов с основами *plu-/pli-/plov-/plav-* довольно сложная. Все замечания А. Вайяна и других исследователей по данным глаголам учитывались, и на них даются ссылки при разборе отдельных глаголов.

Исследуемые глаголы довольно редки в сербско-хорватских текстах. Это объясняется двумя причинами: во-первых, и в древних и в диалектных текстах (особенно внутри страны) ничтожно мало сюжетов на соответствующую тему; во-вторых, глаголы с основами *plu-/pli-/plov-/plav-* употребляются редко, преобладают конструкции с глаголами *ići* 'идти', *hòditi* 'ходить'; *šétati(se)* 'совершать прогулку', *jézditi* и *vòziti(se)* 'ехать, ездить' и приставочными от них, которые чаще всего означают 'плыть, плавать на судне' (*navigare*) и лишь иногда 'плыть, плавать' о человеке, рыбе и т. п. (*natare*). Соотношение между глаголами с основами *plu-/pli-/plov-/plav-* и их заменителями по степени употребительности равно примерно 1:4. Стремление дать полный, исчерпывающий материал по каждой эпохе и по всем говорам не удалось осуществиться из-за отсутствия примеров в древних и ряде диалектных текстов⁶.

При анализе глаголов с основами *plu-/pli-/plov-/plav-* ясно обнаруживаются три периода в их развитии, которые соответствуют трем периодам письменного сербско-хорватского языка. I период — с XII по XIV в. — господство церковнославянского языка, затрудняющее выделение собственно сербских черт из старославянских и разграничение сербских *plùti*, *pliti* и *plàvati* от соответствующих глаголов старославянского языка. II период — с XV по XVIII в. — период миграций населения, диалектных перемещений (и новообразований), связанных с вторжением турок на Балканский полуостров. В этот период в группе глаголов, обозначающих плавание, наблюдается многообразие основ по всем диалектам сербско-хорватского языка, когда со старыми глаголами конкурировали недолговечные инновации и новые глаголы, ставшие в дальнейшем общесербско-хорватскими. И, наконец, III период — с XIX по XX в. — формирование литературного сербско-хорватского языка, установление единых норм в языке. Основными глаголами для выражения процесса плавания становятся глаголы *plòviti* и *plìvati*, между которыми устанавливаются новые, специфические отношения.

Прежде чем рассматривать материал в хронологическом порядке по диалектам, кратко охарактеризуем каждый глагол: как он представлен

⁵ A. Vaillant. La langue de Dominko Zlatarić, poète ragusain de la fin du XVI-e siècle, II. Paris, 1913, стр. 312—313.

⁶ В список использованной литературы не вошло большое количество текстов, в которых не оказалось ни одного примера на интересующие нас глаголы. Так, из 18 памятников древней сербско-хорватской письменности, среди которых сборник грамот Миклошича „Monumenta serbica“ (Viennae, 1858), насчитывающий более 500 страниц, Законник Стефана Душана, изданный Новаковичем в 1898 г. и др., только в двух встретились примеры с глаголами 'плыть—плавать'. Также из-за отсутствия примеров остались пробелы по некоторым говорам, например кайкавскому XVI в., штокавскому герцеговинскому XIX в. Кроме примеров из текстов, указанных в списке использованной литературы, нами были взяты примеры из Академического словаря сербско-хорватского языка. В этом случае после примера указано в скобках, что он из RJA. Были использованы также примеры из статьи Ф. Курелла (Fr. Kurelac. Brajanica ili drugih deset glagolskih zrnac. — Rad JAZU, t. XX. Zagreb, 1872, стр. 61—74). Он дает примеры без выходных данных, указывая только автора. (В нашей статье сокращенно — Kur.).

в словарях, его диалектную принадлежность и географическое распространение⁷ (по словарям и текстам), хронологию его употребления, морфологическое строение и семантику и, наконец, его слово- и видообразовательные возможности (т. е. приставочные глаголы от него).

§ 2. *Plāvati, plāvām*. Находим его в древнесербском словаре Даничица⁸ и в целом ряде словарей XVII—XIX вв., отражающих преимущественно чакавские и кайкавские говоры⁹. У Вука¹⁰ в первом словаре народного сербско-хорватского языка XIX в., в основе которого лежит штокавское наречие, *plāvati* нет. Из современных словарей находим его только в одном, где он дается с пометой „архаичный“¹¹. RJA указывает, что *plāvati* употребляется преимущественно у чакавцев, у штокавцев же был в прошлом, но сейчас мало распространен.

Тексты подтверждают диалектную принадлежность и уточняют географическое распространение *plāvati*. До XV в. он употребляется в древнесербских и древнехорватских памятниках (St. Stari let., 125; Nov. Phys., 199; Hrv. ruk. XV v., Arkiv 9, 142—RJA)¹².

В XV—XVIII вв. *plāvati* встречается только в чакавских говорах. На Далматинском побережье: г. Сень (Kuhačević, 166—RJA), г. Задар (Zoranić, 52—RJA; Baraković vil., 60—RJA), г. Сплит (Marulić, 53); в Истрии (Glavinić—Kur.), в Загребе (Zrinski, 305), во внутренних чакавских областях (Nov. Aleks., 36).

В XIX в. *plāvati* употребляется в чакавских говорах Истрии, Каставы (Nar. pes. Istr., 2, 127; 2, 160—RJA; Nar. pes. Kastavska—Kur.); Хорватского приморья (Mikul., 151, 154). И сейчас *plāvati* можно встре-

⁷ Географическое распространение глагола не всегда совпадает с диалектными границами. Например, Далмация характеризуется своей специфической лексикой, в которую входят не только чакавские слова, но и слова тех штокавских говоров, что расположены на территории Далмации.

⁸ Ѓ. Даничић. Рјечник из књижевних старина српских, I, II. Биоград, 1863.

⁹ J. Micalia. Blago jezika slovinskoga illi slovnik u komu izgovaraju se rječi Slovinske, Latinski i Diacki (Laureti, 1649), отражающий далматинскую лексику. Pavle Ritter Vitezović. Lexicon Latino-Illyricum, rokopis iz druge pol, 17 ali zač. 18 stoletja, отражающий в основном чакавское и кайкавское наречия. Описание словаря (подробно о морской терминологии) дано в статье V. Jurišić. Pomorski izrazi u Vitezovićevu rječniku. — „Anali Jadranskog instituta JAZU“, I. Zagreb, 1956. Ivan Belostenec. Gazophylacium sen latino-illyricorum onomatium eararium. Zagreb, 1740—первый словарь, отразивший все три наречия, особенно полно кайкавское. Franjo Sušnik—Andrija Jambrešić. Lexicon latinum interpretatione illyrica, germanica et ungarica. Zagreb, 1742, отражающий кайкавское наречие. Jose Volf-tigg i. Ricoslovník illiricskoga, italianskoga i nimacskoga jezika. Dunaj, 1803; основа словаря штокавско-чакавская. Gioachino Stulli. Lexicon latino-italiano-illyricum, I. Budim, 1801; II. Dubrovnik, 1806; III. Dubrovnik, 1810. Iv. Filipović. Novi Rječnik hrvatskoga i njemačkoga jezika. Zagreb, 1875—1877.

RJA не указывает, что *plāvati* есть в самом старом словаре конца XVI в. Ф. Вранчица „Dictionarium quinque nobilissimarum Europae linguarum, latinae, italicae, Dalmatiae & ungaricae“ (Benetke, 1595). Однако указания RJA не всегда бывают точными; возможно предположить, что *plāvati* есть в словаре Вранчица, который отражает чакавское наречие (далматинскую лексику), тем более, что к нему обращались Белостенец и Ямбрешич при составлении своих словарей, а у них *plāvati* дается с пометой „далматинское слово“.

¹⁰ Вук Стеф. Караџић. Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем рјечима. Биоград. Изд. I-е, 1818; изд. 3-е, 1898.

¹¹ J. Dayre, M. Deanović, R. Maixner. Hrvatsko-francuski rječnik. Zagreb, 1956.

¹² В этом разделе работы (§ 2) даются только источники, в которых зафиксирован глагол. Примеры даны в § 4. Здесь же приводятся только примеры, имеющие принципиальное значение (например, при установлении вида приставочного глагола).

тить в чакавских говорах Хорватии (Hrv. p., 130, 148, 153), на островах Црес¹³ и Сусак¹⁴.

В кайкавском диалекте *plāvati* употреблялся, видимо, с древнейших времен. Он встретился в фольклоре XIX в. (K.-S. hrv. p., 234) и наших дней (Žganec, 128)¹⁵.

По своей морфологической структуре *plāvati* — древнейший славянский итератив.

Прежде чем говорить о семантике *plāvati* заметим, что сербско-хорватские глаголы с основами *plu-/pli-/plov-/plav-* имеют свою специфику в отношении семантического значения по сравнению с другими славянскими языками. Эта особенность состоит в разделении одного семантического значения (широкого) на два (более узких). Современные литературные глаголы *plòviti* и *plivati* различаются своими семантическими значениями: *plòviti* 'navigare' [плыть, плавать (на судне, о судне)], *plivati* 'natate' (плыть, плавать — о человеке, предмете и др.). Естественно, возникает вопрос: было ли такое различие в семантике других глаголов и когда наметилась семантическая дифференциация, которая наблюдается в современных глаголах.

Семантика *plāvati* от древнейших памятников XII в. и до современных говоров осталась неизменной, *plāvati* имеет значение 'natate' и 'navigare'. Правда, в древнесербском словаре Даничича для *plāvati* (как и для *plūti*) указано только одно значение 'navigare'. Однако нет оснований считать эти глаголы в древних текстах семантически ограниченными, как современный *plòviti*. Бесспорно, что *plāvati* и *plūti* имели и значение 'natate', поскольку никакого другого глагола, обозначающего процесс плавания, например, человека, в древнесербском не было. Тот факт, что в древнесербских текстах *plāvati* и *plūti* не встретились в значении 'natate' объясняется отсутствием в этих текстах соответствующих сюжетов¹⁶. Зато в словарях XVII—XIX вв. обычно для *plāvati* называют значение 'natate', и только словарь Стулли указывает еще 'navigare'. В текстах XV—XVIII вв. *plāvati* встречается в обоих значениях. Однако примеров со значением 'natate' гораздо больше (их соотношение с примерами, где *plāvati* 'navigare' равно 21:5). Большее число примеров с *plāvati* 'natate' обусловлено грамматическим значением итеративной основы, которая выражала главным образом неконкретное, ненаправленное движение. А движение судна ('navigare'), как правило, направленное, целеустремленное — отсюда редкое употребление *plāvati* в значении 'navigare'.

Древнесербский *plāvati*, как и соответствующие глаголы старославянского и древнерусского языков, не образовывал приставочных форм.

¹³ См. Mate Tentor. *Leksička slaganja Creskoga narečja i slovenskoga jezika protiv Vukova jezika*. — „Razprave SAŽU“, I. Ljubljana, 1950, стр. 81. М. Тентор считает *plāvati* в чакавском говоре Цреса словенским глаголом.

¹⁴ См. J. Hamm, M. Hraste, P. Guberina. *Govor otoka Suska*. — „Hrvatski dijalektološki zbornik“, I. Zagreb, 1956, стр. 172: *plāvat*.

¹⁵ В кайкавских говорах *plāvati* поддерживается словенским языком, в котором он до сих пор наряду с *pluti* является основным глаголом для обозначения плавания (см. M. Pleteršnik. *Slovensko-nemški slovar*, del. II. Ljubljana, 1895; J. Glonar. *Slovar slovenskega jezika*. Ljubljana, 1936). В чакавских говорах, соседних с кайкавским диалектом и словенским языком, *plāvati* сохраняется дольше (см. современные песни Хорватского приморья — Hrv. p.). А в чакавском диалекте удаленного острова Хвар его уже не было в XVI в. (у Гекторовича и Лулича *plāvati* не встретился ни разу).

¹⁶ По той же причине и для соответствующих старославянских и древнерусских глаголов в словарях дается только значение 'navigare' (см. А. Х. Востоков. *Словарь церковнославянского языка*, II. СПб., 1861, стр. 53; И. И. Срезневский. *Материалы для словаря древнерусского языка*, II. СПб., 1895, стр. 948—949).

Приставочные глаголы от него фиксируют словари с XVII—XVIII вв. (Белостенца, Ямбрешича, Вольтижи, Стулли и Витезовича). Известно десять приставочных глаголов от *plāvati*: *doplāvati*, *dòplāvâm*; *isplavati*, *isplavam*; *otplavati*, *otplavam*; *poplavati*, *poplavam*; *preplavati*, *preplavam*; *priplavati*, *priplavam*; *splavati*, *splavam*; *zaplavati*, *zaplavam*, *uplavati*, *uplavam*; *usplavati*, *usplavam*¹⁷. Все приставочные глаголы, кроме двух, перфективные. RJA считает имперфективным *doplāvati* 'доплыть, приплыть' (к перфективному *dòplaviti*), видимо, на основании словарей Белостенца, Ямбрешича и Вольтижи, на которые он ссылается. Однако примеров с имперфективным *doplāvati* нет. В RJA приводится два примера из Бараковича (чакавский писатель XVII в.), где *doplāvati* перфективный якобы неправомочно, образовано ради рифмы: „Kada na sva jedra gospodin *doplava*, komu j' bilig idra, guja sedmoglava“ (Baraković vil., 50—RJA). Однако в примерах из Мрнавича (поэт Шибеника XVI—XVII вв.) *doplāvati* тоже перфективный и здесь он уже не рифмуется: „Prik vrha zelenâ (Modruškoga gvozda) k Senju gradu pride, odkud se pribrodi i k Rabi *doplava*“ (Mrnavić — Kur.). Значит, существование перфективного *doplavati* в XVI—XVII вв. очевидно. Остается неизвестным его ударение, поэтому трудно судить, был ли один двувидовый глагол *doplāvati* или было два глагола-омонима разных видов (как в случае с приставочными от *plivati*, см. ниже). Глагол *splavati* может быть двух видов, здесь видовое различие связано с различием семантическим: имперф. *splavati* 'плыть, плавать' (Jačke, 163), перф. *splavati* 'выплыть, всплыть' (Nar. pjes. Istr., 6, 12—RJA).

Словарь Белостенца отмечает суффиксальный имперфективный глагол от перфективного *isplavati* — *isplavavati*. Подобные образования видовых пар у приставочных глаголов были частым явлением в XVIII в.

В современных чакавских говорах приставочные от *plāvati* почти не встречаются¹⁸. Даже там, где сохранился бесприставочный глагол, он не образует приставочных форм и употребляется рядом с приставочным от *plivati*: „*Plavaj*, moj venčić zeleni, dok *doplivaš* do Jurjeva dvora“ (Hrv. p., 130). Ср. ту же песню в записи XIX в.: „*Plavaj*, mili moj venčić zeleni ter *priplavaj* pred Jurjeva dvora“ (Mikul., 154).

Plüti, *plòvêm*. Находим его в словаре древних текстов Даничича и в словарях XVII—XIX вв. Микаля, Витезовича, Делли-Белли¹⁹, Белостенца, Стулли. В словаре Вука *plüti* нет. В современных словарях его тоже нет, за исключением двух: Броза-Ивековича²⁰, куда он попал, вероятно, из „Истории форм“ Даничича²¹ (что видно из объяснений, сопровождающих *plüti* в словаре) и сербско-хорватско-словенского словаря Юранчича²², куда он включен, по-видимому, под влиянием созвучного словенского глагола. В RJA *plüti* приводится с пометой, что это редкий глагол, и если сейчас употребляется у штокавцев, то именно с таким ударением.

¹⁷ Все глаголы дает RJA, кроме *isplavati* и *zaplavati*, которые встретились в примерах из статьи Курелца. Ударение известно только у глагола *doplāvati*.

¹⁸ Правда, А. Белич отмечал в начале века в чакавских говорах глагол *preplavati* (А. Белич. Заметки по чакавским говорам. СПб., 1910, стр. 67).

¹⁹ Ardelio Della-Bella. Dizionario italiano, latino, illirico. Benetke, 1728. Нужно заметить, что во всех словарях XVII—XIX вв., кроме словаря Витезовича, дается только основа наст. вр. *plòvêm*, которая связывается с инфинитивами *plovati* или *plòviti*.

²⁰ F. Iveković, I. Broz. Rječnik hrvatskoga jezika, II. Zagreb, 1901.

²¹ Ђ. Даничић. Историја облика српскога или хрватскога језика до свршетка XVII вијека. Биоград, 1874.

²² J. Juranić. Srbohrvatsko-slovenski slovar. Ljubljana, 1955.

В древних текстах *plüti* употребляется наряду с *plävati* (Dan Živ. Save, 319).

В XV—XVIII вв. *plüti* в форме настоящего времени употребляется в штокавском Дубровнике (см. примеры из RJA), единственный пример встретился у боснийского писателя XVII в. Дивковича (Kur). Шире *plüti* представлен в чакавских говорах XV—XVIII вв.: о-в Хвар (Hektorović, 48), г. Сплит (Marulić, 256), г. Шибеник (Divnić—Kur.; Mrnarić osm., 39—RJA), г. Задар (Baraković vil., 339—RJA; Kavañin, 23^a—RJA), г. Сень (Vitezović prir., 60—RJA).

В XIX в. *plüti* находим в Истрии (Nar. pes. Istr., 2, 10; 2, 22—RJA) и у хорватов-чакавцев (Jačke, 299).

В обследованном материале по современным диалектам и литературному языку *plüti* не встретился.

Утрата глагола *plüti*, *plövem* в сербско-хорватском языке происходила, видимо, неравномерно. Утрачивался не весь глагол, а в первую очередь его инфинитивная основа. Она еще встречается у чакавских писателей XVII—XVIII вв. (Baraković vil., 25—RJA; Vitezović prir., 60—RJA), а в штокавском говоре Дубровника не встретилась ни разу, что дало повод А. Вайяну утверждать, будто сербско-хорватскому языку неизвестна основа *plu-*²³, кроме *plüta* 'пробка' и производного от него глагола *plütati*. Во-вторых, *plüti*, *plövem* сначала утрачивался в штокавских говорах и позднее в чакавских: самые поздние штокавские примеры с *plövem*, которыми мы располагаем, относятся к XVIII в., а чакавские — к XIX в.²⁴

О семантическом значении *plüti* периода древних рукописей уже говорилось в разделе о *plävati*. В XV—XIX вв. словари и тексты дают *plüti* в обоих значениях 'natare' и 'navigare'. Кроме того, у штокавских и чакавских авторов он встречается в значении 'течь, струиться' о жидкости и в метафоре о богатстве, счастье и т. п. Это значение *plüti*, видимо, книжное, так как в фольклоре примеров с этим значением нет (Marulić, 256—RJA; Divković nauk., 43, 45—RJA; Hektorović, 112—RJA; Kavañin, 192^b—RJA и др.).

Нужно отметить, что для основы настоящего времени *plöve* искони было характерно значение 'свойство держаться на воде, способность субъекта плавать': „Sve, što leti, hodi i plove“ (Đordić uzd., 91—RJA); „Što gre, lete, plove u vodi“ (Kavañin, 23—RJA); „Na mu službu... stoji sve što leti, plove i hodi“ (Gundulić, 244—RJA).

Приставочных глаголов от *plüti* известно девять. Все они, кроме *natpluti*, *otpluti* и *raspluti se*, даны в RJA. Три из них — древнесербские глаголы, зафиксированные словарем Даничича: *dopluti*, *prepluti*, *pripluti*. Пять глаголов дает словарь XVII—XVIII вв. Витезовича: *ispluti*, *natpluti*, *otpluti*, *spluti*, *zapluti*, и глагол *raspluti se* назван в упоминавшейся статье Курелца. Все эти глаголы перфективные.

Приставочные глаголы от *plüti* в древнесербских текстах употреблялись наряду с приставочными от *plüti*, однако первые (вероятно, книжные) встречаются чаще.

В XV—XVIII вв. некоторые из приставочных от *plüti* изредка встречаются в чакавских текстах: *ispluti*, *spluti*, *prepluti*, последний глагол сохранился до XIX в. (Ant. Dalm. Nov. tešt., 171—RJA; Baraković vil., 285—RJA; Kavañin, 63^a—RJA; Jačke, 82). В штокавских текстах XV—XVIII вв. приставочные от *plüti* не встретились.

²³ A. Vaillant. La langue de Dominko Zlatarić... стр. 312.

²⁴ В одном примере из чакавских говоров XIX в. встретилась форма наст. вр. *pluje* (Jačke, 299). Здесь, очевидно, сказалось влияние соседнего словенского языка, в котором *pluti* имеет две формы наст. вр. *plujem* и *plovem*.

Pliti, plijem. Зафиксирован в словарях XVI—XIX вв; отражающих штокавское и чакавское наречия: Вранчица, Микаля, Белли, Стулли. У Вука он отмечен как местный глагол Рисны (Адриатическое побережье Черногории). Находим *pliti* в некоторых словарях XX в. Броза — Ивековича, Ристича—Кангрги²⁵, Бакотича²⁶ и Даире—Деановича—Мэкснера. Хотя *pliti* нет в древнесербском словаре Даничича (дается только приставочный *otpliti*) и нам он не встретился в свободном состоянии в текстах древней письменности, есть мнение, что этот глагол, соответствующий русскому *плыть*, чешскому *plyti*, является древнесербским²⁷. Его отсутствие в древних памятниках письменности можно объяснить тем, что *pliti* принадлежал к народно-разговорной лексике, которая с трудом проникала в древнесербскую письменность, находившуюся под сильным влиянием церковнославянского языка. С другой стороны, включение *pliti* в сербско-хорватские словари XX в. ничем не оправдано, так как для современного языка это, бесспорно, архаизм, причем уже непонятный архаизм²⁸.

Большинство примеров с *pliti* из штокавских говоров Дубровника XV—XVIII вв. (Zborn. 1520, 133^a—RJA; D. Rašina, 13^b, 58^b, 91^b, 3, 25^a—RJA; Palmotić, 2, 27; 1, 125—RJA; Gundulić, 450—RJA; Čubranović, Dubr. p., 97; Vetranić, 1, 61—RJA; Đorđić salt., 481—RJA; Posl. Danič.—RJA и др.); Сербии начала XIX в. (К., I, 37; К. Prip., 131); Черногории начала XIX в. (Pjev. crn., 136^b—RJA).

Находим следы *pliti* в современных чакавских говорах. Белич отмечал этот глагол в чакавских говорах в начале века²⁹; зафиксирован он и в современном говоре о-ва Суска³⁰. Кайкавскому говору *pliti* неизвестен.

По своему морфологическому строению *pliti, plijem* тождествен глаголу *plüti, plòvëm*, вариантом которого он считается³¹. По семантическому значению *pliti* тоже близок к *plüti*. В большинстве примеров *pliti* выступает в значении 'natave', и только в одном примере дубровницкого автора XVIII в. находим его в значении 'navigare' (Gležević, 65—RJA), приставочные же от *pliti* постоянно употреблялись в последнем значении. У дубровницких авторов *pliti* встречается в том же значении, что и *plüti*—'течь' и в метафорических выражениях в значении 'плыть, плавать в крови, в слезах, в богатстве' и др.

Приставочных глаголов от *pliti* известно девять, все они перфективные: *dòpliti, dòplijem; ispliti, isplijem; nàpliti, nàplijem; otpliti, otplijem; popliti, poplijem; prèpliti, prèplijem*³²; *ràspliti, ràsplijem(se); spliti, splijem(se); upliti, uplijem*. Их находим в словарях от Даничича до Бакотича и в текстах XV—XVIII вв. Дубровника, Сербии, Боснии

²⁵ С. Ристић, Ј. Кангрга. Речник српскохрватског и немачког језика. Београд, 1928.

²⁶ Л. Бакотић. Речник српскохрватског књижевног језика. Београд, 1936.

²⁷ См. Г. Ульянов. Значения глагольных основ в литовско-славянском языке, I. Варшава, 1891, стр. 158: "... русскому *плывет* в древнесербских памятниках соответствует *плиешь, плије* (при инфинитиве *плити*)".

²⁸ В сборнике старой дубровницкой поэзии, изданном в 1956 г. в Белграде, *pliti* включен в список непонятных слов и переводится глаголом *plivati* (см. "Дубровачка поезија". Београд, 1956, стр. 297).

²⁹ А. Белич. Заметки по чакавским говорам, стр. 82.

³⁰ См. Ј. Намт, М. Нгасте, Р. Губерина. Govor otoka Suska, стр. 172: *pliti, ja plijen, sen plil*.

³¹ См. сноску 2, а также А. Vaillant. La langue de Dominko Zlatarić..., стр. 342 и RJA, т. X, стр. 66.

³² Было два глагола *prepliti*; они отличались семантикой (ударение у второго неизвестно): 1) переплыть — „More (u) žmuli *pripliti*“ (место *preplit* — Gilf., 48); 2) исчерпать, вычерпать — „Malijem sudom *pripliti more*“ (Posl. Danič.—RJA).

и Герцеговины. Ни одного из этих глаголов нет в современном литературном сербско-хорватском языке, они утратились в основном к XIX в.³³ В XIX в. еще можно найти *prepliti* в Боке Которской (K. prip., 299) и *spliti se* 'случиться' в Боснии (Zborn. za nar. živ., 6, 147—RJA).

Plivati, plivâm. Наиболее раннее упоминание об этом глаголе встречаем в словаре XV в. Бернардина³⁴. Далее его дают словари XVI—XVIII вв. Вранчича, Микаля, Витезовича, отражавшие, как и словарь Бернардина, чакавские говоры. В словаре XVIII в. Белостенца, отразившем особенно полно все три диалекта сербско-хорватского языка, *plivati* еще не признается общесербско-хорватским глаголом, Белостенец считает его далматинским словом. В начале XIX в. *plivati* отмечается еще не всеми словарями: у Стулли он есть, а у Вольтижи его нет. Начиная со словаря Вука (1818), его уже дают все словари. В современном сербско-хорватском языке *plivati* — основной глагол, наряду с *plòviti*, обозначающий плавание.

Что касается текстов, то они фиксируют *plivati* в XV—XVI вв. в основном на территории чакавской Далмации (Kačić, 27, 184; Bernardin, 95—RJA) и штокавского Дубровника (M. Držić, 66, 69, 333—RJA; Vetranić. Durb. p., 101; D. Rašina, 58^b—RJA). В XVII—XVIII вв. *plivati* находим во всех штокавских областях: Сербия (Obradović, 49), Черногория (Njegoš, 47), Босния (Divković bes., 154—RJA; Gilf., 73, 90, 98 и т. д.), Славония (Relković, 153); в чакавских говорах Сплита (Kavašin, 21—RJA), Задра (Barabović vil., 106—RJA), Сень (Kuharčević, 101—RJA), во внутренних чакавских говорах (Nov. Aleks., 277), а в XIX в. *plivati* находим и в остальных областях чакавских говоров — в Истрии (Nar. pes. Istr., 1, 7—RJA) и в Хорватском приморье (Bogiš., 346).

В кайкавский диалект *plivati* проникает позже: в фольклоре XIX в., записанном Кукулевицем-Сакцинским, он не встретился, в современных чакавских песнях *plivati* уже есть (Žganec, 131). Таким образом, *plivati* в настоящее время является общесербско-хорватским глаголом, известным всем трем диалектам сербско-хорватского языка.

Сербские грамматисты называют *plivati* в числе тех глаголов, которые образованы от простых глаголов с помощью суффикса *-va*³⁵. Действительно, с точки зрения современного языка такие глаголы, как *plivati, plivâm; spávati, spávâm; pèvati, pèvâm*, образованы от односложных глаголов, ныне утраченных в языке, *pliti, plijêm; spàti, spîm; pèti, pòjêm* с помощью суффикса *-va*. Однако под внешним единообразием здесь могут скрываться различные по своему происхождению и грамматическому значению явления. Глагол *spávati*, например, образован с помощью суффикса *-va*, о чем свидетельствует перенесенное долгое ударение с суффикса и отсутствие промежуточной стадии *spávati* с наст. вр. *spîm*. *Plivati* же могло быть иного образования: под влиянием формы наст. вр. *plijêm* в инфинитиве *pliti* появился *-j-* (**plijati*), переходивший обычно в *-v-*. Таким образом появился инфинитив *plivati* с формой наст. вр. *plijêm*, которая существовала в ранние эпохи сербско-хорватского языка³⁶. Позднее, к XV—

³³ В RJA указывается, что глагол *ispliti* известен сербско-хорватскому языку от древних времен до XVIII в. (RJA, III, 1932). Как показывают примеры, данное замечание справедливо и для других глаголов из этого ряда, например, *dòpliti, otpliti, prepliti, upliti*.

³⁴ Bernardin Splićanin. Lekcionar. Venecije, 1495 (по указанию RJA).

³⁵ См. Т. Maretić. Gramatika i stilistika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika. Zagreb, 1931, стр. 345.

³⁶ См. A. Vaillant. La langue de Dominko Zlatarić..., стр. 341.

XVI вв., наблюдаем обратное влияние инфинитива на презентную основу — выравнивание основ, в результате чего имеем *plivati*, *plivâm*³⁷. Наличие промежуточной стадии *plivati*, *plijem* затруднительно объяснить суффиксальным образованием.

Так или иначе, в сербско-хорватском языке до XV—XVI вв. существовала целая группа глаголов с парными основами, где первый глагол был простым двусложным, а второй отличался от него суффиксом *-va-*: *pliti* — *plivati*, *spâti* — *spâvati*, *dûti* — *dûvati*³⁸, *pèti* — *pèvati*. Судьба этих пар была одинаковой: в XV—XVI вв. двусложные глаголы утратились, в языке сохранился только трехсложный глагол. Каков был характер соотношения между этими глагольными парами и было ли это соотношение одинаковым у всех пар — сказать трудно. Возможно, глаголы, образованные суффиксом *-va-*, выражали длительное действие³⁹. Например, *spâvati* в языке галипольских сербов, в котором сохраняются черты XVI—XVII вв., явно обозначает длительное действие, а *spâti* — простое: „Naduli se oči ti, mlogo si *spavo*“ (Р. Ivić, 248)⁴⁰; „Lego da *spim*“ (там же, 245). Глаголы, образованные не суффиксацией, сами по себе могли не иметь значения длительности, однако под влиянием глаголов с суффиксом *-va-* они могли иногда восприниматься как длительные (см. ниже, стр. 141).

Семантика *plivati* с момента возникновения этого глагола не оставалась неизменной, она эволюционирует по сей день. С одной стороны, семантика *plivati* сужается: он „уступил“ часть значений глаголу *plòviti* ('navigare' и 'natate' о некоторых субъектах. См. ниже, § 5). В XV—XVII вв. *plivati* можно встретить еще в значении 'navigare' (Nov. Aleks., 277; Oliva, 18—RJA; Terzić, 355—RJA) и 'natate' (о судне (М. Držić, 66—RJA; Bernardin, 95—RJA). В XVIII в. и тем более в XIX в. таких примеров уже нет (исключение составляют лишь некоторые области, где *plivati* был единственным глаголом, обозначающим плавание. См. § 5).

С другой стороны, *plivati* как продуктивный глагол, ставший из „далматинского“ глагола общесербско-хорватским, с течением времени обогащался все новыми значениями и в современном литературном сербско-хорватском языке имеет ряд переносных значений. Как самое старое переносное значение *plivati* отметим: 1) 'плавать, купаться в бо-

³⁷ М. Решетар („Der štokavische Dialekt“. Wien, 1907, стр. 204) относит основу *plivâm* к XVI в. Он отмечал *plivati* наряду со старой формой наст. вр. *plijem* в современном ему Прчане (Черногорское приморье).

Надо сказать, что *plivati* в форме наст. вр. *plivâm* встречается и до XVI в. у Ветранича, Држича: „Korabje *plivaju*, nih vitrom svakime“ (М. Držić, 66—RJA), хотя в то же время у других дубровницких авторов *plivati* употреблялся в старой форме наст. вр. *plijem*: „Ter kdi *pliju* bez uresa“ (Palmotić—Kur.). В большинстве случаев, если употребляются оба глагола, трудно определить, к какому инфинитиву относится *plije* — к *pliti* или *plivati* (здесь мы положились на мнение Курелца — см. Fr. Kurelac. Brajanica ili drugih deset glagolskih zrnac, стр. 63). В пословицах Боснии XVI в., собранных Гильфердингом, *plije* является формой настоящего времени к инфинитиву *plivati*, так как в одинаковом значении здесь постоянно находим в инфинитиве *plivati*, а в настоящем времени — *plije*: „Nekomu plute tonu, a nekomu olova *plije*“ (Gilf., 59); „Ne umie osao *plivat* dokle mu se uši ne naliju“ (Там же, 54).

³⁸ Хотя RJA считает, что *duvati* образован от существительного *duh* + суффикс *-a-* (*duhati/duvati*), нам кажется более вероятным отглагольное образование *duvati*, а *duhati* — диалектный вариант *duvati*.

³⁹ RJA (t. XVI. Zagreb, 1956, стр. 7) считает *spâvati* итеративом к *spâti*, утратившим ныне свою итеративность.

⁴⁰ См. П. И в и љ. Систем значења основних претериталних времена у говору галипольских Срба. — ЈФ, XX, Београд, 1953—1954, стр. 228—262.

гатстве, слезах' и т. п. Примеры с этим значением находим в XVI—XVIII вв. в Далмации, Боснии, Славонии, Сербии (Baraković vil., 353—RJA; Kuhačević, 101—RJA,; Divković bes., 26—RJA; Obradović, 49); 2) 'течь' о жидкости и в метафоре — о богатстве и пр. — в Славонии XVIII в. и в Дубровнике XVII—XVIII вв. (Relković, 21; Palmotić, 1, 260—RJA; Gundulić, 143—RJA); 3) 'находиться, плавать в тумане' — в Славонии в XVIII и в XIX в. (Došen, 260—RJA; Kostić, 16). Ряд значений *plivati* отмечен только у писателей Славонии XVIII в.; 4) 'возвышаться над кем-то, владычествовать' (Došen, 72^b, 107^a—RJA); 5) 'толпиться, тесниться' (Došen, 206^a—RJA).

По свидетельству словарей, от *plivati* имеется два ряда приставочных глаголов: имперфективные (10 глаголов), известные из словарей XVIII—начала XIX в. Белли и Стулли и перфективные (11 глаголов), фиксируемые словарями с XVI в. и до наших дней.

Белли и Стулли соотносят по виду имперфективные глаголы от *plivati* с приставочными перфективными от *pliti* и реже с соответствующими приставочными имперфективными от *plivati*. Ниже дается таблица соответствий глаголов по виду, составленная на основании указаний словарей Белли и Стулли. В квадратные скобки взяты глаголы, не зафиксированные этими словарями, встретившиеся в единичных примерах и отмеченные RJA или только названные каким-то одним словарем, без соответствующего примера. Звездочкой помечены глаголы с одинаковыми семантическими значениями; двумя звездочками — глаголы, значения которых совпадают частично. Линиями соединены глаголы, соотносимые по виду. Если соотносимость глаголов по виду подтверждается только имеющимися у нас примерами и не подтверждается словарями, линии берутся в квадратные скобки.

Перфективные от <i>pliti</i>	Имперфективные от <i>plivati</i>	Перфективные от <i>plivati</i>
[dòpliti, dōplijēm]*	doplivati, dōplivām	dòplivati, dōplivām *
ispliti, isplijēm —————	isplivati, isplivām —————	isplivati, isplivām
nāpliti, nāplijēm —————	nāplivati, nāplivām	nāplivati, nāplivām (др. значение)
[natpliti, natplijem] —	natplivati, natplivam	
	natplivati se,	
	nātplivām se * —————	nātplivati, nātplivām *
otpliti, · otplijem ** —	otplivati, otplivam	otplivati, otplivam **
popliti, poplijem * ———	poplivati, poplivam	poplivati, poplivam *
upliti, uplijem [———]	uplivati, uplivam	uplivati, uplivam
raspliti se,	rasplivati se,	
rasplijem se *	rasplivam se *	
spliti se, splijem se [—]	splivati, splivām	
prèpliti, prèplijem **	preplivati, preplivām	prèplivati, prèplivam **
		priplivati, priplivam
		pròplivati, pròplivām
		zàplivati, zàplivām

Вопреки указаниям словарей (Белли, Стулли и за ними RJA), мы склонны считать имперфективные приставочные глаголы с основой *pliva-* не приставочными образованиями от глагола *plivati*, а суффиксальными от перфективных приставочных от *pliti*, и вот по каким соображениям.

Сравним для начала два ряда глаголов: имперфективные приставочные с основной *pliva* и перфективные приставочные с той же основой⁴¹. Очевидно, что имперфективные и перфективные приставочные глаголы с основой *pliva* разного образования.

Для того, чтобы считать их двувидовыми глаголами нет никаких оснований, поскольку, как видно из таблицы, имперфективные приставочные глаголы с основой *pliva-* были связаны с соответствующими приставочными перфективными от *pliti* и, напротив, за единичными исключениями, не составляли видовой корреляции с перфективными приставочными от *plivati*. Кроме того, они не имели общих семантических значений с перфективными глаголами от *plivati* и отличались от них ударением. Если же ударение у них было одинаковым, то они различались семантическим значением: имперф. *nàplivati*, *nàplivâm* 'вливаться', 'наполнять', 'наливать'; перф. *nàplivati*, *nàplivâm* 'поплыть (начать плыть)'.

Место ударения в имперфективных приставочных глаголах свидетельствует об их суффиксальном образовании: ср. имперф. *doplivati*, *isplivati* (переносное долгое ударение с суффикса, ср. также имперф. *doplávati*) и перфективные приставочные от *plivati*: *dòplivati*, *isplivati* (переносное краткое ударение с основы).

О том, что приставочные глаголы от *plivati* (и *plávati*) не воспринимались в XVIII—XIX вв. как имперфективные глаголы, свидетельствуют случаи суффиксального образования от них имперфективных глаголов: *preplivati* — *preplivljavati* имперф. (ср. *isplavati* — *isplavavati* имперф.).

Приставочные перфективные от *plivati* фиксируются словарями XVI—XVIII вв. Вранчица, Микаля, т. е. значительно раньше, чем имперфективные с основой *pliva-*, которые появляются только в словаре Белли (1728) и затем Стулли (1801—1810), хотя исследователи сербско-хорватского языка отмечают, что образование имперфективных глаголов с помощью суффиксов *-va-*, *-iva-* и т. д. относится к XIV—XV вв.⁴² Нужно заметить, что в XVIII в. образование таких видовых корреляций в приставочных глаголах было, видимо, явлением актуальным, поскольку словари и тексты именно в это время фиксируют такие суффиксальные образования как *isplovavati* (Белостенец, 1740), *preplivljavati* (Обрадович, RJA), которые не удержались в языке. Видовая корреляция приставочных от *pliti* и их имперфективных с суффиксом *-va-* не была долговечной. С утратой бесприставочного *pliti* исчезают и приставочные от него, а за ними и суффиксальные имперфективные глаголы.

В современном языке имперфективных глаголов с основой *pliva-* нет, кроме двух очень редких: *splivati* (средняя Далмация) в метафоре 'приходить (о пользе)'; 'собираться' (RJA) и *uplivati* 'входить, проникать' (Бакотич. Речник).

Plòviti, *plòvîm*. Засвидетельствован словарями с XVII в. (Микаль, Белли, Стулли, Вольтижи). Нет *plòviti* в двух словарях XVIII в. — у Витезовича, отразившего чакавский и кайкавский диалекты, и в словаре Белостенца, слабо отразившем лексику юго-восточных штокавских областей. Находим *plòviti* в словаре Вука (XIX в.) и далее уже во всех словарях современного сербско-хорватского языка. Наряду с *plivati* это основной глагол для выражения плавания в современном литературном сербско-хорватском языке.

⁴¹ А. Б е л и њ. Историја српскохрватског језика, књ. II, св. 2. Београд, 1951, стр. 87.

⁴² Там же, стр. 66.

До XIX в. *plòviti* встречается лишь в единичных примерах (Vetrančić, 2, 19—RJA; Menčetić. Dubr. p., 28; Hektorović—Kur.). Обращает на себя внимание тот факт, что большая часть примеров XIX в. с *plòviti* из фольклора, в основном из юго-восточных областей Сербии. У галипольских сербов, являющихся носителями говоров северной Сербии XVI—XVII вв., *ploviti* нет. Здесь о судне говорится *пливати*: „Пампур (=пароброд) *плива* у мора“⁴³. Наиболее ранние примеры из штокавских песен, включенных Караджичем в I и II тома (K., I, 212, 247, 329, 492, 528; II, 329, 426). Находим *plòviti* и в сербском фольклоре, записанном Новаковичем (Nov. S. z., 37).

В чакавском фольклоре находим *plòviti* с XIX в., но только с приставками (Nar. pjes. Istr., 2, 3—RJA; Jačke, 158—RJA; Pl.-Herdv., 94).

В кайкавском фольклоре *plòviti* находим уже в наши дни (Žganec, 277). В словенском языке *ploviti* нет⁴⁴.

Ploviti образован от основы настоящего времени *plove-* (при инфинитиве *pluti*)⁴⁵. Возможно, что в некоторых областях, где сохранялась основа *plòve* (и был утрачен инфинитив *plūti*), ее ошибочно связывали с инфинитивом *plòviti*, так как в словарях Белли и Стулли на глагол *plòviti* наряду с формой настоящего времени *plòvīm* приведены примеры с *plòvēm*, *plòvēte*.

В семантике *plòviti* в XIX в. и ранее преобладающим и главным было значение ‘navigare’ и ‘natate’ о судне (K., I, 47, 64, 92, 513, 528), хотя он мог выражать движение в воде людей, животных (K., I, 329, 571, 586), рыб (Pl.-Herdv., 94). Позднее круг субъектов, о которых говорится *plòviti*, сузился, что связано с распределением значений между ним и глаголом *plāvati*. В современном литературном сербско-хорватском языке *plòviti* в основном означает движение судна и людей на судне (см. § 6). То же в общем можно сказать и о значении *plòviti* в говорах (‘navigare’: Čajk., 142; Žganec, 227), однако здесь можно встретить примеры, недопустимые в литературном сербско-хорватском языке, когда *plòviti* говорится о человеке: „Opet plovi mlada Radojica“ (Petr. Gruža, 402).

Переносные значения *plòviti* определяются его основным значением ‘navigare’. 1. *Plòviti* передает такие движения, которые напоминают или сравниваются с движением корабля: а) о небесных телах, облаках (M. Nikolić, 14; B. Čorić, 106); б) о птицах, парящих в небесах (Vidrić. Mod. lir., 18); в) о человеке, если у него плавная походка, или о толпе людей, движение которой кажется плавным (Đurđević. Dubr. p., 16; Kostić, 147); г) о листьях и т. п., летящих по ветру (B. Čorić, 309; Andrić, I, 52). В метафоре, аллегории *plòviti* выражает: а) мнимое движение тел в пространстве (Kostić, 69); б) ‘купаться, утопать в неге, красоте, зелени’ и т. п. (Kostić, 14). Словари отмечают еще два переносных значения *plòviti*: ‘течь’ (RJA) и ‘купать коня, ведя его по реке рядом с бревном’ (Караджич).

Приставочных глаголов от *plòviti* известно девять: *doplòviti*, *dòplovīm*; *isplòviti*, *isplòvīm*; *naplòviti*, *nàplovīm*; *oploviti*, *oplovīm*⁴⁶; *otplòviti*, *òtplòvīm*; *poploviti*, *poplovīm*; *preplòviti*, *prèplovīm*; *zaploviti*,

⁴³ См. П. Ивић. О говору галипольских Срба. Београд, 1957, стр. 324.

⁴⁴ См. „Jezik in slovstvo“, let. 2, št. 4, Ljubljana, 1956—1957, стр. 189.

⁴⁵ См. Г. Ульянов. Значения глагольных основ в литовско-славянском языке, I, стр. 158 и A. Vaillant. La langue de Dominko Zlatarić..., стр. 312.

⁴⁶ Этого глагола словари не дают, он встретился в переводном тексте в значении ‘объехать на судне вокруг чего-то’: „Odlučio sam da... *oplovīm* oko ostrva“ (на лодке) (Defo, 77).

*zaplovim*⁴⁷; *uploviti*, *uplovim*. Большую часть из этих глаголов находим в словарях начиная с Вука и в современных словарях. *Naploviti* зафиксирован раньше — у Микаля, Белли и Стулли. У двух последних находим также глаголы *otplòviti* и *poploviti*. Все приставочные от *plòviti* перфективные. RJA отмечает, что в двух примерах *preplòviti* в значении 'ploviti' выступает как имперфективный глагол (Rajić rouč., 1, 35^a — RJA; Vuk d. op., 27, 5 — RJA).

Словари XVIII — начала XIX в. Белли и Стулли отмечают суффиксальные имперфективные глаголы: перф. *poploviti* — имперф. *poplovivati* (Стулли) и *poplovlivati* (Белли) и перф. *preplòviti* — имперф. *preplovlivati* (Nar. pjes. Vuk. 6, 500 — RJA). Подобные суффиксальные образования встречаются позднее (XIX—XX вв.) и от других глаголов: „U skadar su tada *uplovljavale* kroz Bojanu bogate šajke i demije“ (Nušić, 372); «Uveče 4 avgusta komandant „Altmarka“ pozvao je prvog oficira i saopštio mu kratko da se sutra *ispovljava*» („Borba“, 24. III 1957, 12).

Plovati, *plovam*. Этот глагол находим в RJA без акцента и без указаний на время и место его употребления. Зафиксирован в двух словарях — Белли (XVIII в.) и Вольтижи (начало XIX в.). Примеры с *plovati* находим у дубровницких авторов XV—XVIII вв., встретился он также у чакавского писателя конца XVII — начала XVIII в. Каванина (Сплит). Видимо, это был книжный глагол, причем дубровницкий.

Вайян считает, что *plovati* образован от основы *plòve*, а от него современный глагол *plòviti*, *plòvîm*⁴⁸. Однако трудно представить, чтобы от дубровницкого *plovati* был образован глагол *plòviti*, употребляющийся в юго-восточных штокавских областях и не встречающийся в Дубровнике XVIII—XIX вв. (находим *plòviti* у дубровницких писателей XV—XVI вв. Ветранича и Менчетича).

Глаголом *plovati* выражалось самое общее движение любого субъекта (Menčetić-Držić, 510 — RJA; Gundulić, 405 — RJA; Kavañin, 243 — RJA; Kalić prop., 137 — RJA; Pavić ogl., 17 — RJA; Bobalević. Dubr. p., 43).

Plovati встречается и в переносном значении: 'утопать (в роскоши и т. п.), погрязать'. Ср. аналогичные значения у *plùti*, *pliti*, *plivati* (Đorđić salt., 108 — RJA; Kavañin, 240^b — RJA).

Приставочные глаголы от *plovati* неизвестны, кроме двух: *doplovati* (перф.) в единственном примере из Менчетича-Држича и *isplovati* (перф.), который в современном говоре Лики (Хорватское приморье) употребляется в специфическом значении 'выиграть игру', „plovanje“ (возвратный *isplovati se* 'вдоволь наиграться' в ту же самую игру).

Plùtati, *plùtâm*. Находим его в словаре Белли (XVIII в.), Стулли, Вука (XIX в.) и далее его дают все большие словари современного сербско-хорватского языка. Встречаем его в штокавских говорах Сербии (K. posl., 201), Дубровника XVIII в. (Zuzeri, 292 — RJA), о-ва Млет (Zak. Mletski — Kur.) и в чакавских говорах Хорватского приморья (Hrv. nar. pjes., 1. 333 — RJA; Della-Bella razg., 17, 198 — RJA), Сплита XVII—XVIII вв. (Kavañin, 170^a, 438^b — RJA).

А. Вайян считает *plùtati* диалектным глаголом и возводит его непосредственно к *plùti*⁴⁹. Оба эти утверждения вызывают сомнения.

⁴⁷ Этого глагола словари не дают, однако он встречается в XIX в. и в современном языке в значении 'начать плыть (плавать)': „A u vodu *zaplovio* Savu“ (K. IV, 67); „*Zaplovili* smo na otvoreno more“ („Borba“, 8. IX 1957, 4).

⁴⁸ A. Vaillant. La langue de Dominko Zlatarić..., стр. 313.

⁴⁹ Там же, стр. 312.

Во-первых, считать *plùtati* принадлежностью какого-то одного диалекта нельзя: как мы видели, он известен и штокавскому и чакавскому диалектам. Во-вторых, семантика *plùtati* свидетельствует о том, что он образован не от *plùti*, а от существительного *plùto* 'пробка, пробковое дерево'⁵⁰, которое в свою очередь восходит к *plùti*⁵¹.

Основное семантическое значение *plùtati* — 'способность держаться на поверхности воды, плавать по воде, как пробка, не тонуть', т. е. *plùtati* обычно употребляется, когда речь идет о предмете, который благодаря своим физическим свойствам не тонет в воде. „Nekome i pluto tone, a nekome i olovo *pluta*“ (K. posl., 201); „U moru kde *pluta* koja mu drago stvar (Zak. Mletski — Kur.); „Kad u pinive valove uzavri (t. j. more), tad sve vode potištene, sva gñila drva, sve mrčine vide se *plutati*“ (Della Bella razg., 17 — RJA).

Иногда семантическая окрашенность *plùtati*, унаследованная им от *pluto*, стирается, и он означает движение человека, судна по поверхности воды „Baci Juru u more debelo, ali Jure po moru *plutaše*“ (Hrv. nar. pjes., 1, 333 — RJA); „Stavi, da ćeš ku nazriti ti korablu, ka na vodi *pluta*“ (Kavañin, 438^a — RJA).

В переносном значении *plùtati* встретился у одного автора XVIII в. Зузери (Дубровник) — 'возносить себя над всем окружающим, заносчиво себя вести'; ср. близкое значение *plivati* (Zuzeri, 32, 102, 285 — RJA).

Приставочные от *plùtati* редки. Известно четыре приставочных глагола: *dòplutati*, *isplutati*, *otplutati*, *poplutati*, как указывает RJA, они употреблялись и употребляются в Дубровнике.

Plàviti, *plàvìm*. Отмечаем его как однокоренной с рассмотренными выше глаголами. Судя по акценту, этот глагол известен сербско-хорватскому языку до XV в. Основное значение в современном сербско-хорватском языке 'затоплять, наводнять', однако некоторые словари отмечают значение 'плыть, плавать' (Стулли, Бакотич, RJA)⁵². Примеров с этим значением мало, они из Дубровника XV—XVIII вв., из чакавской Далмации, Истрии (XIX в.) и Хорватии (XVII в.). *Plàviti* 'natare' и 'navigare': „Kako *plavim* bez brođara“ (Palmotić — Kur.); „*Plàvi*, *plavi* plavčica i doplavi mladića“ (Nar. pjes. Istr., 2, 162 — RJA); „Er, je more sozdano, neka ga svak *plavi*“ (Vetranić, 1, 215 — RJA); „Ki bi to bi rekao do tak mudre glave, ki se j' umom *plave*“ (Zrinski, 205).

Большинство приставочных от *plàviti* (всего их 10) связаны со значениями 'наводнять, затоплять'.

Plàviti se, *plàvìm se*. Видимо, правильнее рассматривать его как самостоятельный глагол (как это делает в своем словаре Вук), а не как возвратный от *plàviti* (RJA), поскольку он имеет специфическое значение, далекое от основного значения *plàviti*. *Plàviti se* отмечается словарями Вука, Ристича—Кангрги в значении 'плыть по течению' или 'плыть, плавать' (RJA). Ср. древнерусское *плавитисѧ* 'плавать'⁵³.

⁵⁰ *Plùto* (*plùto*) — очень древнее образование. А. Мейе отмечает, что в общеславянском было немало отглагольных образований такого типа (см. „Общеславянский язык“, стр. 284). Сербское *plùto* засвидетельствовано многими словарями, начиная с Микаля XVII в. и кончая современными словарями. Именные образования с тем же корнем и тем же близким значением находим в современном словенском языке *pluto* 'пробковина', в русских говорах (архаичное, черноморское) *плутъ*, *плутево*, *плутиво* 'поплавок к сетям' (Даль, т. III), в старославянском *плутѣ* 'флот' (Г. М. Дьяченко. Полный церковнославянский словарь. М., 1900).

⁵¹ См. E. Fraenkel. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1955, стр. 8.

⁵² Возможно, на семантику *plàviti* оказал влияние *plàviti se* с исконным значением 'плыть, плавать (по течению)'.

⁵³ См. И. И. Резневский. Материалы для словаря древнерусского языка, II, стр. 949.

Акцент свидетельствует о раннем происхождении *pläviti se*, во всяком случае до XV в. *Pläviti se* встречается у дубровницкого поэта XVI в. Ветранича и в старом сербском фольклоре.

Pläviti se во всех примерах означает движение судна или людей на судне: „Kobarļu kad ku vidim put od škoļa da se *plavi*“ (Vetranic, 1, 23—RJA); „Mi se u ponoći *plavļasmo* po adrijanskoj pučini“ (Vuk d. op., 27, 27—RJA); „Pjevajte gospodu pjesmu novu... koji se *plavite* po moru“ (Daničić is., 42, 10—RJA).

Приставочный глагол один: *preplaviti se, preplavim se*, который встречался в Дубровнике XV в. (Ветранич), на о-ве Хвар XV—XVI вв. (Луич): „Na zdravju do sada tamo se *preplavim*“ (Vetranic, 1, 169—RJA); „U kih (t. j. u ladama) brodeći vojska se *priplavi*“ (Lucić, 270).

Plitati, plitam. RJA считает его того же происхождения, что и глаголы *pliti, plivati, plöviti*. Это очень редкий глагол с узким семантическим значением. Его дает только словарь Микаля. В современном языке его нет. Примеры с ним находим только у трех писателей XV—XVII вв.: Газаровича, Богданича (Дубровник) и Марулича (Сплит). Значения *plitati* 'скитаться по морю', 'носиться по волнам': „Tada sgromi naše se vode, sto i pedeset dnih *plitaše* Noah na nima“ (Bogdanic, 6—RJA); „Malo jih će život shronit, ki *plitaju* more velo“ (Gazarović—Kur.).

Кроме того, *plitati* может иметь значение 'бродить, скитаться, шляться', выражая подлинное или мнимое движение (Marulić, 155; Gazarović, 108, 124—RJA).

Во всех примерах *plitati* обозначает неопределенно-длительное или повторяющееся движение. Приставочные от него не известны.

§ 3.

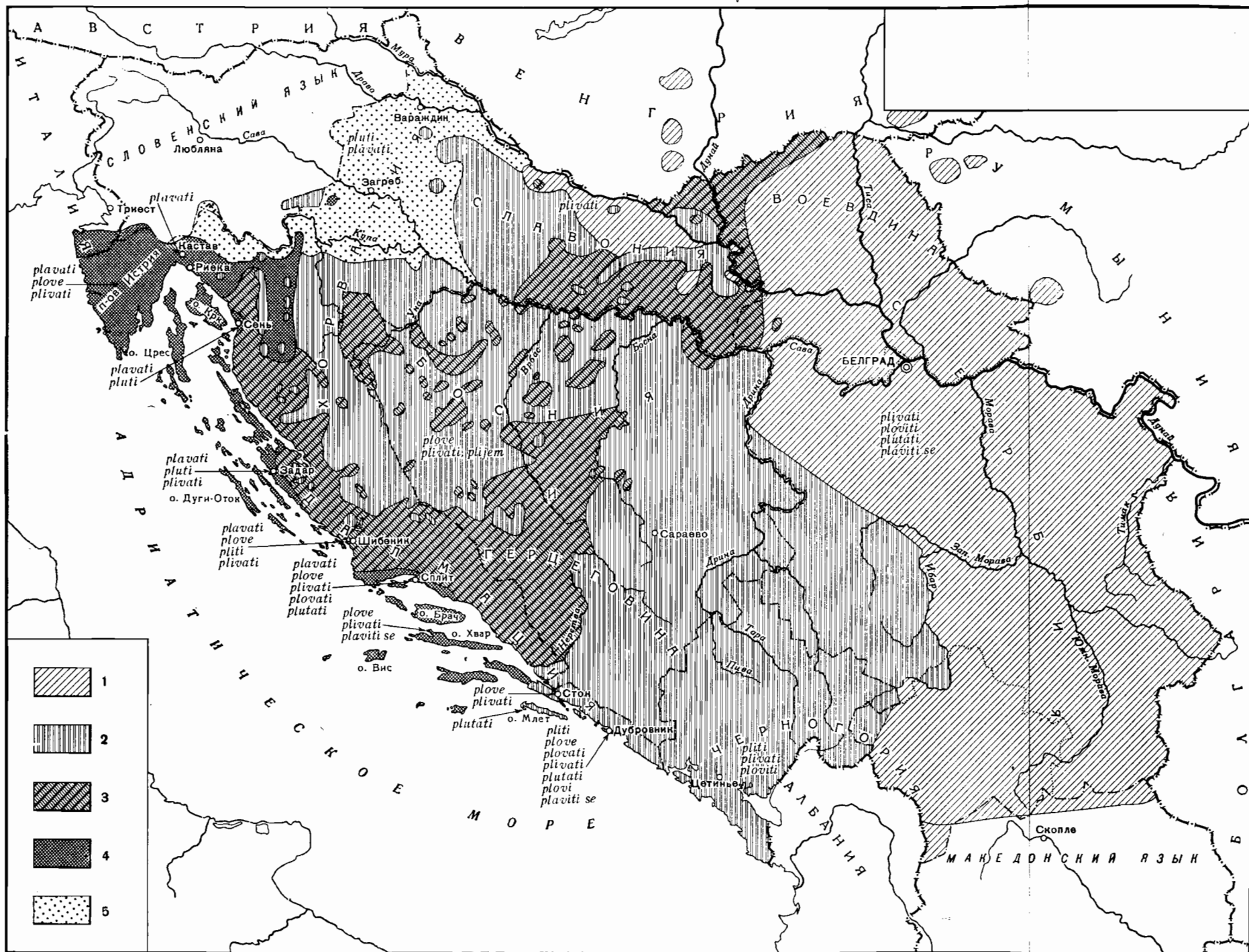
Образование глаголов с основами *plu-|pli-|plov-|plav-* (в значении 'плыть, плавать') в сербско-хорватском языке в XV—XIX вв.

До XV в.	<i>pläviti, plävím</i>	<i>pläviti se, plävím se</i>	<i>plävati, plävâm</i>	<i>plüti, plövëm (plüto)</i>	<i>plüti, plijëm plivati, plijëm</i>
XV—XVIII вв.				<i>plütati, plütâm</i>	<i>plivati, plivâm {plijëm}</i>
	<i>pläviti, plävím</i>	<i>{pläviti se plävím se}</i>	<i>{plävati, plävâm}</i>	<i>{plovati, plovam}</i>	<i>plitati, plitam</i>
				<i>pluti plovem</i>	<i>{plüti, plijëm}</i>
XIX—XX вв.	<i>[pläviti, plävím]</i>	<i>[pläviti se, plävím se]</i>	<i>{plävati, plävâm}</i>	<i>plöviti, plövím</i>	<i>plivati, plivâm</i>
				<i>plütati, plütâm</i>	<i>{plivati, plijëm} {plüti, plijëm}*</i>

* В квадратные скобки взяты глаголы, не имеющие в современном литературном сербско-хорватском языке значения 'плыть, плавать'. В фигурные скобки заключены диалектные или местные глаголы.

До XV в. тексты фиксируют только три глагола: *plävati, plüti* и *plüti* (последний только с приставками). Глаголы *pläviti, pläviti se* и *plivati, plijëm* мы считаем образованиями до XV в. на основании старого акцента.

В XV—XVIII вв. появляется ряд новообразований диалектного характера *plovati, plitati* и общесербско-хорватские глаголы *plöviti, plivati* (наст. вр. *plivâm*), *plütati*. Старые глаголы *plävati, plüti, plüti*

Географическое распределение сербо-хорватских глаголов с основами *plu-* | *pli-* | *plov-* | *plav-* в XV—XVIII вв.

1—3 — штокавцы: 1 — экавские говоры, 2 — екавские говоры, 3 — икавские, полуикавские, полужекавские говоры; 4 — чакавские говоры; 5 — кайшавские говоры.

становятся диалектными. *Plāviti* лишь изредка встречается в значении 'плыть — плавать' (при основном значении 'наводнять, затоплять'). *Plāviti se* 'плыть на судне' употребляется только в некоторых штокавских областях.

В XIX—XX вв. наряду с глаголами сербско-хорватского литературного языка *plòviti* и *plivati* (наст. вр. *plivâm*) встречаем старые диалектные глаголы *plāvati*, *pliti* и *plivati* (наст. вр. *plijêm*). Глаголы *plāviti se* 'плыть по течению' и *plùtati* 'плавать, держаться на поверхности' отмечают все большие словари сербско-хорватского языка, однако в текстах они не встретились.

§ 4. Теперь, когда рассмотрен каждый глагол и известны его семантическое значение, территория распространения и хронологические рамки, можно говорить о взаимодействии и соотношении глаголов в определенных диалектах и областях в каждую конкретную эпоху. Под соотношением глаголов понимается грамматическое соотношение между глаголами с одинаковой семантикой. При этом, если нет между глаголами четких корреляций, будет сделана попытка определить круг контекстов, в которых употребляется один и другой глагол, и случаи их параллельного употребления. Взаимодействием глаголов названо соотношение между глаголами с различной семантикой.

В древнесербских текстах XII—XIV вв. находим только два глагола *plāvati* и *plùti*, что, вероятно, объясняется влиянием церковнославянского языка, тем более, что примеры с этими глаголами встретились в текстах церковного жанра — житие св. Савы и летописи⁵⁴. *Plāvati* и *plùti* соотносятся здесь как глаголы длительно-повторяющегося, направленного движения и длительного, единичного, направленного движения: *Дньи ѿрк' плава кончегъ по водѣ кѣ мѣсца и .лї. Дньк* (St. Stari let., 125); *а снѣ прѣосвѣштеннѣ шьствоукъ по мороу отъ скетѣкъ богородице катонедьскыкѣ въ лавроу светааго атанасна пловы* (Dan. Živ. Save, 319).

Предположение о том, что *pliti* являлся разговорным, а *plùti* книжным глаголом (церковнославянизмом) подтверждают случаи параллельного употребления приставочных от них⁵⁵. В рукописи сербского писателя конца XIV—начала XV в. Даниила II находим *prèpluvbše*, который в другой его рукописи заменен *prèplyvbše*: „Zbluju buru vlyñenija prèplyvbše“ (*prèpluvbše*) (Danilo, 158 — RJA).

С XV в. до конца XVIII в. в сербско-хорватском языке насчитывается около десятка глаголов с основами *plu-/pli-/plov-/plav-*, обозначавших плавание. Особенным разнообразием основ отличается Адриатическое побережье — чакавская Истрия, Далмация и штокавский Дубровник.

Чакавское приморье отличается наибольшим количеством примеров, так как эти глаголы занимали не последнее место в лексике рыбаков и мореплавателей Истрии, Адриатического побережья и островов. Здесь в XV—XVIII вв. употреблялось в основном три глагола: *plāvati*, *plùti* и *plivati*. Кроме них, в некоторых районах встречались глаголы: *plāviti*, у которого 'плыть — плавать' было вторым значением (Далматинский тестамент), *plùtati* и *plitati* — глаголы с узкосемантическим значением (Сплит—Марулич, Каванин) и те же *plāviti*, *plùtati* (хорватские чакавцы —

⁵⁴ Сербские летописи по языку ближе к памятникам церковного жанра, чем к памятникам живого языка (грамотам, законникам). См. А. Майков. История сербского языка по памятникам, писанным кириллицей, в связи с историей народа. М., 1857, стр. 55. В грамоты и законники могли бы проникнуть разговорные, народные глаголы, но примеров на эти глаголы в них не встретилось.

⁵⁵ *Pliti* в бесприваочном состоянии в примерах XII—XIV вв. не встретился.

Делля-Белля). Нужно учитывать, что чакавская лексика испытывала двойное влияние: северо-западные чакавские говоры тесно связаны со словенским языком и кайкавским диалектом; восточные и южнодалматинские чакавские говоры больше связаны со штокавским диалектом⁵⁶.

На территории чакавского диалекта можно выделить ряд областей, которые представлены письменными памятниками XV—XVIII вв. Так, говор п-ова Истрия представлен поэтом XVII в. Главиничем. На чакавский говор Истрии, занимающий большую часть полуострова, оказывает влияние соседний кайкавский говор, здесь ощущается также примесь штокавского наречия, носителями которого являются переселенцы из Далмации, Боснии и Черногории⁵⁷. Центральные чакавские говоры отражает Петар Зрински (XVII в.). В его языке особенно заметно влияние кайкавской лексики⁵⁸. Говор Далмации отражает Далматинский тестамент и Качич-Миошич (XVIII в.), который может в равной мере считаться и штокавским и чакавским писателем⁵⁹. В северной и средней Далмации выделяются города: Сень, говор которого отражают писатели Витезович (XVII—XVIII вв.) и Кухачевич (XVIII в.); Задар представлен писателями XVI—XVIII вв. Зораничем, Будиничем, Баракевичем, Змайевичем. Говор Шибеника представлен писателями XVI—XVIII вв. Дивничем, Мрнавичем и Армолушичем. Хотя с XVI в. Шибеник относят к штокавским областям, чакавские элементы в XVII—XVIII вв. там еще удерживались⁶⁰. Это видно и на глаголах с основами *plu-/pli-/plov-/plav-*, состав которых был здесь таким же, как и на остальной территории чакавских говоров. О говоре Сплита судим по языку писателей XV—XVIII вв. Марулича, Каванина. На литературу Сплита оказывала большое влияние дубровницкая литература: в Сплите находим „дубровницкие“ глаголы *plovati* и *plivati*.

У *plāvati* и *plūti* можно наблюдать остатки коррелятивных отношений, как глаголов с основами неконкретного, ненаправленного и конкретного, направленного движения. Ср., например: „Plavajuće plava, leteće leti, greduće gre“ (Čet. posl., VII—RJA); „Ki *plavati* mogu“ (Ant. Dalm. nov. tešt., 1, 217—RJA); „Od prvih Grkof, ki *plaf plavati* po moru počaše“ (Zoranić, 52—RJA); „Pri će se vraćati ka vrilu vodu rik, po moru *plavati* od svih težina sik“ (Marulić, 53).

„Stavih brod krajem *plut*, podvigoh jidra skut“ (Baraković vil., 339—RJA); „Raci i još stonogi, kozice kih zovu, odpeljaše ih mnogi, i ti pri nas *plovu*“ (Pet. Divnić—Kur.); „Da bez škode po nas *plovu* niha driva“ (Kavašin, 567^a—RJA).

Plivati употребляется в чакавских говорах XV—XVIII вв. реже, чем *plāvati* и *plūti* (чаще всего встречавшегося в форме наст. вр. *plōve*). *Plivati* выступал в следующих значениях, дублируя то *plāvati*, то *plūti*.

1. Свойство субъекта держаться на воде обычно выражал *plūti*, для которого это значение было исконным, характерным⁶¹; в этом же

⁵⁶ См. М. Нрасте. Crtice o Marulićevoj čakavštini. — JФ, XIV, 1935, стр. 247.

⁵⁷ См. Ivan Poročić. Istarski štokavski dijalekat. — „Rijecka revija“, 3, Rjeka, 1956, стр. 88—92.

⁵⁸ Petar Zriniski. Adrijanskog mora sirena. Zagreb, 1957, Предисловие, стр. 12.

⁵⁹ См. А. Белић. Око нашег књижевног језика. Београд, 1951, стр. 73.

⁶⁰ См. Ante Šupruk. Šibenski govor. — Питања књижевности и језика, IV—V, Сарајево, 1957—1958, стр. 143.

⁶¹ То же значение отмечают А. Достал у соответствующего старославянского глагола (А. Dostál Studie o vidovém systému v staroslověnině, Praha, 1954, стр. 240 — о глаголах *pluti*, *sluti*, *rasti* и т. д.) и Г. Ульянов и В. Даль у русского глагола (Г. Ульянов. Значения глагольных основ в литовско-славянском языке, I, стр. 144 — отмечает у древнерусской основы *плов(еть)* значение 'держаться на воде'; Даль, т. III, стр. 117—118 — отмечает то же значение у русской основы *плов*-).

значении встречаем и *plivati*, причем у одного и того же автора: „Što gre, leti, *plove* u vodi“ (Kavañin, 23^b—RJA); „Sve što *pliva*, sve što plazi“ (он же, 21^b).

2. Неопределенное движение наряду с *plāvati* мог выражать и глагол *plivati*; ср. „Od prvih Grkof ki plaf *plavati* po mogu ročaše“ (Zoranić, 52—RJA); „Ki more *plivaju*“ (Baraković vil., 106—RJA).

3. В значении 'плавать (пребывать) в горе, радости, роскоши и т. п.' употреблялись глаголы *plāvati*, *plivati* и основа *plòve*: „Sve mi srdce *plove* и gorkoj žuhkosti, a u srdcu rove črv pun čemernosti“ (Vitezović—Kur.); „Tu Palal ležeći v žalosti je *plaval*“ (Zrinski, 78): „Žal mu je, da *plivamo* u svita razkoši“ (Kuhačević, 101—RJA).

В чакавских примерах XVI—XVIII вв. *plāvati* употребляется в значении, которое RJA называет 'тонуть, погрязать' и которое бы мы определили как 'быть погруженным': „Zadar ... u jadu da *plava*“ (Baraković vil., 60—RJA); „Ov u krvi *plava* ... ov pun ran jauče“ (Kuhačević, 121—RJA).

Приставочные образования употреблялись от всех трех глаголов. Приставки как бы распределялись по глаголам: *plūti* взаимодействовал с приставками *pre-*, *s-*; „Vojvoda ... hoteći Unu *prepluti* u noj utonu“ (Vitezović kron., 153—RJA); „Prosvitli človika trepeća kako prut, morskoga uznika, da vidi na kraj *splut*“ (Baraković vil., 285—RJA). От *plāvati* встретился приставочный с *do-*: „Kada na sva jidra gospodin *doplava*“ (Baraković vil., 50—RJA). С приставкой *iz-* встретилось два глагола от *plūti* и от *plāvati*, они как будто тождественны в семантическом и грамматическом отношении: „*Ispluše* vsa čriva negova“ (Ant. Dalm. nov. tešt., 171^b—RJA); „Iz dubine morske *izplavaje*“ (Budinić sum., 88^a—RJA). Приставочные глаголы от *plivati*: *doplivati* и *prèplivati* дублировали соответствующие приставочные от *plāvati* и *plūti*: „Prik vrha zelena k Senju gradu pride, odkud se pribrodi i k Rabi *doplava*“ (Mrnavić—Kur.); ср. „Ikone gospojine kâ *dopliva* na skorupu“ (Kavañin, 318^a—RJA); „Rad bi časom *preplut* more“ (он же, 63^a—RJA); ср. „Eto morem diklicu kraju *priplivati* ugledah“ (Zoranić, 12—RJA);

В Далматинском тестаменте встречается глагол *plāviti* и приставочные от него, они обозначают движение судна и на судне: „Nav, ka *plavjase* na Feneciju“ (Ant. Dalm. nov. tešt., 205^b—RJA); „Nav, ka *plavjase* va Italiju“ (там же 215^b); „Jedva *doplavimo* suprot Gnidu“ (там же).

На о-ве Хвар в XVI в. в том же значении употреблялись приставочные от *plāviti* *se*: „U kih (t. j. u lađama) brodeći vojska *se priplavi*“ (Lucić, 270).

На примере истрийского фольклора XIX в. видим, что картина употребления глаголов *plāvati*, *plivati* и основы *plòve* в чакавских говорах мало изменилась по сравнению с XVII—XVIII вв. Правда, увеличилось число примеров с *plivati*. Сохранившийся глагол *plāvati* по-прежнему означает неопределенное, ненаправленное движение: „Kud hudoba *plavaše*, tude more goraše“ (Nar. pjes. Istr.—Kur.). Встречается *plāvati* и в значении 'быть погруженным (в жидкость)': „Zlatan prsten u krvici *plava*“ (Nar. pjes. Istr., 2, 127—RJA)“.

Конкретное движение обозначается основой *plòve*: „Jelino ruho na Dunaju *plove*“ (там же 2, 10). Той же основой по традиции обозначается свойство субъекта держаться на воде: „Drugomu čioviku i olova *plovu*, a meni nebogu ni šuvra ne mogu“ (там же, 2, 22). Конкретное, но разнонаправленное движение выражается глаголом *plivati*: „Kad su išli Dunav *preplivati*, ona *pliva* i simo i tamo“ (Istr. p., 13). Глагол *pli-*

vati может обозначать и направленное движение (здесь скорее всего значение 'переплыть'): „*Plivat ću ga (Dunaj) ko drugi junaci*“ (Nar. pjes. Istr., 1, 26—RJA). *Plivati* употребляется в значении 'плавать (пребывать) в горе, радости, слезах, и т. п.': „*Љubi mi je košuļa, šikala . . . svaki punat suzicom livala, sva košuļa u suzam plivala*“ (Istr. p., 1, 7).

В приставочных глаголах в Истрии и внутренних чакавских районах в XIX в. картина несколько иная по сравнению с чакавскими говорами Далмации и Истрии XV—XVIII вв. От *plùti* встретился всего один приставочный *prepluti*, зато от *plàvati* число приставочных образований больше (за счет расширения круга приставок, с которыми взаимодействовал этот глагол): *isplavati* (зафиксирован раньше, в XV—XVIII вв.), *preplavati*, *priplavati*, *splavati*. От *plivati* встретилось два приставочных глагола: *preplivati* и *proplivati*. Нужно сказать, что глаголы с одинаковыми приставками, но от разных основ были тождественны в семантическом и грамматическом отношениях. Они выступали как дублиеты на одной территории *preplavati* и *preplivati* в Истрии (оба перфективные, оба имели значение 'переплыть'): „*Zovi ga ti Dunaj preplavati; abo j' junak preplavat ga oće*“ (Nar. pjes. Istr., 1, 46—RJA); ср. „*Kad je mlada Dunav preplivala*“ (там же, 1, 13); или же распределились территориально: *prepluti* того же семантического и грамматического значения, что и *preplavati* и *preplivati*, встретился во внутренних чакавских говорах: „*Vode mi ne bi ribica preplula*“ (Jačke, 62); „*Ne more je (t. j. vode) ribica prepluti*“ (там же, 130).

Кроме того, в XIX в. в Истрии встречаем приставочные глаголы от *plòviti*: *doplòviti*, *otplòviti*, которыми обозначается движение судна: „*Kad mletačke plavi doplove d' Omišļa*“ (Nar. pjes. Istr., 2, 3—RJA); „*Otploviše s knezom preko creskog mora*“ (там же, 2, 3). В фольклоре внутренних чакавских областей находим *isplòviti*, но речь здесь идет не о судне: „*Kad kamen isplovi, hoćes moja biti*“ (Jačke, 158).

Бесприставочный *plòviti* не встретился в этих текстах, впрочем, в них нет ситуации с движением судна. В более ранних чакавских текстах XVI—XVII вв. движение судна и на судне обозначалось глаголами *plàvati* и *plùti*: „*Od prvih Grkof ki plaf plavati po moru počaše*“ (Zoranić, 52—RJA); „*Stavih brod krajem plut*“ (Baraković vil., 339—RJA).

В современных чакавских говорах и глагол *plùti*, *plòvēm* и приставочные от него не встретились. *Plàvati* и приставочные от него употребляются, но все чаще их заменяет глагол *plivati* и приставочные от него. Ср. одну и ту же песню Хорватского приморья в записи Микулчица 1876 г. и в новой записи 1951 г.: „*Plavaj, mili moj venčić zeleni, ter priplavaj pred Jurjeve dvore*“ (Mikul., 154); *Plivaj, plavaj moj venčić zeleni, dok doplivaš do Jurjeva dvora*“ (Hrv. p., 130).

В современном говоре о-ва Суска зафиксировано два глагола: *pliti* и *plāvati*. У нас нет достаточного количества материала, чтобы судить о взаимоотношениях между этими глаголами. Возможно, что они относятся как глаголы с конкретной и неконкретной основами: „*Plī sen tārse sve do sadā*“ (172); ср. „*Dā je teplō, sli bymo plāvat*“ (135); *ġartō Ĺpo plāva tā mladȳc*“ (172)⁶².

Аналогичную картину наблюдаем в современных кайкавских говорах, где наряду с *plivati* и *plòviti* употребляется *plāvati* и некоторые приставочные от него. „*Sretno plivaj, divojčica*“ (Žganec, 182); „*Lepa moja gorica zelena, po njoj teče vodica ledena. Na njoj plovi lađa okovana*“ (там же, 227); *plāvati* означает длительно повторяющееся действие,

⁶² J. Hamm, M. Hraste, P. Guberina. Govor otoka Suska.

приставочные от него — перфективные: „Po Dunaju Juraj *plava*, Juraj *plava* mamu zove“ (Žganec, 195); „...Trećoga bom po vodoj spuščala nek *dopliva* do Ivove majke“ (там же, 319); „*Plivaj, plivaj*, moj venčes zeleni dok *doplavaš* do Ivana grada“ (там же, 318).

Таким образом, состав глаголов с основами *plu-/pli-/plov-/plav-* в чакавских говорах на протяжении XV—XX вв. заметно меняется, как меняются и соотношения между ними. В XV—XVI вв. здесь употребляются в основном два глагола *plāvati* и *plūti* (чаще всего основа наст. вр. *plōve*). Изредка встречается *plivati*, который дублирует *plāvati* и *plūti* в определенных значениях. У *plāvati* и *plūti* наблюдаются остатки коррелятивных отношений как глаголов с основами неконкретного, ненаправленного и конкретного, направленного движения. К XIX в. *plivati* становится основным глаголом для выражения плавания, обозначая как неконкретные, ненаправленные движения, так и конкретные, направленные движения, вытекая, таким образом, *plāvati* и *plūti*, которые дольше всего удерживались в значениях длительно повторяющегося действия (*plāvati*) и свойства субъекта держаться на воде (*plūti*).

С другой стороны, в XIX в. в чакавских говорах появляется новый для них глагол *plōviti* и приставочные от него, обозначавшие движение судна и на судне; *plivati* этого значения (за единичными исключениями) не имел. Проникновение в чакавские говоры *plōviti* из штокавских говоров (где он встречался раньше) облегчалось тем, что им была известна близкая по морфологическому строению основа *plōve*, уже давно лишившаяся своего инфинитива.

В результате в современных чакавских говорах видим три глагола, обозначающих плавание. Два из них *plivati* и *plōviti* различаются семантически, третий — *plāvati* — употребляется в случаях длительно повторяющегося движения, хотя последнее может быть выражено любым из первых глаголов.

Из штокавских областей XV—XVIII вв. нужно отметить Дубровник, Боснию и Герцеговину, Черногорию, Сербию и Славонию. Здесь употреблялись глаголы *pliti*, *plivati*, *plōviti*.

Особое место среди областей штокавского говора занимает Дубровник с восточногерцеговинской диалектной основой и с чертами чакавских диалектов Далмации⁶³. Таким образом, в лексике Дубровника нужно видеть два наслонения: штокавскую основу и чакавское влияние. Материал по Дубровнику этого периода очень сложен и может быть предметом специального исследования с учетом особенностей языка каждого писателя. Нам придется пренебречь этими особенностями и ограничиться лишь общей картиной употребления глаголов с основами *plu-/pli-/plov-/plav-* у авторов Дубровника XV—XVIII вв.: Ветранича, Дж. Држича, М. Држича, Менчетича, Д. Ранины, Чубрановича, Лукаревича, Димитровича, Сасина, Бобалевича, Гундулина, Пальмотича, Джорджича, Гледжевича, Бунича, Зузери и некоторых других.

У дубровницких авторов находим следующие глаголы: штокавский *pliti*; известный обоим диалектам сербско-хорватского языка глагол *plivati*; чакавскую основу *plōve* и штокавскую *plōvi*, которые употребляются здесь как варианты; местные дубровницкие глаголы, неизвестные в других областях, — *plovati* и *plitati* (только у Газаровича); кроме того, у отдельных писателей встречались глаголы *plāviti*, *plāviti se* (Ветранич, реже Пальмотич) и *plūtati* (Зузери), употреблявшиеся в обоих диалектах.

⁶³ См. П. Ивић. Дијалектологија српскохрватског језика. Нови Сад, 1956, стр. 143; A. Vaillant. Les origines de la langue littéraire ragusiane. — RES, IV, 1924, стр. 222—251.

Оставляя в стороне глаголы с особым семантическим значением *plùtati*, *plitati*, *plàviti* и *plàviti se*, рассмотрим соотношение и взаимодействие между глаголами *plìti*, *plìvati*, *plovati*, *plòve* (*plòvi*), которые имели общую семантику, обозначая 'плыть плавать'. Четких корреляций между этими глаголами не было. Можно лишь отметить некоторые особенности их употребления.

I. Некоторые значения выражались одним каким-нибудь глаголом: основа *plòve* обладала монополией при обозначении свойства, характерного признака субъекта: „Sve, što leti, hodi i *plove*“ (Đorđić uzd., 91 — RJA); „Na mu službu... stoji sve što leti, *plove* i hodi“ (Gundulić, 244 — RJA).

II. Если в одном семантическом значении, в одинаковых синтаксических конструкциях (часто в одной грамматической форме) употреблялось два или больше глаголов, то соотношения между ними могли быть следующими.

1. Глаголы абсолютно тождественны в грамматическом плане:

а) *Plìti*, *plòve* (*plòvi*), *plìvati* в определительных придаточных предложениях при обозначении неконкретного, ненаправленного движения. Один автор в этом случае предпочитает один глагол, другой автор — другой глагол (например, Д. Ранина — *plòve*, а М. Држич — *plìvati*): „U moru, ko plavi ke *plovu*, sve mori“ (D. Rašina, 123^b — RJA); „Ribe, ke more široko *plivaju*“ (M. Držić, 69 — RJA). Иногда у одного автора встречаем два разных глагола: „Riba po moru ka *plije*“ (D. Rašina, 13^b — RJA); „Ni pjesan tač mila... tjih vila, po moru ke *plove*“ (он же, 1^a); „Mi smo vile bistre ke *plovimo*“ (Vetranić, 2, 436 — RJA); „Stan'te ribe pliskavice, ke *ploвете* siñe more“ (он же, 12); „I ribe mi sve dijačje oko mene ke *plivaju*“ (он же, 19).

б) *Plìti* и *plìvati* в значении 'плавать в крови', оба глагола обозначают ненаправленное действие: „U poļu sva trava... ostane krvava i u krvi sve *plije*“ (Vetranić, 1, 61 — RJA); „... gdi kopja i stiti u krvi *plivahu*“ (он же, 55).

в) *Plìti* и *plìvati* в значении 'течь, плыть (о богатстве, счастья и т. п.)' в метафоре; оба глагола выражают направленное движение: „Da prigrlit vi ne ćete ovu sreću, ka vam sama na stan *plije*“ (Gundulić, 450 — RJA); „Prije pod ruhom priprostimo zlato od svud nam na stan *pliva*“ (он же, 143); „Zlato, biser, svione odjeći na stan ti će sved *plivati*“ (Palmotić, 1, 260 — RJA); „Srebro, zlato, blago svako... istom ti će u stan *pliti*“ (Čubranović, 151 — RJA).

г) *Plòve*, *plìti* и *plovati* в значении 'плавать, купаться в богатстве, слезах, славе и т. п.' — в метафоре; обозначают направленное действие: „U suzah svak *plove*“ (Vetranić 1, 76 — RJA); „Rigam čemer srca ogrkla, ke u suzah gorcijeh *plije*“ (Đorđić pjes., 133 — RJA); „Ma duša u rajskoj će slasti *plovat*“ (он же, salt., 108 — RJA)

2. Глаголы могут соотноситься как глаголы с основами конкретного и неконкретного действия. *Plìti*, *plòve*: *plovati*: „Gledaj, male posred plavi gdi u moru mladić *plije*“ (Gleđević, 65^b — RJA); „Po rijeci *pliješ*“ (Zborn. 1520, 133^a — RJA); „Tako i jato bijelo u vodi od znježanijeh kufa *plove*“ (Gundulić, 409 — RJA); „Dikle lijepe... jedna suproč drugoj *plove*“ (он же, 406). Ср. примеры с *plovati*: „Ter po ovoj bistroj vodi *plovaj*, *plovaj* u slobodi“ (он же, 405); „Nijegda... božica svijetla od lova po jezeru naga ovako s drugam *plova*“ (он же, 406). „Leonardo gizdav mimo sve ostale, slideć sve vil zrak ljubljene njegda *plova* ove vale“ (он же, 363).

Можно заметить, что глаголом *plìvati*, довольно редко встречающимся у писателей Дубровника, обычно выражалось неконкретное дей-

ствии: „Korabje *plivaju* nih vitrom svakime“ (М. Držić, 66—RJA); „Ribe, ke more široko *plivaju*“ (он же, 69); U kojoj prosperitati bijeh, štano se reče, olova mi *plivahu*“ (он же, 333). *Plivati* встретился и в контексте, где он обозначает конкретное, но длительное действие: „More *plivaše* Leonardo u noći“ (D. Rašina, 58ⁿ—RJA).

Приставочные глаголы в Дубровнике XV—XVIII вв. образовывались главным образом от двух глаголов: *pliti* и *plivati*, изредка встречались приставочные от других основ. Все приставочные были перфективные. От *plivati* известны глаголы со следующими приставками: *do-*, *is-*, *na-*, *nad-*, *po-*, *pri-* (*pre-*), от *pliti*—*is-*, *po-*, *pri-* (*pre-*), *s-*, *u-*. Кроме того, находим приставочные от *plüti* (*pri-*) *prepluti*, от *plöviti*—*poploviti* и от *pläviti se* (*pri-*) *preplaviti se*. Как видим, в Дубровнике употреблялось несколько глаголов с одинаковыми приставками, но от разных основ. Один глагол при этом был основным, многозначным (например, *ispliti*, *preplivati*), а другие употреблялись редко или имели одно-два значения.

а) *Ispliti* и *isplivati*, кроме общего значения ‘выплыть’, ‘всплыть’, имели свои, специфические значения. В общем значении они употреблялись как совершенно идентичные глаголы: „Ako bi noćaska vile *isplile*“ (М. Držić, 53—RJA); „Ma t’ ćeš vidjet, er će *isplivat*“ (он же, 284).

б) *Popliti* и *poplivati* тоже совпадают только в одном значении ‘почтеть’, употребляясь при этом как идентичные глаголы: „Da se u krvi Dunaj rika sva zamuti, sva *poplije*“ (Palmotić, 2, 308—RJA); „Za *poplivat* zajedno uplimo bistre vode“ (govori Dunaj Savi) (он же, 2, 285).

в) С приставкой *pri-* (*pre-*) известно четыре ряда глаголов от *pliti*, *plivati*, *pläviti se* и *plüti*. *Prepliti*, *preplivati* и *preplaviti se* имеют общее значение ‘переплыть’: „Kad *priplivam* priko rijeke“ (Vetrančić, 1, 251—RJA); „Človjek taj ... suh kraj zdravo se *priplavi*“ (он же, 2, 9); „Ako je i muka toj veje more proć ... ako *pripliti* na zdravje ja budu“ (он же, 1, 172).

Prèpliti и *prepluti* имели одинаковое значение ‘вычерпать’: „Zač se će prije more ožicom *pripluti*“ (ошибочно *pripluti*) (Vetrančić, 1, 229—RJA); „Tko može morsku pučinu ožicom *pripliti*“ (он же, 1, 429); „Moglo be se prije more jednjem kablom *pripliti* (Zborn. 1520, 122ⁿ—RJA).

Говоры Сербии отражены в фольклоре (народные песни, собранные Вуком Караджичем, пословицы, собранные тем же Вуком, Даничицем и Новаковичем) и произведениях писателя XVIII—начала XIX в. Обрадовича. Фольклорный материал не может быть датирован точно, весь он собирался в XIX в., и хотя Вук считает, что песни I и II томов относятся к XV—XVI вв.⁶⁴, нельзя утверждать, будто они передают в чистом виде язык этой эпохи. Влияние на них языка XIX в. бесспорно.

В основном сербским говорам было известно два глагола—*plivati* и *plöviti*. *Pliti* в свободном состоянии встречается в единичных примерах. В примере, приведенном ниже, он явно употреблен ради рифмы: *Bela svila po moru plila* (Nar. pjes. srb.—Karadžić. Rječnik).

В единственном примере встретился глагол *plütati*: „Nekome i pluto tone, a nekome i olovo *pluta*“ (K. posl., 201); ср. ту же пословицу в записи Даничица с глаголом *plüti*: „Njekomu *pluta* tonu, a njekomu olova *pliju*“ (Posl. Danič.—Kur.).

Глаголы *plivati* и *plöviti* употреблялись в одних и тех же значениях. Оба могли обозначать движение человека в воде: „Pade krvca koñu do strmašca i junaku do svilna pojasa, po ñoj *plove* koñi i junaci“ (K.,

⁶⁴ См. Вук Стеф. Караџић. Српске народне песме, I. Београд, 1953, Предисловие, стр. XXXI.

II, 329); „Po jezeru vranac konic *pliva* (там же, 18). Правда, движение судна передавалось исключительно глаголом *plòviti*: „Dunavom *plovi* lađa lagana“ (К., I, 492); „Sunovi mu vodom *plove*, a ispolci zveče“ (там же, 528). Однако есть один пример, где движение судна обозначено глаголом *plivati*, точнее деепричастием от него: „Ode lađa morem *plivajući*“ (К., I, 557).

Дифференциация значений у *plivati* и *plòviti* только намечалась. Так, например, о рыбе чаще всего говорилось *plivati*: „Kroz ŋu teče zelena Vojana, po ŋoj *pliva* riba svakojaka“ (К., II, 106); а об утке — *plòviti*: „U gori jezero, po kom *plove* utve zlatokrile“ (там же, 426). Однако можно было встретить *plivati* и об утке: „*Pliva* patka po vodici, posi čekrk na glavici“ (Nov. S. z., 111).

Никаких грамматических корреляций между глаголами *plivati* и *plòviti* в говорах Сербии (по материалам фольклора в записи XIX в.) не было. Они употреблялись параллельно, в ряде случаев дублируя друг друга, постепенно расходясь семантически.

Глаголом *plàviti se*, который изредка встречается в фольклоре, обозначалось любое движение судна (направленное и ненаправленное, конкретное и неконкретное): „Pjevajte gospodu pjesmu novu. . . koji *se plavite* po moru“ (Daničić is., 42, 10 — RJA).

Приставочные (перфективные) глаголы в основном от *plivati* с приставками *is-*, *pre-*, *po-*, *za-*, *u-*; от *plòviti* их было меньше: *naplòviti*, *otplòviti*, *preplòviti*. Два глагола было от *pliti*: *prepliti*, *spliti*. Приставочные глаголы с *pre-* от всех трех основ имели одинаковое значение 'переплыть': „Pa natjera konja na Ribnicu i studenu vodu *preplivao*“ (Nar. pjes. juk., 105 — RJA); „Sjede Bogdan đoga vilovita, ode oravo Bošnjaninu Muju, bez broda je Drinu *preplivio*“ (К., I, 558).

В Черногории употреблялись те же глаголы, что и в Сербии (материал по черногорскому говору дает Негош — писатель Черногории XIX в. и фольклор в записи Вука Караджича. Можно только отметить, что *pliti* здесь удерживался дольше, чем в Сербии. В XIX в. в Рисне он был еще живым, употребительным глаголом (см. Караџић. Рјечник).

Диалекты Боснии и Герцеговины отражены в пословицах, собранных Гильфердингом, в произведениях боснийского писателя конца XVI — начала XVII в. Дивковича, в фольклоре Боснии и Герцеговины, собранном Петрановичем в XIX в., и писателем Бетондичем (XVII в., г. Стон).

Здесь употреблялся один глагол *plivati*, который, однако, был семантически ограниченным глаголом: он не обозначал движения судна и людей на судне. В этом последнем значении употреблялись глаголы с другими основами: *bròditi se*, *putòvati*, *vòziti (se)*, *lci*, *-laziti* и т. п. Ср. 'плыть, плавать (о рыбе, человеке, предмете)': „Učiš ribu *plivatò*“ (Giľf., 98); „Al' tu *pliva* lijera devojka, ona pliva po jadu nesitom“ (Petran., 11); „U fortuni govno uzъ jabuku *plije*“⁶⁵ (Giľf., 101); 'Плыть, плавать о судне': „Preko mora lađe dolaziše“ (Petran., 3); на судне: „Svetom Niku povodi brodove, ko *se brodi* vodom i delijom“ (там же, 1); „Jednom *pređe* preko sińeg mora“ (там же, 95).

В Боснии XVIII в. находим реликты глагола *plùti* в виде основы *plòve*, которая употребляется в значении 'течь', и причастия *plovući*: „Pune tuge tere boli, a krv s njega *plove* doli“ (Divković — Kur.); „Morski ribe pliskavice i ostali skot *plovući*“ (Betondić — Kur.). Глагол *pliti* встретился только в приставочном виде (*pripliti*).

В Славонии XVIII в. (писатели Релкович, Канижлич, Дошен) тоже

⁶⁵ В Боснии XVI в. *plivati* имел форму наст. вр. *plije*; в фольклоре XIX в. находим уже *plivāt*.

употреблялся только глагол *plivati*, даже когда речь шла о судне: „Kako lađa plivaše po vodi“ (Relković, 153). Причем *plivati* здесь обладал обширной сетью переносных значений (см. § 2).

Подводя итог по всем областям штокавских говоров, отметим, что в XV—XIX вв. им было известно в основном три глагола: *pliti*, *plivati* и *plòviti*. Причем первый быстро утрачивался, и к XVIII—началу XIX в. его нигде в штокавских говорах уже не было (исключение г. Рيسان), только изредка его можно было встретить в приставочном виде. *Plivati* находим во всех без исключения штокавских областях, в некоторых он был единственным глаголом, обозначающим плавание (Босния и Герцеговина, Славония). *Plòviti* широко употреблялся только в говорах Сербии и Черногории, в остальных штокавских областях он утверждается в XIX в. Кроме того, в штокавских говорах XV—XIX вв. изредка встречаются глаголы *plaviti se*, *plùtati*, основа *plove* и ряд узколокальных глаголов (Дубровник).

Несколько слов о семантике *plivati* и *plòviti*. Независимо от того, как употреблялись эти глаголы в той или иной области— вместе, или употреблялся один из них, они были семантически ограниченными (исключение составляют говоры Славонии). *Plivati* почти никогда не означал движения судна, на судне; для *plòviti* же это значение являлось основным.

§ 5. В современном литературном сербско-хорватском языке употребляются два глагола: *plivati* и *plòviti*. Из толковых и двуязычных словарей можно понять, что *plòviti* обозначает движение судна, а *plivati* не имеет этого значения. Если такая дифференциация значений этих двух глаголов была в общем справедливой и исчерпывающей для конца XVIII—начала XIX в. (и то не повсеместно), то в настоящее время ограничиться указанием только этого различия было бы недостаточно. Дифференциация значений *plivati* и *plòviti* зашла сейчас глубже, хотя не является еще полной и четкой и имеет тенденцию развиваться дальше.

а) Четко *plivati* и *plòviti* различаются в следующих случаях⁶⁶:

только *plivati*

1. О рыбе

„Plivao je morem leno (kit)“ („Borba“, 3. VI 1960, 14); „Ogromam som izbio je na nekoliko metara od čamca i neko vreme zbuñeno plivao po površini“ (Boris., 65).

2. О человеке

„Ali Danica je plivala odlično“ (Jak., 424—425); „Čovek u savremenom samostalnom skafandru može da pliva i u kom pravcu želi“ („Borba“, 1. VIII 1957, 8).

только *plòviti*

1. О судне

„On brodledolomac može da plovi godinu dana bez pristajanja u luku“ („Borba“, 17. V 1957, 1a); „U tamnom zasenku obale plovio je jedan ribarski čamac“ (Boris., 60); „A korveta je plovila i plovila“ (Stanjukić, 168).

2. О людях на судне и обовсем, что на судне

„Zatvornike su gonili da barkama plove“ (Kostić, 100); „Jedan dokument stalno plovi s njim“ („Borba“, 22. VI 1957, 4).

⁶⁶ Здесь не перечисляются переносные значения, характерные для каждого из этих глаголов, поскольку речь о них шла выше (§ 2).

6) Менее четко *plīvati* и *plòviti* различаются в случаях:

3. О животных

чаще *plīvati*

„Naročito veliku pažnju pobudila je krmača ... Eksplozija ju je odbacila u lagunu po kojoj je ona hrabro *plivala*“ („Borba“, 15. XII 1957, 8); „Krokodil koji je *plivao* za njegovim prijateljem“ („Borba“, 13. I 1957, 10).

изредка *plòviti*

„Gnjurajući se kao srodne ili vidre *plovili* su tuljani između komada leda“ („Borba“, 15. IX 1957, 4).

4. О водоплавающей птице

изредка *plīvati*

„Nedaleko od nas *plivaju* po malom jezeru australiski crni labudovi (Nenad., 94).

обычно *plòviti*

„Plovke i guske *plove* bezbrižno i suvereno“ (Kostić, 201); „Plove labud i nor“ (Nušić, 105); „Po jezeru *plove* laste“ („Borba“, 4. X 1957, 6); ...po jendecima *plove* guske i patke“ (Ves., 37).

5. О предмете

реже *plīvati*

„A u kristalnoj boci, na bistroj vodi, *plivale* dvije trešnje“ (Andrić, I, 408); „Nabasa na granu koja *pliva* po vodi“ (Oljača, 65).

чаще *plòviti*

„Splavovi *plove* u toku dana“ (Drobnjaković, 103); „Drinom sada inače *plovi* dosta leševa“ (Boris., 36); „Stotine santi stoje kao beli labudovi u vodi, ali kad se koncentrišeš na jednu vidiš da ne miruje nego *plovi* kao labud“ („Borba“, 19. IX 1957, 4); „Žbun... *plovi* za nama u široko more“ (Nušić, 389).

6. О небесных телах, облаках

изредка *plīvati*

„Nebesni putnik mjesec lako je odskakivao ... i opet u nebo *plivo*“ (Mod. lir., Vidrić, 18).

обычно *plòviti*

„Nad nama mjesec nebom *plovi*“ (Nikolić, 119); „Satelit i dalje *plovi* oko zemlje“ („Borba“, 13. X 1957, 1); „Tamno modar oblak *plovio* je prema jugu“ (B. Čopić, 106).

Распределение семантических значений между *plīvati* и *plòviti* происходит под воздействием двух факторов. С одной стороны, благодаря значению основы *plov-*, глагол *plòviti* обозначает движение предметов, которые обладают свойством держаться на поверхности воды (судно,

водоплавающая птица, плоты и т. п.), и соответственно *plivati* говорится о предметах, которые при плавании погружаются в воду (рыба, животные и т. д.). С другой стороны, субъекты, о которых можно сказать *plòviti* или *plivati*, объединяются в определенные лексические группы (судно: лодка, корабль, баржа и т. п.; рыба: щука, акула, сом и т. д.; животные: крокодил, черепаха и т. д.).

Второй фактор, лексический, как правило, оказывает решающее влияние при выборе глагола, т. е. если даже о рыбе говорится, что она плавает на поверхности (мертвая рыба), то все равно употребляется глагол *plivati*: „... polumrtve ribe koje su najpre plivale po vodi post-rance i trbuhom nagore“ (Beljaev, 68). В этом случае требование основы со значением 'держаться на поверхности' не может преодолеть границ определенной лексической группы.

Однако в ряде случаев, особенно если это касается предметов, где установить лексические рамки сложнее, поскольку круг субъектов разнообразнее, решающее влияние нередко остается за первым фактором. В результате встречаемся с такими случаями, когда об одном предмете в одном контексте говорится то *plivati*, то *plòviti*: „U rekama i jezerima mogu ponekad da se vide ostrva koja plove ... Ova ploveća ostrva kreću se pod uticajem vetra“. В том же тексте видим дальше: „Po Vlasinskom, Titovom, Veštačkom jezeru plivaju ostrva od kompaktnih hrpa i barskog bilja ... Danas je ovo plivajuće ostrvo sraslo s obalom, te je peromično“ („Borba“, 12. II 1957, 8). *Plòviti* в этом контексте употребляется в тех случаях, когда говорится о пловучих островах (*plovuća ostrva*), как особых островах, для которых держаться, плавать на поверхности воды — характерное свойство. Когда же это свойство не подчеркивается, а просто указывается, что остров движется по воде, в этом же контексте находим *plivati* и остров называется *плавающим* (*plivajuće ostrvo*).

Можно отметить еще один интересный пример, где о людях вместо обычного *plivati* говорится *plòviti*. Здесь действие лексического фактора ослаблено тем, что люди названы не прямо, а „клубком купающихся“. И, кроме того, решающее значение имело указание, что движение происходило „на поверхности“ реки: „Navikao je da posmatra i onu šarenu i grlatu gužvu od kupaća, pravih sportista ili običnih besposlenjaka koji plove površinom Save“ (Andrić, II, 363).

Таким образом, отсутствие единого критерия при распределении значений между *plivati* и *plòviti* тормозит процесс семантической дифференциации этих глаголов.

§ 6. Итак, тенденция развития глаголов с основами *plu-/pli-/plov-/plav-*, обозначающих процесс плавания, характеризуется тремя факторами.

1. Утрата общеславянской корреляции основ конкретного, направленного движения и неконкретного, ненаправленного движения, как и в других основах группы глаголов движения в сербско-хорватском языке. Глаголы — носители этих корреляций — *plùti* (*pliti*) и *plàvati* рано исчезли в штокавских говорах (в XV—XVI вв. их уже не было), дольше сохранялись в чакавских диалектах средней и северной Далмации и в кайкавском наречии (до XVIII в.). Следы их до сих пор можно обнаружить в чакавских и кайкавских говорах (о-в Сусак).

Образование и утверждение в языке глаголов *plivati* и *plòviti* происходило в борьбе со старыми глаголами (*plàvati*, *plùti*, *pliti*) и в конкуренции с рядом инноваций (*plovati*, *plùtati*), которые не вышли за рамки диалектных основ. Тот факт, что в современном литературном сербско-хорватском языке утвердилось два глагола для обозначения

плавания, объясняется их семантической ограниченностью: *plivati* с самого начала почти не имел значения 'navigare', в то время как оно было основным значением *plòviti*. Их семантическая дифференциация, которая сначала не шла дальше одного значения, теперь становится все глубже. *Plòviti* пришел в современный литературный сербско-хорватский язык из штокавских говоров, *plivati* в XV в. был общесербско-хорватским глаголом.

2. Таким образом, вторым характерным фактором в развитии сербско-хорватских основ со значением плавания является семантическое размежевание новых глаголов со основами *pliv-* и *plov-*, которое еще находится в процессе становления и имеет тенденцию дальнейшего углубления.

3. И, наконец, третьей особенностью развития глаголов с основами *plu-/pli-/plav-/plov-* со значением 'плыть-плавать' является победа основ определенного морфологического строения. Не трудно заметить, что все инновации в XV—XVIII вв. шли по одному морфологическому руслу — трехсложных основ с суффиксами *-a(-va-)*, *-i-*, причем инфинитивная основа и основа настоящего времени принадлежали к одному глагольному классу: *plivati, plivâm; plovati, plovam; plitati, plitam; plòviti, plòvim; plùtati, plùtâm*.

Глаголы с простой имперфективной основой (как *plùti, plìti*) не удержались в языке, они были вытеснены трехсложными образованиями примерно в течение XV—XVI вв. Глаголы, обозначавшие плавание, не были одиноки в этом смысле. Такое же явление наблюдается в сербско-хорватском языке и в случаях с другими основами, чаще всего это глаголы состояния: *spàti, spîm* вытеснено *spàvati, spàvâm; pèti, pòjêm — pèvati, pèvâm; dùti, dùjêm — dùvati, dùvâm*.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ТЕКСТОВ

Древние тексты XII—XV вв.

- Dan. Živ. Save — Ђ. Даничић. Живот Светога Симеуна и Светога Саве. Београд, 1865.
 Nov. Phys. — St. Novačković. Physiologus. Слово о вештехъ, ходештихъ и летештихъ. — Starine JAZU, knj. XI, 1879, стр. 181—203.
 St. Stari let. — Љ. Стојановић. Стари српски родослови и летописи. — Зборник за историју, језик и књижевност САН, књ. XVI. Београд — Ср. Карловци, 1927.

Литература XV—XVIII вв.

- Dubr. p. — Дубровачка поезија. Београд, 1956 (Мавро Ветрановић — XV—XVI вв., Шишко Менчетић — XV в., Савко Бобаљевић — XVI в., Андрија Чубрановић — XVI в., Антун Сасин — XVI в., Игнат Ђурђевић — XVII—XVIII вв.).
 Hektorović — Pjesme Petra Hektorovića. — „Stari pisci hrvatski“, knj. 6. Zagreb, 1874.
 Kačić — Andrija Kačić-Miošić. Razgovor ugodni naroda slovinskoga. Zagreb, 1956.
 Lucić — Pjesme Hanibala Lucića. — „Stari pisci hrvatski“, knj. 6. Zagreb, 1874.
 Marulić — Pjesme Marka Marulića. — „Stari pisci hrvatski“, knj. 1. Zagreb, 1869.
 Nov. Aleks. — St. Novačković. Приповетка о Александру Великом у старој српској књижевности. — Гласник Српске Академије наука, књ. 9. Београд, 1878.
 Obradović — Целокупна Дела Доситеа Обрадовића. Земун, 1850.
 Relković — А. Релковић. Сатиръ то естъ укоритель злыхъ нравовъ. Будин, 1807.
 Zrinski — Petar Zrinski. Adrijanskog mora sirena. Zagreb, 1957.

Диалекты

1. Штокавские говоры

- B. Srem. pes. — Б. М. Српске народне песме скупио по Срему. Панчево, 1875.
 Begović nar. pes. — Никола Беговић. Српске народне pjesme из Лике и Баније. Загреб, 1885.
 Bogiš. — В. Божишић. Народне pjesme из старих, највише приморских записа. — Гласник српског ученог друштва, II одељене, књ. X. Београд, 1878.
 Gilf. — А. Гильфердинг. Старинный сборник сербских пословиц. СПб., 1868.
 Sajk. — Веселин Чајкановић. Српске народне приповетке, књ. I. — Српски етнографски зборник, књ. XLI, III одељење. Београд—Земун, 1927.
 Juk. — J. Jukić. L. Hercegovac. Narodne pjesme bosanske i hercegovacke. U Osieku, 1858.
 K., I, II, III, IV — Вук Стеф. Караџић. Српске народне pjesme, I. Биоград, 1891; II. Беч, 1845; III. Беч, 1846; IV. Беч, 1864.
 K. kovč. — Вук Стеф. Караџић. Ковчежић за историју, језик и обичаје Срба сва три закона, I. Беч, 1849.
 K. posl. — Вук Стеф. Караџић. Српске народне пословице и друге различне као оне у обичају узете рјечице. Беч, 1849.
 K. prip. — Вук Стеф. Караџић. Народне српске приповијетке. Беч, 1821.
 Nov. S. z. — Ст. Новаковић. Српске народне загонетке. Београд и Панчево, 1877.
 Petr. Gruža. — П. Петровић. Живот и обичаји народни у Грузи. — Српски етнографски зборник, књ. XXVI. Београд, 1948.
 Petran. — Б. Петрановић. Народне pjesme из Босне и Херцеговине. Биоград, 1867.
 Rajković nar. pes. — Ђорђе Рајковић. Српске народне песме (женске), већином их у Славонији. Нови Сад, 1869.

2. Чакавские говоры

- Istr. p. — Hrvatske narodne pjesme, što se pjevaju u Istri i na Kvarnerskih otocih. Trst, 1880.
 Jačke — Fr. Kurelac. Jačke ili narodne pjesme puka hrvatskoga po župah Šopronske, Mozonjske i Železnoj na Ugrih. Zagreb, 1871.
 Hrv. p. — Hrvatske narodne pjesme i plesovi. Zagreb, 1951.
 Mažur. — St. Mažuranić. Hrvatske narodne pjesme, sakupljene stranom po Primorju, stranom po granici. I. Senj, 1876.
 Mikul. — Fr. Mikuličić. Narodne pripovietke i pjesme iz hrvatskoga Primorja. Kraljevica, 1876.
 Pl.-Herdv. — R. T. Plohl-Herdvigo. Hrvatske narodne pjesme u hrvatskom domu sakupio, II. Varaždin, 1869.

3. Кайкавские говоры

- K.-S. hrv. p. — Pjesme Ivana Kukuljevića Sakcinskoga s dodatkom narodnih pjesama puka hrvatskoga. Zagreb, 1847.
 Žganec — Vinko Žganec. Narodne popijevke hrvatskoga Zagorja. Zagreb, 1952.

Литература XIX в.

- Aleksić. — А. Алексић. Морава. — Гласник српског ученог друштва, т. XI. Београд, 1879.
 Nenad. — Ненадовић. Писма. Београд, 1958.
 Njegoš — Петар Петровић Његош. Горски вијенац. Београд, 1952.
 Nušić — Б. Нушић. Сабрана дела, т. 25. Београд, 1936.
 P. Kočić — Петар Кочић. Приповетке. Нови Сад, 1955.
 S. Mat. — Симо Матавуљ. С мора и планине. Нови Сад, 1901.
 Ves. — Јанко Веселиновић. Сельанка. Београд, 1955.

Современная литература

- Andrić, I, II — Иво Андрић. Одабране приповетке, I, II. Београд, 1954.
 Babović — Глиша Бабовић. Водопловци. Београд, 1954.
 Boris. — М. Борисављевић. Међу људима. Приповетке. Београд, 1956.

- В. Ćorić — Бранко Ћопић. Дјечак прати змаја. Београд, 1956.
 Drobñjaković — Б. Дробњаковић. Путевима наше земље. Београд, 1952.
 Јак. — Ст. Јаковљевић. Смена генерација. Београд, 1938.
 Kostić — Душан Костић. Крајеви и људи! Цетиње, 1954.
 Mod. lir. — Jugoslovenska lirika moderna. Zagreb, 1957.
 М. Nikolić — М. Николић. Слуга. Приповетка. Београд, 1952.
 Олјаџа — Младен Ољача. Три живота и две смрти. Београд, 1953.
 R. Petrović — Растко Петровић. Бурлеска Господина Перуна бога грома. Београд, 1955.
 V. Petrović — Вељко Петровић. Земља. Нови Сад, 1955.
 „Borba“ — „Борба“. Орган Социјалистичког Савеза радног народа Југославије. Београд, 1957.

Переводная литература

- Beljajev — Бељајев. Човек-амфибија. Нови Сад, 1948.
 Defo — Д. Дефо. Робинсон Крусо. Загреб, 1946.
 Solovjev — Л. Соловјев. Рушилац мира. Београд, 1945.
 Stanjuković — К. Стањковић. Међу поморцима. Приповетке. Нови Сад, 1948.

Н. В. Котова

**МОРФОЛОГИЯ ЗАПАДНОБОЛГАРСКОГО ГЛАГОЛА
ПО ДАННЫМ ГОВОРА ГОРНО ПОЛЕ
(ПРОСТЫЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ)**

Исследуемый нами говор, находящийся в юго-западной Болгарии (к северо-востоку от города Станкедимитров), является типичным юго-западным болгарским говором. Общая характеристика говора дана нами в статье „Наблюдения върху диалектното разнообразие в Станкедимитровско“ („Език и литература“, № 4, София, 1960, стр. 288—299).

Настоящая статья посвящена анализу морфем простых глагольных форм (личных форм настоящего времени, имперфекта, аориста и повелительного наклонения): характеристике формообразующих и основообразующих аффиксов. Морфология сложных глагольных форм и глагольных форм, образованных с помощью так называемых свободных морфем (*ще*, *да* и некоторых других), будет нами исследована в другой статье.

При определении морфем и алломорфов мы исходили из следующего положения: все аффиксы одного порядка (сочетающиеся с одинаковыми типами морфем и занимающие в отношении их определенное место), имеющие одинаковое значение и находящиеся в отношении дополнительной дистрибуции (обусловленной либо фонологически, либо морфологически), являются одной морфемой.

Основной материал был нами собран в селе Цървени брег, население которого является однородным в языковом отношении. Дополнительно используется диалектный материал из соседних сел Сапарева баня, Сапарево, Крайници, Овчарци.

Все примеры в работе даются нами в фонематической транскрипции (только неслоговой вариант фонемы *и* (т. е. *й*) обозначается отдельным значком). Знаки *л', н', к', г', х'* означают сочетания фонем *лй, нй, кй, гй, хй* при симультанном функционировании дифференциальных признаков *л* и *й*, *н* и *й*, *к* и *й*, *г* и *й*, *х* и *й*. Знак *р* между согласными передает сочетание фонем *р* и *ѣ* при симультанном функционировании дифференциальных признаков *р* и *ѣ* (так называемый слоговой *р*). Буквы *ч* и *ц* также обозначают сочетания фонем с симультанной артикуляцией их дифференциальных признаков. Буквы в скобках после примеров указывают имя информатора и название села. В рубрикации первые цифры указывают раздел (порядок морфем), вторые — подраздел, посвященный обычно характеристике одного явления (одной морфемы или группы морфем указанного порядка), третьи — явления, связанные с более подробной характеристикой морфем (например, описание алломорфов).

1. ОКОНЧАНИЯ (МОРФЕМЫ I ПОРЯДКА)

1.0. Окончания глагольных форм являются показателями связи между говорящим лицом и лицом проявления (действия, состояния), обозначенного глагольной основой. Ниже мы даем характеристику этих показателей.

1.1. Показатель (морфема) 1-го л. ед. ч. означает совпадение глагольного лица с автором речи (говорящим). Этот показатель характеризуется двумя окончаниями: окончанием *-м* и нулевым окончанием.

1.1.1. Окончание *-м* используется только в формах настоящего времени, формах, передающих проявления (действия, состояния), совпадающие по времени с моментом речи, т. е. присоединяется только к основам с показателем презентности: *бѣрем*, *к'ѣнем* ('к'ѣсам'), *л'ажем*, *тр'адем*, *ц'ѣнем* ('целуна'), *изл'азим*, *кр'ивим*, *ор'атим* ('приказываю, говоря'), *тр'ажим* ('търсим'), *ц'апим*, *вѣнчам*, *зак'опчам*, *кл'епчам* ('мигам'), *надам се* ('надеваю се'), *л'ѹлам*, *ц'аливам* и др.

1.1.2. Формы с нулевым окончанием 1-го лица имеют (наряду с окончанием *-м*) только глаголы совершенного вида I и II спряжений, преимущественно с префиксными основами: *да се прѣкрста*; *да си нап'райа едно калапчѣ*; *д'идем да се об'еса ли?* (СБ.); *че ѹдем да д'бнеса б'ште вода* (Д. Л. — Ов.); *ѹа че те пр'ѹгрна*; *да заш'ѹа*; *да прѣпиша*; *немам време да си го д'бврша* (Д. М. — ЦБ.); *че те нап'ада*; *да ти б'т'ѹна лѣп?* (Р. С. — СБ.); *че го ѹспера*, *ѹсп'ета*, *нак'лада*; *че се об'леча*; *че го п'бтшил'а*; *ѹдем да те пр'бвода* (В. К. — ЦБ.); *шт'о да п'бстел'а?* и др. При этом показателе ударение всегда падает на приставку.

1.1.3. Формы 1-го лица с нулевым показателем употребляются без видимого различия в значении по сравнению с формами с показателем *-м*. Последние, однако, чаще появляются при перечислении ряда последовательных действий: *сака д'з'ран се изм'ѣем* и *се срѣшим*, и *си зат'нем к'ѹтчица* (Т. Б. — Сп.); *прѣспим малко*, *па м'исл'им*, *м'исл'им*, *па ми застан'е на глав'ата л'ошо*, *па стан'ем*. . . (Т. М. — Ов.); *ѹ б'ѹдем на н'ѹвата*, и *там остав'им детѣто у л'ѹл'к'ата*, *на л'ѹл'илата зак'ачим*, и *ѹдем та си вода донесѣм* (Д. М. — ЦБ.); *омѣсим пог'ача з г'астото с'ито* и *ведн'ага ѹа обр'нем*, и *да си размѣсим ведн'ага* (Д. М. — ЦБ.); *немоѹ да заг'убим игл'ата*; *чѣкаѹ да поѹавим* (Т. К. — ЦБ.); *като б'ѹдем*, *с'ите се зберат окол мене* (Д. С. — СБ.); *да ѹмрем нема кой да ме види* (Т. М. — Ов.); *не сѣштам се да зѣмем кл'ѹчо*, *да отвор'им к'офч'аго*, *да донесѣм кожущѣто*. . . *ѹа па ч ѹдем да донесѣм к'ум'ѹр*, *грне ѹма кот коз'ата — да д'бнеса* (Д. М. — ЦБ.).

Иногда формы с *ѹ* (нулевым окончанием) и с *-м* употребляются в одном и том же предложении так, что трудно бывает объяснить выбор той или иной из них: *сака да си зап'азим пар'ѹ ел'ѹ да си нап'рава кашта*, *ел'ѹ да к'ѹна* (Д. М. — ЦБ.); *че ѹзмиѹа*, *че наран'а*, *че оп'ерем* (В. К. — ЦБ.); *чѣкаѹ да видим да го д'бнеса* (З. М. — Сп.); *морѣ ѹа човѣко да зарѣшим*, *че го бскуба!* (Д. К. — ЦБ.).

Глагол *м'ога* и в форме несовершенного вида может употребляться с нулевым окончанием 1-го л. ед. ч.: *не м'ога да сед'им*; *ѹа не м'ога*, *не знам* (Д. С. — СБ.); *ѹа не м'ога току с'илно да св'ѹрнем* (М. Л. — Ов.); *не м'ога да ѹа наѹдем* (С. А. — Сп.); *не м'ога да шѣтам*, *зим'а*, *не м'ога да тр'адем* (Т. М. — Г.) и др.

Глагол *чѣм* имеет и показатель 1-го лица *-у*: *нѣчу*, *не ми е бл'аго*; *нѣчем да веч'ерам* (Д. С. — СБ.).

Нулевое окончание в форме 1-го л. ед. ч. получают также временные основы аориста и имперфекта: *од'ѹ(х)*, *куп'ѹ(х)*, *носѣ(х)*, *бѣре(х)* и др.

1.2. Показатель (морфема) 2-го л. ед. ч. (обозначающий совпадение глагольного лица не с автором речи, а с собеседником) представлен окончаниями *-ш* и *ш*.

1.2.1. *ш* — окончание 2-го л. ед. ч. в формах с временным показателем презентности: *та тѝзе бѝте ткаѝм?* (С. А. — Сп.); *сега че го бжнѝеш* (Й. Кр. — ЦБ.); *чѝш ли да речѝм?* (Р. С. — СБ.); *да се омѝеиш, че измрзнеиш, че избѝреиш, че зѝжемш; пѝшеш, видѝш, четѝш; че се сѝтѝиш, че се измѝнчѝиш, прѝшаш, слѝшаш* и др.

1.2.2. Нулевое окончание имеют формы прошедшего времени (аорист и имперфект) и формы повелительного наклонения, т. е. все другие, временные и модальные, личные глагольные формы: аор. *оди, орати, донесе, гледѝ, везѝ* и др.; имп. *одеше, носеше, чѝкаше*, и др.; пов. *оди! носи! врѝш! зѝми!* и др.

1.3. Показатель 3-го л. ед. ч. сообщает, что лицо проявления, обозначенного глагольной основой, не участвует в акте речи (разговоре). Этот показатель представлен нулевым окончанием:

а) в формах настоящего времени: *едѝн да се врѝне, ама нѝчеа да се врѝнат* (Д. М. — ЦБ.); *комѝ е свое — плѝче, виѝе* (В. Ч. — ЦБ.); *и кой остѝане жѝф, со златна лажѝца че кѝса* (Д. С. — СБ.); *нѝшто се старѝо изгѝбуе* (ЦБ.) *што низ гѝра поѝе* (Д. Л. — Ов.); *онѝ че ми плетѝе* (Р. С. — СБ.); *нѝкой не мѝже да прѝде да гѝ спасѝ, ѝти што летѝ да мѝне* (Т. Б. — Сп.); *товѝ кл'опѝти, а не врѝе* (П. К. — Крн.); *че се гѝди момѝта* (Т. Б. — Сп.); *койѝ грѝница ни дѝлѝи?* (М. Л. — Ов.); *онѝ вѝче седѝи, прѝмета кнѝгѝте* (Р. С. — СБ.); *мѝчѝто нѝфтѝте закѝпа* (Р. С. — СБ.) и др.

б) в формах прошедшего времени (аориста и имперфекта): *и ѝн си досѝде и си отѝде у студѝна зѝт* (Д. М. — ЦБ.); *онѝ нѝшто показѝ ли ти?* (Д. Л. — Ов.); *ѝн па офѝар ѝдѝше* (П. Б. — ЦБ.); *като ѝбдѝше тѝка сѝка годѝна — свѝкнѝ* (В. К. — ЦБ.) и др.

1.4. Показатель 1-го л. мн. ч. сообщает обо всех, кто вместе с говорящим лицом участвует в проявлении, указанном глагольной формой. Данный показатель представлен окончанием *-ме*:

а) в формах настоящего времени: *и нѝе си дѝѝдеме, ѝнѝ си остѝанат тѝм* (Т. Б. — Сп.); *нѝе не мѝжеме да гѝ избрѝиме крсѝитѝе* (Д. М. — ЦБ.); *и се накѝчиме децѝа* (Йор. Ст. — СБ.); *да се видѝиме, да си пообрѝтиме* (Д. Л. — Ов.); *нѝе че бѝреме шишѝрки бѝрови* (Ел. Ст. — СБ.) и др.

б) в формах аориста: *и после кат ѝѝдѝме по нагор рѝкоѝа че ни ѝкнат* (Р. Кар. — ЦБ.); *и нѝе сѝте рѝчѝме: ѝко!* (Ел. Ч. — ЦБ.) и т. д.

в) в формах имперфекта: *нѝе там бѝрежме к'ѝтк'и* (Ел. Ч. — ЦБ.); *нѝе нѝсежме и нѝзани кѝпи* (Д. Л. — Ов.) и др.

Можно полагать, что в окончании *-ме* следует видеть *-м* — показатель участия говорящего в проявлении, указанном глагольной основой, а *-е* означает множественность носителя данного проявления.

1.5. Показатель 2-го л. мн. ч. (множество собеседников) представлен окончанием *-те*, которое также используется в различных временных формах (настоящем времени, аористе, имперфекте) и в формах повелительного наклонения:

а) в формах настоящего времени: *виѝе нѝмате правѝо да ѝдете тѝм* (Д. М. — ЦБ.); *ѝко сѝкате — слѝшайте, ѝко нѝчете — немѝйтѝе!* (Р. С. — СБ.); *сѝлно момѝче, трѝбе да го ѝчите* (Д. Мит. — ЦБ.) и др.

б) в формах аориста: *кадѝ одѝхте виѝе?* (Т. М. — Г.); *виѝе коку издѝплѝхте днѝс?* (Йор. Ст. — СБ.); *снѝшти сѝдѝте ли виѝе?* (Р. С. — СБ.) и др.

в) в формах имперфекта: *пѝрѝхте, нѝсѝхте* и др.

г) в формах повелительного наклонения: *жéни, áде излазéте ис колибата!* (Г. Б. — ЦБ.); *штóм ви бíйат, седéте си дóма!* (В. Ч. — ЦБ.); *насадéте г'и гóре, óти тýка че ви познáйат!* (К. Кр. — ЦБ.); *áйде, бýгарйе, немóйте такá!* (ЦБ.); *седéте тýва и се не бóйте* (Д. С. — СБ.) и др.

1.6. В качестве показателя 3-го л. мн. ч. (сообщающего о лицах, не участвующих в разговоре) используется морфема *-т/-ат/-йат/-а/-йа*.

1.6.1. В формах настоящего времени используются все алломорфы этой морфемы. Но они по-разному распределяются в различных спряжениях и группах глаголов. Для глаголов I и II спряжения обычно окончание *-т*: *гладни óчи не спíйат* (Д. С. — СБ.); *едén мéсец дóфтурите не можéа крфтá да ми спрát* (ЦБ.); *петлите пойát на самнуван'е* (Р. С. — СБ.); *седнад да запийát; бáш пот кокал'е се пренáсуйат; като застрижát офци́те* (П. Б. — ЦБ.); *ако г'и затечát — о'уно!* (Д. Л. — Ов.); *вршат, пийát, печát, оратат, цафтát* и др.

Алломорфы *-ат, -а*, были отмечены только в нескольких случаях: *даждеве йдаат* (Г. К. — ЦБ.); *йдаа седен'к'и и момите после, след них', бйдат си, и належаа да спát, до сабален* (Р. С. — СБ.); *шумата фрйат! -á, фрл'аа! рак'йа го печáа!* (М. К. — ЦБ.); *кой учат — у книгите описуйá, штó е билó; старите óра сé такá го приказуйá* (Г. К. — ЦБ.).

В формах глаголов III спряжения алломорфы *-ат, -йат, -йа, -а* встречаются очень часто:

бéгаат, викаат, лбуаат и др.: *врват и обрáштаат* (Р. С. — СБ.); *воловарйе збураат царевици по н'ивата, та на волóвете дáваад да йадát* (Д. М. — ЦБ.); *кой йскат, нэмск'и изучáваа* (Йор. Ст. — СБ.); *каквó викаа вашио светéц?* (Д. Л. — Ов.); *што си дўжаа момите?* (Р. С. — СБ.); *и кошйите седна да йужнўваа, рўчаа* (Д. М. — ЦБ.); *стáвйаа и памўк и свíла* (Д. М. — ЦБ.); *и фánат вéче да се завíвайа* (Д. М. — ЦБ.); *че г'и уведát у кáшти, па че си гостўвайа* (Т. Б. — Сп.); *пойát, óрата, óкайа* (Ел. Д. — ЦБ.); *на грóбштата сáмо кóпайа — мрát* (Г. Б. — ЦБ.); *че си рўчайа, че си почўваа* (З. М. — Сп.); *óчи ч ймаш — нéма да виждайат* (Ел. Д. — ЦБ.); *тýка едни пийát, едни па не видўвайат* (М. К. — ЦБ.) и др.

1.6.2. В формах аориста показатель 3-го л. мн. ч. представлен двумя алломорфами: *-а* и *-йа*. Звук *-й-* имеет фонетическое происхождение и чаще появляется после основы с конечным гласным *-а-*, реже — после *-о-* и совсем редко после *-и-* и *-е-*: *гледáа, исипáа, минáа, обрнáа, прашáа, сретнáа, успейáа, фанáа, дáдоа, дойдóа, извéдоа, найдóа, потéкоа, рéкоа, пéкоа, водíа, дарíа, заоратíа, молíа, наран'йа, носíа, платíа, одíа, окосíа, отровíа, пуштíа, иск'ипéа, истрпéа, отéа, преврвéа, прострéа, сопéа, умрéа; земáйа, лежáйа, пораснáйа, идóйа, найдóйа, пéкойа, измíйа, покрíйа, перемен'йа, видéйа* и др; *рўсите влезнáйа, като забричíа мажйéте, сé им отсéкоа перчицйите* (Г. Б. — ЦБ.); *опáсоа лўко кокóшк'ите* (П. Б. — ЦБ.); *една недéл'а сéдоа убйитите, нéма кой да г'и дйгне* (П. К. — ЦБ.); *йá одимáх седем децá мáшк'и, и двé ми мál'к'и умрéа* (Д. М. — ЦБ.); *нáште идéа чák нанавám* (Т. Б. — ЦБ.); *самí жн'áа, самí копáа, самí врба* (Г. Б. — ЦБ.) и др.

В формах имперфекта известны те же две алломорфы показателя 3-го л. мн. ч. Временной суффикс *-а* непосредственно перед личным показателем в этих формах встречается реже, чем в формах аориста, и личный показатель *-а* более обычен. Но *-йа* в формах имперфекта иногда появляется также после *-х-*. После *-е-* алломорф *-й-* отмечается

очень редко: *виду́вали сме вѹци и мѣчк'и, нафлѹзашеа у на́ште офци* (Ст. Мит. — ЦБ.); *напрѣш така́ на ко́ло се забрѣждашеа ста́ри жени́* (Г. Б. — ЦБ.); *напрѣш се навѹвашеа ба́ла, навѹй* (Г. Б. — ЦБ.); *па му не да́вашеа ра́бота* (Д. М. — ЦБ.); *на стрѣднио дѣн рабѹтеа* (Г. Б. — ЦБ.); *та́м спѣа бра́та* (Й. Кр. — ЦБ.); *крайнича́нск'ите првенци́ се фѣл'еа но́гу* (Й. М. — ЦБ.); *кожуси́ нѹсеа додѹле длѣни* (Д. Л. — Ов.); *цр̀но напрѣш ткѣеа* (Д. М. — ЦБ.); *што нѹжеа сѹкна — ка́берѹе, пѣкл'и прѣеа, плетѣа* (Д. М. — ЦБ.); *они́ сѣк'и дѣн нѹсех'а* (Р. М. — ЦБ.); *дво́ро ви́кахѹа го по ста́рому гѹвно* (Р. М. — ЦБ.); *ѹфци ѹмайѹа, ко́зи ѹмайѹа* (Г. Б. — ЦБ.); *тѹреа, казѹеа, ре́жеа* и др.

1.7. Формы с личными показателями имеют некоторые особенности в употреблении. Иногда при множественности производителя действия глагольная форма получает показатель единичного производителя и обратно. При множественном производителе действия может быть выбрана форма 1-го или 3-го лица в зависимости от включения или не включения говорящего лица в множество производителей данного действия. Укажем наиболее типичные случаи.

1.7.1. Если производитель действия — не одно лицо, а несколько лиц, не участвующих в акте речи (т. е. если в предложении есть два или более подлежащих), глагол может быть употреблен в форме с показателем 3-го л. ед. ч.: *и бе́ше е́ка, ра́да и бѣа сос ме́не* (Ел. Ч. — ЦБ.); *ѹа́ сам така́ работѹла, така́ и ви́е че рабѹтите, да те уважа́ва све́кор и свекрѹа* (Д. М. — ЦБ.); *а ма́н'а и баи́та́ и ви́ка* (Д. М. — ЦБ.); *ма́ма флѣзѹа, л'ѣл'а и цвѣта́ и ме пи́тат* (Л. Ч. — ЦБ.).

В таких случаях возможны оба показателя: 3-го л. ед. ч. и 3-го л. мн. ч. Последний употребляется чаще: *ѹдат све́кор, свекрѹа, че ути́кнат сна́ата та́м* (Т. Б. — СП); *лѣѹа, ма́ма, и цвѣта ойдо́ба да ви́дат на коопѣра́циѹа, ѹма ли та́м буфѣти* (Л. Ч. — ЦБ.); *да ми не на́ѹдат ма́на свекрѹата́ и деверѹ́* (Д. М. — ЦБ.); *и ѹде́хѹа една карѹ́ца и еде́н файто́н* (Л. Ч. — ЦБ.).

1.7.2. В конструкциях типа *това́ е, коджá е, оно́ е* и под., где в литературном языке глагол получает форму множественного числа (*това са, много са* и под.), в горнопольском говоре он остается с показателем 3-го л. ед. ч., несмотря на то, что связан со словом, обозначающим множество лиц или предметов: *тога́й бѹгарѹе билѹ ма́лко* (П. Н. — Крн.); *това́ што се свѣтка, това́ е зме́йове́те* (Д. М. — ЦБ.); *и си́чко те́ така́ исто́чи у коджá тепѹи́, ако е коджá коба́ци* (Д. М. — ЦБ.); *коджá е бетѹи́* (Г. К. — ЦБ.); *това́ е сме́шк'и* (ЦБ.); *а по́ фѣното́ што е — оно́ е повѣсма́* (П. Б. — ЦБ.); *това́ е гайтан'ѣ* (ЦБ.); *знаеш ли што́ е ши́шарки?* (Б. М. — ЦБ.); *и тога́й свекрѹата́ зѣме самѹн лѣп у раце́те и огледа́лото, и вино́ ча́ша и шик'ѣро, тополѣтата́ што́ е* (Д. М. — ЦБ.); *фѹрни́те што́ е, пра́ват майѹата́ от тра́ва* (Д. М. — ЦБ.).

1.7.3. При употреблении глагола *са́м* и в других случаях личный показатель 3-го л. ед. ч. используется при множественности производителя действия, не участвующего в разговоре. Возможно такое употребление форм с показателем 3-го л. ед. ч. и от других глаголов: *у това́ се́ло е покла́ди; до́жда покла́ди; старѹте годѹни́ е дру́г'и, ма́чни* (Г. Б. — ЦБ.); *садовѣ́те е по баи́ка* (З. М. — Сп.); *а кога́ се ла́чи чени́цата, баи́ка е три́ците, баи́ка е браи́ното́* (Д. М. — ЦБ.).

В таких случаях выражения сближаются с безличными, действие воспринимается как не связанное с субъектом (производителем действия);

в безличных конструкциях глагол обычно становится в форме 3-го л. ед. ч. Так иногда воспринимается и действие, выраженное возвратным глаголом: *колачѣта, баници се мѣси од брашно; н'ивите ни далѣко, като се забна цѣревици, станувам рано* (Д. М. — ЦБ.); *па тѹка се свѣе па мѣдри колѣта* (Д. М. — ЦБ.); *като ѱа распрѣнем грѣсницата у водата, онб се разнесѣ качиштата* (Ек. Б. — ЦБ.); *ѳесет пасмѣта се наснове* (П. Б. — ЦБ.);

1.7.4. Если производитель действия, не участвующий в акте речи, обозначен именем в форме единственного числа (чаще с неопределенно-личным значением), глагол может получать форму 3-го л. мн. ч.: *кѳѳ ѱмени дѣнове, ѱдат по честито* (В. Ч. — ЦБ.); *и на сѳте ѱдех'а по еднб дѣтѣ* (В. Ч. — ЦБ.).

1.7.5. Когда множество производителей действия состоит из лиц, не участвующих в разговоре, и говорящего лица (обозначенного личным местоимением 1-го лица), глагол получает форму 1-го л. мн. ч.: *пойдѳме ѱѳзе, калѳна, мѳра; тѳчка тѳна, ѱѳзе, вѳса брѳжме од баба вѳснете слѳви* (К. Кр. — ЦБ.); *ѱѳ сос вѳѳжката се возѳме, одѳме на плѳѳѳ* (М. К. — Сп.).

1.7.6. Когда производителем действия является множество лиц, обозначенное существительным в форме множественного числа или местоимениями *сѳчко, сѳчк'и*, то, если говорящий включает себя в это множество лиц, глагол получает показатель 1-го л. мн. ч. (но эта форма не является обязательной, возможен и показатель 3-го л. мн. ч.): *збѳреме се нѳгу дѣцѳ, си напрѳме фѳрн'а* (Ов.); *момѳте работат, предѳме, плетѳме, ама и джумбѳш си прѳват* (Г. К. — ЦБ.); *а миладѳнск'ите сме дѣл'ени* (Д. М. — ЦБ.); *сѳчк'ите прѳѳежме код ѱѳништата; там сѳчко седѳме, код офѳите* (Г. Б. — ЦБ.).

1.8. Таким образом, через личные показатели личные глагольные формы противопоставляются:

1) по участию или неучастию глагольного лица (производителя действия) в акте речи (разговоре);

2) по совпадению или несовпадению глагольного лица с говорящим (глагольное лицо — собеседник) при условии участия в акте речи. Распределение личных показателей показывает следующая таблица:

Таблица I

	Единичность глагольного лица		Множественность глагольного лица		
	презентные основы	основы прошедшего времени	презентные основы	основы прошедшего времени	
Участие или неучастие в акте речи					
Глагольное лицо является участником акта речи	-м, ѳ	ѳ	-ме		Глагольное лицо совпадает с автором речи — 1-е лицо Глагольное лицо — собеседник — 2-е лицо
	-ш	ѳ	-те		
Глагольное лицо не является участником акта речи		ѳ	-т, -ат, -ѳат, -а, -ѳа	-а, -ѳа	3-е лицо

1.9. Иная, чем в литературном языке, сочетаемость (распределение) конкретных окончаний создает впечатление значительного отличия в образовании личных глагольных форм в говоре по сравнению с литературным языком. Так, окончание 1-го л. ед. ч. -м связывается не

только с глагольными основами III спряжения, но и с глагольными основами I и II спряжений, т. е. со всеми глагольными основами. Формы 1-го л. ед. ч. с *-а* имеют только глаголы совершенного вида I и II спряжений и только в том случае, если основа имеет приставку. Так как в этих формах ударение непременно переходит на приставку, акцентность приставки можно рассматривать как своеобразный показатель 1-го л. ед. ч. При этом следует отметить, что префиксные перфективные глаголы соединяются и с *-м*, следовательно, можно говорить о дублетности окончаний (хотя и существуют некоторые различия в употреблении форм).

Генерализация в говоре форманта *-ме* как показателя 1-го л. мн. ч., хотя и подчеркивает в говоре склонность к унификации формообразующих показателей глагола, не является отличительной его чертой: показатель 1-го л. мн. ч. *-ме* в формах настоящего времени для всех глаголов широко известен во многих болгарских говорах.

Склонность к унификации личных окончаний в формах настоящего времени, однако, не дала результатов в 3-м л. мн. ч., где известны форманты *-т*, *-ат*, *-йт*, *-а*, *-йа*. В разных спряжениях глаголов эти форманты распределены различно, но множество глагольных основ образуют форму 3-го л. ед. ч. различными способами. Вероятно, эта пестрота является последствием междиалектных влияний.

2. СУФФИКСЫ ОСНОВ (МОРФЕМЫ II ПОРЯДКА)

2.0. Морфемы II порядка — морфемы, стоящие непосредственно перед окончаниями (морфемами I порядка). Они являются показателями грамматических основ, образующих временные формы глагола, т. е. временными показателями. Временные показатели выражают соотношенность проявления (действия, состояния), обозначенного глагольной лексической основой, с тем или иным моментом времени.

2.1. Временной показатель, указывающий на связь действия с определенным моментом прошлого, образует основы прошедшего времени — аориста и имперфекта. В основах личных форм он представлен различными конкретными формантами (обычно — консонантными суффиксами).

2.1.1. В формах 1-го л. ед. и мн. ч. и 2-го л. мн. ч. основ имперфекта и аориста используется временной суффикс *-х/-й/-ø*. В каждой из перечисленных личных форм известны все три форманта (как свободные варианты). При нулевом форманте обычно удлинение предшествующего гласного. Суффикс *-й-* чаще появляется после гласного *-е-*, т. е. в формах имперфекта.

Наиболее обычным является образование данных основ с нулевым суффиксом, особенно в форме 1-го л. мн. ч.: *и ние сите рече́ме: а́ко!* (Ел. Ч. — ЦБ.); *та́м три но́шти седе́ме, па ни дигна́а нас* (ЦБ.); *купи́ме во́л. . . сос не́го като зарабо́тйме. . .* (Г. Б. — ЦБ.); *и ние трзча́ме, трзча́ме, стигни́ме до чуше́фци* (Ел. Ч. — ЦБ.); *през живо́то живе́ме у сла́мени ка́шти* (Г. Б. — ЦБ.); *скубе́ме туту́н', иде́ме на н'ивата* (В. К. — ЦБ.).

2-е л. мн.: *едно́то йаре испратй́те на венко́те? сите закла́те сегá?* (Ел. Б. — ЦБ.); *зна́чи пийни́те сите* (Т. Б. — ЦБ.); *ко́й накаде́ знае́, та́м литни́те* (Р. С. — СБ.); *грео́та е дека не придо́те* (Д. Л. — Ов.);

1-е л. ед.: *йá останá да се ма́чим* (Д. С. — СБ.); *йáз живе́ем, сино́ си загу́би* (Д. С. — СБ.); *йá и показá една́ песе́н* (Д. Л. — Ов.); *йá ойде́ да ви́дим йма ли та́м деца́* (К. Кр. — ЦБ.); *се́до до́ма, се́до, ама ми се са́м не се́ди* (Ив. Б. — ЦБ.).

Суффикс *-x-* чаще появляется в форме 1-го л. ед. ч.: *йá си окачáх г'ердáно* (Т. Б. — Сп.); *йá видбóх, че турй́те дáски* (С. К. — ЦБ.); *йá ти йáвй́х да видиш* (Д. М. — ЦБ.); *йá го везáх тýка* (ЦБ.); *йá цáл дéн пéчката горéх* (Д. М. — ЦБ.); *йá и напрéш не мбжех да йадéм* (ЦБ.); *йáзeka с нóжо рéжex трáва... и си посéкох прéсто* (Л. Ч. — ЦБ.); *йá пéрех на чешмáта, веднáга не дойдбóх* (ЦБ.); *йáзе се пбстex, не йадéх лéп, па пбсле пройáдо* (П. Б. — ЦБ.); *йáзе тýка рáббтex' бсем дéкари тутýн'* (Д. М. — ЦБ.).

Также и в других формах:

1-е л. мн.: *ойдбóхме дeка дй́пáт женй́те тутýн'* (Л. Ч. — ЦБ.); *найдбóхме трéск'и и г'и зáнуитáхме из рекáта* (Ел. Ст. — СБ.).

2-е л. мн.: *вйе задипл'й́хте ли?* (Д. С. — СБ.); *вйе вeчeрáхте?* (И. С. — СБ.); *одзевнáхте ли?* (Д. С. — СБ.); *бти дойдбóхте си?* (Д. Л. — Ов.); *мйхте ли се, не стé ли?* (З. М. — Сп.).

-й- обычно отмечается в форме 1-го л. мн. ч. имперфекта (после *-e-* перед *-м-*): *живй́ейме нóгу сос етрвáта* (Г. Б. — ЦБ.); *влáчeйме йá на грéбенци* (П. Б. — ЦБ.); *тýва шй́ейме пóли* (Д. Л. — Ов.).

В говоре детей суффикс *-x-* звучит чаще.

2.1.2. Показатель определенного прошедшего момента в основах форм 2-го и 3-го л. ед. ч. и 3-го л. мн. ч. аориста представлен нулевым суффиксом:

2-е л. ед.: *é сегá, вйто, че те бйем с кáмен'е... бти нeчеш да дбеш нáшта седéн'к'а, а идé на дрýга* (В. К. — ЦБ.); *тй се изложй́, нeмá штó* (Д. С. — СБ.); *тй, дйне, преблáчй ли се?* (Р. С. — СБ.); *с нeйá прибрá ли се, чéдо?* (ЦБ.); *патлиджáн набрá ли бе?* (ЦБ.).

3-е л. ед.: *онá нeшто показá ли ти?* (Д. Л. — Ов.); *кóй ти йá тжá?* (П. Б. — ЦБ.); *не цáфтé ли нáшта копeрáция?* (Ст. Мит. — ЦБ.); *бéк'и се пoжeн'увá онá* (Ел. Д. — ЦБ.); *бн земá тa се обeси* (Т. М. — Ов.); *мeнe мe рáботáтa сосинá* (С. А. — Сп.); *прáшй ли тбó чeвeк нeшто?* (Т. Б. — Сп.).

3-е л. мн.: *кoбшк'ите нaлeжáа; изойдбá войницй́* (Г. Б. — ЦБ.); *и тýрцитe не мoжeа да дбйдат* (Д. Л. — Ов.); *тегл'йá вóдa, тeгл'йá, и онá исецá тáа вóдa* (ЦБ.); *еднá недéл'а сeдoа убйтитe* (П. К. — ЦБ.).

2.1.3. Суффикс 2-го и 3-го л. ед. ч. имперфекта *-ше*: *кóй рáббтeшe, че му се зaпáл'ат кáштитé* (В. Ч. — ЦБ.); *тй... пб се тáкá интeрeсeйшe* (Д. М. — ЦБ.); *нóгу бeшe стрáшно, кoгá го вóдa нбсeшe* (Т. Б. — Сп.); *мбй дeдá бeшe стáр нóгу и тoвá ни рáспрáвйáшe* (Ел. Д. — ЦБ.); *йдeхмe у бáбинe, и онá прáeшe дилй́м'и* (Ел. Ч. — ЦБ.); *онá тoкy вйкнeшe тa зaпoшe* (Д. М. — ЦБ.); *нйкóй г'и не дйрeшe тййá рáботи* (М. К. — ЦБ.).

2.1.4. Показателем определенного прошедшего момента в основе имперфекта 3-го л. мн. ч. является суффикс *ø/-x-/-й-/-ше-*. Самым обычным способом образования этой формы временной основы является использование нулевого показателя: *от тýрцитe се крй́eа* (Д. С. — СБ.); *напрéш не дáвaа да се жéн'ат до сeдeм пбйáса од рoдáтa* (Ел. М. — Крн.); *женй́те кáзй́eа тoгáй* (Р. П. — ЦБ.); *eдeн асёр — тáм снeа брáтa* (ЦБ.); *ймáшe тáм до нáс дрýг'и, бeрeа... тутýн'* (Д. М. — ЦБ.); *напрéш бeс кoлй́би, тáкá лeжeя офчарй́eтe* (Г. Б. — ЦБ.); *у старóго врeмe йдeа оглeдницй́* (Д. М. — ЦБ.); *ймáм пeтй́нa брáк'а, онó йчeа, а зa жéнск'ите — нeмá рeт* (Д. Мит. — ЦБ.).

Формы с *-ше-* были отмечены преимущественно в говоре старшего поколения и обычно в глаголах III спряжения, реже — II спряжения: *дáвaшeа рáботa да рáббти у стoпáнствoтo* (Д. М. — ЦБ.); *eй*

тўка брата ѓмашеа по пѣтстѣтин ѓфци! (Ив. Б. — ЦБ.); *ѓмашеа калѣври, бес пѣти, като кл'апѣта, мажѣте урѣвѣе не нѣсеа, сѣ опѣнци, напрѣш се навѣвашеа бѣла, навѣй* (Г. Б. — ЦБ.); *напрѣш такѣ на кѣло се забрѣждашеа стѣри женѣ* (Г. Б. — ЦБ.); *тѣа три дѣми се различѣвашеа* (М. К. — ЦБ.); *г'ерманѣите затѣва ѓскашеа да а зѣмат украинѣа* (П. К. — ЦБ.); *ѓа бѣ у унѣрийѣа, там ѓмашеа такѣѣа стѣри и нѣсешеа урѣвени кѣпи* (П. К. — ЦБ.); *по стѣримѣ не вѣкашеа другѣр* (Т. Б. — ЦБ.); *тѣа што г'и дѣвашеа, што г'и нарѣчашѣа — нѣма г'и сегѣ* (Д. М. — ЦБ.); *не знѣм какѣ ѣо вѣкашеа тѣва, тѣа бѣл'ес!* (Д. М. — ЦБ.); *напрѣш на собѣр от сѣла се збѣрашеа* (С. К. — ЦБ.); *чѣкаѣ да вѣдим какѣво а вѣкашеа тѣа вѣда* (Д. М. — СБ.); *нѣгу ме уважѣвашеа* (Д. М. — ЦБ.); *момѣте тогѣѣ нѣсешеа коѣал'ѣ, ментѣта нѣсешеа... на прѣзници нѣсешеа, на божѣч, на велѣден г'и загрѣташеа* (В. Н. — ЦБ.); *тогѣѣ по л'убѣф се не зѣмашеа* (Д. Мит. — ЦБ.) и др.

В говоре молодежи и детей этот суффикс не употребляется. В их говоре (как и в говоре мужчин среднего возраста) часто используется суффикс *-х'(-хѣ-)*: *и чѣча и дѣда седѣхѣѣа прѣт кошѣрата* (Л. Ч. — ЦБ.); *онѣ сѣк'и дѣн нѣсѣх'ѣа* (Р. М. — ЦБ.); *сѣте брак'ѣ ѓмах'ѣа по чѣтири дѣѣа* (В. Ч. — ЦБ.); *напрѣш нѣгу игрѣх'ѣа ѣро момѣте* (ЦБ). Употребление этого суффикса может быть объяснено связью горнопольского говора с самоковским, где он встречается более часто, а также и влиянием литературного языка, откуда проникает *-х-*, интерпретируемый в говоре как *-х'*. Суффикс *-ше-*, очевидно, проник из формы 3-го л. ед. ч. Это тем более возможно, так как форма имперфекта 3-го л. мн. ч. с нулевым суффиксом морфологически невыразительна, она совпадает с формой 3-го л. мн. ч. настоящего времени (ср. *дѣваа* — 3-е мн. имп. и *дѣваа* — 3-е мн. наст. вр.). Суффикс *-ше-* может быть связан и с переходными западными говорами. Интересно, что в Разметанице (район, лежащий к западу от Горно поле) формы с *-ше-* более употребительны.

2.2. Формы настоящего времени не имеют формантов, соответствующих рассмотренным в 2.1. (т. е. консонантных временных суффиксов). Они имеют нулевой показатель.

2.3. Таким образом, консонантный временной показатель сообщает о связи проявления, выраженного лексической глагольной основой, с определенным прошедшим моментом времени и характеризует формы аориста и имперфекта. Нулевой показатель (формы настоящего времени)

Таблица 2

Распределение конкретных формантов	Значение временных показателей (морфем II порядка)	
	соотнесенность с определенным прошедшим моментом	несоотнесенность ни с каким мыслимым моментом
Основы аориста и имперфекта 1-го л. ед. и мн., 3-го л. мн. Аористная основа 2-го и 3-го л. ед. и 3-го л. мн. Имперфектная основа 2-го и 3-го л. ед. Имперфектная основа 3-го л. мн.	-х-, -ѣ-, ѣ (свободные варианты) ѣ -ш- -х-, -ѣ-, ѣ (свободные варианты) -ше- (дублетный формант)	ѣ (во всех формах)

указывает на отсутствие соотнесенности проявления с каким-либо мыслимым моментом.

Распределение конкретных консонантных суффиксов частично обусловлено фонетически (так, *-й-* появляется преимущественно в фонетическом окружении одного типа), частично — морфологически (т. е. связано с определенными типами основ).

3. СУФФИКСЫ ОСНОВ (МОРФЕМЫ III ПОРЯДКА)

3.0. Морфемы III порядка (морфемы, стоящие перед временными консонантными суффиксами) являются показателями основ временных или модальных глагольных форм. В различных основах они представлены различными вокальными формантами.

Вокальные временные суффиксы (темы) представлены в основах настоящего времени, аориста и имперфекта.

3.1. Временной вокальный показатель форм настоящего времени сообщает о презентности проявления, обозначенного глагольной основой (наличие состояния или процесс действия в момент речи). Форманты этого показателя в различных глагольных основах различны и распределяются следующим образом:

3.1.1. Суффикс *-а-* — показатель презентности в основах глаголов III спряжения: *бъркам* ('гоня, преследвам'), *въркам* ('бързам'), *дрсам* ('рѣфам'), *вѣл'к'ам* ('живуркам'), *кѹсам*, *пѧн'к'ам* ('хленча'), *пращам* ('питаю'), *сѣцам* ('дърпам') и др.

3.1.2. Суффикс *-е-* — показатель презентных основ глаголов I спряжения, образующий основы форм 1-го, 2-го и 3-го л. ед. ч. и 1-го и 2-го л. мн. ч.: *ѧпнуем*, *арѣзуем*, *бѣем*, *бѣрем*, *кажем*, *кѹснем*, *орѣм*, *сѣвнем* ('сваля'), *ткѣем*, *тращем* и др.

3.1.3. Суффикс *-и-* — показатель презентных основ глаголов II спряжения, образующий основы всех форм, кроме 3-го л. мн. ч.: *ѧбим*, *белѣжим*, *блѣжим*, *влѣзим*, *гмѣчим* ('мачкаю'), *двѣбим* ('деляю'), *ѣѧвим* ('покажу'), *крѣбим*, *трѣбим*, *трѣчим* и др.

3.1.4. Суффикс основ настоящего времени для форм 1-го л. ед. ч. и 3-го л. мн. ч. *-а-*. Глаголы, имеющие основы с формантами *-е-* и *-и-*, в форме 1-го л. ед. ч. имеют и основу с *-а-*, соединяющуюся с нулевым личным окончанием: *довѣдем* — *довѣда*, *донесѣм* — *донѣса*, *заплѣтем* — *зѧплѣта*, *избѣрем* — *ѣзбѣра*, *извѣдим* — *ѣзвѣда*, *испѣчѣм* — *ѣспѣча*, *истрѣбим* — *ѣстрѣпа*, *накладѣм* — *наклѣда*, *омѣсим* — *ѣмѣса* и др. Все основы 1-го л. с окончанием *-а-* характеризуются ударением на приставке.

В основах 3-го л. мн. ч. для всех глаголов используется суффикс *-ѧ-*, который может быть и ударным и безударным: *бѣѣѧт*, *донѣсѧт*, *дрѣмѧт*, *казѣѣѧт*, *кѣснѧт*, *шѣѣѧт*; *белѣжѧт*, *вртѧт*, *гмѣчѧт*, *ѣѧвѧт-крѣвѧт*; *бѣркѧт*, *кл'ѣкѧт*, *пращѧт*, *рѣгѧт* ('разплитат'), *рѣчѧт* и др.

3.1.5. Суффикс основ 1-го л. ед. ч. и 3-го л. мн. ч. *-ѣ-*, стоящий перед суффиксом *-а-*, имеют глаголы, часть основы которых, находящаяся перед вокальным временным показателем, оканчивается гласным: *зѧпойѧ*, *ѣзмѣѣѧ*, *брѣѣѧт*, *зѧпойѣѧт*, *казѣѣѧт*, *шѣѣѧт* и др.

3.1.6. В зависимости от вокальных суффиксов основ настоящего времени (тем) все глаголы разделяются на три спряжения:

I спряжение — глаголы с суффиксом *-е-* в основах форм всех лиц, кроме 1-го л. ед. ч. и 3-го л. мн. ч., с суффиксами *-е-* или *-а-*, *-ѣѧ-* в основе 1-го л. ед. ч., с суффиксами *-а-*, *-ѣѧ-* в основе 3-го л. мн. ч.

II спряжение — глаголы с суффиксом *-и-* в основах всех личных форм, кроме 1-го л. ед. ч. и 3-го л. мн. ч., с суффиксами *-и-* или *-а-*,

-йа- в основе 1-го л. ед. ч., суффиксами -а-, -йа- в основе 3-го л. мн. ч.

III спряжение — глаголы с суффиксом -а- в основах всех форм.

3.2. Временной вокальный показатель, сообщающий о непрерывности действия, представлен в основах имперфекта, т. е. в формах, означающих действие, соотношенное с определенным прошедшим моментом.

3.2.1. Суффикс основ имперфекта -е- представлен в основах всех глаголов I и II спряжения: *грее(х)*, *дреме(х)*, *живее(х)*, *орé(х)*, *ткáе(х)*, *трае(х)*, *трие(х)*, *боé(х)* се, *држе(х)*, *крíве(х)*, *летé(х)*, *носе(х)*, *седé(х)* и др.

3.2.2. Суффикс основ имперфекта -а- представлен в основах глаголов III спряжения: *бírка(х)*, *вáрка(х)*, *гледá(х)*, *дáва(х)*, *дрса(х)*, *кьца(х)*, *пáша(х)*, *рига(х)*, *рúча(х)*, *чéша(х)* и др.

3.3. Временной вокальный показатель, сообщающий о прекращенности действия, также представлен в основах с консонантным показателем соотношенности действия с определенным прошедшим моментом. Этот показатель характеризует основы аориста. В говоре известны следующие форманты показателя прекращенности действия:

3.3.1. Суффикс основ аориста -á-: *вейá(х)*, *видувá(х)*, *гледá(х)*, *давá(х)*, *дарувá(х)*, *држá(х)*, *капнá(х)*, *кусá(х)*, *лежá(х)*, *окá(х)*, *пойá(х)*, *прашá(х)*, *ригá(х)*, *сивнá(х)*, *фрчá(х)* и др.

3.3.2. Суффикс основ аориста -é-: *горé(х)*, *заврé(х)*, *запрé(х)*, *испé(х)*, *летé(х)*, *отмé(х)*, *подузрé(х)*, *следé(х)*, *трпé(х)*, *цафтé(х)* и др.

3.3.3. Суффикс основ аориста -й-: *брой(х)*, *варй(х)*, *власй(х)*, *гмечй(х)*, *дипл'й(х)*, *йавй(х)*, *корй(х)*, *кривй(х)*, *пой(х)*, *спестй(х)* и др.

3.3.4. Суффикс основ аориста -о-/-е-: *донéсо(х)* — *донéсе*, *кладó(х)* — *кλάде*, *мéто(х)* — *мéте*, *мúзо(х)* — *мúзе*, *пáсо(х)* — *пáсе*, *пéко(х)* — *пéче*, *плéто(х)* — *плéте*, *прéдо(х)* — *прéде* и др.

3.3.5. Суффикс основ аориста, представленный нулевым формантом: *бй(х)*, *вй(х)*, *крй(х)*, *ми(х)*, *овдовé(х)*, *омал'é(х)*, *ткá(х)*, *шй(х)* и др.

3.4. Временные вокальные суффиксы дают возможность классификации глаголов по видам временных основ. В зависимости от суффиксов презентных основ глаголы распределяются по трем спряжениям: I спряжение — суффиксы -е-, -а-/-йа-; II спряжение — суффиксы -и-, -а-/-йа-; III спряжение — суффикс -а-.

Более подробная классификация дается по суффиксам аористных основ (в основах имперфекта для глаголов I и II спряжения известен только суффикс -е-, для глаголов III спряжения — только -а-).

I спряжение

По суффиксам основ аориста глаголы I спряжения делятся на четыре разряда.

1-й разряд охватывает глаголы с суффиксом -á-. Их можно разделить на четыре группы:

а) Глаголы с суффиксом -у- перед временным суффиксом -е- в основе настоящего времени (II акцентный тип)¹. В основе аориста перед временным суффиксом -á- они имеют суффикс -ув-: *áпнуем* — *áпнувá(х)*, *бабúем* — *бабувá(х)*, *балегúем* — *балегувá(х)*, *бачúем* — *бачувá(х)*, *боледúем* — *боледувá(х)*; *алóсуем*, *арéсуем*, *арйзуем*, *артйсуем*, *балдйсуем*, *боздйсуем*, *боледйсуем*, *бунтúем*, *вáпцуем*, *везúем*, *вéруем*, *бубун'áсуем* и др.

¹ Об акцентных типах глаголов горнопольского говора см. нашу статью в сб. „Статьи и материалы по болгарской диалектологии“, вып. 10 (в печати).

Глаголы этой группы проявляют тенденцию перехода в III спряжение. В говоре более молодых носителей диалекта суффикс *-у-* в формах настоящего времени заменяется *-ув-*, после которого следует тема *-а-*, и эти глаголы образуют формы как глаголы III спряжения.

б) Глаголы, в которых стоящая перед временным суффиксом основа заканчивается гласным; в формах аориста тогда появляется суффикс *-йá-* (II акцентный тип). В эту группу входят глаголы: *ба́ем, бле́е, бли́е, ве́ем, вире́ем, владе́ем, гре́ем, зре́ем, жале́ем, живе́ем, ла́ем, лине́ем, ма́ем, сме́ем се, тра́ем, уме́ем, успе́ем, спи́ем, по́ем* и некоторые другие; *ве́ем—вейá(x)*, *владе́ем—владейá(x)*, *гре́ем—грейá(x)*, *жале́ем—жалейá(x)*, *живе́ем—живейá(x)*, *тра́ем—трайá(x)*, *зна́м—знайá(x)*. К этой же группе относятся и глаголы *ви́ем—ви́йá(x)*, *по́ем—пойá(x)* (III акцентный тип).

В основе глагола *спи́ем* суффикс *-и-* перед темой *-а-* не сохраняется: *спá(x)*.

в) Глаголы с чередованием гласных или согласных в стоящей перед темой основе (большая часть глаголов входит в I акцентный тип, небольшая часть — в III акцентный тип):

ж/з: *ари́жем—аризá(x)*, *бли́жем—близá(x)*, *ве́жем—везá(x)*, *вр́жем—врзá(x)*, *ка́жем—казá(x)*, *ма́жем—мазá(x)*, *ни́жем—низá(x)*, *ре́жем—резá(x)*; *и́н'аше́м—и́н'асá(x)*, *зорле́диме́м—зорледисá(x)*, *йа́дбо́шем—йадосá(x)*, *крсто́шем—крстосá(x)*, *мери́шем—мерисá(x)*, *пи́шем—писá(x)*, *оча́шем—очасá(x)*, *отпа́шем—отпасá(x)*, *ста́шем—стасá(x)* и др.

ж/г: *ла́жем—лагá(x)*, *сти́жем—стигá(x)*, *стру́жем—стругá(x)*;

ч/к: *пла́чем—плакá(x)*, *суче́м—сукá(x)*.

е/ѳ: *бе́рем—бра́(x)*, *де́рем—дра́(x)*, *кол'е́м—клá(x)*, *пе́рем—пра́(x)*, *посте́л'е́м—посла́(x)*, *распа́рем—распра́(x)*.

г) Глаголы без чередования гласных или согласных в основах: *дре́мем—дрема́(x)*, *зе́мем—зема́(x)*, *ка́пем—капа́(x)*, *си́пем—сипá(x)*, *тре́бе—треба́(ло)*, *шти́пем—штипá(x)*, *кл'уве́м—кл'ува́(x)*, *кове́м—кова́(x)*, *оре́м—ора́(x)*, *реве́м—рева́(x)*, *снове́м—снова́(x)*, *црпе́м—црпа́(x)*, *апне́м—апна́(x)*, *вр́нем—врна́(x)*, *г'ине́м—г'ина́(x)*, *ба́нем, бо́лнем, ве́нем, гра́бнем, гу́нем, да́нем, де́бнем, де́кнем, ди́гнем, др́снем, джо́рнем, джо́снем, джу́пнем, жи́жнем, расне́м, на́нем, па́днем, жн'е́м* и др.

2-й разряд включает глаголы, имеющие показатель основы аориста *-о/-е-* (IV акцентный тип). С *-о-* образуются основы форм всех лиц, кроме 2-го и 3-го л. ед. ч., которые имеют *-е-*. Эти глаголы разделяются на две группы:

а) Глаголы без чередования согласных в корне: *бо́дем—бо́до(x)*, *—бо́де*, *везе́м—везо(x)*—*везе*, *и́н'ете́м—и́н'ето(x)*—*и́н'ете*, *гребе́м—гребо(x)*—*гребе*, *даде́м, доведе́м, йа́де́м, донесе́м, жиже́м, кладе́м, мете́м, музэ́м, пасе́м, плете́м, преде́м, скубе́м, тресе́м, црпе́м, иде́м—идо́(x)*—*иде́*, *на́йдем—найдо́(x)*—*найде́*.

б) Основы с чередованием согласных в корне. Согласные *ч* и *ж*, представленные в основах настоящего времени, в формах аориста заменяются согласными *к* и *г* перед *-о-*; перед *-е-* сохраняются *ч* и *ж*: *довле́чем—довле́ко(x)*—*довле́че*, *пече́м—пéко(x)*—*пéче*, *рече́м—ре́ко(x)*—*рэче*, *сече́м—се́ко(x)*—*се́че*, *стри́жем—стри́го(x)*—*стри́же*, *стру́жем—стру́го(x)*—*стру́же*, *суче́м—су́ко(x)*—*су́че*, *тече́м—те́ко(x)*—*те́че*.

В эту же группу входит и глагол *врше́м*. В основе аориста *-и-* перед *-о-* выпадает: *вро́(x)*, *вро́(x)ме* и др. Перед *-е-* (т. е. в формах 2-го и 3-го л. ед. ч.) *-и-* сохраняется: *оврше́е*. Этот глагол относится

к I акцентному типу, так же, как и глаголы *йдем, дойдем, найдем* и др.

3-й разряд составляют глаголы, образующие основу аориста с нулевым суффиксом (глаголы с неподвижным ударением): *бием — би(х), вием — ви(х), играем — игра(х), крием — кри(х), беснеем, благнеем, богатеем, бозавеем, гн'ием, говеем, дебелеем, знаем, лудеем, мием, милеем, момеъм се, вием², пием, пилеем, слабеем, ткаем, трием, убавеем, црнеем, ч'уем, ц'уем, шием, пл'уем, занемеем, нагусеем, об'уем, овдовеем, одрпавеем* и др.

4-й разряд охватывает глаголы с суффиксом основ аориста *-é-* (I акцентный тип). Все глаголы этого разряда в основе аориста имеют корень без гласного звука (*-вр-*, *-пр-*, *-пн-*, *-мр-*, *-м-*, *-зр-*, *-стр-*, *-мл'-*). Различаются две группы:

а) Основа аориста совпадает с основой настоящего времени: *заврем — завре(х), запрем — запре(х), умрем — умре(х), подумрем — подумре(х), прострем — простре(х)*.

б) Основа аориста не совпадает с основой настоящего времени. Из основы настоящего времени *-пн-* выпадает *-н-* при образовании основы аориста: *испнем — испне(х)*. Глагол *отнем* имеет две основы аориста — с *-м-* и без *-м-*: *отме(х), оте(х)*. В основах глагола *мел'ем* наблюдается чередование *-е-* (основа настоящего времени) — *∅* (основа аориста): *мел'ем — мл'е(х)*.

II спряжение

Глаголы II спряжения делятся на три разряда:

1-й разряд охватывает глаголы с суффиксом *-й-* в основе аориста: *абим — абй(х), бележим — бележй(х), блажим — блажй(х), бричим — бричй(х), йавим — йавй(х), амим, арчим, бавим, бакарим, бесим, бедим, бинчим се, борим се, браним, братйчим, брборим, видим, варим, величим се, весел'им се, влазим, влачим, весим, вршим, вревим, галатим, гасим, гмечим, гн'авим, гон'им, готвим, гутавим се, г'ушим се, давим, дел'им, дйпл'им, дйрим, п'уштим, брбим, доим, кроим, спасйм, рнчйм* и др.

2-й разряд включает глаголы с суффиксом *-é-* в основе аориста (I акцентный тип и несколько глаголов III акцентного типа): *вртйм — врте(х), грмйм — грме(х), ентй, летйм, л'утй, мрзй, мрхтйм, расветй се, седйм, следйм, светй, светйм, слзй се, смрдйм, студй, тантй, тврдйм, трпйм, фиштйм, цафтйм, кипй, поврим, преврим* и др.

В 3-й разряд входят глаголы с суффиксом основы аориста *-á-*: *бойм се — бойá(х) се, брнчйм — брнчá(х), фучй — фучá, бучй, држйм, квичйм, лежйм, мучйм, мучй, стойм, трчйм, фрчйм, цврчйм, пиштйм, решйм, жмйм*.

III спряжение

III спряжение — самое продуктивное спряжение глаголов. Все глаголы этого спряжения имеют основу аориста с суффиксом *-á-* и являются глаголами II акцентного типа. Глаголы других спряжений иногда (особенно в говоре детей) переходят в III спряжение и образуют формы настоящего времени также с суффиксом *-а-*: *к'упам, могам*.

Таким образом, с помощью временных суффиксов образуются основы различных временных форм глагола. Каждый временной показатель сообщает об определенном времени.

² Глагол *вием* образует формы аориста и по образцу глаголов 1-го разряда.

Классификация глаголов по видам временных основ

Спряжение	Разряд	Суффикс основы аориста	Группа	Форма 1 л. ед. наст. вр.	Форма 1 л. ед. аориста	Форма 2 л. ед. аориста
I	1-й	-á-	а) перед суффиксом основы есть суффикс -у- (наст. вр.), -ув- (аор.)	кач ^у ем	качу ^а (х)	качу ^а
				по ^е м	пой ^а (х)	пой ^а
			б) суффикс имеет -й-; основа перед суффиксом презентности оканчивается на гласный	ари ^ж ем	ари ^з а(х)	ари ^з а
				пи ^ш ем	писа ^а (х)	писа ^а
	2-й	-о-/-е-	в) в основах перед временным суффиксом аориста наблюдается чередование согласных или гласных фонем	ла ^ж ем	ла ^г а(х)	ла ^г а
				пла ^ч ем	пла ^к а(х)	пла ^к а
				по ^ш тем	пос ^к а(х)	пос ^к а
				бе ^р ем	бра ^а (х)	бра ^а
	3-й	нулевой суффикс	г) основы, находящиеся перед временными суффиксами, одинаковы.	дре ^м ем	дре ^м а(х)	дре ^м а
				кл'у ^в ем	кл'у ^в а(х)	кл'у ^в а
4-й	-é-	а) основы с чередованием согласных	стри ^ж ем	стри ^ж о(х)	стри ^ж е	
			пече ^м	пече ^к о(х)	пече ^к е	
4-й	-é-	б) основы без чередования согласных	мет ^е м	мето ^к (х)	мете ^к	
			ми ^е м	ми ^к (х)	ми ^к	
4-й	-é-	а) основы без чередования	проб ^{стр} ем	прост ^р е(х)	прост ^р е	
			б) основы с чередованием	ис ^{пн} ем	ис ^п е(х)	ис ^п е
II	1-й	-й-	ме ^{л'} ем	мл' ^е (х)	мл' ^е	
	2-й	-é-	йав ^{им}	йав ^и (х)	йав ^и	
	3-й	-á-	трп ^{им}	трп ^е (х)	трп ^е	
III	-á-		трч ^{им}	трч ^а (х)	трч ^а	
			вар ^{кам}	вар ^к а(х)	вар ^к а	

Для каждого глагола различаются три основы:

1) основа настоящего времени; 2) основа имперфекта; 3) основа аориста.

Основы настоящего времени противопоставлены основам прошедшего времени (имперфекта и аориста). Это противопоставление выражено в отсутствии консонантного показателя в основах настоящего времени и в наличии консонантного показателя, соотносящего действие с определенным прошедшим моментом — в основах имперфекта и аориста. В тех формах аориста и имперфекта, где основы не имеют консонантного суффикса (2-е и 3-е л. ед. ч. аориста и 3-е л. мн. ч. имперфекта и аориста с нулевым суффиксом), временная характеристика дается

только вокальными суффиксами (-e-, -и-, -а- — суффиксы презентности в основах настоящего времени, -e-, -а- — суффиксы непрерывности действия — в основах имперфекта, -á-, -йá-, -o-/-e-, -й-, -é-, ø — суффиксы прекращенности действия — в основах аориста).

Вокальные суффиксы разграничивают не только формы настоящего времени и формы прошедшего времени, но и в формах прошедшего времени — формы аориста и имперфекта.

По основам глаголов конкретные форманты показателей презентности, непрерывности и прекращенности распределяются различно.

Т а б л и ц а 4

Распределение вокальных временных суффиксов

Суффиксы, не сочетающиеся с консонантным временным показателем (презентность)	Суффиксы, сочетающиеся с консонантным временным показателем	
	суффикс аориста (прекращенность)	суффикс имперфекта (непрерывность)
-e-/-a- (-йá-)	-é-, -á- (-йá-), -e-/-o-, ø	-e-
-и-/-а- (-йá-)	-й-, -é-, -á-	-e-
-а-	-á-	-а-

Различные временные формы единой лексической основы глагола (т. е. различные временные основы одного глагола) имеют различные вокальные суффиксы. Различие между основами аориста и имперфекта в формах 2-го и 3-го л. ед. ч. поддерживается также присоединением различных консонантных формантов к этим основам.

Распределение вокальных суффиксов обосновано морфологически. Только выбор -а- или -йá- (презентные основы 1-го л. ед. ч. и 3-го л. мн. ч. глаголов I и II спряжения) обусловлен фонетически.

3.5. В некоторых глаголах наблюдаются колебания при образовании основ настоящего времени и аориста: от единой лексической основы может быть образовано две основы аориста или две основы настоящего времени с помощью различных суффиксов.

3.5.1. Глаголы *спием, врие́м, жмие́м* имеют по две основы настоящего времени — основу с суффиксом -e- и основу с суффиксом -и- (*спие́-, врие́-, жмие́-* и *спи́-, ври́-, жми́-*). В первом случае -и- осознается как особый, не временной суффикс основы. Различия в значении основ нет: *бék'и че спие́ме наедно?* (Ел. Д. — ЦБ.); *та́м сам, у та́а кошчи́ца, ношк'ем та́м спие́м* (Д. М. — ЦБ.); *дзáран ми се на́й спие́* (Ел. К. — ЦБ.); *спие́ме по н'ивите та жн'еме* (В. К. — ЦБ.); *санóш не спие́м, не мóжем, чéдо, да спие́м* (Ел. Д. — ЦБ.); *не тй ли се спие́* (Р. С. — СБ.); *тйо́ че спийш! нима нёрвена бóлес, нима ни́што* (Ел. К. — ЦБ.); *онó не мóжеше ношк'ем да спи́; фанá да спие́* (Д. М. — ЦБ.); *онй спáт óште* (ЦБ.); *та́м че спийш!* (ЦБ.); *од нéго по еднá шáка да врие́м* (Д. М. — ЦБ.); *и тога́й врие́ у водáта и се ва́ри* (Д. М. — ЦБ.); *ври́ от смéх'* (ЦБ.); *че жмие́* (ЦБ.); *ко́й што ка́же — лекýем, ба́н'ам и од óчи — жми́, стéн'а* (П. Б. — ЦБ.).

В префиксных основах этих глаголов всегда используется временной суффикс -и-: *не можа́х сýма вре́ме да зиспи́м* (Ел. Д. — ЦБ.); *че спие́м, че прэспим* (ЦБ.); *ноштá не é манéн'ка, че се на́спите* (Р. С. — ЦБ.); *кога́ ми се приспи́, казу́ваме г'и* (З. М. — Сп.); *че за́жмим* (ЦБ.); *онó се збври́* (ЦБ.).

Иногда и некоторые другие глаголы образуют аналогичные основы с -и-. Такая основа известна, например, от глагола *мрém* — *мрие́м*, но в данном случае обе основы образуют глагол I спряжения: *онó коé се е родило — че мрие́; нéма да голотýеме, нéма да се мрие́ бд-*

глади (ЦБ.); *нема стари — мрат* (Д. С. — СБ.); (а не *мрийат*, как должно было бы быть от основы *мрие*-); *на гробиштата само копайа — мрат!* (Г. Б. — ЦБ.).

Подобные основы были записаны и для глаголов *смеем* (*смием*) и *спрем* (*сприе*м): *не смием да излезнем вонка* (Д. С. — СБ.); и *се сприе*м (Д. С. — СБ.).

Глагол *поштем* (I спряжение 1в — разряд) имеет и основу настоящего времени с *-а*- (III спряжение): *поштем йа у скүто* (Г. Б. — ЦБ.); *ела да се загрееме да ме попоштем* (Д. К. — ЦБ.); *дай йазе да те попоштам!* (Д. К. — ЦБ.).

Глагол *знам* в форме 1-го л. ед. ч. настоящего времени не имеет суффикса презентности *-е*-: *знам*, но *знаеш*, *знае* и т. д.

Для глагола *дадем* также известна форма 1-го л. ед. ч. настоящего времени без временного суффикса — *дам*: *йа ймам штерка, йа че ти йа дам* (Д. М. — ЦБ.); *йа да дадем на нак'ете!* (ЦБ.); *йа нема да и дадем парй* (Р. С. — СБ.).

3.5.2. Глаголы *везем*, *скубем*, *стрижем*, *стружем*, *црпем* образуют основы аориста с суффиксами *-о/-е-* и *-а-*: *везо(х)* и *веза(х)*, *скубо(х)* и *скуба(х)*, *стриго(х)* и *стрига(х)*, *струго(х)* и *струга(х)*, *црпо(х)* и *црпа(х)*. В формах 2-го и 3-го л. ед. ч. более обычны формы с *-а-*: *скуба*, *стрига*, *струга*, *црпа*.

Глагол *вршем* образует две основы аориста — с суффиксом *-о/-е-* и *-е-*: (*врo(х)* и *врше(х)*): *па като завршиехме, като сринеме күпо, до стретнош вееме с вейачк'ите* (Ел. Д. — ЦБ.); *самй ж'аа, самй копаа, самй врба* (ЦБ.). В формах 2-го и 3-го л. ед. ч. обычна основа с *-е-*: *врше*.

Глаголы *йдем*, *найдем*, *ойдем* и под. имеют по две основы аориста — с суффиксами *-о/-е-* и *-е-*: *дека идбхте на лешници* (З. М. — Сп.); *бегах, идбх си кот тата* (П. Б. — ЦБ.); *код него идб шес пати* (Г. Б. — ЦБ.); *греот а дека не придбте* (Д. Л. — Ов.); *дана ми даде работата, со се нейа дойдб* (ЦБ.); *ойдбхме дека дйпйат жените тутун'* (Йор. Ст. — СБ.); *найдбхме треск'и и г'и запуштахме из реката* (Ел. Ст. — СБ.); *чеширйе найдбте ли* (П. К. — Крн.); и *ме прати дйм за леп. йа идех и земах* (ЦБ.); *пойдбме на кукурек, пойдбме йазе, калина, мара* (Р. Кар. — ЦБ.); *йа ойде да видим йма ли там деца* (К. Кр. — ЦБ.); *найдехме там едно колело* (В. Кир. — Сп.).

Дети обычно употребляют формы с суффиксом *-е-*.

Глаголы с корнем *-пн-* в основе настоящего времени образуют основу аориста без *-н-*, с корнем *-п-* и временным показателем *-е-*. Но возможны и формы с основами, сохраняющими *-н-*; тогда временным показателем является суффикс *-а-*: *опе и опна, сопе се и сопна се, распе и распна* и др.; *опе ме така и ск'ина ми копчето* (ЦБ.); *тина какво да мине вадата и се сопе от камик* (ЦБ.); *распе се млекото* (Д. М. — ЦБ.).

Для глагола *оттем* основа аориста образуется с суффиксом *-е-* (*отме-*) и без суффикса (*отэ-*): *отме ми водата* (ЦБ.); *онийа руснаци убави мажйе, они отеа бугарийа; тогай се бугарийа отэ* (Г. Б. — ЦБ.). В формах настоящего времени известна только основа с *-м-* (*отме-м*).

Глагол *мога* имеет две основы аориста — с суффиксом *-а-* и с суффиксом *-е-*: *биркаме йа па не можаме а фанеме* (П. Б. — ЦБ.); *однесе г'и поройо, не можаа да излезнат низ водата* (П. Б. — ЦБ.); *ама не може да а биде* (Д. М. — ЦБ.); *не можеа да го уловат; и турците не можеа да дойдат* (З. М. — Сп.); *две години не може да дума* (Р. С. — СБ.).

3.5.3. Глагол *сучем* имеет две основы настоящего времени: *суче-* и *сүчи-* — и две основы аориста: *сүко(х)* и *сүка(х)*: *зймаме расукал'ката*

и *сүчиме кори* (Т. Б. — Сп.); *сүчём кори, исүшим г'и. можеш ли да сүчеш баничка?* (Д. М. — ЦБ.); *да има готифшка — че сүчи!* (Д. М. — ЦБ.); *те сеза сүкож цави, че ткаем* (С. А. — Сп.); *усукях свешти* (Т. Б. — Сп.).

Глаголы *видим, вртим, седим* в основе настоящего времени имеют суффикс *-и-* (II спряжение), а в формах аориста образуют две основы — с суффиксом *-е-* и с суффиксом *-о/-е-* (по образцу глаголов I спряжения 2-го разряда): *заврто(х), заврте(х); три месеци войник седе* (С. А. — Сп.); *там три ношти седеме, па ни дигнаа нас* (Н. Д. — ЦБ.); *и он си доседе, и го пуснаа* (Д. М. — ЦБ.); *сношти седеме ли вие* (Р. С. — СБ.); *на студено малко поседбеме* (Крн.); *яа видох, че турите даск'и* (С. К. — ЦБ.); *оттогай заневидох* (Г. Б. — ЦБ.); *видех големо здание, завот* (Ел. Ч. — ЦБ.).

Глагол *четим* (II спряжение) образует основу аориста с показателем *-о/-е-* (как глаголы I спряжения 2-го разряда): *чето(х), чете*.

3.5.4. Вспомогательные глаголы образуют формы настоящего времени, аориста и имперфекта особым образом.

Глагол *сам* в форме 1-го л. ед. ч. и 3-го л. мн. ч. настоящего времени имеет основу с временным суффиксом *-а-*; в других же личных формах настоящего времени основа имеет нулевой суффикс: *сам, си, е, сме, сте, са*. В формах имперфекта основа имеет гласный *-е-*, который можно рассматривать как суффикс: *бе(х), беше, беше, бе(х)ме, бе(х)те, беа; гүби државата, она по исползуеше, кога беше часно* (Ив. Б. — ЦБ.); *код маврофци горе, стойлове — цифлицы беа* (Г. Б. — ЦБ.); *яа бех ерг'енин, доно, и кака ти маца беше мома* (Д. М. — ЦБ.); *там ка бейме сами* (ЦБ.); и др. Формы аориста образуются от основы *бид-* с суффиксом *-о/-е-*: *бидо(х), биде, биде, бидо(х)ме, бидо(х)те, бидоа; три години готвачка бидох у училиште* (ЦБ.); *благодарна бидох тогай* (Ел. Д. — ЦБ.); *какво биде бутан'е!* (П. Б. — ЦБ.); *какви бидба тиа човеци* (ЦБ.) и др. Дети употребляют также и формы, образованные от основы *беш-* с суффиксом *-о/-е-* и консонантным показателем определенного прошедшего момента: *бешо(х), беше, беше, бешо(х)ме, бешо(х)те, бешоа*. Такие формы употребляются и для выражения действия, прекратившегося в определенный прошедший момент, и для выражения действия непрерывного: *еднаш като запечоме... сите бешоа тринесе* (Ел. Ч. — ЦБ.); *вилка доиде та ме окна. яа бешох у деда мийала* (В. К. — ЦБ.).

Глагол *чем* (*чү*) имеет в настоящем времени основы со следующими суффиксами: *-е-* или *ø* в форме 1-го л. ед. ч., *-е-* в формах 2-го и 3-го л. ед. ч. и 1-го и 2-го л. мн. ч., *-а-* в форме 3-го л. мн. ч.: *чү (чем), че, че, че, чете, чат*. При самостоятельном употреблении этот глагол обычно выступает в отрицательной форме: *нечем да вечерам, нечу, не ми е благо* (Д. С. — СБ.); *нечем леб да иадеш, месо сакаш* (Р. С. — СБ.); *чеш ли да речеш?* (Р. С. — СБ.); *копаме и ние, заедно сос попо... па нече да се копа* (П. Н. — Крн.); *неча да ни чүваа* (Д. М. — ЦБ.) и др. Основа имперфекта образуется с суффиксом *-е-*: *че(х), чеше, чеше, че(х)ме, че(х)те, чеа*. Основа аориста состоит из корня *(х)т-* и вокального показателя *-о/-е-*: *(х)то(х), (х)те, (х)те, (х)то(х)ме, (х)то(х)те, (х)тоа; на изборо не жто да се йавим* (Ив. Б. — ЦБ.); *ти не жте, не жте и не жте* (Р. С. — СБ.); *штом не те да рүчаш — пий* (С. К. — ЦБ.); *по големата — она си е проста, не те да изүчи докрай* (Д. Мит. — ЦБ.); *не те, не тоа да рүчат* (ЦБ.); *ние се потчиниме, србите не тоа* (М. К. — ЦБ.) и др. Иногда в основе аориста используется суффикс *-е-* во всех формах, например: *госк'ете ни не жтеа да рүчаат* (Ел. Б. — ЦБ.).

3.6. Основы с показателем презентности всегда означают действия, не соотносимые ни с каким мыслимым моментом („время с простой ориентацией“)³, т. е. действия, совпадающие по времени с моментом речи, или действия, которые говорящий хочет представить как совпадающие по времени с моментом речи. Это общее значение основ дает возможность использования форм настоящего времени в различных конкретных случаях.

3.6.1. Формами настоящего времени обозначаются конкретные действия, происходящие в момент речи: *тú се раскопча да се соблáchаш — не сакам те!* (П. Б. — ЦБ.); *вече седú, преме́та кни́гите* (Р. С. — СБ.); *сите ме, че́до, познáваа, сите ме, че́до, знáват* (Ел. Б. — ЦБ.); *йáзе седúм самá* (Т. М. — Ов.) и др.

Как „момент речи“ может мыслиться и более продолжительный период времени: *онú си врвáт тúяа дúми, самó те такá, не мбже се припомнуе* (С. К. — ЦБ.); *мáлко барем да а прснеме лознúцата немой нешто... де́ка дажде́ве йдаат* (Г. К. — ЦБ.) (т. е. в этот период времени обычно бывают дожди); *нашто се ста́ро изгúбу́е* (П. Б. — ЦБ.); *за седен'е — тúва рабóтим, а за оден'е — не мбга* (Т. М. — Г.).

3.6.2. Формы настоящего времени выражают действия, которые субъект в состоянии производить, способен их совершать: *с опúнците йá лесно бдим* (Р. С. — СБ.) *йáзе вечер не йдем, ако сакаш — йди!* (Р. С. — СБ.).

3.6.3. Формы „настоящего исторического“ представляют прошедшие действия как протекающие в момент речи: *са понел еден човек млеко на градó, ошел до мул'овите капинчета, вуко кл'укнал на канафката и лэска забите, шафйоро се боу немой да се фрл'и на такето и нушти скороста по брзо. админал на дваесе метра, срешта човеко, што носи млекото, па нему му се йазико тргнал, не можел да орати... (В. Ч. — ЦБ.); н'ивата е голема, не мбж да скопаш! а йа скопах и фрл'их мотиката на прекопо, на мушата, и сите се учудиа дека сам йа скопала, три декари н'ива. воловарие збу́раат царевици по н'ивите, та на волóвете даваат да йадат. и онú се чу́дат... (Д. М. — ЦБ.).*

3.6.4. Формы настоящего времени употребляются для выражения повторяющихся, закономерных, последовательно связанных действий: *като земе́м едно акáциво дрво, после го сос тривон'о изре́жем... и земе́м две лётви и паламарие́, и г'и закове́ме... после найде́ме врло место и го оту́пкаме* (К. П. — Сп.); *учи се да бди дете́то; арно, ама боу се. па му месат престапу́л'ка — погаче то́лково, па го утркбл'ат доде́ка йде дете́то да пробди и да се не боу, а погачето раск'ýнат та по ма́лата на сичк'ите дада́т* (Д. М. — ЦБ.); *бйде́ме на оро, отпáшем пафтите, натбóчим вода у пафтите, даде́м на деу́тата и йа че се напи́ем* (Д. Л. — Ов.); *дада́т ни пари, пра́тим еден за леп, фура́ш, даде́ме му пари. што оста́нат парите, даде́ ни, и г'и разде́л'име* (Ив. Б. — ЦБ.); *като ста́нем у положение, фа́нем да не йаде́м, повра́штам. омесим погача з гáстото сито и ведна́га йа обрне́м и да йа разме́сим ведна́га. като се запече́ ели три́ци, ели пепел, тога́й си йа испече́м... (Д. М. — ЦБ.); са́ка дза́ран се измúем и се сре́шим и си затне́м к'итчица и отйде́м на вода. и се врúтам од вода, отйвам си у дома́, и ме наредú ма́ма да напра́им обе́т* (Т. Б. — Сп.); *сплетáт*

³ Ц. Младенов. Миналите времена в брезнишкия говор. — „Статьи и материалы по болгарской диалектологии“, вып. 9. М., 1959, стр. 8.

ме на едѣн перчи́к. по́лка облече́ме. ѝашма́ко си ту́рим. мре́жа ми да́де куми́цата. па се кл'а́нам па се наведе́м до́земе. па дару́ем. кой о́бича — да́де не́што пода́рок на не́вѣстата (П. Б. — ЦБ.); и др.

Как показывают примеры, чаще в подобных случаях употребляются основы глаголов совершенного вида, но возможны и основы несовершенного вида. При основах несовершенного вида не подчеркивается последовательная связь действий: *сѣк'и дѣн врвѣ́м у дѹпница, вѣ́дим войници́, пра́шам: одѣ́ка сте, дѣ́ка служи́хте? онѣ́ ка́жат — е́днѣ у доброво́лците, дрѹг'и рѣ́чат — не́* (Д. М. — ЦБ.); *като се ото́чи од бадѣ́но — си́нѹе у бо́чва; та като возбу́чи та врѣ́е, па се ту́ра шик'ѣр, па се отпа́ка фто́ро вино́* (М. К. — ЦБ.); *на василѣ́вдѣн ва́риме чени́ца, нѣсѣ́ме ко́ливо па си рѹ́чайа, па́ча пра́ват, де́цата да́ваа им мрвѣ́та, колаче́та. о́дат сос джо́ки* (В. Ч. — ЦБ.); *и го однесѣ́ме у ѹрква́та и по́по го опо́е, четѹ́. и по́кроф, по́крово — се ту́ра бѣло озго́ре, а сандѣ́ко — нао́кол свѣ́шти горáт. збѣрат от свешти́те, изгáсат, фánат си́чк'ите по́крово, и по́по го нашáри, с ва́гл'ен изгасна́л. и тога́й оста́ват по́крово па́ врс умрѣ́лио... и се прошта́ваа... прѣ́стат се си́чк'ите и го зѣ́мат па́...* (Д. М. — ЦБ.).

3.6.5. Формы настоящего времени употребляются для выражения действий, из которых одно обуславливает другое, что также связано с общим значением основ настоящего времени. Обычно в таких случаях также речь идет о закономерных действиях, которые могут повторяться: *вита́н манѣ́чок; пра́тим го — кола́та му па́дне* (Г. Б. — Ц. Б.); *кой ѝ́ма ѝмен дѣ́н — гу́над го и го фрл'ат у вода́та* (В. Ч. — ЦБ.); *пораснѣ́ ли — да́дѣм го не́каде* (Ел. Д. — ЦБ.); *вѣ́чер прече́каме сто́ката, музѣ́ме ѝа. а напращи́ме ли па́кос, ле́гнеме си доде́ка не́ма жени́те од ра́бота* (В. Ч. — ЦБ.); *ѝа запо́ем ли — изла́зи* (Ел. Ст. — СБ.); *што поора́тим — умѣ́рим се* (Д. С. — СБ.); *да ѣ́ не́коа ба-бетѣ́на по́ здра́ва, а ѝа́зе зака́зуем не́што и заборáвѝам* (П. Б. — ЦБ.); *саба́ле ста́нат, по́чнад да гѣ́ват ручк'ѣ́те. ко́лат ѝа́гништата, печáд г'и у фѹ́рн'ите. кой не́ма — си кѹ́пи* (В. Ч. — ЦБ.);

3.6.6. Формы настоящего времени глаголов совершенного вида выражают единичные, однократные действия: *позна́ли ѝа — не ѣ́ чи́ста, крѣ́ф ѹ́елата, и ѝа забѣ́рат та а откáраат* (Д. М. — ЦБ.); *и то'о, вер'ѝл, извади́ камáта да рѣ́гне милáна, по́ малто́, сос камáта. и мо́о си́н ме́жду ни́х', и му зѣ́ме но́жо да не заг'ѝне момче́то* (Д. М. — ЦБ.); *а о́не побегна́л. он го стѹ́гне, удáри го по глава́та и не́го, и он па́дне* (ЦБ.); *жа́ба ла́зи низ вода́та па току́́ оп — ува́не!* (П. Б. — ЦБ.); *и седна́ли да ѝада́т... и като зѣ́ме вапѣ́ро едно тако́ва, перáл'к'а, и като фрл'ѝ сос перáл'к'ата, та у г'овѣ́джо* (Д. М. — ЦБ.).

3.7 Глаголы имеют следующие парадигмы имперфекта:

1-е спряжение	2-е спряжение	3-е спряжение
<i>бѣ́ре(х)</i>	<i>но́се(х)</i>	<i>да́ва(х)</i>
<i>бѣ́реше</i>	<i>но́сеше</i>	<i>да́ваше</i>
<i>бѣ́реше</i>	<i>но́сеше</i>	<i>да́ваше</i>
<i>бѣ́ре(х)ме</i>	<i>но́се(х)ме</i>	<i>да́ва(х)ме</i>
<i>бѣ́ре(х)те</i>	<i>но́се(х)те</i>	<i>да́ва(х)те</i>
<i>бѣ́реа, бѣ́рех'а</i>	<i>но́сеа, но́сешеа, но́сех'а</i>	<i>да́ваа, да́вашеа, да́вах'а</i>

Формы имперфекта в говоре употребляются редко.

Значение форм имперфекта совпадает со значением этих форм в литературном болгарском языке и в западных болгарских говорах: имперфект „означает действие, совершавшееся в определенный про-

шедший момент, и противопоставляется аористу в том, что это действие может мыслиться (мыслимо) перед и после этого прошедшего момента⁴, т. е. действие, связанное с определенным прошедшим моментом, но не прекращенное в этот момент; формы имперфекта сообщают только о том, что действие было налицо, было засвидетельствовано в определенный прошедший момент, но не сообщают ни о моменте его начала, ни о моменте его прекращения.

Это общее значение форм имперфекта особенно легко раскрывается в случаях, когда формы имперфекта употреблены вместе с формами аориста: *ниѐ спѣме, децѣта, открѣа ни, земѣа цѣг'ите* (Г. Б. — ЦБ.); *и г'ор'и умрѣ каквѣ го нѣсейме* (Д. М. — ЦБ.); *и на ѣка дѣскалицѣта ѣа срешна, ниѐ там бѣрежме к'йтк'и* (Ел. Ч. — ЦБ.); *и онѣ прес товѣ време станѣ от сон и онѣ ниѣа вино на мѣсата, нѣточѣли у канѣта вино* (СБ.); *и като станѣх од земѣата и чѣча и дѣда седѣхѣа прѣт кошѣрата* (Л. Ч. — ЦБ.); *бѣе, окнѣх на дѣсет кѣшти, онѣ дойдѣа по трѣма. — ѣ, тогѣй шѣз дѣши да вѣрнеме. ѣмѣше там до нас дрѣг'и, бѣреа, на нѣх' мѣлко аргѣк'е, ниѐ им казѣхме та ойдѣа, на дрѣгѣта н'ѣва* (Д. М. — ЦБ.); *стойл ми казѣ — ѣа нѣреж на чѣшѣмѣта, веднага не дойдѣх (ЦБ.); послѣ видѣ дека ѣ лѣжѣ, ама ѣдо к'отѣк, нѣгу ме мѣчѣше, пѣ нѣмах кадѣ да бѣгам* (П. Б. — ЦБ.) и др. Действия, выраженные формами имперфекта, не прекращенные в определенный прошедший момент, создают здесь фон, на котором развиваются другие действия, прекращающиеся в определенный прошедший момент.

Обыкновенно с помощью форм имперфекта говорящий вводит собеседников в действие, ориентирует их во временной отнесенности и после того, как действие охарактеризовано как продолжительное и связанное с определенным прошедшим моментом, употребляет в продолжении рассказа другие временные формы (обычно — презентные, выражающие одновременность с действием, обозначенным формой имперфекта): *па ѣмахме кон'ѣ, карѣца, фпрѣгне мѣо сѣн... ѣн бѣше ерг'ѣнин и рабѣтеа там клисѣрско по дрѣмо, и ѣн дойдѣ — ѣа не мѣга да ѣдим, лѣзим по одаѣата, и устѣта ми се ѣ залѣпѣла от сѣлен ог'ѣн, не мѣга да оратим* (Д. М. — ЦБ.); *у старѣо време ѣдеа огледницѣ — на ерг'ѣнино мѣк'а ѣде, роднѣни, комѣи. мѣк'а, баштѣа не дѣваа, и момѣта сѣка, и като ѣдат на ѣро, като излѣзат, ѣро играѣат, момѣте и ерг'ѣн'ете на велѣден, божѣи, и онѣ бѣга сос момѣто* (Д. М. — ЦБ.); *тогѣй по л'убѣф се не зѣмѣшеа. насѣло ме довлѣкоа от пѣто. а ѣа нѣчѣм го, онѣ — насѣлом, не ѣ да сам искала, па влачат, пѣяс ми к'ѣнат* (Д. Мит. — ЦБ.); *когѣ бѣ у кѣшти, баштѣа ми ѣмѣше трѣица брѣк'а, сѣте брѣк'а ѣмах'а по чѣтири децѣ, сѣднеме па ѣадѣме, бѣеме се сос лѣжѣците...* (В. Ч. — ЦБ.); *ама сѣчко рабѣтех', дѣма по чѣтѣриесе самѣна лѣп мѣсех', бѣница мѣсех', зѣлник мѣсех', со зѣл'е. сучѣм кѣри, исѣшѣим г'и елѣ па на врѣшико г'и испѣчѣм, па г'и стрѣл'ам на ѣдро у рацѣте. па тѣриме вода у котлѣ манѣн'ко и прѣдѣ да завѣри, водѣта, сѣвнеме котлѣто од ог'ѣно настрана...* (Д. М. — ЦБ.); *омѣсад бѣница, ѣдат на лѣсите при офѣѣте — децѣта се бѣеме, превѣраме се, па на сѣте ѣдѣх'а по еднѣ дѣтѣ* (В. Ч. — ЦБ.); *мѣо живѣт да ви го кѣжем — от токѣчка сам останѣла сирѣк, на сѣдам годѣни. кот чѣчѣ и кот стрѣни сам живѣѣала, а бѣа двѣесе и пѣтѣна у еднѣ кѣшта, стрѣни пѣт, нѣрет мѣсеа, нѣрет нѣреа, нѣрет се ѣдѣше*

⁴ Ц. Младенов. Миналите времена в брезнишкия говор. — „Статьи и материалы по болгарской диалектологии“, вып. 9. М., 1959, стр. 27.

на егрѣко код офци́те, лѣб да нѣшиш. йа товá работех! снѣг до кѣлена, ама че се врѣви, заглáбйат се по снѣг... (Ел. М. — Крн.).

Формы имперфекта выражают также и повторяющиеся действия, связанные с определенным прошедшим моментом: *ймаше една слáва, она́ току вѣйнемше та запоѣше: шетна́х нагѣр, шетна́х надѣл, като тебе нѣгде нѣма... тáа момá бѣше сарджал'йва и умрѣ си... нѣгу прѣва бѣше, ама не можѣ да а бѣде. сѣ бѣше забрáдена, ѳти сарджите а течáт. нѣе се не велѣчихме, фáнехме а пѣдмишка и сѣ поѣме... трѣнеме по дрѣмо, поѣме, а пластачйѣ, жетварйѣ — пѣдвѣкуваат (Д. М. — ЦБ.); като ѳбдеме тѣка сáка година — свикна́ (В. К. — ЦБ.).*

Но такое употребление этих форм встречается редко.

3.8. Глаголы в аористе имеют следующие парадигмы:

I спряжение

1-й разряд	2-й разряд	3-й разряд	4-й разряд
казувá(х)	пѣко(х)	шй(х)	сопѣ(х)
казувá	пѣче	шй	сопѣ
казувá	пѣче	шй	сопѣ
казувá(х)ме	пѣко(х)ме	шй(х)ме	сопѣ(х)ме
казувá(х)те	пѣко(х)те	шй(х)те	сопѣ(х)те
казувáа	пѣкоа	шйа	сопѣа

II спряжение

1-й разряд	2-й разряд	3-й разряд
одй(х)	трпѣ(х)	трчá(х)
одй	трпѣ	трчá
одй	трпѣ	трчá
одй(х)ме	трпѣ(х)ме	трчá(х)ме
одй(х)те	трпѣ(х)те	трчá(х)те
одйá	трпѣа	трчáа

III спряжение

прашá(х)
прашá
прашá
прашá(х)ме
прашá(х)те
прашáа

Основы аориста выражают действие, прекратившееся в определенный прошедший момент, которое мыслится в рамках этого момента и не возможно ни до, ни после этого момента: *цáло лѣто какѣ не ви бидѣ срáм? (Р. С. — СБ.); три години гѣтвáчка бидѣх у учйлиште, ама мѣжех (ЦБ.); излезнá му една фѣуска на устáта — жѣта вѣда течѣ, а не мѣ бол'й (Г. Б. — ЦБ.); еднѣто йáре испрaйтѣ на венкѣте? сите заклáйте сегá? (Ел. Б. — ЦБ.).*

3.8.1. Формы аориста от глаголов совершенного вида могут передавать действия как последовательные, так и одновременные (последние — реже), но обозначаемое действие всегда связано с определенным прошедшим моментом и ограничено им: *пѣлани, когá бѣше наводнѣ-*

нието, *зададе се нóгу тевен облак, дойдé нóгу голéма вода и нóгу нарóт однése, разруши́ нóгу рáботи порóю. а мóо сýн димítар убóде се на едén трн гáбер, и двá пáти му оперáцијата ногáта правíа, не можéа да го извáдат...* (Ел. Д. — ЦБ.); *оратé, оратé и се отрайá* (Р. С. — ЦБ.); *че го тражад детéто и онý, а йá — по мáлата. — иди пот слívата, онó тáм играеше! — и найдó го тáм, онó като умрéло, вдрвúло се, наклáдоа огúно — разгрейá се, свестú се* (Ел. Д. — ЦБ.); *купúме вóл, йунé, сáде йарéмо да држú, сос нéго като заработúме, и сос вóл...* (Г. Б. — ЦБ.); *спуштú се дáш у корúята нат селóто, дойдé нóгу голém порóй... после се префрл'ú водáта одонáт селóто, завлече една женá... затлачú йа водáта па и човéко и понесе, он се качú на едни дрвúе...* (Т. Б. — Сп.); *запрúме кáшта, со штó че а правим?... кáшта направú — стрица мáца се зажен' ú* (Г. Б. — ЦБ.); (во всех данных примерах передаются последовательные действия); *он тáм кóсти оставú, утeпáа го, не врнá се* (ЦБ.); (действия, выраженные в этом примере, не последовательные и относятся к разным временным моментам, но каждое из них мыслится в рамках этого момента); *кóга сам се дел'úла со стeфчóте, дáдоа ни две топóли. мéне ми се паднá одайáта, кáштата у нéго останá. еднá кошáра ми се паднá слáмена, дрúго нúшто* (Г. Б. — ЦБ.) (выраженные здесь действия — не последовательные, они относятся к одному прошедшему моменту; но, как это обычно для аориста, каждое из них ограничено рамками этого момента).

3.8.2. Основы аориста от глаголов несовершенного вида выражают продолжительные действия, прекращенные (но не законченные) в определенный прошедший момент, или действия, повторявшиеся многократно (опять-таки в рамках определенного момента времени): *он дзарантá зúма копáчо и лопáтата и ойдé на обрóчиштето и работú цáл дén* (К. Б. — Сп.); *и надóл по сребр'н'ак биркá ни една шáтка, и ни биркá до к'ерени́те* (Л. Ч. — ЦБ.); *дánка пá пойá, пойá оданáде* (СБ.); *онá продавá ракавú та памýг давá* (ЦБ.); *па и за сeдáшното врéме тогáй се казувá* (Т. М. — Г.); *ручáх, ручáх, коджá зáлци нагáтáх* (В. К. — ЦБ.); *и мэн ме пуштú мажó ми. не давá, не давá, па току́ рече: айде, иди!* (Д. М. — ЦБ.).

3.8.3. Иногда основы аориста используются для обозначения действий, еще не реализованных, но мыслимых как реализованные: *йá óдим каде óдим и улéзнем код нúх' и víкам: лéле сто́ю, ойдóбме си!* (ЦБ.).

3.9. Модальный показатель в основах повелительного наклонения представлен различными вокальными суффиксами.

3.9.1. Суффикс *-и-* имеют глаголы I спряжения (кроме 1а и б и 3-го разрядов, где перед модальным показателем стоит гласный звук) и II спряжения (кроме небольшого количества глаголов 1-го разряда с гласным перед модальным показателем) в форме единственного числа: *влéзни, баба л'убо, нóтпниши се!* (Ел. Д. — ЦБ.); *пéтре, не лáжи!* (Р. С. — СБ.); *зéми, рáск'ини мрвата!* (Р. С. — СБ.); *зáкажи и!* (Т. Б. — Сп.); *пóстел'и сáлém фúтата!* (Ел. Д. — ЦБ.); *иди код баштá си! гúни йа, гúни йа, сá!* (П. Б. — ЦБ.); *сeгá да ти зарáчам — не мóга. ако сáкаш — дóйди!* (С. П. — ЦБ.); *иди си трáжи касмéто! стáни бáба да надзрне!* (П. Б. — ЦБ.); *облечи! донеси! наклáди! óмеси! изопни! зáпри! трчи!* и др. Этот суффикс всегда безударен.

3.9.2. Суффикс *-е-* имеют глаголы I и II спряжения (за исключением указанных в скобках в 3.9.1.) в форме множественного числа: *посéте*

им да им *а́пнад деу́ата!* (К. Кр. — ЦБ.); *зе́мете ми 'у́ра! ту́рете им бо́ск'и на деу́ата да не рева́т!* (Г. Б. — ЦБ.); *же́ни, а́де излаза́ете ис ко́либата!* (Г. Б. — ЦБ.); *каже́те! насе́чете! редете се!* и др.

3.9.3. Глаголы I и II спряжения с гласным перед вокальным временным показателем (т. е. глаголы I спряжения 1а и б и 3-го разрядов и глаголы II спряжения 1-го разряда типа *бро́им, до́им, кро́им*) имеют в обеих формах повелительного наклонения основу с суффиксом *-й-*. Этот же суффикс, но присоединенный к полной основе настоящего времени (т. е. к презентной основе с временным вокальным показателем), имеют и все глаголы III спряжения: *обу́й шушо́ните!* (М. К. — Сп.); *а́де но́пой ма́лко* (П. Б. — ЦБ.); *па не́ма ле́п, па глад'у́й!* (Г. Б. — ЦБ.); *не бока́й по деу́ата!* (Г. Б. — ЦБ.); *пису́й! стану́й! по́крий ee! ва́ркай!* и др.; *а́йде, дзвонче́та, а́йде, запбо́йте!* (Р. С. — СБ.); *ако са́кате слу́шайте!* (СБ.); *бега́йте, не доса́ждайте!* (Д. С. — СБ.); *обе́дуйте! р'учайте! да́вайте!* и др.

Глаголы *гле́дам* и *да́м* образуют основы повелительного наклонения присоединением суффикса *-й-* к сокращенным основам *гле-* и *да-*: *гле́й! гле́йте! да́й! да́йте! гле́й каква́ е стана́ла!* (В. К. — ЦБ.). Известны также и формы от основы *гледа-*: *гледа́й! гледа́йте!*

Суффикс *-й-* иногда выпадает, чаще — в формах единственного числа: *обу се, 'иди, иска́рай го прасе́то!* (М. Д. — ЦБ.); *че́ка ме бе! по́кри йа! да́ ни! не се́ б'ите! н'ите во́да! скр'ите се!* и др. Такое выпадение суффикса обычно отмечается в формах глаголов I и II спряжений; для глаголов III спряжения оно не характерно.

3.9.4. Некоторые глаголы образуют основу повелительного наклонения с нулевым суффиксом; основа представлена только глагольным корнем. Такие формы известны для глагола I спряжения 2-го разряда — *йаде́м (йа́ш! йа́ште!)*, для глаголов I спряжения 1-го разряда — *му́кнем* и *ди́гнем (му́к! ди́к!* — последняя отмечена только в песнях, в обычной речи употребляется форма *ди́гни!*), для глаголов II спряжения 1-го разряда — *ви́дим, др'им, ле́жим (др'иш! ви́ш! ле́ш!)* и для глагола III спряжения — *бе́гам (бе́ш!): др'и́к се, па́вле, от ла́дна меа́на; он — др'и, йа́ — др'иш!* (И. С. — СБ.); *др'ите си ве́рата!* (С. К. — ЦБ.); *ле́ш, ле́ш ти́зе, йа́ че си ле́гнем!* (ЦБ.); *ви́ш ка се́ се́штам* (Д. М. — ЦБ.); *зи́май ко́кал'о, бе́ш на́страна!* (СБ.). Записан один пример с подобной формой для глагола *мо́га*: *йа́ че го срабо́тим, не зна́еш ти, не мо́ш!* (Д. М. — ЦБ.).

3.9.5. Использование суффикса *-й-* (в сравнении с суффиксами *-и-*, *-е-*, *ø*) обусловлено фонетически: он появляется только после гласного звука. Распределение же суффиксов *-и-*, *-е-*, *ø*, появляющихся только после согласного, обусловлено и морфологически (каждый из них связан с определенными глаголами).

3.9.6. Формы повелительного наклонения, кроме выражения приказа, повеления, могут иногда использоваться для выражения неожиданного, внезапного действия: *фана́ ме к'у́рчо за рака́та, он — др'и, йа́ — др'иш!* (Р. С. — СБ.); *оно́ бе́ш, пу́етата по не́го* (Д. М. — ЦБ.).

4. ВИДОВЫЕ СУФФИКСЫ ОСНОВ (МОРФЕМЫ IV ПОРЯДКА)

4.0. Показатель, стоящий перед вокальным временным или модальным показателем, дает видовую характеристику проявлению, обозначенному глагольной основой. Этот показатель характеризует вид как словоизменительную категорию, т. е. с его помощью образуются соотносительные видовые формы одной глагольной основы.

4.1. В горнопольском говоре существуют только видовые суффиксы, образующие основы несовершенного вида, т. е. суффиксы имперфективации: *-у/-ув-, -в-, -ав-, -ев-, -й-*.

4.1.1. Самым продуктивным суффиксом является *-у/-ув-* (*-у-* в презентных основах, основах имперфекта и повелительного наклонения, т. е. перед *-е-* и *-й-*, *-ув-* в основах аориста, т. е. перед *-а-*).

а) *-у/-ув-* образует основы несовершенного вида от первичных основ совершенного вида (глаголы I и II спряжений): *качим се — качуем се, дарим — даруем, купим — купуем, кажем — казуем, вржем — врзуем, вежем — везуем*.

б) *-у/-ув-* образует основы несовершенного вида для лексических глагольных основ с *-ас-, -дис-, -ис-, -ос-*: *бендишем — бендисуем, бойадишем — бойадисуем, варошем — варосуем, витошем — витосуем, крвйашем — крвйасуем* и др.

в) При помощи суффикса *-у/-ув-* образуются основы несовершенного вида от префиксных перфективных основ: *закупим — закупуем, издиплим — издиплуем, намбтам — намбтуем, оковем — оковуем, потражим — потражуем, промен'им — промен'уем, размесим — размесуем, сработим — сработуем, ужижем — ужижуем* и др.

г) От перфектных основ с суффиксом *-н-* также образуются основы несовершенного вида с суффиксом *-у/-ув-*: *апнем — апнуем, гунем — гунуем, бутнем — бутнуем, каснем — каснуем, решнем — решнуем, измакнем — измакнуем, легнем — легнуем, седнем — седнуем, запеунем — запеунуем, натегнем — натегнуем, подвикнем — подвикнуем, подритнем — подритнуем* и др.

д) Иногда с этим суффиксом образуются основы несовершенного вида от первичных непроеизводных несовершенного вида: *видим — видуем, дексам — дексуем, прашам — прашуем, сиптем — сипуем, черпим — черпуем*.

Во всех подобных основах суффикс *-у/-ув-* сообщает о несовершенном виде. Соотносительный глагол совершенного вида суффикса не имеет, т. е. показателем совершенного вида является нулевая морфема.

е) Видовой суффикс *-у/-ув-* может быть ударным и безударным (он получает ударение в некоторых беспрефиксных основах). От этого суффикса следует отличать лексический суффикс *-у/-ув-*, который представлен в ряде глагольных основ несовершенного вида, не имеющих соответствующих первичных основ ни совершенного, ни несовершенного вида. Глаголы с этим суффиксом образуются от основ существительных или прилагательных непосредственным присоединением *-у/-ув-*. В таких глаголах *-у/-ув-* не является видовым, словоизменительным суффиксом, так как сохраняется и в префиксных основах совершенного вида, образованных от этих глаголов: *балегуем, бачуем, боладуем, деверуем, домашаруем, живуем, зимуем, йужнуем, врлуем, гладуем, голотуем, качуем, каштуем, летуем, млекуем, оратуем, патуем, пладнуем, робуем, денуем, гостуем, празнуем, мируем, срамуем се, лекуем; совершенного вида: накачуем, зазимуем, излекуем, отпатуем* и др.

При наличии таких пар глаголов, как *кажем — казуем, дарим — даруем*, префиксные глаголы с суффиксом *-у/-ув-* могут образовываться и от префиксных глаголов без *-у/-ув-* и от беспрефиксных глаголов с *-у/-ув-*. В этих случаях префиксные глаголы с *-у/-ув-* различаются по ударению: в каждом из них сохраняется ударение исходного глагола: *качим — закачим — закачуем, качуем — закачуем* и др.

4.1.2. При образовании вторичных основ несовершенного вида от ряда перфективных глаголов III спряжения с префиксными основами используется суффикс *-й-* (при этом образуются глаголы III спряжения):

заклópим — заклáпйам, зарóвим — зарáвйам, заплáвим — заплáвйам, заглóбим — заглáбйам, оглáвим — оглáвйам, остáвим — остáвйам, отрóвим — отрáвйам, претóпим — претáпйам, спрáвим — спрáвйам, стáпим — стáпйам, улóвим — улáвйам и др.

4.1.3. Видовой суффикс *-в-* — продуктивный суффикс. Он образует глагольные основы несовершенного вида, если стоящая перед суффиксом основа (обычно префиксная основа совершенного вида без суффикса или с суффиксами *-е-*, *-а-*) оканчивается гласным: *знáм* — *знáвам*, *набíем* — *набíвам*, *извíем* — *извíвам*, *испиéем* — *испíвам*, *зарíем* — *заррívам*, *заспíем* — *заспíвам*, *насмéем се* — *насмíвам се*, *обúем* — *обúвам*, *опиúем* — *опиúвам*, *открíем* — *открíвам*, *подигрáем* — *подигрáвам*, *забогатéем* — *забогатéвам*, *завладéем* — *завладéвам*, *успéем* — *успéвам*, *удзрэем* — *удзрэвам* и др.

4.1.4. Суффиксы имперфективации *-й-* и *-в-* продуктивны. При образовании глагольных основ часто оба эти суффикса одновременно присоединяются к исходным основам (префиксным основам I спряжения 1б и 3-го разрядов, II спряжения 1-го разряда): *загрéем* — *загрéвйам*, *отвéем* — *отвéвйам*, *пресéем* — *пресéвйам*, *оздравéем* — *оздравéвйам*, *подобрéем* — *подобрéвйам*, *замáем* — *замáвйам*, *преткáем* — *преткáвйам*, *опоéем* — *опо́вйам*, *закрóим* — *закрóвйам*, *раздвóим* — *раздвáвйам* и др.

4.1.5. Суффикс *-ав-* образует основы несовершенного вида от глаголов II спряжения, если перед суффиксом оказывается шипящий согласный, *-й-* или *-н'*, *-л'*: *завр́шим* — *завр́шáвам*, *грéшим* — *грéшáвам*, *изúчим* — *изучáвам*, *испру́жим* — *испружáвам*, *придру́жим* — *придружáвам*, *слúчи се* — *случáва се*, *увел́чим* — *увеличáвам*, *стрóим* — *стройáвам*, *напóим* — *напойáвам*, *замóлим* — *замолáвам*, *засíлим* — *засилáвам*, *затрúдн́им* — *затрудн́áвам*, *наск'éлим* — *наск'елáвам*, *зафáлим* — *зафалáвам*, *насол́им* — *насолáвам* и др.

Этот же суффикс добавляется и к основам глаголов I спряжения тогда, когда согласный перед суффиксом *л'* или *н'* (т. е. сочетание фонем *-лй-* или *-нй-*): *омал'éем* — *омал'áвам*, *поцрн'éем* — *поцрн'áвам*.

Суффикс *-ав-* иногда соединяется также с *-й-*: *измен'áвйам*, *скопáвйам*, *стен'áвйам*, *причестáвйам*.

4.1.6. Суффикс *-ев-* для говора не характерен. Он отмечен только в глаголе *крштéвам* (наряду с *крштáвам*); в глаголе *ноштéвам* (чаще — *ноштúем*) *-ев-* не морфологический (словоизменительный) суффикс.

4.2. Видовых (морфологических) суффиксов перфективации в говоре не существует. Суффикс *-н-* только в двух-трех основах может быть соотнесен с *-в-* и потому не может рассматриваться как морфологический видовой суффикс. Наличие *-н-* в глагольной основе не информирует о виде: этот суффикс входит в основы и совершенного и несовершенного видов (сов. *лэгнем*, но несов. *раснéем*, *вéнем*, *крднем*, *кíснем*, *сáнем*). Он входит и в основы несовершенного вида с суффиксом *-у/-ув-*. Возможность соединения в одной основе *-н-* и *-у/-ув-* характеризует их как суффиксы разного порядка с различным грамматическим значением.

4.3. Вид как словоизменительная категория выражается суффиксами *-у/-ув-*, *-й-*, *-в-*, *-ав-*, *-ев-* для несовершенного вида (*лэгнуем* — *лэгнем*, *зарáвйам* — *зарóвим*, *испíвам* — *испиéем*, *испружáвам* — *испру́жим*, *крштéвам* — *крéтим*).

Распределение суффиксов частично обусловлено фонологически:

суффикс *-й-* появляется только после губных *б*, *п*, *в*, (при чередовании гласного в корне);

суффикс *-в-* — только после гласных *е*, *и*, *а*, *у*;

суффикс *-ав-* известен после шипящих, *-о⁵*, *л'*, *н'* (иногда после *-п-*, *-ст-*);

суффикс *-ев-* появляется только после *-шт-*.

Суффикс *-у/-ув-* — после различных звуков: *в, д, ж, з, к, н, п, р, с, т, ч, л', н'*. Неизвестен он после гласных. Его употребление не всегда ясно обусловлено фонологически. Но выбор алломорфа *-у-* или *-ув-* связан с фонетическими условиями: алломорф суффикса *-у-* используется перед гласными *-е-* и *-й-* (основы настоящего времени, имперфекта и повелительного наклонения), *-ув-* — перед *-а-* (основы аориста). Основы повелительного наклонения имеют и параллельные формы с *-ув-а:* *гладуй* и *гладуйвай*, *казуй* и *казуйвай* и др.

5. СУФФИКСЫ, ОБРАЗУЮЩИЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ОТ ОСНОВ ДРУГИХ КЛАССОВ СЛОВ И ДРУГИХ ГЛАГОЛОВ (МОРФЕМЫ V ПОРЯДКА)

5.1. Суффиксы, образующие лексические основы с двумя видовыми формами.

5.1.1. Суффикс *-ис/-иш-* соединяется с основами исконных диалектных слов редко (например, *советисуем*, *проклетисуем*). Обычно он сочетается с основами заимствованных слов: *йутисуем*, *калисуем*, *куртулисуем*, *кутисуем*, *ортомисуем*, *чен'исуем*; чаще всего *-ис-* следует за суффиксом *-д-*: *балдисуем* ('изнемогаю') *безердисуем*, *бендисуем*, *боздисуем* ('развалию се'), *далдисуем* ('устремяю се'), *денедисуем*, *зорледисуем*, *курдисуем*, *сакледисуем*, *сопурдисуем*, *шендисуем* и др.

В основах совершенного вида (перед *-е-*) суффикс представлен алломорфом *-иш-*: *балдишем*, *безердишем* и др.

5.1.2. Суффикс *-йас/-йаш-* сочетается преимущественно с субстантивными основами; в основе несовершенного вида используется *-йас-*, в основе совершенного вида (перед *-е-*) *-йаш-*: *бубун'асуем* — *бубун'ашем*, *габий'асуем*, *годин'асуем*, *лебй'асуем*, *пуштин'асуем*, *травй'асуем*, *трул'асуе*, *црвл'асуе*. Основы с *-йас/-йаш-* означают переход к состоянию, связанному с обозначенным в исходной основе предметом. Когда этот суффикс соединяется с исходной глагольной основой, новая основа образует переходный глагол: *искорен'асуем*, *сруту'асуем*.

5.1.3. Суффикс *-н-* соединяется с глагольными основами. Основа с *-н-* обыкновенно совершенного вида (если после *-н-* не следует *-у/-ув-*). Известно только несколько глагольных основ с *-н-* несовершенного вида: *в'енем*, *г'инем*, *д'бнем*, *др'нем*, *дз'внем*, *к'инем*, *к'иснем*, *крд'нем*, *мрз'нем*, *р'инем*, *с'анем*, *расн'ем*. Исходные основы этих глаголов не всегда ясны.

Все другие основы с *-н-* (если они не соединены с *-ув-*) — совершенного вида. Такие основы означают:

а) Начинательное действие: *блийне* (от *блие*), *з'елне се*; *като се з'елне таа трава по л'ивадата*, *гледай да дойдеш* (Р. С — СБ.); *коп'нем*: *ид'ба*, *коп'яа*; *сефт'е бай нач'о ваш коп'ня* (ЦБ.); *л'егнем*, *л'ит'нем*, *н'икне*, *п'р'чем*, *р'евнем*, *р'ип'нем*, *св'етнем*, *с'еднем*, *ст'анем*, *т'р'гнем*, *ф'анем* и др.

б) Однократное действие: *г'акнем*, *г'р'бнем*, *г'р'мнем*, *г'у'нем*, *д'екнем*, *др'снем*, *дж'орнем*, *дж'оснем*, *ж'и'жнем*, *кас'нем*, *кар'нем*, *кв'акнем*, *кл'у'ц'нем*, *кр'к'нем*, *к'ус'нем*, *мр'ц'нем*, *м'у'шнем*, *п'рс'нем*, *п'ук'нем*, *с'е'ц'нем*, *с'ив'нем*, *ск'ор'нем*, *цр'п'нем*, *ц'у'нем*, *шт'ук'нем*, *ц'тра'п'нем* и др.

⁵ *-о-* из *-ой-*: *й* исчезает перед временным показателем *-и-*.

в) уменьшительное действие: *болне: 'мáлко да се разболее'; да не чýе г'аволó! а па нека чýе да го бóлне мáлко* (ЦБ); *кúпнем* (от несл. *кúпкам*), *пáснем: óбу се, úди, искáрай г'и волóвете да пáснат!* (М. Д. — ЦБ.); *мéтнем: йá че мéтнем сос метлáта мáлко* (В. К. — ЦБ.); *пíвнем, прéднем: че го прéднем за мán'е* (ЦБ.); *сáднем: сék'и си сáдне пó мáлко* (В. К. — ЦБ.); *цúцнем: нека цúцне да си зéме сúриштето* (ЦБ.) и др.

Основы, имеющие, кроме *-н-*, и суффикс *-у/-ув-*, всегда несовершенного вида.

5.1.4. *-ос/-ош-* — суффикс основ несовершенного вида, производных от основ существительных и прилагательных: *алóсуем, варóсуем, витóсуем, гледжóсуем, дамгóсуем, мазгóсуе, диплóсуем се, зелен'óсуем, крстóсуем, обел'óсуем, пайантóсуем, пипкóсуем се, плачкóсуем, йадóсуем, сефтóсуем, таван'óсуем, такалмóсуем, четвртóсуем, шпиртóсуем* и др.

В соответствующих глаголах совершенного вида *-ос-* заменяется *-ош-*: *алóшем, крстóшем* и др.

5.2. Суффиксы, образующие лексические глагольные основы несовершенного типа.

5.2.1. Суффикс *-е-* образует глагольные основы от основ прилагательных, реже — от субстантивных основ: *богатéем, бозавéем, дебелéем, зеленéе, милéем, момéем се, слабéем, старéем, убавéем, црн'éем* и др. В том случае, когда глагольная основа образована одновременным присоединением суффикса *-е-* и приставки и беспрефиксной основы нет, основа имеет совершенный вид: *заборчéем, заглушéем, заграквéем, запулавéем* ('стана хилав'), *запустéем, изветрéем, измучкавéе* ('развали се'), *изнежнéем, огладнéем, одрпавéем, полудéем, поулавéем, предртéем* и др.

Все глаголы с суффиксом *-е-* относятся к 3-му разряду I спряжения. Это непереходные глаголы, означающие состояние или переход в состояние, связанное с указанным исходной основой качеством. От этих исходных основ образуются и переходные глаголы (1-й разряд I спряжения) непосредственным присоединением временного вокального показателя: *белéем — бел'им, извехтéем — извэхтим, осакатéем — осакатим, окривéем — окрívим* и др.

5.2.2. Суффикс *-ин'* отмечен только с основами *-лак-*, *-мак-* и *-мет-* (глагольными): *изметин'ам, подмачин'уем, промачин'ам* ('промъквам'), *свлачин'ам* ('свличам'): *друг'и крпи подмачин'уем* (Д. М. — ЦБ.); *подмачин'ам работата, не а гон'им не йа вршим* (Д. М. — ЦБ.); *еден вал — коджа дрва набрани, они се свлачин'ат с колесници* (П. К. — ЦБ.). Так как примеров таких основ записано мало, трудно точно определить значение суффикса. Основы с *-ин'* образуют глаголы II спряжения.

5.2.3. Уменьшительный суффикс *-к-* образует уменьшительные формы от глагольных основ: *брл'очкам, гйткам, дйшкам, жмйкам, кúпкам, подúмкуем, рипкам, рúчкам, слýшкам, стéн'к'ам, тéпкам, трчкам, црпкам* и др. Уменьшительные основы иногда получают и самостоятельное значение. В говоре есть значительное количество глагольных основ с суффиксом *-к-* и уже затемненным значением исходной основы, которые уже не осознаются как уменьшительные: *опепэл'к'ам* (ср. в сербском *опепелити*), *препéшкам: не сé препéшкай така, не сé трчкáйай!* (К. В. — ЦБ.); *спуркам: спуркáх маку брашно, омесиx погаче* (Д. М. — ЦБ.); *омán'к'ам: оман'к'á детето, заморй се, спи му се, мáná се од игра* (Д. М. — ЦБ.).

5.2.4. О суффиксе *-у/-ув-* см. 4.1.1е.

5.2.5. От субстантивных основ иногда образуются глагольные основы с помощью суффикса *-ч-* (*грбáнчим, гра́пчим*, возможно *кл'умчам*); есть основы, образованные от субстантивных основ присоединением суффиксов *-оч-* или *-ич-*: *четврто́чим, колени́чим*. Эти суффиксы непродуктивны.

От междоментных звукоподражательных основ возможно образование глагольных основ с различными суффиксами: *испу́пурим, цап-а́р-им, цамб-у́р-им, црц-бр-им, чантáрим, чучóрим* и др.

Используются также суффиксы: *-ол'*, соединяющийся с субстантивными основами (*прашóл'им, шумóл'им*), *-ат-* (*шакáтим се*) *-ул'* (*расчешм'ул'и се*) и некоторые другие непродуктивные суффиксы.

5.3. При помощи суффикса *-ир-* образуются основы глаголов III спряжения, нейтральные по виду, преимущественно от заимствованных (литературных) слов: *а'ути́рам, капари́рам, кубира́м, манифесту́рам, нервира́м, организу́рам, палазу́рам, блоди́рам, фали́рам, флизу́рам, цименту́рам, запаси́рам, зглупи́рам, качествира́м*.

5.4. Перед суффиксами, образующими глагольные лексические основы, иногда стоят и другие основообразующие суффиксы. Обычно это непродуктивные эмфатические суффиксы, сочетающиеся с другими эмфатическими суффиксами: *-к-*, *-еч-*, *-ич-*, *-ан-* (как например, *грбáнчим*), *-ун-* (*сруту́н'асуем, бубун'асуем*).

5.5. Большое количество глаголов II спряжения имеет основы с нулевым основообразующим суффиксом: к субстантивной или адъективной основе присоединяется непосредственно временной суффикс (тема) и личные показатели: *а́рчим, бе́дим, белéжим, брати́мим, вели́чим се, весéлим се, брнч'им, вапи́рим се, гло́бим, да́рим, гута́вим се, го́стим, гра́дим, гу́рлу́чим, делни́чим, доклáдим, дрвáрим, еднóничим, жлéбим, капáчим, клеветим, кал'бпим, коман́дим, кр'ивим, крл'áвим се, крстим, ма́глим, масрáвим се, мэзим се, мол'йтвим, печáтим, товáрим, тóрим, црпим*, и др. Исходная основа может быть также наречием или числительным: *тамáним, четвóрим*.

Эти глаголы несовершенного вида, обычно — переходные.

6. КОРНЕВЫЕ МОРФЕМЫ

6.1. При образовании различных глагольных форм в корневых морфемах возможны чередования гласных и согласных звуков. Из чередований гласных наиболее типичны следующие:

6.1.1. *-е/-и-*: *зрéбо(х) — зри́бам, запéче — запичам, урéче — ури́чам, измéто(х) — изми́там, исéче — исичам, исплéто(х) — испли́там, испрéдо(х) — испри́дам, истéче — исти́чам, истрéсо(х) — истри́шам, нагн'этох — нагн'и́там, постéл'ем — пости́лам, смéл'ем — смил'ам*.

Такое чередование происходит не только в основах глаголов I спряжения 2-го разряда, но и в других глагольных основах: *заобл'и́там — лет'им — ли́тнем, срéтнем — сри́штам, изглéдам — изгли́дам*.

При помощи чередования *-е/-и-* образуются глагольные основы несовершенного вида; при этом глаголы I или II спряжения обычно переходят в III спряжение. В случаях типа *изглéдам — изгли́ждам* меняется только вид основы.

6.1.2. *-о/-а-*: *распорéм — распáрим, загло́бим — загла́бйам, закло́пим — закла́пйам, залóвим — зала́вйам, изгóрим — изгáрим, обидим — обийáждам, переводим — превáждам, раздвóим — раздвáвйам, рóдим — рáждам*.

При помощи этого чередования образуются также основы несовершенного вида от соответствующих глаголов совершенного вида. Глаголы переходят из 1-го разряда II спряжения в III спряжение. Глагол с *-о-* в корне может быть и несовершенного вида (например, *преводим*); в таком случае основа, образованная с *-а-* в корне, не отличается по значению от исходной основы.

6.1.3. *ѵ/-и-*: *за́прем* — *запи́рам*, *за́врем* — *зави́рам*, *за́тнем* — *зати́нам*, *у́мрем* — *уми́рам*, *у́врем се* — *уви́рам се*, *о́тнем* (или *о́тем*; корень *-м-* или *-е-*) — *оти́мам*, *за́пнем* — *запи́нам*, *при́зрем* — *призи́рам*, *про́стрем* — *прости́рам*, *со́пнем* — *сопи́нам*, *спо́тнем* — *споти́чам*.

Гласный *-и-* в корневых морфемах сообщает о несовершенном виде основы. Глаголы получают временной показатель *-а-* и переходят из I в III спряжение.

Однако от основ совершенного вида с корневыми морфемами *-дн-* и *-гн-* основы несовершенного вида с помощью подобных чередований не образуются; корневые морфемы не изменяются: *на́днем* — *на́днуем*, *по́гнем* — *по́гнуем* (но *поги́на́ч*).

6.1.4. *-и/-о-*: *донесе́м* — *дони́сим*, *наведе́м* — *наводи́м*, *прведе́м* — *преводи́м* (и *прева́ждам*, *прево́ждам*). Гласный *-е-* характеризует основу совершенного вида (I спряжение 2-й разряд), гласный *-о-* — основу несовершенного вида (III спряжение).

6.1.5. *-е/-а-*: *облече́м* — *обла́чам*, *свлече́м* — *свла́чам*, *влэ́зем* — *влáзим*.

6.2. Чередования согласных также происходят при образовании основ несовершенного вида от основ совершенного вида. В некоторых основах изменяются и гласные и согласные (см. указанные примеры).

Наиболее распространены следующие чередования согласных:

6.2.1. *-д/-жд-*: *ви́дим* — *ви́ждам*, *возбу́дим* — *возбу́ждам*, *вози́дем* — *вози́ждам*, *дойда́дем* — *дойа́ждам*, *дорéдим* — *дорéждам*, *доса́дим* — *доса́ждам*, *забодéм* — *заба́ждам*, *зго́дим* — *зга́ждам*, *изва́дим* — *изва́ждам*, *изгле́дам* — *изгли́ждам*, *изгра́дим* — *изгра́ждам*, *обио́дим* — *обио́ждам*, *преведе́м* — *прево́ждам*, *прева́ждам*, *прео́дим* — *прео́ждам*, *ро́дим* — *ра́ждам* и др.

6.2.2. *-т/-шт-*: *раскла́тим* — *раскла́шtam*, *пла́тим* — *пла́шtam*, *пра́тим* — *пра́шtam*, *се́тим се* — *се́шtam се*, *сре́тнем* — *сри́шtam*, *тра́тим* — *тра́шtam*.

6.2.3. *-ст/-шт-*: *кр́стим* — *кршта́вам*, *наме́стим* — *наместа́вам*, *све́стим се* — *свеста́вам се*.

Аналогично *-д-* заменяется *-жд-*: *побéдим* — *побежда́вам*.

6.2.4. *-с/-ш-*: *истресéм* — *истри́шtam*.

6.2.5. При всех указанных чередованиях от основы совершенного вида образуется основа несовершенного вида. Основы несовершенного вида, образованные таким способом, соотносительны с основами совершенного вида: формы совершенного и несовершенного вида получают здесь морфологическую характеристику, т. е. обе эти основы следует рассматривать как видовые формы одной глагольной основы.

6.3. В корневых морфемах наблюдается еще одно чередование, при котором происходит обратный процесс: образование основ совершенного вида от основ несовершенного вида (перфективация). Это чередование *-т/ѵ-*: *фа́там* — *фа́нем*, *возвра́там* — *возвр́нем*, *загр́там* — *загр́нем*. Основа совершенного вида имеет суффикс *-н-*, перед которым *-т-* выпадает.

6.4. Чередования гласных и согласных, при образовании основ с временными показателями указаны при характеристике глаголов различных

разрядов I и II спряжения. Следует еще отметить, что в личных формах настоящего времени шипящие согласные не чередуются с заднеязычными: *речѐм — речѐш — речѐт*, *стрижѐм — стрижѐш — стрижѐт* и др. В говоре детей шипящие иногда сохраняются и в аористных основах: *рѐчих* вместо *рѐкох*, *пѐчих* вместо *пѐкох*.

6.5. Чередования согласных наблюдаются при образовании основ повелительного наклонения, если показателем повелительного наклонения является нулевая морфема: *бег— бѐш! йад— йѐш! вид— виш!*

6.6. При соединении основообразующего суффикса *-е-* с субстантивными или адъективными исходными основами конечные заднеязычные согласные исходных основ заменяются шипящими: *глѹх — заглушѐем*, *грѣх — грѣшим*, *сѹх — сѹшим*, *прах — прѣшим*, *белѣк — белѣжим*, *блѣк — блѣжим*, *велѣк — велѣчим се*, *капѣк — капѣчим*. Заменяется шипящим и согласный *-ц-* (*-ц- > -ч-*): *делница — делничим*, *едноница — едноничим*.

СОКРАЩЕНИЯ

Две первые буквы в скобках после примеров из говора означают инициалы информатора, от которого записан пример, следующие буквы — название села.

Б. М. — Бойка Мазничка, 34 г.	М. Д. — Методи Димкин, 50 л.
В. К. — Вида Кьосева, 51 г.	М. К. (ЦБ) — Михаил Киров, 68 л.
В. Кир. — Вила Кирова, 10 л.	М. К. (Сп.) — Мария Ковачка, 76 л.
В. Н. — Васа Никлева, 70 л.	М. Л. — Михаил Лисичков, 80 л.
В. Ч. — Василка Чоткина, 35 л.	Н. Д. — Никола Димкин, 65 л.
Г. Б. — Гюра Бонева, 95 л.	П. Б. — Пана Бошнячка, 85 л.
Г. К. — Гълъбина Кирова, 54 г.	П. К. (Кри.) — Пелагия Кърновска, 70 л.
Д. К. — Данка Кирова, 10 л.	П. К. (ЦБ) — Петър Кавдански, 60 л.
Д. Л. — Денка Лисичкова, 80 л.	П. Н. — Петър Низамов, 73 г.
Д. М. — Дона Миладинова, 57 л.	Р. Д. — Райна Дупърска, 62 г.
Д. Мит. — Деша Миташева, 70 л.	Р. Кар. — Роза Карабельова, 12 л.
Д. С. — Дона Стойкова, 106 л.	Р. М. — Роза Миладинова, 13 л.
Ек. Б. — Екатерина Бошнячка, 50 л.	Р. П. — Райна Попова, 64 г.
Ел. Б. — Елена Бонева, 60 л.	Р. С. — Райна Стойкова, 64 г.
Ел. Д. — Елена Димкина, 60 л.	С. А. — Спасуна Андриена, 80 л.
Ел. К. — Елена Кравайкова, 50 л.	С. К. — Стоил Карабельов, 54 г.
Ел. М. — Елена Механджийска, 65 л.	Ст. Мит. — Стаменко Миташев, 64 г.
Ел. Ст. — Елена Стойкова, 14 л.	Т. Б. (Сп.) — Тана Бимбова, 57 л.
Ел. Ч. — Елена Чекърева, 8 л.	Т. Б. (ЦБ) — Тодор Бачов, 75 л.
З. М. — Зафира Митина, 28 л.	Т. К. — Тина Кьосева, 12 л.
И. С. — Иванка Стойкова, 42 г.	Т. М. (Ов.) — Тима Мантаркова, 75 л.
Ив. Б. — Иван Боринарски, 52 г.	Т. М. (Г.) — Тена Младжова, 80 л.
Й. Кр. — Йордан Кравайков, 70 л.	Тр. Б. — Трънка Бимбова, 43 г.
Й. М. — Йордан Мавров, 78 л.	Кри. — с. Крайници.
Йор. Ст. — Йорданка Стойкова, 11 л.	Ов. — с. Овчарци.
К. Б. — Костадин Бимбов, 57 л.	Сп. — с. Сапарево.
К. Кр. — Кална Кравайкова, 11 л.	СБ. — с. Сапарева баня.
Л. Ч. — Лидия Чоткина, 14 л.	ЦБ. — с. Цървени брег.

А. В. Бондарко

ОПЫТ ОБЩЕЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВИДОВОГО ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ РУССКОГО ГЛАГОЛА

Понятие видового противопоставления, широко применяемое в учении о славянском глагольном виде, обычно трактуется как нечто однозначное, целостное и очевидное. Между тем это понятие нуждается в расчленении, классификации и детализации и лишь после такой операции может быть сведено к какому-то сложному целому.

В настоящей статье делается попытка классифицировать видовое противопоставление и дать самую общую его характеристику. Эта характеристика представляет собой предварительный опыт-эскиз, требующий последующей детальной разработки и проверки. В статье речь идет о русском глаголе, о специфических особенностях русского глагольного вида, но все же многое может быть отнесено и к другим славянским языкам.

Следует различать морфологическое и синтаксическое противопоставление видов.

Морфологическое видовое противопоставление — это противопоставление видовых форм и значений в данной языковой системе, существующее в чисто морфологическом плане как часть „языкового арсенала“. Морфологическое видовое противопоставление, будучи абстракцией, извлеченной из массы частных контекстов, в которых эта категория находит свое конкретное проявление, в целом не зависит от контекста, как бы поднимается над ним и входит в морфологическую структуру языка.

Синтаксическое видовое противопоставление — это противопоставление несовершенного и совершенного видов в предложении или группе предложений, в контексте. Здесь виды представлены в определенной форме (время, наклонение и т. д.), выступающей в определенной модально-временной (или только модальной и только временной) функции, в той или иной синтаксической функции и конструкции. В некоторых случаях видовое противопоставление может быть снято, нейтрализовано.

Синтаксическое видовое противопоставление, представляющее категорию вида в ее функционировании, является более конкретным и потому более богатым и разнообразным по своей семантике, чем противопоставление морфологическое. Вместе с тем синтаксическое противопоставление видов в конкретных случаях своего проявления представляет собой в известном смысле частное и потому более узкое, неполное отражение морфологического противопоставления.

Синтаксическое видовое противопоставление имеет две стороны. С одной стороны, оно выступает как категория языка, поскольку мы имеем дело с такими типами употребления видов, которые являются не индивидуальной особенностью каждого данного контекста, а определенным правилом, действительным для ряда контекстов, объединяемых общностью условий употребления видов. С этой точки зрения синтаксическое видовое противопоставление представляет собой инвариант — частицу языковой структуры. Поэтому при анализе различных типов данного противопоставления мы можем прибегать к языковому эксперименту, определяя возможность и результаты замены в контексте одного вида глагола другим. С другой стороны, синтаксическое видовое противопоставление имеет определенное отношение к речи. С этой точки зрения мы имеем дело только с данным контекстом, только с той индивидуальной группировкой глаголов и той „игрой“ видов, с тем их отношением к другим элементам контекста, которые представлены в этом контексте. Синтаксическое противопоставление видов, понимаемое таким образом — как контекстуальный вариант, — можно назвать контекстуальным. Понятно, что контекстуальная сторона представляет собой частное проявление более общей структурной стороны.

Рассмотрим подробнее каждую из выделенных выше категорий.

МОРФОЛОГИЧЕСКОЕ ВИДОВОЕ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ

I. Это противопоставление выступает в рамках одной лексемы и как противопоставление различных лексем.

Видовое противопоставление в рамках одной лексемы охватывает соотносительные (типа *решить* — *решать*, *переписать* — *переписывать*) и двувидовые глаголы (типа *велеть*, *женить*, *казнить*). Несоотносительные глаголы, естественно, в это противопоставление не входят.

Глаголы, характеризующиеся частичной видовой соотносительностью, т. е. многозначные глаголы, у которых одно значение (или несколько значений) выступает в обоих видах, а другое (или другая часть значений) — лишь в одном из них, требуют особых пояснений. При определении типа видового противопоставления, представленного такими глаголами, мы должны исходить не из всей совокупности значений, поскольку их отношение к виду неодинаково, а из отдельного значения или группы значений данного глагола, находящихся в одинаковом отношении к виду. При этом данное значение (группа значений) рассматривается как „представитель“ глагола. Так, образования *заправить* — *заправлять* в значениях 'всовывать, вкладывать, вправлять что-либо куда-нибудь', 'снабжать приправой, сдабривать (о кушаньях)', 'заливать горячее, закладывая руду и т. п., подготавливая действие какого-либо аппарата, машины и т. п.', 'поправлять, исправлять, налаживать' (обл.)¹ представляют видовое противопоставление в рамках одной лексемы; но *заправлять* в значении 'руководить чем-либо, распоряжаться' (только несовершенный вид) по отношению к *заправить* в указанных четырех значениях является несоотносительным глаголом: члены видового противопоставления в данном случае представляют собой разные лексемы. То, что в *заправить* — *заправлять* мы усматриваем то одну, то разные лексемы, не является противоречием, так как каждый раз речь идет о различных сторонах этих образований (об отдельных значениях), а не об их суммарной, общей характеристике.

¹ Формулировка значений дается по „Словарю современного русского литературного языка АН СССР“, т. IV. М.—Л., 1955.

Между противопоставлением, представленным соотносительными видовыми образованиями (во всех значениях или в какой-то их части), и противопоставлением в рамках двувидового глагола имеется существенное различие.

Противопоставление соотносительных форм несовершенного и совершенного вида является как семантическим, так и формальным. Поэтому оно вполне автономно и с точки зрения выражения общих видовых значений в полном смысле слова внеконтекстуально: *решить* всегда, в любом контексте — форма совершенного вида, выражающая действие как неделимое целое; *решать* всегда представляет собой форму несовершенного вида, не содержащую в своей семантике указания на целостность действия.

Противопоставление в рамках двувидового глагола является лишь семантическим, его члены лишены формальных показателей. Оно также может рассматриваться как морфологическое и внеконтекстуальное, но лишь постольку, поскольку для обоих видов все же существует форма (единая), присущая определенному числу лексем в данной глагольной системе и обладающая потенциальной возможностью выражать то совершенное, то несовершенное видовое значение (действие *казнить* мы можем представить себе как целое или без восприятия целостности и вне контекста). Однако в отличие от глаголов, имеющих особые формы для каждого вида, когда вид данной формы определяется как совершенный (*переписать*) или несовершенный (*переписывать*) вне контекста, а контекст может лишь требовать или выбирать тот или иной вид, двувидовые глаголы вне контекста предполагают потенциальную возможность двоякого аспекта представления действия. Именно совершенный или именно несовершенный вид таких глаголов может быть реально определен лишь в контексте. Поскольку определение членов видового противопоставления в рамках двувидовых глаголов зависит от контекста, такое противопоставление является морфологическим и внеконтекстуальным лишь отчасти, с определенной точки зрения, а с другой стороны, относится к области синтаксического и, в частности, контекстуального видового противопоставления².

Особое место занимают те двувидовые глаголы, при которых имеются производные суффиксальные образования несовершенного вида, например: *арестовать* — *арестовывать*, *конфисковать* — *конфисковывать*, *образовать* — *образовывать*, *организовать* — *организовывать*.

Образовать, будучи противопоставлено несовершенному *образовывать*, выступает как глагол совершенного вида, вместе с тем совершенное *образовать* противопоставляется несовершенному *образовать*. Получается двоякое противопоставление в рамках одной лексемы: с одной стороны, чисто семантическое, а с другой — и семантическое, и формальное.

Видовое противопоставление различных лексем охватывает все глаголы: и соотносительные, и несоотносительные, и двувидовые.

У соотносительных и двувидовых глаголов это противопоставление сосуществует с противопоставлением в рамках одной лексемы, т. е. эти глаголы входят в двоякое противопоставление. Например: *записать* противопоставлено *записывать* и вместе с тем *писать*, *пугать*, *изучать*, *разбивать* и всем прочим глаголам несовершенного вида;

казнить как потенциально совершенная форма противопоставляется *казнить* как форме потенциально несовершенной и вместе с тем *руко-*

² Сказанное здесь не относится к таким формам двувидовых глаголов, которые существуют лишь в одном виде, например *казнящий*, *буду казнить*.

водить, делать, замечать и всем прочим глаголам несовершенного вида.

Несоотносительные глаголы могут быть противопоставлены лишь другим глагольным лексемам:

ринуться противопоставлено *сидеть, бросать, выигрывать* и т. д.; *почувствовать* противопоставляется *чувствовать, дописывать, бить* и т. д.; *лежать* входит в противопоставление с *полежать, выдумать, мелькнуть* и т. д.³

Именно потому, что существует не только видовое противопоставление в рамках одной лексем, но и противопоставление различных лексем, несоотносительные глаголы не остаются вне видовой системы, а включаются в нее, являясь равноправным членом видового противопоставления в данной языковой структуре. Точно так же существительные *pluralia et singularia tantum* входят в систему числа потому, что существует не только противопоставление чисел в рамках одной лексем, но и противопоставление единственного (множественного) числа данной лексем множественному (единственному) числу всех других лексем.

II. При классификации морфологического видового противопоставления следует исходить из отношения видов не только к глагольной лексеме, но и к глагольным формам.

Прежде всего, необходимо сделать несколько замечаний относительно состава видо-временных форм. Представляется целесообразным выделить в системе видо-временных форм русского глагола, с одной стороны, форму простого будущего, а с другой — омонимически совпадающую с ней форму настоящего совершенного. Система видо-временных форм, включающая в себя эту форму, выглядит следующим образом:

настоящее несовершенное : настоящее совершенное;
будущее несовершенное : будущее совершенное;
прошедшее несовершенное : прошедшее совершенное.

Какие имеются основания для выделения формы настоящего совершенного наряду с будущим совершенным?

Формы типа *приду, скажу, напишу*, с одной стороны, имеют ярко выраженную функцию выражения будущего времени. С другой стороны, эти формы могут выражать повторяющееся, обычное (в плане настоящего или настоящего исторического времени) и постоянное действие (в пословицах и высказываниях общего характера). В некоторых особых случаях рассматриваемые формы могут выражать и неповторяющееся действие (в случаях типа *Все молчат, а он вдруг как крикнет; Заблудился он, никак дороги не найдет; Тишина. Никто не шевельнется*).

Указанные выше функции интересующих нас форм, выражающих настоящее время повторяющегося и неповторяющегося действия, можно объединить по тому общему для них признаку, что эти формы обозначают настоящее неактуальное (используем термин, принятый в чешской лингвистической литературе), т. е. настоящее, понимаемое не как момент речи.

Можно ли свести функции выражения будущего времени и настоящего неактуального к какому-то одному значению? Нам представляется, что, хотя с точки зрения диахронии, мы имеем здесь дело с взаимо-

³ Мы не касаемся здесь вопроса о характере противопоставления между бесприставочными глаголами и глаголами с „пустой“ приставкой (*дичать — одичать, строить — построить* и т. п.), так как сложная проблема „чисто видовых“ приставок требует специального детального рассмотрения. Однако, как бы ни решался этот вопрос, такие противопоставления неизбежно попадут в один из выделенных выше типов или составят некую промежуточную категорию вроде „видового противопоставления синонимичных лексем“.

связанными функциями единой формы настоящего времени, для современного языка сведение указанных выше функций к одной форме, форме будущего времени (которая может обозначать настоящее и прошлое?) или форме настоящего времени (которая имеет устойчивое значение будущего?) является неоправданным. Мы полагаем, что выделение различных, хотя и омонимичных форм простого будущего и настоящего совершенного вернее отражает языковые факты, чем объединение столь различных функций в одной форме.

Разграничение указанных форм имеет несомненные структурные основания. Будущее совершенное является коррелятом будущего несовершенного, а настоящее совершенное соотносится с настоящим несовершенным. Эти структурные отношения отражают реальные соотношения форм в контекстах типа *Завтра он придет и будет сидеть допоздна* и *Он обычно (бывало) придет и сидит допоздна*. Между тем исключение настоящего совершенного или будущего совершенного из системы делает изолированным, не имеющим коррелята или настоящее несовершенное (настоящее несовершенное: —), или будущее несовершенное (будущее несовершенное: —). При этом реальные контекстуальные соотношения форм получают неправильную, противоречащую фактам трактовку: если признавать лишь будущее совершенное, то в предложении *Он обычно придет и сидит допоздна* придется говорить о сочетании форм простого будущего и настоящего времени, хотя временное значение обеих форм (настоящее время обычного действия) здесь одинаково, или в предложении *Завтра он придет и будет сидеть допоздна* придется усматривать настоящее совершенное и сложное будущее, хотя обе формы имеют здесь одно и то же значение будущего времени.

То, что настоящее совершенное, выражающее и единичные, и повторяющиеся действия, не имеет вполне адекватного коррелята, будучи соотношенным с настоящим совершенным, имеющим, за исключением некоторых особых случаев, лишь повторительное значение, не является каким-то исключительным фактом, который мог бы возбудить сомнения в правомерности предлагаемой схемы видо-временных форм. Подобное явление наблюдается и в области прошедшего времени: прошедшее несовершенное, выражающее и единичные, и повторяющиеся действия, соотносится с прошедшим совершенным, которое, за исключением некоторых особых случаев, способно обозначать лишь единичные, неповторяющиеся действия.

В предложенной нами схеме видо-временные формы образуют ряды. Используя это понятие „ряд форм“, члены которого различаются по виду, но совпадают с точки зрения категорий времени и наклонения (если эти категории свойственны данному глагольному образованию), можно выделить видовое противопоставление в рамках одного ряда форм и видовое противопоставление, члены которого не образуют ряда.

1. Видовое противопоставление в рамках одного ряда форм представлено в следующих случаях:

- настоящее время (*рассказываю — расскажу*);
- будущее время (*буду рассказывать — расскажу*);
- прошедшее время (*рассказывал — рассказал*);
- повелительное наклонение (*рассказывай — расскажи*);
- сослагательное наклонение (*рассказывал бы — рассказал бы*); инфинитив (*рассказывать — рассказать*);
- действительное причастие прошедшего времени (*рассказывавший — рассказавший*);

страдательное причастие прошедшего времени (несовершенный вид причастия возможен лишь от некоторых беспривставочных глаголов: *читанный — прочитанный*);

деепричастие (*рассказывая — рассказав*).

2. Видовое противопоставление, члены которого не образуют ряда, можно отметить в следующих случаях:

а) изолированные формы, не относящиеся к какому-либо ряду, в их отношении к формам противоположного вида:

действительное причастие настоящего времени по отношению ко всем формам совершенного вида (*рассказывающий : рассказавший, рассказанный, рассказав, рассказал, расскажи* и т. д.);

страдательное причастие настоящего времени (*рассказываемый : рассказавший, рассказанный* и т. д.);

страдательное причастие прошедшего времени от подавляющего большинства глаголов (*рассказанный : рассказываемый, рассказывающий, рассказывал* и т. д.);

б) формы, относящиеся к разным рядам, например *рассказываю : рассказал; рассказывай : рассказал бы; рассказывать : рассказавший* и т. д.

Из сказанного ясно, что каждая из форм, перечисленных в рубрике 1, входит в двоякое противопоставление: по отношению к форме того же ряда и по отношению к другим формам; формы же, представленные в группе 2а, образуют лишь разнородное в формальном отношении противопоставление.

Итак, в области глагольных форм, как и в области глагольных лексем, мы можем констатировать видовую соотносительность (формы, образующие ряд), несоотносительность (формы *imperfectiva tantum*) и частичную соотносительность (страдательные причастия прошедшего времени, отчасти образующие ряд, но преимущественно *perfectiva tantum*).

Если учесть оба принципа классификации морфологического противопоставления видов, примененные выше, то оказываются возможными следующие сочетания: видовое противопоставление 1) в рамках одной лексемы и одного ряда форм (*рассказывал — рассказал*), 2) в рамках одной лексемы, но вне ряда (*рассказывал : рассказать*), 3) между разными лексемами, но в рамках одного ряда (*рассказывал : написал*), 4) между разными лексемами и разнородными (не образующими ряда) формами (*рассказывал : написать*). В первом случае видовое противопоставление гомогенно, в последнем — наиболее гетерогенно; второй и третий случаи занимают промежуточное положение между этими двумя полюсами.

СИНТАКСИЧЕСКОЕ ВИДОВОЕ ПРОТИВПОСТАВЛЕНИЕ

Прежде чем приступить к анализу данного типа противопоставления видов, необходимо определить понятие позиции в применении к глагольному виду. В этой области позицию составляет „модально-временной план“. Этим термином мы обозначаем глагольную форму или „ряд форм“ определенного времени, наклонения, того или иного неличного образования в определенной модально-временной функции (или только модальной — у повелительного и сослагательного наклонений, а также у инфинитива⁴, — и только временной — у причастий и

⁴ Об инфинитиве как модальном плане приходится говорить в значительной мере условно, так как функции инфинитива являются, конечно, не только модальными. Данная выше формулировка вызывается трудностями терминологического порядка

деепричастий), проявляющейся в контексте. Сюда входят такие функциональные разновидности времен, как конкретное настоящее время момента речи, настоящее историческое и сценическое, настоящее время повторяющегося, обычного и постоянного действия, прошедшее, будущее время единичного действия, с одной стороны, и повторяющегося, с другой. Каждый такой временной план непосредственно обуславливает возможность, наличие синтаксического видового противопоставления и его характер или его невозможность, отсутствие⁵.

Понятие позиции в применении к глагольному виду следует отличать от понятия ситуации, ситуационного типа⁶.

Нам представляется, что ситуационный тип, например, „длительность (фон) — наступление“ („tło — następowanie“, по Кошмидеру; речь идет о наступлении какого-то события, противопоставленного предшествующей длительности), „предшествование“, в частности выражение предшествования в придаточных предложениях времени, есть не что иное, как синтаксическая функция вида (отражение внеязыковой ситуации) в определенной синтаксической форме, конструкции. Ситуационный тип включает в себя совокупность тех элементов контекста, которые имеют существенное значение для глагольного вида (не только глаголы, но и такие слова, как *вдруг, неожиданно, внезапно, долго, медленно*), и отражает семантико-синтаксические связи вида данного глагола с речевой ситуацией и видом других глаголов в контексте. Как отметил Э. Кошмидер, имеется два рода ситуаций (ситуационных типов): одни требуют определенного вида, другие допускают оба вида. Очевидно, что ситуационный тип является одним из важнейших факторов, определяющих закономерности употребления вида.

Почему позицию для глагольного вида образует именно модально-временной план, а не ситуационный тип? Модально-временной план является той сферой, той средой, которая или включает в себя оба члена видового противопоставления, или допускает лишь один коррелят, тогда как другой может выступать лишь в другом модально-временном плане, или, наконец, нейтрализует видовое противопоставление. В двух последних случаях модально-временной план предопределяет вид глагола. В первом случае употребление того или иного вида зависит, помимо других причин, от ситуационного типа, но сама возможность употребления обоих видов (речь идет об общей возможности, не специально для данного контекста и данного глагола) обусловлена именно модально-временным планом. Поэтому-то он и рассматривается нами как позиция, тогда как ситуационный тип представляет собой категорию иного порядка, которая по самому своему существу (синтакси-

⁵ Наличие или отсутствие видового противопоставления в формах причастий и деепричастий (например, противопоставление несовершенного и совершенного видов в причастиях прошедшего времени и возможность лишь несовершенного вида в причастиях настоящего времени) является чисто морфологическим фактом, не зависящим от того или иного функционального значения, проявляющегося в контексте. Однако принадлежность причастных или деепричастных форм к одной позиции или к разным позициям, зависящая, в частности, от значения относительных времен деепричастий, а также абсолютных и относительных времен причастий, определяется лишь в предложении, в контексте.

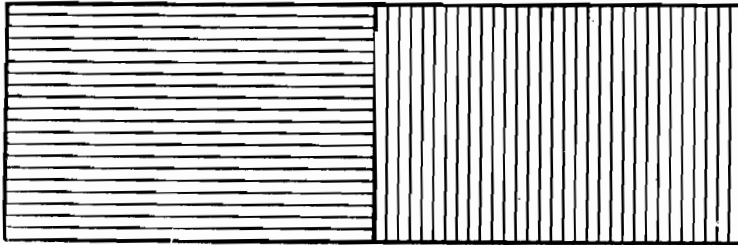
⁶ Понятие ситуационного типа широко используется Э. Кошмидером (E. Koschmieder. *Nauka o aspektach czasownika polskiego w zarysie. Proba syntezy. — „Rozprawy a materiały wydziału I Towarzystwa przyjaciół nauk w Wilnie“, t. V, zes. 2, Wilno, 1934.*). Ему же принадлежит и термин „typ sytuacyjny“. Следует отметить, что Э. Кошмидер специально не останавливается на определении этого понятия и его компонентов.

ческая функция вида в определенном конструктивном выражении) не может быть позицией.

Переходим к анализу основных типов синтаксического видового противопоставления.

I. Видовое противопоставление в одной позиции (таутопозиционное противопоставление). В этом случае модально-временной план допускает оба вида, причем каждый из них выполняет свои особые функции. Вся область значений и функций, выражаемых глагольным видом в контексте, как бы поделена между несовершенным и совершенным видами:

П о з и ц и я

значение и функции несовершенного вида

значение и функции совершенного вида

Приведем несколько примеров таутопозиционного видового противопоставления.

Прошедшее время единичного действия: „В 1938 году одна преподавательница детдома, куда *привезли* испанских ребят, *жаловалась* мне, что „с ними трудно, они анархисты“. *Оказалось*, дети, играя, *разбили* вазу и на вопрос, кто это *сделал*, *ответили*: „Все“. Я долго *убеждал* преподавательницу, что в этом нет никакого анархизма, наоборот. *Убеждал*, но *не убедил*“ (Эр.). Формы *привезли*, *оказалось*, *разбили*, *сделал*, *ответили*, (*не*) *убедил* выражают конкретные однократные факты (частное видовое значение) в их целостности (общее значение совершенного вида). Формы *жаловалась*, *убеждал* имеют конкретно-процессное значение⁷ и не имеют значения целостности. Помимо частного конкретно-процессного значения, форма *убеждал* (в первом случае своего употребления) выражает контекстуально-обусловленное (в сочетании с *долго*) значение подчеркнутой длительности действия. Во втором случае та же форма выражает действие, направленное на результат, но не достигающее его, представляющее собой в этом смысле безуспешную попытку (контекстуально-обусловленное конативно-тендентивное значение). Форма (*не*) *убедил* в противоположность предшествующей форме и по контрасту с ней подчеркнуто выражает результативное значение (в данном случае отрицается реальное достижение результата). Эти контекстуально-обусловленные значе-

⁷ Здесь и далее, говоря о частных видовых значениях, мы следуем в их трактовке за Ю. С. Масловым и используем его терминологию (ср. Ю. С. Маслов. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление). — „Вопросы грамматики болгарского литературного языка“. М., 1959, стр. 231 и след.).

ния как бы наслаиваются на частные видовые значения указанных форм, отмеченные выше, выступая при этом на передний план.

Следует подчеркнуть, что и указанные выше конкретно-фактическое и конкретно-процессное значения проявляются лишь в предложении, в контексте, но они более „свободны“, в меньшей степени связаны с индивидуальными особенностями данного контекста, чем конативно-тендентивное и результативное значения, которые обусловлены тем сочетанием глагольных форм с союзом *но* и отрицанием *не*, тем противопоставлением (*убеждал, но не убедил*), которое представлено именно в данном контексте. Весь пример демонстрирует контекстуальное синтаксическое видовое противопоставление, но в последнем случае контекстуальная сторона выступает на передний план, приобретает особую, подчеркнутую значимость, тогда как в остальной части отрывка контекст лишь „нейтрально“ отражает синтаксически общезначимое.

Будущее время единичного действия: „[Глафира.] В Сибирь *уедем, я работать буду...*“ (Горьк., Ег. Бул., II). *Уедем* — действие с конкретно-фактическим значением, представленное как неделимое целое; *работать буду* — действие, представленное в процессе его осуществления (конкретно-процессное значение), значение целостности отсутствует. Сочетание данных действий отражает контекстуальную сторону видового противопоставления, но сама позиция, заключающая в себе оба члена противопоставления, — факт структурного значения.

Будущее время повторяющегося действия: „Для приготовления к лекциям я *буду ходить* пешком на Воробьевы горы; *выберу* себе там местечко под деревом и *буду читать* лекции; *иногда возьму* с собой что-нибудь закусить: сыру, или пирожок от Педотти, или что-нибудь“ (Л. Толст., Юн.). *Буду ходить* и *буду читать* в неограниченно-кратном значении противопоставлены *выберу* и *возьму* в значении наглядно-примерном.

„Петр встал, но места — шагать — было мало, сел на стол:

— Все мне на вас, на дворян, на взяточников, оглядываться! Дворянское ополчение! *Влезут*, гладкие дьяволы, на коней, саблю не *знают* в какой руке держать“ (А. Толст., П. в.). В этом повторяющемся, обычном эпизоде первое действие представлено как единое целое, предшествующее длительности второго действия.

Ср. также противопоставление видов в повелительном наклонении: „— Теперь *лягте и глядите* вверх, что вы видите?“ (А. Толст. М.); в *инфинитиве*: „...перед работой водолаз... должен *избегать* всего, что может *раздражать* или *вывести* из душевного равновесия“ (Кож.); „Чем бы *плановать* свои планы про себя да тихо-молком, тебе бы с отцом-то *посоветоваться!*“ (Горьк., Три дня); в формах деепричастий: „— Впереди, — проговорил Никита, *пристав* в саях на колени и *всматриваясь* вперед“ (Сераф., М.) и т. п.

Приведенные выше примеры показывают, что таутопозиционное видовое противопоставление образуют члены одного „ряда форм“. Члены некоторых рядов могут входить в различные позиции, образуя видовое противопоставление в каждой из них, например будущее несовершенное и совершенное (при однократности и повторяемости действий), или только в одной, тогда как в другой позиции может выступать лишь один из членов ряда (например, настоящее повторительное глаголов несовершенного и совершенного вида, но актуальное настоящее лишь несовершенного вида; прошедшее несовершенное и совершенное при однократности действий, но лишь прошедшее несовершенное —

за исключением некоторых особых случаев — при повторяемости действий).

Видовое противопоставление в позиции, образуемой членами одного ряда форм, является устойчивым, регулярным фактом языка, не исчерпываемым, однако, всех возможностей контекстуального употребления. Многообразие контекстов отражает не только эти устойчивые типы позиций, в которых реализуется противопоставление видов, но обнаруживает своеобразные сочетания, контекстуальные связи членов разных рядов форм, разных позиций. Рассмотрим некоторые примеры: „[Мурзавецкая.] И барышни — тоже волки? [Лыняев.] Самые опасные. *Смотрит* лисичкой, все движения так мягки, глазки томные, а чуть *зазевался* немножко, так в горло и *влепится*“ (Остр., В. и о., I, 10). Здесь представлен план настоящего времени повторяющегося, в частности, потенциально-обычного действия, где противопоставлены друг другу члены одного ряда форм (*смотрит* — *влепится*). Однако к этому временному плану примыкает, включается в него форма, относящаяся к другому ряду (*зазевался*). Мы имеем здесь дело с разными позициями, сблизившимися и даже объединенными в данных контекстуальных условиях.

„В этих городах жили люди, и бурлила неугомонная кипучая жизнь, как поток, *низвергающийся* белой пеной среди камней, *стесненный* отовсюду утесами“ (Сераф., Р.). Причастия настоящего и прошедшего времени не принадлежат к одному ряду форм и представляют разные позиции. Однако в данных условиях эти члены разных рядов и позиций сблизаются, образуя контекстуальное единство (постоянно-непрерывное значение действия *низвергающийся* объединяется со значением постоянного наличного состояния *стесненный* как постоянные признаки одного предмета *поток*).

Следует подчеркнуть, что рассмотренные примеры контекстуально-обусловленного сближения форм не следует отождествлять с позицией, представляющей собой явление структурного значения.

Видовое противопоставление в одной позиции предполагает, что в данном модально-временном плане могут быть представлены глаголы обоих видов, но это отнюдь не означает, что всегда возможна замена одного вида глагола в данном контексте другим. Выделяются три случая.

1. Замена одного вида другим невозможна, так как она ведет к бессмыслице. Ср., например, перевод французки Алисы из рассказа А. П. Чехова „Дорогие уроки“: „О, молодой господин, не разрывайте эти цветы в моем саду, которые я хочу *давать* [вместо *дать*] своей большой дочери“. Другие примеры:

„[Степанида.] Батюшки! А про кухню-то *забыла*...“ (Горьк., Мещане, III). Форма *забывала* лишила бы высказывание всякого смысла.

„[Николай.] Спокойнее, Михаил! Зачем так *распускаться*?“ (Горьк., Враги, I). После слов *зачем так* не только в этом контексте, но и вообще в русском языке возможен лишь несовершенный инфинитив.

„На маленькой станции между Римом и Генуей кондуктор *открыл* дверь купе и при помощи чумазого смазчика почти *внес* к нам кривого старика“ (Горьк., Ск.). Значение длительного или повторяющегося действия, которое могло бы передать формы *открывал* и *вносил*, противоречило бы речевой ситуации, связанной с двумя конкретными последовательными фактами.

„...они (солдаты), пожелав прапорщику счастливого пути в тыл и еще довольно долго *скручивая* цигарки из солдатской газетки... наконец взяли пустые носилки...“ (Кат., Зим.). Замене несовершенного

вида деепричастия (*скручивая*) совершенным (*скрутив*) препятствует обстоятельство продолжительности действия (*довольно долго*). При отсутствии этого обстоятельства замена (связанная с некоторым изменением смысла высказывания) была бы возможна.

Невозможность замены одного вида другим в рассмотренных выше случаях и в множестве других объясняется тем, что речевая ситуация здесь неразрывно связана лишь с одним видом, с его общим и частным значением, с тем ситуационным типом, в котором он выступает, с тем способом действия, с которым он сочетается, с определенным модальным или временным оттенком и т. д. Смысл контекста таков, что он не меняется вследствие изменения вида, а разрушается, так как возникает противоречие между тем значением, которое получает глагол в связи с заменой вида, и значением остальных элементов контекста.

2. Замена одного вида другим возможна, но при этом изменяется смысл высказывания. Например:

„Когда я *подходил* к блиндажу Армо, в серо-голубом рассветном небе *завыли* первые немецкие бомбардировщики“ (П., Т.). Если бы здесь была употреблена форма *подошел*, то вместо данного соотношения действия (первое действие находится в процессе своего осуществления, еще не завершено, когда наступает второе) мы получили бы иное соотношение (второе действие наступает после того, как первое закончилось).

„А Кирилл Ждаркин *отыскивал* на площадке то, что дало право комиссии отложить официальный прием гидроузла“ (Панф.). *Отыскивал* выражает длительное действие, направленное к своей цели, но еще не достигающее ее; *отыскал* выражало бы реально достигнутый результат.

„Буду в люди *пробиваться*, как вы, например, *пробились*“ (Герм.). Замена несовершенного будущего совершенным (*пробьюсь*) влечет за собой то же смысловое различие между действием, стремящимся к результату и достигающим его, что и в предшествующем примере.

„Кочетков, который был выше Сенькина, *набросил* Лапшину наплечные грузы, *завязал* концы нижнего браса. Лапшин *присел*, чтобы лучше обтянуло, *выпрямился*“ (Кож.). Если бы здесь были употреблены формы несовершенного вида *набрасывал*, *завязывал*, *приседал*, *выпрямлялся*, то все действия воспринимались бы как повторяющиеся.

3. Замена одного вида другим возможна, причем она не сопровождается изменением смысла высказывания; изменяется лишь тот или иной оттенок выражения данного смысла. В этом случае мы имеем дело с конкуренцией видов (используем термин В. Матезиуса)⁸. Это явление заслуживает более подробного анализа.

Чаще всего речь идет о конкуренции частных видовых значений. Отметим некоторые случаи.

⁸ V. M a t h e s i u s. O konkurenci vidů v českém vyjadřování slovesném. — „Čeština a obecný jazykozpyt“. Praha, 1947, стр. 195—202. В. Матезиус относит к конкуренции видов „случаи, в которых одна и та же объективная действительность в зависимости от различных потребностей языкового выражения (stilisace) может быть обозначена различными видами“ (стр. 195). Мы расходимся с В. Матезиусом в том отношении, что он, как нам кажется, исходит из тождества (в основном, не всегда в деталях) внеязыковой действительности, тогда как нашим исходным пунктом является тождество основного смысла высказывания, т. е. языкового отражения объективной действительности. С точки зрения Матезиуса в случае типа *skoč!* 'прыгни' — *neskákej* 'не прыгай' мы имеем дело с конкуренцией видов, так как речь идет об одном и том же прыжке. Нам представляется, что в подобных примерах нет конкуренции видов, ибо смысл высказывания здесь не одинаков: в первом случае речь идет о приказании произвести действие, а во втором — о запрещении его производить.

а) Обобщенно-фактическое значение несовершенного вида — конкретно-фактическое значение совершенного. Например, в прошедшем времени:

„Спросят: кто меня на воровство *подбил* и место *указал*? Мишка Костылев с женой! Кто краденое *принял*? Мишка Костылев с женой!“ (Герм.); „[Акулина Ивановна.] Ну, ладно уж... Куда тебя утром Татьяна-то *посылала*?“ (Горьк., Мещане, III). В этих и подобных им вопросительных предложениях, когда вопрос касается не самого действия, а его производителя, его направления, цели и т. д., основная функция форм прошедшего времени заключается в том, чтобы обозначить самый факт действия. Эта функция может быть выполнена глаголами обоих видов. Различие заключается лишь в том, что совершенный вид выражает конкретное, единичное действие (см. первый пример и второй при замене *посылала* посредством *послала*, тогда как несовершенный выражает тот же факт без всякого специального указания на его конкретность и единичность (формы *подбивал*, *указывал*, *принимал* в первом примере могли бы обозначать и единичные, и повторяющиеся действия, причем это различие в данном случае несущественно; во втором примере значение единичного действия не выражается глаголом, а подсказывается контекстом).

„[Акулина Ивановна.] Углей мешок вы *брали* ... кухарка ваша“ (Горьк., Мещане, III); „[Конь.] Не он *убил*! Он по реке ехал в тот час!..“ (Горьк., Враги, III). В первом примере внимание обращено на объект действия, во втором — на субъект; действие в обоих случаях представлено как факт; различия, выявляющиеся при замене вида: *взяли* выражало бы не обобщенный факт, как *брали*, а конкретный (кроме того, *брали* имеет оттенок прошедшего времени, четко отделенного от настоящего, тогда как *взяли* выражало бы оттенок наличного результата прошедшего действия); *убил* и возможное *убивал* различаются оттенками конкретности и обобщенности.

„— Ша! — крикнул Сметана. — Закройся. Я тебе слова *не давал*“ (Кат., Вр.); „Когда, немного погодя, тройка остановилась у подъезда станции, студент поблагодарил и вылез из тарантаса. Почтовый поезд еще *не приходил*“ (Чех.). Основная функция несовершенных форм [*не давал* и [*не приходил*] — отрицание факта; совершенный вид (*не дал*, *не пришел*) внес бы оттенок конкретности и несколько ослабил силу отрицания, но основной смысл высказывания был бы сохранен.

Ср. аналогичные примеры в сослагательном наклонении:

„[Захар.] Скорее *кончалось бы* [ср. *кончилось бы*] все это!“ (Горьк., Враги, III); „Пока они собирались уходить, он... позвонил, чтобы *дали* [ср. *чтобы дали*] машину“ (Герм.).

В зависимом и независимом инфинитиве:

„... Вот что, Ванечка: завтра надо будет *выплачивать* [ср. *выплатить*] сотрудникам жалованье“ (Кат., Растр.); „... что мог *ответать* [ср. *ответить*] ей Петя?“ (Кат., Зим.); „Отец Анастасий еще больше сконфузился, засмеялся и, забыв про свое решение *уходить* [ср. *уйти*] домой, опустился на стул“ (Чех.); „[Клеопатра.] Это глумление над трупом ... и надо мной! *Открыть* [ср. *открывать*] завод в то время, когда еще не похоронен человек, которого мерзавцы убили, именно за то, что он закрыл завод!“ (Горьк., Враги, II).

б) Неограниченно-кратное значение несовершенного вида — наглядно-примерное значение совершенного. Например, в настоящем времени повторяющегося действия:

„Над линией фронта трассы зениток прорезают ночное небо. На правом фланге то *утихает*, то снова *вспыхивает* пулеметный пере-

стук“ (П., Т.). Формы совершенного вида выделили бы один из актов повторяющихся действий в его результативности (*утихнет*) или мгновенности (*вспыхнет*), тогда как формы несовершенного вида обозначают неограниченный ряд актов повторения действий без выделения каждого из этих актов.

В инфинитиве: „Случалось ли вам *забредать* в лесную глушь?“ (Сераф., Зам.). Несовершенный вид *забредать* выражает многократное действие, охватывая все случаи его повторения, — совершенный вид *забрести* выделил бы один из этих случаев.

в) Ограниченно-кратное значение несовершенного вида — суммарное значение совершенного. Например, в прошедшем времени:

„Попытки «Разумного» подойти к аварийному кораблю и взять его на буксир закончились неудачей. Дважды *заводили* буксир, и дважды буксир *лопнул*“ (Гол.); „Я у них тогда два раза из-под самого носа *уходил*, смешно даже вспомнить...“ (Герм.). Формы несовершенного вида *заводили* в первом примере и *уходил* во втором обозначают действия, кратность которых ограничена словами *дважды*, *два раза*, но не сведена в одно целое, тогда как совершенные формы *лопнул* и возможные *завели*, *ушел* суммируют совокупность повторяющихся фактов, представляют эту совокупность как целое. Различие в этих оттенках выступает, однако, на фоне общности основного значения повторяемости действия ограниченное число раз.

Особый случай конкуренции видов представляет повелительное наклонение. Здесь общие и частные видовые значения обычно осложняются, а иногда и оттесняются на задний план различными модално-экспрессивными оттенками⁹. Если различие этих оттенков не выходит за рамки основного модалного значения и основной смысл высказывания при замене вида не изменяется, то мы имеем дело с конкуренцией видов. Например:

„[Клещ.] А ты *слезай* с печи-то, да *убирай* квартиру... чего не жишься?“ (Горьк., На дне, I). Формы несовершенного вида здесь выражают побуждение к немедленному осуществлению действия, представленного как конкретный процесс. При употреблении совершенных форм (*слезь*, *убери*) оттенок немедленного осуществления действия был бы ослаблен, побуждение было бы менее настойчивым, а само действие было бы представлено как конкретный факт. Общий же смысл высказывания при замене вида был бы сохранен. Ср. аналогичный пример: „[Константин.] Значит, *доставай* [ср. *достань*] ключ, *отпирай* [ср. *отпри*] шкаф и дели деньги пополам!“ (Остр., С., IV, 4).

Все приведенные выше примеры конкуренции видов были контекстуальны в том смысле, что замена вида оказывалась возможной в условиях данного контекста (фактически мы имели дело с двумя синонимичными контекстами — данным и предполагаемым). Однако сама операция конструирования контекста с заменой вида, языковой эксперимент, имеет в своей основе синтаксическое видовое противопоставление, понимаемое не как контекстуальное.

Вместе с тем конкуренцию видов можно непосредственно наблюдать в данном контексте, не обращаясь к языковому эксперименту. Например:

„[Татьяна.] Ради бога — *уйдите!* *Уходите!* Зачем все это?“ (Горьк., Мещане, III).

⁹ См. М. Dokulil. Modifikace vidového protikladu v rámci imperativu v spisovné češtině a ruštině. — „Роста F. Trávníčkovi a F. Wollmanovi“. Brno, 1948, стр. 71—88; Д. Н. Шмелев. О значении вида в повелительном наклонении. — „Русский язык в школе“, 1959, № 4, стр. 13—17.

Из анализа рассмотренных выше случаев вытекают два принципиально важных факта.

1) Конкуренция видов не есть их смешение, уничтожение или стирание видовых различий. Во всех случаях конкуренции видов сохраняется четкое различие между общими и частными значениями обоих видов¹⁰. Возможность замены одного вида другим без изменения основного смысла высказывания не снимает видовых различий, а напротив, как правило, подчеркивает их, делает их более наглядными, так как здесь оказывается возможным синтаксическое видовое противопоставление в приблизительно одинаковых условиях. Поэтому мы не можем согласиться с Э. Кошмидером, считающим, что в тех случаях, когда возможна взаимная замена видовых форм (например, „Czy panowie już zamawiali?“ ‘Господа уже заказывали?’; Kto głupiemu ustąpi, sto dni odpusku dostąpi‘ ‘Кто глупому уступит, на сто дней получит отпущение грехов’), видовое различие является иррелевантным¹¹. Вопреки мнению Э. Кошмидера, „сущность совершенности и несовершенности и назначение данного различия“ ясно выступает не только в тех случаях, когда обязательно должен быть употреблен лишь один из видов, но и при конкуренции видов. Релевантность видового различия не зависит от того, меняется ли общий смысл высказывания в связи с изменением вида или нет. Несмотря на то, что видовые значения чаще всего представляют собой необходимую и неотъемлемую часть данной речевой ситуации, так что замена вида оказывается невозможной, семантическое противопоставление видов обладает и самостоятельной значимостью. Поэтому оно остается релевантным и само по себе, даже если общий смысл высказывания не зависит от вида. Не следует забывать о том, что категория вида отражает не реальный характер действия, а двоякий взгляд на действие, которое при разных видах глагола может быть одним и тем же „по смыслу“.

2) Для конкуренции видов не характерно употребление несовершенного вида (немаркированного коррелята) вместо совершенного (маркированного). Каждый вид выполняет свою, свойственную именно ему функцию, причем семантическая область несовершенного вида, будучи соотносительной с семантической областью совершенного вида, не распространяется на нее, не расширяется за ее счет: эти противопоставленные друг другу области четко разделены¹².

Так, мы не можем сказать, что в приведенном предложении „На правом фланге *то утихает*, то снова *вспыхивает* пулеметный перестук“ несовершенный вид выступает вместо совершенного (*утихнет*, *вспыхнет*): каждый вид выступает здесь на своем месте, по-разному передавая значение повторяющегося действия.

В научной литературе было высказано мнение, противоположное изложенному выше. Так, Х. К. Серенсен, анализируя примеры типа „Я уже проснулся, но еще не *встал*“; „Czy panowie już *zamawiali*?“ ‘Господа уже заказывали?’; „Kogo bóg chce skarać, tedy mu rozum *odejmuje* (*odejmie*)“ ‘Кого бог хочет наказать, у того *отнимает* (*отнимет*) разум’ (польские примеры Э. Кошмидера), усматривает в них „имплика-

¹⁰ В повелительном наклонении модально-экспрессивные значения могут оттеснить на задний план видовые, но различия между значениями несовершенного и совершенного видов остаются.

¹¹ E. Koschmieder. Das türkische Verbum und der slavische Verbalaspekt. Münchener Beiträge zur Slavenkunde. — Festgabe für Paul Diels. München, 1953, стр. 137 и след.

¹² Употребление несовершенного вида для немаркированного выражения функций, свойственных совершенности, возможно лишь в особых условиях нейтрализации видового противопоставления (см. ниже).

цию“ („несовершенный вид включает в себя совершенный“)¹³. По мнению К. Бареша, при конкуренции видов наблюдается „проникновение несовершенной формы в область совершенного вида и, наоборот, — разумеется, реже — совершенного вида в область несовершенного“¹⁴.

Рассмотрим подробнее аргументацию датского лингвиста. По поводу первого примера Х. К. Серенсен замечает, что „глагол несовершенного вида *вставал* употреблен здесь абсолютно параллельно глаголу совершенного вида *проснулся*“, что „с точки зрения субстанции действие вставания не является менее ограниченным, менее целостным, чем действие пробуждения“¹⁵. В действительности глагол *вставал* употреблен здесь совсем не параллельно глаголу *проснулся*. Этот глагол выражает не конкретное действие в его целостности, как *проснулся* (и как возможное *не встал*), а действие, понимаемое обобщенно: отрицается осуществление действия вообще, при этом выражается не ограниченность и целостность, а неопределенность.

В первом польском примере форма *zamawiali* ‘заказывали’ выражает обобщенно-фактическое значение, свойственное именно несовершенному виду и отнюдь не „включающее“ то конкретно-фактическое значение, которое было бы выражено совершенным видом *zamówili* ‘заказали’. Второй польский пример демонстрирует конкуренцию наглядно-примерного и неограниченно-кратного значений, причем последнее никак не может включать в себя первое.

К. Бареш, говоря о проникновении несовершенной формы в область совершенности, исходит из понимания конкуренции видов как „нарушения однозначной координации видовой функции и формы“¹⁶. По мнению К. Бареша, в таких случаях, как „*Ten obraz malovat Repin*“ (Эту картину *писал* Репин), „мы употребляем в чешском и русском языке несовершенный глагол, говоря о прошедшем совершенном (*dokonavém*) действии“. „Картина закончена, — пишет автор, — так что в совершенности действия нет сомнения, действие мы понимаем здесь как законченный факт, а не как до сих пор не законченный процесс“¹⁷. По поводу случаев типа „Он вчера к вам *заезжал*, но не застал вас дома“ К. Бареш замечает: „... в русском понимании этих фактов (*dějových skutečností*) речь идет о действии неопределенном, хотя фактически речь идет о совершенном с точки зрения вида действии (*zajel k vám jednou* ‘заехал к вам однажды’)“¹⁸.

В этих и подобных им формулировках видовое значение отрывается от видовой формы. Фактически попытки судить о видовом значении в отрыве от глагольной формы, о видовом значении (в частности, о совершенности) действия сводятся к ошибочному анализу значения глагольных форм: в первом случае суждение о „совершенном действии“ основано в сущности на смешении видового значения с временным („картина закончена“), а во втором — на переносе совершенного значения чешской формы *zajel* на русскую *заезжал*.

Итак, при конкуренции видов видовое различие является релевантным, а отношение членов противопоставления эксплицитным.

¹³ H. Chr. Sørensen. Aspect et temps en slave. — „Aarhus“, 1949, стр. 128—130.

¹⁴ K. Baroš. O konkurenci vidů v českém a ruském jazyce. — „Časopis pro slovenské jazyky, literaturu a dějiny SSSR“, 1956, № 4, стр. 578.

¹⁵ H. Chr. Sørensen. Aspect et temps en slave, стр. 128—129.

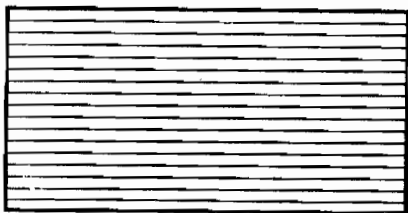
¹⁶ K. Baroš. O konkurenci vidů. . . , стр. 578.

¹⁷ Там же, стр. 570.

¹⁸ Там же, стр. 576—577.

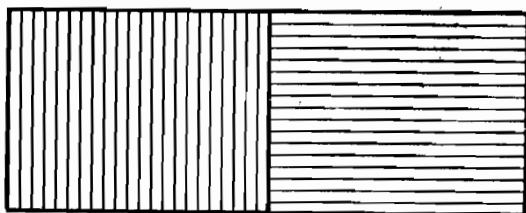
II. Видовое противопоставление в разных позициях (гетеропозиционное противопоставление). Здесь возможны два случая. В первом случае данный модально-временной план допускает один вид, тогда как противоположный вид может выступать лишь в другой позиции. Как и при таутопозиционном противопоставлении, семантические области видов и здесь не перекрещиваются. Допустим, что нам даны две позиции. Одна из них (А) допускает лишь несовершенный вид, а в другой (В) возможны оба вида. Схематически это могло бы быть представлено следующим образом:

п о з и ц и я А

значение и функции несовершенного вида

п о з и ц и я В

значение и функции совершенного вида

значение и функции несовершенного вида

Понятно, что несовершенный вид в позиции А может быть противопоставлен не только совершенному виду в какой-то одной позиции В, но и в других позициях (С, D...), допускающих оба вида или только один совершенный.

Типичным примером позиции А является конкретное настоящее время момента речи, которое во всех славянских языках допускает лишь несовершенный вид. Например:

„[Константин.] Огуревна, что ты тут *делаешь*? [Огуревна.] Самой *дожидаясь* насчет самовара“ (Остр., С., I, 1).

Рассматриваемый временной план не имеет синонимичной параллели, синонимичной позиции, допускающей оба вида. Любая позиция, в рамках которой возможно видовое противопоставление, будет связана с другим значением (прошедшего, будущего времени и т. д.). Поэтому несовершенный вид в конкретном (актуальном) настоящем времени не может рассматриваться как результат нейтрализации видового противопоставления. Несовершенный вид в данной позиции может быть противопоставлен совершенному лишь в другой позиции. Ср. продолжение приведенного выше отрывка:

„[Константин.] А где ж она сама-то, где дяденька? [Огуревна.] В зале *сидят*; залу растворить *велели* и чехлы все с небели давеча еще *поснимали*“ (Остр., С., I, 1). Перед нами контекстуальное видовое противопоставление в разных позициях (несовершенный вид *делаешь*, *дожидаясь*, *сидят* в актуальном настоящем — совершенный вид *велели*, *поснимали* в прошедшем времени).

Некоторые случаи употребления форм настоящего времени глаголов совершенного вида на первый взгляд могут показаться фактом, опровергающим тезис о невозможности совершенного вида в конкретном настоящем времени и вновь ставящим вопрос о нейтрализации. Так, известный пример А. М. Пешковского „Посмотрите, что делает заяц: то *вскочит*, то *ляжет*, то *перевернется*, то *подымет* уши, то *при-*

жет их“¹⁹ как будто бы демонстрирует действия, относящиеся к моменту речи и вместе с тем выраженные формами совершенного вида. В действительности здесь представлено настоящее время совсем иного рода: настоящее повторительное, т. е. не конкретное, а абстрактное, без определенной временной отнесенности каждого акта действия (к настоящему времени момента речи при помощи предпосылаемых слов *посмотрите, что делает заяц* относится лишь вся совокупность нескольких актов повторения нескольких действий). Понятно, что такой временной план не является синонимически соотносительным с конкретным настоящим временем типа *посмотрите, заяц вскакивает*.

Рассмотрим примеры иного рода:

„—Эт-то кто такой? — вскрикнул он, наткнувшись на что-то живое. — Да что, друг, шапки никак *не сыщу*...“ (Усп.). Совершенный вид (*не сыщу*) возможен здесь потому, что к настоящему моменту относится не само совершение действия, а невозможность его осуществления. Такое настоящее время, с которым соотносено не само действие, а лишь связанное с ним модальное значение, нельзя считать конкретным, актуальным. Следовательно, и этот пример не противоречит упомянутому выше тезису.

Другим примером позиции А, допускающей лишь несовершенный вид, который может быть противопоставлен совершенному лишь в другой (не синонимичной) позиции, является повелительное наклонение с отрицанием, выражающее приказ, предложение, просьбу (в отличие от актуального настоящего, данная позиция в отдельных редких случаях все же допускает совершенный вид, например *не оставь, не выдай*, но эта возможность лексически и стилистически крайне ограничена)²⁰. А. Н. Гвоздев усматривал в таком повелительном наклонении нейтрализацию видового противопоставления, основываясь на сопоставлении отрицательной конструкции с синонимичной, по его мнению, положительной, где возможны оба вида (*не рассказывайте — расскажите*)²¹. Нам представляется, что такие конструкции с отрицанием и без отрицания представляют собой различные модальные планы, не являющиеся синонимичными, поскольку они имеют не один и тот же, а различный смысл. Например:

„[Николай]... Яков Иванович, если можно, я попрошу вас... *проводите* [ср. *не провожайте*] меня!“ (Горьк., Враги., II). Если в данном примере речь идет о просьбе произвести действие, то в варианте, привлеченном для сравнения, — о просьбе не производить его (значения, безусловно, различные); кроме того, конкретно-фактическое значение глагола в положительной конструкции сменяется обобщенно-фактическим в отрицательной.

Сказанное выше о повелительном наклонении относится и к ряду других форм и конструкций с отрицанием в их отношении к соответствующим формам и конструкциям без отрицания. С точки зрения А. Н. Гвоздева такие случаи, как инфинитив в значении категорического приказа (*не останавливаться!* — ср. *остановиться!*), инфинитив, зависящий от слов *не надо, не нужно, не следует* и т. п. (*не нужно*

¹⁹ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956, стр. 110—111.

²⁰ См. Д. Н. Шмелев. О значении вида в повелительном наклонении, стр. 17.

²¹ А. Н. Гвоздев. О соотношении форм несовершенного и совершенного видов. — „Русский язык в школе“, 1955, № 2, стр. 13—14; его же. Современный русский литературный язык, ч. I. Фонетика и морфология. М., 1958, стр. 289—291.

отправлять — ср. *нужно отправить*), демонстрируют нейтрализацию видового противопоставления²². К. Бареш усматривает в таких случаях (помимо примеров, подобных приведенным выше, ср. условное наклонение типа „Он звонил, чтобы уже *не послали* за врачом“) конкуренцию видов²³. С нашей точки зрения, такие факты, как различный смысл отрицательной и положительной конструкций, отсутствие между ними синонимии, свидетельствуют не о нейтрализации (важно подчеркнуть, что в этих случаях отсутствует „импликация“) и не о конкуренции, а о наличии видового противопоставления в разных позициях.

Итак, если мы отмечаем в области морфологического видового противопоставления *perfectiva* и *imperfectiva tantum*, которые отнюдь не снимают этого общего противопоставления, а означают лишь то, что его члены распределены между различными лексемами, то и в области синтаксического видового противопоставления рассмотренные выше случаи представляют видовые позиции *imperfectiva tantum*, в которых видовое противопоставление не снято, а лишь представлено одним членом, тогда как другой член может выступать в других позициях.

Наряду с рассмотренным выше типом гетеропозиционного противопоставления, один из членов которого выступает в позиции, допускающей всегда или, как правило, один лишь несовершенный вид, следует выделить другой тип — контекстуальное противопоставление видов в позициях, каждая из которых допускает оба вида. Таким образом, гетеропозиционное противопоставление может сочетаться в данном случае с таутопозиционным.

В качестве членов такого противопоставления особенно часто выступают разные лексемы. Например:

„Пока они *собирались уходить*, он открыл форточку, *надел* шинель и *позвонил*, чтобы *давали* машину“ (Герм.). Совершенный вид (*надел, позвонил*) противопоставлен, с одной стороны, несовершенному в той же позиции (*собирались*), а с другой — несовершенному виду в других позициях (*уходить, чтобы давали*), каждая из которых допускает оба вида (в данном случае возможна даже замена вида в условиях конкуренции: *собирались уйти, чтобы дали*).

Не так уже редко встречается и гетеропозиционное противопоставление в рамках одной лексемы. Например:

„[Купавина.] Ты *останешься* тоже? Оставайся, оставайся“ (Остр., В. и о., III, 2); „[Лыняев.] Вы не *поняли* или не хотите *понимать*. . .“ (Остр., В. и о., III, 3); „Немного поколебавшись, *обниматься* или не *обниматься*, они все-таки *не обнялись*, а ограничились рукопожатием. . .“ (Кат., Зим).

III. Нейтрализация видового противопоставления. Типичным примером позиции, снимающей, нейтрализующей видовое противопоставление, является настоящее историческое неповторяющегося действия²⁴. Например:

„По выжженной полосе *ползет* кто-то в нашу сторону. *Ползет* медленно, замирая, прячась в окопы. Когда до ползущего *остается*

²² А. Н. Гвоздев. Современный русский литературный язык, ч. I, стр. 290 — 291.

²³ К. Вареж. О konkurenci vidů. . . стр. 571—574.

²⁴ В современном русском языке нейтрализация осуществляется в данном случае в позиции, допускающей в обычных условиях один лишь несовершенный вид. Но

метров семьдесят, Балыков, не спрашивая моего разрешения, ни слова не говоря, *выскакивает* из нашей воронки и короткими перебежками *устремляется вперед*“ (П., Т.). Формы несовершенного вида в этом отрывке неоднородны. Если несовершенному *ползет* и в прошедшем времени (в соотносительной синонимичной позиции, допускающей оба вида) соответствовал бы несовершенный вид (*полз*), то на месте несовершенных форм *выскакивает* и *устремляется* в прошедшем времени были бы употреблены формы совершенного вида (*выскочил*, *устремился*). В этих-то последних формах, которые можно обозначить посредством H_1 (в отличие от форм типа *ползет* — H), и нейтрализуется видовое противопоставление²⁵.

Для форм типа H_1 характерна способность выражать ряд функций, свойственных совершенному виду.

1. Такие формы обычно выражают конкретно-фактические действия, в частности ряд сменяющих друг друга конкретных действий (ср. приведенный выше пример). Таким образом, несовершенный вид оказывается способным выражать одно из основных частных значений противоположного вида, в частности, в ситуационном типе („цепь“), требующем в других условиях совершенности²⁶.

2. Формы типа H_1 могут выражать внезапное наступление действия на фоне предшествующей длительности, сочетаясь со словами типа *вдруг*, *внезапно* и т. п., т. е. выступать в ситуационном типе „длительность (фон) — наступление“, требующем в других условиях совершенного вида (в той части, которая выражает „наступление“). Например:

„Всматриваюсь в туман; *вдруг слышу* всплеск, и на палубу лезет мокрая голова Курицына“ (А. Толст., П. в.).

3. Глаголы мультипликативного способа действия, выражающие действия, состоящие из нескольких однородных актов (*мигать*, *толкать*, *махать* и т. п.), оказавшись в настоящем историческом, приобретают способность выражать не этот способ действия, связанный с несовершенным видом, а семельфактивный способ действия, присущий противоположному, совершенному виду (ср. глаголы типа *мигнуть*, *толкнуть*, *махнуть*, выражающие одноактное, обычно мгновенное действие, выполненное в один прием). Например:

„Взбешенный, с искаженным лицом, *вскакивает* с земли иностранец, *хватает* первый попавшийся стул, *замахивается* в публику и... стул у него *вырывают* сзади“ (Серафим., Мар.).

Рассмотренные выше случаи указывают на особое соотношение видовых значений и функций при нейтрализации видового противопоставления. Если при таутопозиционном и гетеропозиционном противопоставлении семантические области несовершенного и совершенного видов

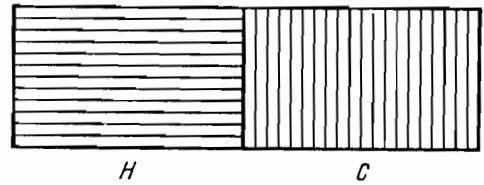
в некоторых других славянских языках, например, в литературном чешском, нейтрализация видового противопоставления в настоящем историческом совмещается с реализацией видовых различий, т. е. нейтрализация является частичной, факультативной [ср. мою статью „Настоящее историческое (praesens historicum) глаголов несовершенного и совершенного видов в чешском языке“. — *Slavia*, роč. 27, 1958, стр. 556—584]. С другой стороны, известно (например, в чешских говорах) и полное, последовательное видовое противопоставление в рассматриваемой позиции, исключающее возможность нейтрализации (см. указ. соч., стр. 568—573, а также мою статью „Настоящее историческое в славянских языках с точки зрения глагольного вида“. — Сб. статей „Славянское языкознание“. М., 1959, стр. 48—58).

²⁵ Относительно формы *остается* мы не можем определить, представляет ли она собой H или H_1 , так как в прошедшем времени возможно и *оставалось*, и *осталось*.

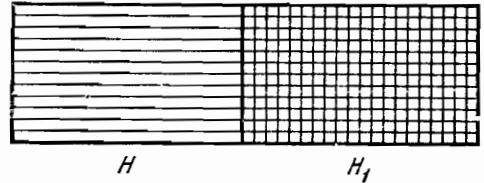
²⁶ Указанная особенность части форм несовершенного вида в настоящем историческом уже была отмечена А. Н. Гвоздевым („О соотношении форм...“, стр. 10).

не пересекаются, то при нейтрализации видового противопоставления происходит частичное скрещение, совмещение этих областей. Ср. схему:

В позиции, допускающей оба вида:

В позиции, нейтрализующей видовое противопоставление:

Мы видим, что при нейтрализации видового противопоставления семантическая область несовершенного вида расширяется, охватывая и ту область, которая в синонимичной позиции была занята совершенным видом (C). Является ли H_1 „общим видом“ (по терминологии А. Н. Гвоздева), т. е. образованием, которое не разграничивает видовых значений?²⁷ Нет, это тот же несовершенный вид, поглотивший в своей семантике то, что в соотносительной „сильной“ позиции было выражено совершенным видом. H_1 немаркированно выражает действие как неделимое целое и отмеченные выше функции, связанные с этим значением.

Различие между H и H_1 заключается в следующем: H обозначает то, что не есть C , т. е. отсутствие целостности действия, а H_1 не содержит никакого, ни положительного, ни отрицательного указания на целостность действия, т. е. в условиях, где это необходимо, может немаркированно выражать значение целостности и связанные с ним функции. Таким образом, H и H_1 отражают две стороны несовершенного вида как немаркированного члена видового противопоставления — выражать то, что не есть совершенность (значение H), и, при расширении семантической области за счет совершенности, — то, что в других случаях специально, маркированно выражается совершенным видом (значение H_1).

Следует подчеркнуть, что, несмотря на различие между H и H_1 , они представляют собой один и тот же несовершенный вид. Характерно, в частности, то, что H_1 , как и H , может быть противопоставлен совершенный вид в другой позиции. Например:

„Да я сам, едва стало развиднаться, вдруг слышу на лестнице шум. *Накинул* шинельку, *выхожу*“ (Кат., Ростр.)²⁸.

²⁷ А. Н. Гвоздев. О соотношении форм..., стр. 14; его же. Современный русский язык, стр. 289.

²⁸ В славянских языках, для которых характерна частичная нейтрализация видового противопоставления в настоящем историческом, H_1 может противопоставляться C и в той же позиции. Ср. в чешском: „Na věčné trvání“ — *řekne* (C) *důstojník a vyříje* (C) *sklenku naráz. Božítku, řekl „na věčné trvání“, raduje se v duchu Tereška a nahlas praví: „Tedy na věčné!“ Vyříjí* (H_1) *odhodlaně svou sklenku až do dna*“ (А. Zápotocký. Rozbřesk), „За то, чтобы навсегда“ — говорит [буквально скажет] офицер и выпивает [буквально выпьет] залпом стакан. „Боже мой, он сказал“ на-

Очень важно то, что формы H_1 , выражая конкретно-фактические действия (Он *выскакивает* из воронки и *устремляется* вперед), представляют их как развивающиеся процессы, т. е. несовершенный вид, выражая частное значение противоположного вида, не утрачивает своего собственного частного значения. Происходит своеобразное наложение, совмещение частных значений противоположных видов: конкретно-фактическое действие фигурально представляется как конкретно-процессное²⁹.

Помимо настоящего исторического, нейтрализация видового противопоставления осуществляется во временном плане, во многих отношениях сходном — настоящем сценическом (*praesens scenicum*), т. е. настоящем времени сценических ремарок. Здесь наблюдается немаркированное выражение формами типа H_1 тех же функций, которые были отмечены в настоящем историческом. Ср., например, выражение наступления действия:

„Генерал. Рядом с ним почтительно шагает Пологий, сзади — Конь. Пологий вдруг подхватывает генерала под руку“ (Горьк., Враги, II).

Для настоящего сценического, в отличие от *praesens historicum*, не характерна соотносительность с синонимичной позицией, в которой реализовалось бы видовое противопоставление. Однако употребление форм прошедшего времени в сценических ремарках, причем не только в перфектном, но и в аористическом значении не исключено. Например:

„Звонцов поспешно идет вверх, Варвара — встречать отца. Шура в зеленой теплой кофте и в зеленом колпаке бежит к телефону, ее *перехватил* [ср. *перехватывает*] и молча *прижал* [ср. *прижимает*] к себе Булычев, за ним идет поп Павлин, в лиловой рясе“ (Горьк., Ег. Бул., I).

Таким образом, имеется принципиальная потенциальная возможность сопоставления данного временного плана с синонимичной позицией, где на месте H_1 выступает C ³⁰.

Вопрос о нейтрализации видового противопоставления может быть поставлен по отношению к настоящему и прошедшему времени повторяющегося действия. Следует с самого начала подчеркнуть, что речь идет не об этих позициях в целом, а лишь об одном частном случае употребления настоящего и прошедшего времени и повторяющегося действия, когда повторяется целый эпизод, состоящий из нескольких (по крайней мере двух) действий, но в рамках этого эпизода каждое действие совершается лишь один раз. В таком эпизоде функции части глагольных форм несовершенного вида в известных отношениях аналогичны функциям форм H_1 в настоящем историческом неповторяющегося действия. Например:

„*Входите* вы через главный вход (здание одноэтажное), и только *захлопывается* за вами отжатая пружиной дверь, как вас *охватывает* удущье: едкой, тяжелой пеленой *висит*, густо синея и затрудняя дыха-

всегда“, радуется про себя Терезка и громко говорит: „Так за то, чтобы навсегда“ Она решительно выпивает свой стакан до дна».

²⁹ Ср. А. В. Бондарко. Настоящее историческое в славянских языках с точки зрения глагольного вида, стр. 49.

³⁰ Наглядным свидетельством нейтрализации видового противопоставления в настоящем сценическом является сопоставление с теми славянскими языками, которые выявляют в этом временном плане видовое противопоставление. Ср., например, в чешском (ремарки заключены в квадратные скобки): „*Má úcta, nazdar, Služebník, pane. [Běží pryč].* Pa, pa, dceruško, hned tu budu. [*Zajde*]“ (Bratří Čapkové, *Ze života hmyzu*). „Мое почтение, привет. Покорный слуга, сударь. [*Убегают*]. До свиданья, доченька, сейчас же буду здесь! [*Исчезает*]“ (букв. *исчезнет*).

ние, табачный дым, и во мгле тускло *горят* лампы...“ (Сераф., Мар.). В рамках этого типичного эпизода формы *входите*, *захлопывается*, *охватывает* означают единичные сменяющие друг друга действия. Форма *захлопывается* передает мгновенно-одноактный (семельфактивный) способ действия. Все указанные формы немаркированно выражают те же функции, которые могли бы быть выражены формами совершенного вида. (Ср. „*Войдете* вы...“, и только *захлопнется* за вами... дверь, как вас *охватит* удушье...“; возможно даже прошедшее совершенного вида: „*Вошли* вы... и только *захлопнулась* за вами... дверь, как вас *охватило* удушье“.) Эти функции выделяют указанные глаголы как формы H_1 , в отличие от форм H (*висит*, *горят*). Передают ли формы *входите*, *захлопывается* *охватывает* то частное видовое значение наглядно-примерного действия, которое было бы маркированно выражено формами совершенного вида *войдете* и т. д.? Думается, что наглядно-примерное значение в приведенном выше примере действительно наличествует, однако не как частное видовое значение, а как особый стилистический оттенок, вытекающий из приема передачи обычных действий путем наглядного представления одного типичного эпизода. Примечательно, что такое значение имеют не только формы H_1 , но и формы H *висит*, *горят*. Таким образом, здесь нельзя говорить об „импликации“ наглядно-примерного значения совершенного вида в несовершенном. Речь может идти лишь о немаркированном выражении формами H_1 конкретно-фактического значения, которое в данном случае является фигуральным, переносным и относительным: действия в рамках эпизода представлены как единичные и конкретные, хотя фактически они повторяются, так как повторяется весь эпизод.

„Или вечером *сидишь* один с сальной свечкой в своей комнате; вдруг на секунду, чтоб снять со свечи или поправиться на стуле, *отрываешься* от книги и видишь, что везде в дверях, по углам темно, и слышишь, что везде в доме тихо...“ (Л. Толст., Юн.). В этом примере примечательно употребление формы *отрываешься* для выражения внезапного (ср. *вдруг*) наступления действия на фоне предшествующей длительности (*сидишь*), т. е. в ситуационном типе, требующем в обычных условиях совершенного вида.

В принципе аналогичны отношения в прошедшем повторительном: „Ему (Ищенко) надо было делать сорок замесов в час! Он вдруг *останавливался* посредине дороги, *подбирал* щепку или гвоздь и сосредоточенно *писал* по толстому слою пыли цифры шестьдесят и сорок“ (Кат., Вр.). В рамках повторяющегося эпизода формы несовершенного вида здесь выражают последовательные единичные действия, как и формы совершенного вида (*остановится*, *подберет*) в возможной синонимичной позиции — повторительном настоящем историческом.

Ср. замены совершенного настоящего исторического повторяющегося действия несовершенным и прошедшим повторительным:

„Нагульнов вздохнул и развел руками: — Что можно сделать, раз человек осатанел? Видим, поедает его собственность! Опять его *призовем*, *вспломинаем* бои и наши общие страдания: *уговариваем*, *грозим*, что в землю затапчем его, раз он становится поперек пути, делается буржуем и не хочет дожидаться *мировой революции*“ (Шол.). Очевидно, несовершенный вид *призываем* или *призывали* на месте *призовем* можно было бы рассматривать как результат нейтрализации видового противопоставления, как форму типа H_1 , немаркированно выражающую то значение предшествования, которое маркированно выражено совершенным видом в данном тексте.

Настоящее и прошедшее времена повторяющегося действия рассмотренного выше типа во многом сходны, однако между этими позициями имеются и некоторые различия. В случае с настоящим временем можно говорить о нейтрализации видового противопоставления, которое может проявиться, реализоваться в той же позиции. Следовательно, нейтрализация здесь осуществляется в условиях конкуренции видов в одной позиции, являясь при этом (по крайней мере, в части случаев) необязательной, факультативной. В прошедшем же времени нейтрализация может быть отмечена лишь по отношению к видовому противопоставлению в синонимичной позиции, причем употребление несовершенного вида в повторительном прошедшем времени, как правило, является обязательным.

Существенные различия могут быть отмечены и между обоими рассмотренными выше случаями нейтрализации видового противопоставления, с одной стороны, и настоящим историческим неповторяющегося действия, с другой. В случае с настоящим историческим единичного действия временной план, нейтрализующий противопоставление видов, является стилистически маркированным, производным по отношению к стилистически нейтральному, основному плану прошедшего времени. Отсюда регулярность этого отношения и регулярность нейтрализации. Прошедшее повторительное, напротив, представляет собой основной, стилистически нейтральный временной план, тогда как синонимичная позиция (настоящее историческое повторяющегося действия, допускающее видовое противопоставление) является планом производным, стилистически маркированным и синтаксически ограниченным. Отсюда нерегулярность данного отношения и нерегулярность нейтрализации. Несовершенный вид в настоящем времени повторяющегося действия также стилистически нейтрален по отношению к стилистически маркированному синтаксически ограниченному совершенному виду (это действительно и для повторительного настоящего исторического, где речь идет об относительной нейтральности и маркированности видовых форм внутри временного плана, характеризующегося общей стилистической маркированностью).

Как уже говорилось, вопрос о нейтрализации может ставиться лишь по отношению к определенной разновидности настоящего и прошедшего времен повторяющегося действия. Следует отметить, что эту разновидность, способную к нейтрализации, не всегда легко отличить от других разновидностей. Например: „Много мы их тут без счету этих татаров побили, но кои переправились за Койсу — те сели на том берегу за камнями, и чуть мы *покажемся*, они в нас *палят*“ (Леск.). Нейтрализуется ли видовое противопоставление в возможных заменах *показываемся, показывались*? Ответ на этот вопрос зависит от того, как понимать данное соотношение действий: как типичный эпизод, в рамках которого действия однократны, или как отношение одного каждый раз повторяющегося действия к другому. Поскольку возможно, как нам кажется, двоякое понимание, и вопрос о нейтрализации получает возможность двоякого решения.

Основная трудность, связанная с рассматриваемыми позициями, заключается в том, что даже при бесспорном наличии эпизода, в рамках которого действия осуществляются однократно, всегда налицо повторяемость эпизода в целом. Не отражается ли это общее многократное значение на значениях отдельных глагольных форм в рамках данного эпизода? С одной стороны, отдельные действия в эпизоде не повторяются, но раз повторяется весь эпизод, значит это значение переносится и на отдельные действия. Между тем многократность — одно из

частных значений несовершенного вида. Все эти соображения свидетельствуют о том, что констатация нейтрализации видового противопоставления в настоящем и прошедшем временах повторяющегося действия пока не может и не должна быть категорической. Это лишь одна из возможностей трактовки вопроса, остающегося открытым.

* * *

Проведенный выше анализ позволяет сделать следующие основные выводы.

1. Категория вида русского глагола представляет собой синтаксическое противопоставление несовершенного и совершенного видов, материальной основой которого служит противопоставление морфологическое. Члены морфологического противопоставления в рамках одной лексемы или между разными лексемами функционируют как в одной, так и в разных позициях. Члены морфологического противопоставления в рамках одного „ряда форм“ могут образовывать как таутопозиционное синтаксическое противопоставление, так и гетеропозиционное, тогда как формы противоположных видов, не образующие ряда, могут выступать лишь в разных позициях.

2. Известная общая характеристика видовой оппозиции как противопоставления маркированного члена (совершенного вида), констатирующего наличие определенного признака, немаркированному (несовершенному виду), не говорящему ничего о наличии или отсутствии этого признака, может быть конкретизирована следующим образом. В условиях видового противопоставления как в одной позиции (в том числе и при конкуренции видов), так и в разных позициях несовершенный вид выражает отсутствие известного признака (неделимой целостности действия); лишь в условиях нейтрализации видового противопоставления несовершенный вид оказывается нейтральным по отношению к этому признаку, т. е. способным к его немаркированному выражению. Таким образом, общее значение несовершенного вида есть $H+H_1$.

3. Противопоставление образуют не только общие, но и частные значения противоположных видов. Так, конкретно-фактическое значение противопоставляется конкретно-процессному и обобщенно-фактическому, наглядно-примерное — неограниченно-кратному, суммарное — ограниченно-кратному. Такие противопоставления выступают как в одной, так и в разных позициях. Противопоставление частных видовых значений является эквиолентным (используем термин Н. С. Трубецкого³¹), т. е. оба члена такого противопоставления характеризуются известным положительным признаком (в отличие от противопоставления общих видовых значений, являющегося привативным)³².

При нейтрализации видового противопоставления несовершенный вид оказывается способным выражать частное значение противоположного вида, сохраняя при этом свое частное значение, выступающее как значение фигуральное.

³¹ N. S. Trubetzkoy. Grundzüge der Phonologie. — TCLP, VII, Prague, 1939, стр. 66—67 (русский перевод: Н. С. Трубецкой. Основы фонологии. М., 1960, стр. 83—85).

³² Ю. С. Маслов. Глагольный вид..., стр. 258, 269, 312. Анализ русского языкового материала подтверждает выводы, вытекающие из исследования о болгарском глагольном виде.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Герм. — Ю. Герман. Один год. Л., 1960.
- Гол. — А. Головкин. Вместе с флотом. — „Октябрь“, 1960, № 7.
- Горьк. Враги — М. Горький. Враги. — Собрание сочинений в 30 томах, т. 6. М., 1950.
- Горьк., Ег. Бул. — М. Горький. Егор Булычев и другие. — Собрание сочинений в 30 томах, т. 18. М., 1952.
- Горьк., Мещане — М. Горький. Мещане. — Собрание сочинений в 30 томах, т. 6. М., 1950.
- Горьк., На дне — М. Горький. На дне. — Собрание сочинений в 30 томах, т. 6. М., 1950.
- Горьк., Три дня — М. Горький. Три дня. — Собрание сочинений в 30 томах, т. 10. М., 1951.
- Кат., Вр. — В. П. Катаев. Время, вперед! — Собрание сочинений в 5 томах, т. 1. М., 1956.
- Кат., Зим. — В. П. Катаев. Зимний ветер. — „Роман-газета“, 1960, № 19, (223).
- Кат., Растр. — В. П. Катаев. Растратчики. — Собрание сочинений в 5 томах, т. 1. М., 1956.
- Кож. — В. Кожевников. Большая магистраль. М., 1960.
- Леск. — Н. С. Лесков. Очарованный странник. — Собрание сочинений в 11 томах, т. 4. М., 1957.
- Остр., В. и о. — А. Н. Островский. Волки и овцы. — Полное собрание сочинений, т. 7. М., 1950.
- Остр., С. — А. Н. Островский. Сердце не камень. — Полное собрание сочинений, т. 8. М., 1950.
- Панф. — Ф. Панферов. Во имя молодого, ч. I. — „Октябрь“, 1960, № 7.
- П., Т. — Н. Попель. Танки повернули на запад. — „Звезда“, 1960, № 6.
- Сераф., Зам. — А. Серафимович. Заметки обо всем. — Полное собрание сочинений, т. 2. М. — Л., 1930.
- Сераф., М. — А. Серафимович. Месть. — Полное собрание сочинений, т. 1. М. — Л., 1930.
- Сераф., Мар. — А. Серафимович. Мариупольские картинки. — Полное собрание сочинений, т. 2. М. — Л., 1930.
- Сераф., Р. — А. Серафимович. Рождественские рассказы. — Полное собрание сочинений, т. 1. М. — Л., 1930.
- А. Толст., М. — А. Н. Толстой. Мечтатель (Аггей Коровин). — Полное собрание сочинений, т. 1. М., 1951.
- А. Толст., П. — А. Н. Толстой. Петр Первый. — Полное собрание сочинений, т. 9. М., 1946.
- А. Толст., П. в. — А. Н. Толстой. Под водой. — Полное собрание сочинений, т. 3. М., 1949.
- Л. Толст., Юн. — Л. Н. Толстой. Юность. — Полное собрание художественных произведений, т. 1. М. — Л., 1929.
- Усп. — Г. И. Успенский. Нравы Растеряевой улицы. — Полное собрание сочинений, т. 2. [М.], 1950.
- Чех. — А. П. Чехов. Почта. — Полное собрание сочинений и писем, т. 6. М., 1946.
- Шол. — М. А. Шолохов. Поднятая целина, кн. 1. — Собрание сочинений в 8 томах, т. 6. М., 1958.
- Эр. — И. Эренбург. Люди, годы, жизнь. — „Новый мир“, 1960, № 8—10.

В. А. Редькин

СИСТЕМА УДАРЕНИЯ СУФФИКСАЛЬНЫХ ПОЛНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В предлагаемой статье мы рассмотрим ударения суффиксальных полных прилагательных в русском языке с функциональной точки зрения.

В общем виде основные функции русского ударения описаны Р. И. Аванесовым: „...разноместность делает ударение индивидуальным признаком слова и отличает данное слово от других слов... Подвижное ударение является признаком данного слова в данной его форме“¹.

Конкретизируя эти общие положения применительно к ударениям суффиксальных прилагательных, заметим, что ударение суффиксальных прилагательных является дополнительным средством дифференциации слова по отношению к основному средству дифференциации — аффиксу. Поэтому возникают определенные отношения между ударением производящего слова и деривата, а также между ударением деривата и его морфемным составом, наконец, может обнаружиться зависимость ударения деривата от грамматической природы производящего слова.

Отношение ударения деривата, с одной стороны, к ударению производящего слова и его грамматической природе, а с другой, — к морфемному составу деривата определяют основные функции данного мотивированного слова. Анализ этих функций позволяет установить конкретные синхронные законы ударения в современном русском языке.

Понятие функций ударения суффиксального полного прилагательного можно выявить следующим примером: прилагательные с суффиксом *-лив-*, образованные от имен существительных с ударением неподвижного типа на окончании или подвижного, развивают ударение на суффиксе, а прилагательные, образованные от имен существительных с неподвижным ударением на основе, сохраняют ударение производящего слова. Ср. *дождливый*, *смазливый*, *стыдливый*, но *вьюжливый*, *советливый*, *жалостливый*. Здесь место ударения обусловлено наличием суффикса *-лив-*, местом ударения производящего слова и тем, что производящее слово — имя.

Если акцентологическим различиям дериватов одного словообразовательного типа соответствуют акцентологические различия производящих слов, то можно говорить о функциональном тождестве ударения

¹ Р. И. Аванесов. Ударение в современном литературном русском языке. М., 1955, стр. 31.

дериватов и производящих слов, так как это свидетельствует о наличии общего основания для акцентологических различий и в производящем слове и в деривате: и в производящем слове, и в деривате ударения выполняют одну и ту же дистинктивную функцию. С этой точки зрения ударения прилагательных с суффиксом *-лив-*, образованных от имен существительных, следует признать функционально тождественными с ударениями производящих слов.

Если акцентологическим различиям дериватов одного словообразовательного типа не соответствуют акцентологические различия производящего слов, то ударение производящего слова и деривата будет функционально различным. Ср. все отглагольные бесприставочные прилагательные с суффиксом *-лив-* независимо от места ударения в глаголах имеют ударения на суффиксе — *брезгливый: брезгать, брезгаю, брезгаешь; гадливый: гадить, гажу, гадишь* и др. с неподвижным ударением на основе глагола; *говорливый: говорить, говорю, говоришь; бранливый: браниться, бранюсь, бранишься* и др. с неподвижным ударением на окончании глагола; *щебетливый: щебетать, щебечу, щебечешь, щебечет; шутливый: шутить, шучу, шутишь* и др. с подвижным ударением в личных формах. Здесь ударение производящего слова и деривата будет функционально различным, так как в прилагательных развитие ударения на суффиксе не зависит от ударения производящего слова.

Приведенные примеры показывают и значение грамматической природы производящего слова для функционального содержания ударения деривата. Отыменные дериваты в рассмотренных случаях имеют ударения, функционально тождественные ударениям производящих слов. Отглагольные — имеют ударения, функционально отличные от ударения производящих слов.

После этих вводных замечаний рассмотрим систему ударения полных суффиксальных прилагательных.

В суффиксальных прилагательных наблюдаются следующие акцентологические типы.

1. Прилагательные с ударением на окончании: *цветной, хмельной, родовой, становой, рядовой, мастеровой, колдовской, воровской, морской, хуторской, ржаной, травяной*.

2. Прилагательные с ударением на суффиксе: *бобовый, бобрóвый, отцовский, стариковский, жениховский, конопляный, овсяный, жестокий, высокий, червивый, нерадивый, бурливый, дождливый, кровавый, мозглявый, смуглявый, зубастый, лобастый, зубчатый, сердитый, мозговитый, шелковистый, рыжеватый, дороговатый, афористичный, респектабельный, молдавнский, ламаистский, прозаический, враждебный, небесный, зубóвный, трапецидальный, пирамидальный, планетарный, паразитарный, рецидивный, телевизионный, скандальёзный, карбункулёзный, лабильный, иллюзорный*.

3. Прилагательные с ударением перед суффиксом отличаются по месту ударения от производящего слова: *желобчатый, зарёбистый, божественный, поздравительный, гладильный* и др.

4. Прилагательные с ударением на корневой морфеме, одинаковым по месту с ударением производящего слова: *раковый, горóховый, дымный, глиняный, братский, хамский, пещеристый, краеведческий, оборóнческий* и др.

Положив в основу отношение места ударения к типу суффиксального образования, можно все суффиксальные прилагательные разделить на следующие группы.

А. Ударение всегда на суффиксе.

К этой группе относятся прилагательные, образованные посредством суффиксов *-ив-*: *червьивый, нерадивый, шелудивый* и др.²; *-ав(-яв-)*: *кравявый, легавый, чернявый, слюнявый* и др.; *-ляв-*: *мозглявый, смуглявый, писклявый* и др.; *-аст-*: *зобастый, лобастый, губастый, зубастый* и др.; *-ат-*: *горбатый, зубатый* и др.; *-ок-*: *широкий, высочий, глубокий*; *-ит-*: *сердитый, нарочитый, именитый*; *-овит-*: *мозговитый, родовитый, ядовитый* и др.; *-оват(-еват-)*: *рыжеватый, щеголеватый, слабоватый, дубоватый, голубоватый* и др.; *-ичн-*: *прозаичный, архаичный, трагичный, элегичный, педагогичный* и др.; *-абельн-*: *ресептáбельный, комфортáбельный, презентáбельный* и др.; *-анск-*: *магометáнский, спартáнский, вегетариáнский, республиканский* и др.; *-истск-*: *ламаистский, славистский, большевистский, позитивистский, активистский, коллективистский* и др.; *-ическ-*: *прозаический, алгебраический, троихейский, архаический, силлабический, дифирамбический, ромбический* и др.; *-есн-*: *небесный, древесный, словесный, чудесный, телесный*; *-овн-*: *зубовный, сановный, виновный, чиновный, греховный, верховный* и др.; *-ебн-*: *враждебный, судебный, целебный, врачебный, лечебный* и др.; *-альн-*: *пирамидальный, ромбоидальный, лабиальный, адвербиальный, тривиальный* и др.; *-ональн-, -уальн-*: *региональный, меридиональный, эмбриональный, субстанциональный, секциональный, казуальный* и др.; *-арн-, -ярн-*: *планетарный, паразитарный, фрагментарный, дисциплинарный, авторитарный, циркулярный* и др.; *-ивн-*: *эксплозивный, эрозивный, рецидивный, флексивный, экспансивный*, и др.; *-онн(-ионн-, -ционн-, -ационн-)*: *ревизионный, дивизионный, провизионный, лицензионный, деривационный, традиционный* и др.; *-озн(-ёзн-)*: *скандальёзный, карбункулёзный, тенденциозный, грациозный* и др.; *-ильн-, -бильн-*: *лабильный, стабильный, цивильный, тактильный, меркантильный* и др.; *-орн-*: *провизорный, иллюзорный, сенсорный, рефлекторный, комбинаторный, экспираторный* и др.

Б. Ударение на основе, не фиксированное на определенной морфеме. В этой группе выделяются две подгруппы.

Б(а). Сюда относятся прилагательные с суффиксом *-лив-*.

Отглагольные бесприставочные прилагательные имеют ударение 2-го типа (на суффиксе): *бурливый, гнущливый, щебетливый, гадливый, говорливый* и др.; отглагольные прилагательные приставочно-суффиксального образования имеют ударение 3-го типа: *догадливый, уродливый, выносливый* и др.

Прилагательные, образованные от имен существительных с подвижным ударением или неподвижным ударением на окончании, имеют ударение 2-го типа: *дождливый, смазливый, стыдливый* и др., тогда как прилагательные, образованные от имен существительных с неподвижным ударением на корне, имеют ударение 4-го типа: *вьюжливый, советливый, жалостливый* и др.

Сходное распределение места ударения наблюдается у прилагательных с суффиксом *-ист-*. Отглагольные прилагательные приставочно-суффиксального образования имеют ударение 3-го типа: *загрёбистый, изгибистый, извилистый, залиvistый, разгонистый* и др. Отыменные прилагательные (некоторые из них можно рассматривать как бесприставочные отглагольные) имеют ударение 2-го типа, если соответствующее имя существительное имеет ударение подвижное или неподвижное — на окончании: *плечистый, речистый, мастистый, сквозистый, леденистый, студенистый* и др.

² Исключение составляют: *милостивый, незлобивый* (и *незлобивый*), *юрбдивый*.

Прилагательные, образованные от имен существительных с неподвижным ударением на корне, имеют ударение 4-го типа: *мúскулистый*, *сéристый*, *тумáнистый* и др.

Б(б). Сюда относятся имена прилагательные с суффиксом *-енн-*, образованные от имен существительных с неподвижным ударением на корне. Они имеют ударение 4-го типа: *ка́чественный*, *невéжественный*, *отéчественный*, *вéдомственный* и др.

Прилагательные, образованные от имен существительных с неподвижным ударением на окончании, имеют ударение 3-типа: *божéственный*, *торжéственный*, *естéственный*, *ремéсленный* и др. Прилагательные *та́инственный*, *во́инственный*, *о́бщественный*, *тождéственный*, *тожéственный* в отношении места ударения образуют исключение.

В. Ударение на слоге перед суффиксом, не тождественное функционально ударению производящего слова. Сюда относятся прилагательные со следующими суффиксами:

-тельн-: *блиста́тельный*, *мечта́тельный*, *испытáтельный* и др., где ударение деривата совпадает с местом ударения производящего слова (ср. *блиста́ть*, *мечта́ть*, *испытáть*), но *наста́вительный*, *противи́тельный*, *избави́тельный* и др., где ударение деривата отличается от ударения производящего слова;

-льн-: *погребáльный*, *раздева́льный*, *межева́льный* и др., где ударение производящего слова совпадает с ударением деривата (ср. *погребáть*, *раздева́ть*, *межева́ть*), но *черпа́льный*, *глади́льный* и др. (ср. *черпа́ть*, *глади́ть*) с ударением, отличающимся от ударения производящего слова.

-чат-: *суста́вчатый*, *колéнчатый*, *ступéнчатый* и др. с ударением, совпадающим с ударением производящего слова (ср. *суста́в*, *колéно*, *ступéнь*), но *желóбчатый*, *корóбчатый*, *губчáтый*, *борóзчатый* и др. с ударением, отличающимся от ударения производящего слова (ср. *колéно*, *желóб*, *борóздá*).

Прилагательные с суффиксом *-тельн-* имеют несколько исключений, несущих ударение 4-го типа. Известно всего 9 таких примеров: *пла́вательный*, *тре́бовательный*, *последóвательный*, *развéдывательный*, *рэзательный*, *тро́гательный*, *двигáтельный*, *(стале)дéлательный*, *ню́хательный*.

Среди прилагательных с суффиксом *-льн-* — *ти́скальный*, *што́пальный*, *пра́вильный* (с другим значением *правильный*) также несут ударение 4-го типа.

Исключения имеются и в группе прилагательных с суффиксом *-чат-*: *зубчáтый*, *столбчáтый* с ударением 2-го типа, а также *вы́бойчатый*, *вы́емчатый* — с ударением на приставке.

Так как указанных исключений очень мало, остается в силе сформулированное выше положение о том, что ударение прилагательных в группе *В* не тождественно функционально ударению производящих слов.

Г. К этой группе относятся прилагательные, развивающие при определенных условиях ударение на окончании или на слоге непосредственно перед окончанием: таким слогом при наличии вокального элемента в суффиксе является суффикс (*бобовый*), а при отсутствии гласного в суффиксе — слог непосредственно перед суффиксом (*умный*); в других условиях в рассматриваемой группе развивается ударение на корне (4-й тип).

В зависимости от наличия или отсутствия вокального элемента в суффиксе в группе *Г* можно выделить две подгруппы.

Г(а). В эту подгруппу входят имена прилагательные с суффиксами *-ов-, -ян(-ан-), -овск-*.

У прилагательных, образованных от имен существительных с подвижным ударением или с неподвижным ударением на окончании, развивается ударение на окончании (1-й тип) или на слоге непосредственно перед окончанием (2-й тип):

1-й тип: *родовой*, *-ая, -ое*, ср. *род, рода*, мн. *роды, -ов*; *на роду*, *в роду*; *рядовой*, *-ая, -ое*, ср. *ряд, ряда*, мн. *ряды, -ов, в ряду*; *мастеровой*, *-ая, -ое*, ср. *мастер, -а*, мн. *мастера, -ов*; *гужевой*, *-ая, -ое*, ср. *гуж, гужа*; *дождевой*, *-ая, -ое*, ср. *дождь, дождя*; *ключевой*, *-ая, -ое*, ср. *ключ, ключа*; *бунтовской*, *-ая, -ое*, ср. *бунт, бунта*, мн. *бунты*; *плутовской*, *-ая, -ое*, ср. *плут, плута*; *шутливой*, *-ая, -ое*, ср. *шут, шута*; *водяной*, *-ая, -ое*, ср. *вода, -ы*, вин. *воду*, мн. *воды, -ам, -ам*; *волосной*, *-ая, -ое*, ср. *волос, -а*, мн. *волосы* и разг. *волоса, волос, -ам*; *крупной*, *-ая, -ое*, ср. *круп, крупы*; *гвоздяной*, *-ая, -ое*, ср. *гвоздь, гвоздя*, мн. *гвозди, гвоздей*

2-й тип: *пуховый*, *-ая, -ое* ср. *пух, пуха, в пуху*³; *домовый*, *-ая, -ое*, ср. *дом, -а*, мн. *дома, домов*; *из дому*; *бобовый*, *-ая, -ое*, ср. *боб, боба*; *бобрый*, *-ая, -ое*, ср. *бобр, бобра*; *чертовский*, *-ая, -ое*, ср. *черт, черта*, мн. *черты, чертей*; *отцовский*, *-ая, -ое*, ср. *отец, отца*; *стариковский*, ср. *старик, старика*; *деревянный*, *-ая, -ое*; *оловянный*, *-ая, -ое*; *конопленный*, *-ая, -ое*, ср. *конопля, конопля*; *овсяный*, *-ая, -ое*, ср. *овес, овса*

Прилагательные с ударением 4-го типа образуются от имен существительных с неподвижным ударением на корне: *раковый*, ср. *рак, рака*; *горюховый*, *ая, -ое*, ср. *горюх, горюха*; *банковский*, *-ая, -ое*, ср. *банк, -а*; *мартовский*, *-ая, -ое*, ср. *март, -а*; *трестовский*, *-ая, -ое*, ср. *трест, -а*; *глиняный*, *-ая, -ое*, ср. *глина, глины* и др.

Г(б). К этой группе относятся прилагательные с суффиксами *-н-* и *-ск-* (в суффиксе отсутствует вокальный элемент).

Указанные прилагательные развивают ударение на окончании (1-й тип) или на слоге непосредственно перед окончанием (3-й тип), если они образованы от имен существительных с подвижным ударением или неподвижным — на окончании:

1-й тип: *ушной* *-ая, -ое*, ср. *ухо, уха*, мн. *уши, ушей, ушам*; *именной*, *-ая, -ое*, ср. *имя, имени*, мн. *имена, именам*; *городской*, *-ая, -ое*, ср. *город, -а*, мн. *города, -ов, за город*; *морской*, *ая, -ое*, ср. *море, -я*, мн. *морья, морей*; *грибной*, *-ая, -ое*, ср. *гриб, гриба*; *грядной*, *-ая, -ое*, ср. *гряд, гряды*, мн. *гряды, -ам*

3-й тип: *вечный*, *-ая, -ое*, ср. *век, века*, мн. *века, веков*; *грязный*, *-ая, -ое*, ср. *грязь, грязи, в грязи*; *крестный*, *-ая, -ое*, ср. *крест, креста*; *умный*, *-ая, -ое*, ср. *ум, ума*; *рабский*, *-ая, -ое*, ср. *раб, раба*; *зверский*, *-ая, -ое*, ср. *зверь, зверя*, мн. *звери, зверей*

Ударение 4-го типа развивается у прилагательных рассматриваемой подгруппы в том случае, если соответствующие имена существительные имеют неподвижное ударение на корне: *дымный*, ср. *дым, -а*; *видный*, ср. *вид, -а*; *аспидный*, ср. *аспид, -а*; *братский*, ср. *брат, -а*; *хамский*, ср. *хам, -а* и др.

Следует отметить, что у прилагательных с односложной предсуффиксальной частью 3-й и 4-й типы ударения совпадают по месту, в результате чего происходит нейтрализация указанных акцентологических

³ Перенос ударения на окончание в предложном падеже ед. ч. свидетельствует о старой подвижности ударения; ср. С. П. Обнорский. Именное склонение в современном русском языке, I. Л., 1927, стр. 166.

типов: *у́мный* (3-й тип), *ви́дный* (4-й тип). В этом случае их различает только отношение к ударению производящего слова (*у́мный* образовано от существительного с неподвижным ударением на окончании, а *ви́дный* — от существительного с неподвижным ударением на корне).

С точки зрения происхождения 3-й акцентологический тип в подгруппе *Г(б)* одинаков со 2-м акцентологическим типом в подгруппе *Г(а)*. В обоих случаях ударение развилось в результате оттягивания ударения с флексии именной части местоименного прилагательного⁴. Так как первоначально, до слияния именной и местоименной части прилагательных, рассматриваемое ударение характеризовало именную флексию в слабых падежах с подвижным ударением и в именных формах, несущих неподвижное ударение на окончании, то с диахронной точки зрения 2-й и 3-й типы ударения в группе *Г* были тождественны функционально. Ср. указание Е. Куриловича о функциональном тождестве ударения на флексии с ударением, оттянутым с первоначально ударяемого редуцированного гласного флексии⁵.

Аналогичная мысль содержится в высказывании Р. И. Аванесова, сделанном со строго синхронной точки зрения: „В подобном случае перенос ударения, так сказать, вынужденный, обусловленный отсутствием флексии... Различие в месте ударения не имеет грамматического значения...“⁶.

Наконец, в связи с тем, что 2-й и 3-й акцентологические типы развились в группе *Г* в результате оттягивания ударения с окончания, с диахронной точки зрения они функционально тождественны ударению на окончании, т. е. 1-му акцентологическому типу. Этим обстоятельством можно объяснить одновременное развитие в рассматриваемой группе прилагательных ударений 1-го и 2-го (при отсутствии вокального элемента в суффиксе — 3) типов ударения. Вероятно, поэтому же в группе *Г* в диалектах русского языка и в акцентуированных памятниках русского языка XVII в. наблюдается развитие ударения на окончании в соответствии с ударением на слоге непосредственно перед окончанием в литературном русском языке: „*В суету соннѹю*“ (История Палицына, 155); в современном литературном русском языке *сонный*, -ая, -ое, ср. *сон*, *сна*, *сны* с неподвижным ударением на окончании; „*А инѡй томнѡй же чловѣкъ*...“ (Житие Аввакума, 223); *Томный* (Житие Аввакума, 223); в современном литературном русском языке — *томный*, -ая, -ое, ср. краткие формы с подвижным ударением: *то́мен*, *то́мна*, *то́мно*, *то́мны*; *медовой* (Домострой, 46); в современном русском языке *медовый*, -ая, -ое; ср. существительное: *ме́д*, *ме́да* или *ме́ду*, мн. *ме́ды*, -ов; *на ме́ду*, *в ме́ду*; „*бловяной суды*“ (Домострой, 84); „*суды бловяные*“ (Домострой, 236); *бловяное* (Домострой, 50); в современном литературном русском языке — *оловянный*, -ая, -ое (о первоначальной подвижности ударения в слове *олово* ср. выше). Ср. в диалектах русского языка: *мо́довой*, *масляной*, *шо́йковой* и др.⁷.

В связи со сказанным вызывает возражение мнение Е. Куриловича о том, что ударение прилагательных *городовой*, *мостовой* не соответствует ни ударению единственного числа *го́род*, -а, -у, -ом, ни ударению множественного числа -а́ми, (в)-а́х. В первом случае, полагает Е. Курилович, ожидалось бы *горо́довый*, во втором — *горо́довый*. В этих

⁴ См. Chr. J. Stang. Slavonic accentuation. Oslo, 1957, стр. 101 и след.

⁵ J. Kuryłowicz. L'accentuation des langues indo-européennes. Wrocław — Kraków, 1958, стр. 229 и след.

⁶ Р. И. Аванесов. Ударение в современном литературном русском языке, стр. 21—22.

⁷ А. Белл. Акцентске студије. Београд, 1914, стр. 134.

случаях, согласно Е. Куриловичу, суффикс имеет свое собственное ударение, независимое от образца основного слова⁸.

По нашему мнению, ударение прилагательных с суффиксами *-н-, -ск-, -ов-, -овск-, -ян(-ан-)* развивается совершенно так же, как ударения бессуффиксальных прилагательных: *дворовый, пуховый — белый; вечный, грязный, зверский — новый; земной, городской — живой, сухой*.

Прилагательные из группы *Г* развивают во всей парадигме одно из ударений, возможных в соответствующих именах существительных с подвижным ударением или с неподвижным ударением на окончании: ударение на окончании или на слоге непосредственно перед окончанием. Функциональное тождество ударения производящего слова и деривата здесь определяется тождеством позиции, которая в свою очередь определяется наличием ударения на окончании или на слоге непосредственно перед окончанием, а буквальное перенесение ударения производящего слова на дериват, как это понимает в данном случае Е. Курилович, не имеет места.

Д. Прилагательные этой группы имеют ударение 4-го типа. Сюда относятся прилагательные с суффиксом *-чск-*: *краеведческий, ср. краевед, -а; приспособленческий, ср. приспособление, -я; оборонческий, ср. оборона, -ы и др.*, а также прилагательные с суффиксом *-енск-* (исключая топонимические наименования, которые мы не исследовали): *мученский, ср. муча, -и; сретенский, ср. сретенье, -я; управленский, ср. управленье, -я и др.*

В заключение подчеркнем: в связи с тем, что ударение прилагательных группы *А* всегда стоит на суффиксе, оно не тождественно функционально ударению производящего слова.

Прилагательные группы *В* с ударением непосредственно перед суффиксом также имеют ударение функционально отличное от ударения производящего слова. По-видимому, и отлагольные прилагательные из группы *Б* нельзя признать функционально тождественными ударению производящего слова, так как ударение на суффиксе или непосредственно перед суффиксом в этих прилагательных развивается в зависимости от наличия или отсутствия приставки.

Отыменные прилагательные групп *Б* и *Г* имеют ударение, функционально тождественное ударению производящего слова, так как акцентологическим различиям имен существительных соответствуют акцентологические различия имен прилагательных, образованных от них. Прилагательные группы *Д* также имеют ударение, функционально тождественное ударению производящих слов.

Обращает на себя внимание следующее важное обстоятельство: в тех случаях, когда обнаруживается функциональное тождество ударения производящих слов и дериватов, имена прилагательные, образованные от имен существительных с подвижным ударением и с неподвижным ударением на окончании, противопоставляются прилагательным, образованным от имен существительных с неподвижным ударением на корне. Этот факт, видимо, отражает противопоставление именных форм с неподвижным ударением на корне форм с ударением на окончании в сфере словообразовательных отношений имен прилагательных к соответствующим именам существительным (в именах с подвижным ударением в качестве форм с ударением на окончании могли выступать слабые падежи). В связи с тем, что в славянских языках непо-

⁸ Е. Курилович. Система ударений современного русского языка. — Наукові записки Львівського держ. унів-ту, серія, філологічна, 2, т. 3, вип. 2, 1946, стр. 80 и след.

движное ударение на корне характеризовалось акутом, а подвижное — циркумфлексом, или краткостью гласного корня⁹, возможно, что описанная выше дистрибуция опиралась на старую славянскую фонологическую оппозицию „циркумфлекс : акут“¹⁰.

Здесь уместно сказать, что в литовском языке имена с первоначально подвижным ударением и неподвижным ударением на окончании слились в один акцентологический тип с подвижным ударением¹¹. Таким образом, в литовском языке возникло противопоставление подвижного ударения неподвижному на корне. При этом акутовая интонация корневого гласного, в отличие от славянских языков, наблюдалась как в формах с неподвижным ударением, так и в парадигме с подвижностью ударения¹².

Нам кажется, что указанная противопоставленность ударения на корне ударению на окончании в русском языке в сфере словообразовательных отношений имен существительных и прилагательных в отличие от противопоставления подвижного ударения неподвижному на корне в литовском языке отражает различные пути развития местоименных прилагательных в славянских и в балтийских языках.

В славянских языках ударение в прилагательных, функционально тождественное ударению производящих слов, отражало в полных формах только какое-нибудь одно ударение из парадигмы имени, от которого данное прилагательное было образовано: либо развивалось ударение на корне, если производящее имя имело неподвижное ударение на корне, либо — ударение, функционально связанное с ударением на окончании производящего слова. В литовском языке в определенных прилагательных сохраняется подвижность ударения или неподвижное ударение на корне производящего имени, отражающие оппозицию „подвижное ударение : неподвижное ударение на корне“ производящих слов.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ:

История Палицына — Палицын Авраамий, келарь Троице-Сергиева монастыря, История в память предыдущим родом. Рукопись XVII века. — Рукописный фонд Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, Ленинград.

Домострой — Домострой по списку Н. М. Коншина. — Рукописный фонд публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, Ленинград.

Житие Аввакума — Житие протопопа Аввакума в рукописи собрания Дружинина. — Рукописный фонд библиотеки АН СССР, Ленинград.

⁹ См. Chr. J. Stang. Slavonic accentuation, стр. 179.

¹⁰ Ср. Е. Курилович. О балто-славянском языковом единстве. — „Вопросы славянского языкознания“, вып. 3, Изд-во АН СССР. М., 1958, стр. 45.

¹¹ См. Chr. J. Stang. Slavonic accentuation, стр. 60.

¹² Там же, стр. 9 и след.

Е. И. Демина

КЛАССИФИКАЦИЯ БОЛГАРСКИХ ДАМАСКИНОВ ПО РЕДАКЦИЯМ „ЧУДА О КОВРЕ“

§ 1. Одной из важных и первоочередных задач изучения богатейшего источника болгарского народного языка XVII—XVIII вв. — дамаскинов — является установление определенной взаимосвязи между сохранившимися списками, вопрос об их редакциях. Без разрешения этого вопроса, как правильно отмечает в своем исследовании С. Б. Бернштейн, невозможно представить историю новоболгарской письменности, а также изучить язык дамаскинов, так как лишь установление взаимосвязи между списками даст возможность проследить эволюцию книжного болгарского языка с XVI по XVIII в.^{1*}

Вопрос о редакциях дамаскинов, о времени и месте первых переводов „Сокровища“ Дамаскина Студита^{2*} рассматривался Б. Цоневым^{3*}, П. А. Лавровым^{4*}, Л. Милетичем^{5*}. В последнее время ему были посвящены работы С. Б. Бернштейна^{6*} и Д. Петкановой^{7*}. Общая классификация болгарских дамаскинов вырисовывается в результате этих исследований вполне определенно. И тем не менее вопрос о редакциях болгарских дамаскинов нельзя считать окончательно решенным до тех пор, пока не будет проведена большая работа по текстологическому сличению и анализу разночтений в наиболее значительных и интересных в языковом отношении списках. До сих пор в достаточном масштабе такая работа не проводилась.

1* С. Б. Бернштейн. К изучению редакций болгарских списков „Сокровища“ Дамаскина Студита. — Сб. „Езиковедски изследвания в чест на акад. Ст. Младенов“. София, 1957, стр. 215.

2* „Сокровище“ (Θησαυρός) Дамаскина Студита (1528) — сборник проповедей на народном греческом языке, под влиянием которого, как полагают, болгарские книжники впервые обратились к живому народному языку. Неоднократно издавался (Первое издание 1558 г. в Венеции, затем последовали издания 1561, 1562, 1568, 1570, 1579, 1603, 1618, 1628 гг. и т. д. Последнее издание — 1910 г.). Всего, по мнению Б. Гацова, „Сокровище“ издавалось более 50 раз; см. Б. Гацов. Дамаскинари от Рилската школа. — „Духовна култура“, кн. 51—52, 1938, стр. 246.

3* Б. Цонев. Новобългарската писменост преди Паисия. — „Български преглед“, кн. VIII. София, 1894, стр. 80—94; е го же. История на български език, т. I. София, 1919, стр. 274—307.

4* П. А. Лавров. Дамаскин Студит и сборники его имени „дамаскины“ в югославянской письменности. Одесса, 1899.

5* Л. Милетич. Коприщенски дамаскин. Новобългарски паметник от XVII век. — „Български старини“, кн. II, София, 1908, стр. IV—XXI.

6* С. Б. Бернштейн. К изучению редакций...

7* Д. Петканова. Дамаскините в българската литература. Канд. дисс. София, 1959 (машинопись).

Необходимость особенно тщательного и широкого текстологического анализа при изучении взаимосвязей между болгарскими дамаскинами обусловлена самим характером этих памятников как компилятивных сборников со смешанным содержанием, различным в разных дамаскинах. Известно, что в дамаскины включались не только переводы из „Сокровища“ Дамаскина Студита, но и другие произведения. При составлении сборника отдельные его части нередко переписывались из различных источников (иногда и различными переписчиками). Поэтому тот или иной дамаскин зачастую восходит не к одному, а к нескольким различным первоначальным спискам. Это весьма затрудняет решение вопроса о взаимосвязи между отдельными списками, которая сплошь и рядом носит лишь частичный характер. Так, например, С. Б. Бернштейн^{1*} устанавливает связь Тихонравовского дамаскина^{2*} с точки зрения одних слов с Коприштенским^{3*} и Троянским^{4*} дамаскинами, с точки зрения других — с дамаскинами из собраний Григоровича^{5*} и Барятинского^{6*} и Свищовским дамаскином^{7*}.

В таких условиях особое значение получают исследования, посвященные текстологическому сличению отдельных произведений, много раз переписывавшихся и включавшихся в состав различных дамаскинов, установлению редакций этих произведений и взаимосвязи между отдельными дамаскинами на материале этих произведений. Такие работы в силу определенности и ограниченности объекта исследования позволяют сделать более глубокие наблюдения и в то же время привлечь более широкий круг памятников. Материал такого рода исследований в дальнейшем, когда их будет накоплено достаточное количество, позволит строже определить взаимосвязь между отдельными памятниками в целом^{8*}.

^{1*} С. Б. Бернштейн. К изучению редакций..., стр. 217—223.

^{2*} Дамаскин, хранящийся в собрании акад. Н. С. Тихонравова (№ 702) в рукописном отделе Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. См. о нем. П. А. Лавров. Обзор звуковых и формальных особенностей болгарского языка. М., 1893, стр. 3—5. В приложении к этой книге опубликованы 2 слова из 54 слов дамаскина; Б. Цонев. История на български език, т. I, стр. 294—295.

^{3*} Дамаскин, в свое время принадлежавший церковному настоятельству в с. Брястовица (Пловдивская околия). Издан Л. Милетичем; см.: Коприштенски дамаскин. Новобългарски паметник от XVII век; см. о нем также. Б. Цонев. История на български език, т. I, стр. 289—290.

^{4*} Дамаскин № II/11 из библиотеки Архивного института БАН. См. о нем. Б. Цонев. Славянски ръкописи в Българската академия. — „Сб. на БАН“, VI. София, 1916, стр. 63—67 и таблица XVI; его же: История на български език, т. I, стр. 285—287.

^{5*} Дамаскин № 37 (63) первой половины XVII в. из собрания рукописей В. И. Григоровича в библиотеке Одесского Государственного университета. Отрывок из него опубликован В. Ягичем. См. V. Jagić. Opisi i izvodi iz nekoliko južnoslovenskih rukopisa. XV. Kako se pisalo bugarski prije dvjesti godina. — „Starine“, knj. IX, 1877, стр. 137—171.

^{6*} Сборник № 271 (343) середины XVII в. из собрания Барятинского. Хранится в рукописном отделе Московского исторического музея.

^{7*} Дамаскин 1753 г., опубликованный Л. Милетичем. См. Л. Милетич. Свищовски дамаскин. Новобългарски паметник от XVIII век. — „Български старини“, кн. VII. София, 1923.

^{8*} Кстати, хотелось бы отметить, что наряду с необходимостью издания отдельных, наиболее значительных и интересных для историков языка дамаскинов полностью, представляется целесообразным издание отдельных произведений, включенных в ряд дамаскинов с установлением редакций и приведением материала разночтений. Такое издание может сопровождаться филологическим и лингвистическим анализом текста. Издания такого рода чрезвычайно важны. Они могли бы дать ценнейший материал для установления взаимосвязи отдельных списков и их соотносительной хронологии, для определения диалектной основы отдельных памятников, для выявления истории тех или иных языковых явлений. Издание отдельных дамаскинов такого материала

§ 2. Исследования отдельных произведений из болгарских дамаскинов с такими целями до сих пор не проводились. Настоящая работа представляет собой первый опыт в этом направлении. Ее задачей является текстологический анализ рассказа, входящего в Житие св. Николая Мирликийского в 23 дамаскинах XVII—начала XIX в., — „Чудо о ковре“ — с целью установить редакции этого произведения и взаимосвязь с этой точки зрения между отдельными дамаскинами. Мы просмотрели большое количество рукописных дамаскинов, хранящихся в библиотеках Советского Союза и Болгарии (свыше 50)^{1*}, а также все издания дамаскинов. „Чудо о ковре“ встретилось нам в 23 дамаскинах. Кроме того, мы познакомились с более поздним, фольклоризованным вариантом этого рассказа в двух дамаскинах XVIII в. Все это послужило материалом для настоящего исследования.

§ 3. „Чудо о ковре“ выбрано нами не случайно. Еще Ст. Аргиров, сопоставляя слово о св. Николае в Люблянском дамаскине с греческим текстом „Сокровища“ Дамаскина Студига, обратил внимание на то, что „Чудо о ковре“ в греческом оригинале отсутствует. В Люблянском и Троянском дамаскинах, которые сравнивал между собой Аргиров, оно является вставным эпизодом^{2*}.

Д. Петканова в своей статье о влиянии фольклора на дамаскины отмечает, что данный рассказ встречается в дамаскинах в двух вариантах, близких по замыслу, но существенно различающихся по содержанию. Первый, более ранний вариант известен ей по Коприщенскому дамаскину и другим дамаскинам этого круга (это и есть „Чудо о ковре“), второй вариант представлен в дамаскинах XVIII в. поп-Тодоровом^{3*} и Янкуловом^{4*}. Этот второй вариант и явился объектом ее исследования. Оба варианта в греческом тексте „Сокровища“ отсутствуют^{5*}.

Мы в данной работе рассматриваем только первый вариант чуда — „Чудо о ковре“.

Знакомство с рядом болгарских дамаскинов показало, что в одних в состав слова о св. Николае входит „Чудо о ковре“, в других — нет. Напрашивается вывод: поскольку „Чудо о ковре“ было включено в чуда св. Николая дополнительно, в отступление от греческого подлинника, дамаскины, в которых оно представлено, в этом отношении восходят прямо или косвенно к одному и тому же первоначальному ориги-

дать не может. Дамаскины — памятники в большинстве своем весьма значительные по объему и приведение материала разночтений по всем спискам, хотя бы даже одной и той же редакции, практически оказывается невозможным.

^{1*} В частности, были обследованы все дамаскины, содержащие слово о св. Николае, из Государственной библиотеки им. В. Коларова в г. Софии (Даркявна библиотека Васил Коларов, бывшая Софийская Народная б-ка; в дальнейшем сокращенно — ДБВК), из библиотеки Архивного института Болгарской Академии наук (в дальнейшем — б-ка АИ БАН), библиотеки Центрального церковного историко-археологического музея в г. Софии (бывшей Синодальной библиотеки, в дальнейшем — Синод. б-ка), из Народной библиотеки г. Пловдива (в дальнейшем — П.НБ) и библиотеки Рильского монастыря (в дальнейшем — б-ка Рил. монастыря), где мы работали во время командировки в Болгарию летом 1960 г., а также из Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (в дальнейшем — б-ка им. Ленина), библиотеки Московского Государственного исторического музея (в дальнейшем — б-ка МИИ) и библиотеки Академии наук г. Ленинграда (в дальнейшем — Ленингр. б-ка АН).

^{2*} Ст. Аргиров. Люблянският български ръкопис от XVII век. — Сб. НУ, кн. XII. София, 1895, стр. 547.

^{3*} Дамаскин № 4/13 из б-ки Рил. монастыря. См. о нем Е. Спространов. Опис на ръкописите в библиотеката при Рилския манастир. София, 1902, стр. 119.

^{4*} Дамаскин № 689 (272) из ДБВК. См. о нем Б. Цонев. Опис на славянските ръкописи в софийската Народна библиотека, т. II. София, 1923, стр. 249. В дальнейшем — Опис, т. II.

^{5*} Д. Петканова-Тотева. Фолклорни струи в дамаскините. — „Език и литература“, № 3, София, 1960, стр. 201.

налу. В самом деле, вряд ли можно допустить, что мысль о включении в состав слова о св. Николае в одном и том же месте текста (как чудо *S*) „Чуда о ковре“ самостоятельно пришла в голову двум или нескольким лицам (переводчикам или переписчикам). И действительно, „Чудо о ковре“ представлено в тех дамаскинах, которые Б. Цонев причисляет к общему первоначальному переводу, названному им среднегорским. В переводе Самуила Бакачича Русина, сделанном в 1691 г. за пределами Болгарии в Афонском ските св. Анны^{1*} „Чуда о ковре“ мы не находим. Нет рассказа с таким содержанием и в славяно-русском переводе „Сокровища“, сделанном в 40—50-х годах XVII в. в Москве^{2*}. Со словом о св. Николае в македонском переводе епископа Пелагонийского и Прилепского Григория мы не смогли познакомиться. Списки с этого перевода, хранившиеся в Белградской Народной библиотеке (№№ 318, 129, 315), погибли в 1941 г. В дамаскине, описанном В. Певницким (№ 33 из библиотеки Киевской Духовной Академии)^{3*} слова о св. Николае нет, как и в рукописи № 50 (1480) из собрания П. И. Севастьянова^{4*}. Единственным списком с македонского перевода, содержащим слова „Сокровища“ с 1-го по 20-е, а следовательно и слово о св. Николае, как нам недавно стало известно, является дамаскин конца XVI в., найденный П. Илиевским в библиотеке монастыря „Пречистой“ около Кичева (Западная Македония)^{5*}.

В частичный перевод из „Сокровища“, выполненный в середине XVIII в. рильским монахом Иосифом Брадатым, а также в другие переводы XVIII в. (поп-Пунчов, Теофанов) слово о св. Николае не входило.

Таким образом, уже на основании самой констатации факта о наличии „Чуда о ковре“ в том или другом списке можно выделить группу дамаскинов, восходящих в этом отношении к общему первоначальному оригиналу, что дает материал для дальнейшей классификации.

§ 4. Как и откуда проникло в слово о св. Николае „Чудо о ковре“?

В самом факте расширения содержания произведения Дамаскина Студита нет ничего необычного и исключительного. Изменения и переработки слов из „Сокровища“ Дамаскина Студита, в том числе их сокращения или дополнения, широко отмечаются в болгарских сборниках. В списках XVIII—XIX вв. нередко отражены взгляды и мысли их составителей, современные им события. В более ранние списки — XVII в. — иногда включались целые религиозные рассказы. Это становилось возможным благодаря самой композиции слов из Дамаскина Студита, содержащих рассказы об отдельных событиях из жизни свя-

^{1*} Список с этого перевода хранится в ДБВК под № 327 (166). См. Б. Цонев. *Опис на ръкописите и старопечатните книги на Народната библиотека в София* [т. I]. София, 1910, стр. 320. В дальнейшем — *Опис*, т. I.

^{2*} Этот перевод представлен в рукописи XVIII в. № 69 из собрания А. И. Хлудова, которое хранится в рукописном отделе б-ки МИМ. См. о нем. А. Н. Попов. *Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова*. М., 1872, стр. 141 и след.

^{3*} В. Певницкий. *Рукописный сборник проповедей иподиакона Дамаскина Студита*. — „Труды Киевской Духовной Академии“, 1873, октябрь, стр. 1—44. В настоящее время этот дамаскин, содержащий слова с 21 по 36 „Сокровища“, хранится в библиотеке Академии наук УССР в г. Киеве.

^{4*} Эта рукопись включает в себя 18 отрывков из памятников южнославянского письма XV, XVI и XVII вв., в том числе слово о мытаре и фарисее из Дамаскина Студита в переводе епископа Пелагонийского и Прилепского Григория. Хранится под № 50 (1480) в собрании П. И. Севастьянова в б-ке им. Ленина. См. о нем. А. Викторов. *Собрание рукописей П. И. Севастьянова*. М. 1881, стр. 73—75.

^{5*} Об этом дамаскине сообщил в Институт славяноведения АН СССР доктор П. Илиевский (Институт македонского языка, г. Скопье, Югославия), который готовит его к изданию.

тых^{1*}. В Житие Николая, при описании ряда чудес, приписываемых этому святому, легко можно было включить еще одно известное составителю чудо, отсутствующее в греческом тексте^{2*}.

Сложнее вопрос о том, из каких источников было взято „Чудо о ковре“. Д. Петканова, указывая на несомненную связь обоих вариантов этого рассказа с устным народным творчеством, в то же время не решает утверждать, что он проник в дамаскины непосредственно из фольклора, так как в нем идет речь о бедняке из Цариграда. Поэтому она считает возможным допустить, что рассказ первоначально взят из какого-либо переводного сборника популярной житийной литературы, а затем фольклоризован в процессе включения его в дамаскины^{3*}. Это ее предположение мы считаем вероятным и можем его подтвердить следующим. Просматривая описание рукописей ПНБ, составленное Б. Цоневым, мы обнаружили „Чудо о ковре“ в Требнике XVI в. под номером 89 (45)^{4*}, где оно фигурирует в Житии св. Николая среди прочих чудес как „чудо S“ под заголовком „Слово W ковѣри“. К сожалению, с самой рукописью нам ознакомиться не удалось^{5*}. Отрывки текста, приведенные в описании, показывают, что памятник написан на церковнославянском языке сербской редакции, как отмечает Цонев. Следовательно, чудо о ковре как шестое чудо Николая было известно в Болгарии в XVI в., в период, когда появились, по-видимому, первые переводы „Сокровища“, а возможно и ранее^{6*}. Оно могло быть знакомо переводчику (или одному из последующих переписчиков) и было включено им, вероятно, в переработанном виде в текст Дамаскина Студита. В процессе многократного переписывания оно было фольклоризовано, с чем мы и встречаемся в дамаскинах XVIII в., рассмотренных Д. Петкановой.

§ 5. Общее решение вопроса о редакциях „Чуда о ковре“ весьма облегчается следующим обстоятельством. Как известно, в этом рассказе речь идет о бедняке из Цариграда, который решил продать единственную свою ценную вещь, чтобы отметить день св. Николая. Последний в образе старца купил у него на базаре эту вещь и отнес ее обратно его жене. Так у супругов оказались деньги, необходимые для службы, и сохранилась их вещь. Они поняли, что это чудо, совершенное св. Николаем. Эта вещь, предмет продажи, в разных дамаскинах названа различно. В зависимости от этого четко выделяются три группы дамаскинов и, как показывает дальнейший анализ, три редакции „Чуда о ковре“.

Во-первых, это группа дамаскинов на церковнославянском языке того времени. В ней предмет продажи и в заголовке и во всем тексте

^{1*} Д. Петканова-Тотева. Фолклорни струи в дамаскините, стр. 201.

^{2*} Можно, конечно, предположить, что „Чудо о ковре“ было включено еще непосредственно в неизвестный греческий список „Сокровища“, с которого делался болгарский перевод. Но и тогда бесспорна связь между болгарскими дамаскинами, в которых есть „Чудо о ковре“.

^{3*} Д. Петканова-Тотева. Фолклорни струи в дамаскините, стр. 201—206.

^{4*} Б. Цонев. Славянски ръкописи и старопечатни книги на Народната библиотека в Пловдив. София, 1920, стр. 57—61.

^{5*} Приводим отрывок из „Слова о ковре“, данный в книге Цонева: „Понеже оубо слышахомъ стго дха прѣркомъ глауца якоже жедасть есаъ источники воднѣ тако жедасть дша моа къ тебѣ бе...“ (стр. 61).

^{6*} Во всяком случае, мы ознакомились с аналогичным по замыслу рассказом, входящим в слово о св. Николае в сборнике слов и житий XV в. № 681 (299) из ДБВК (см. о нем. Б. Цонев. Опис, т. II, стр. 216—221). В нем повествуется о том, как одна женщина по имени Тамара продала свои серьги (оушники), чтобы отметить день св. Николая. Св. Николай, переодетый монахом, купил серьги, а в дом женщины и ее мужа Феогноста вернулось былое благополучие и богатство.

назван *коверь*^{1*}. Из дамаскинов этой группы мы ознакомились с дамаскином XVI в. № 4/10 (78) из 6-ки Рил. монастыря^{2*}, дамаскином № 134 (60) из Синод. 6-ки — Луковитским дамаскином^{3*} — и с дамаскином № 503 по инвентарной книге из той же библиотеки.

Во-вторых, это группа дамаскинов на новоболгарском языке, в которой данный отрывок озаглавлен „Чудо о коверѣ“, а предмет продажи вначале назван *бѣлѣгъ сребрънии, сребрънии бѣлѣгъ*, затем *сребрънии коверъ, коверъ* и, наконец, *среброто*. К ней принадлежат из дамаскинов XVII в.: Тихонравовский, Протопопинский^{4*}, Коприштенский, Сливненский^{5*}, Пловдивский^{6*}, Беленский (Пантелеев)^{7*}; XVIII в.: 721 (344)^{8*}, 344 (272)^{9*} и 714 (269)^{10*} из ДБВК; XIX в.: № 335 (433)^{11*} из той же библиотеки, № 130 (14)^{12*} и № 131 (39)^{13*} из Синод. 6-ки.

К этой же группе примыкает Троянский дамаскин XVII в. В нем исследуемый нами рассказ озаглавлен „Чю^х за синцирь“, а предмет продажи назван, как и в других дамаскинах этой группы, *бѣлѣ^х сребрънии, сребръни коверъ, коверъ, среброто*, но в пяти случаях отмечаются отклонения (*сребръни синцирь* вм. *сребрънии коверъ, синцирь* вм. *коверь, синцирьтъ* вм. *онзи коверъ, синцирьтъ* вм. *ковертъ, среброто* вм. *ковертъ*).

К этой же редакции восходит дамаскин № 722 (297) конца XVIII — начала XIX в. из ДБВК^{14*}, в котором предмет продажи назван сначала *белекъ сребрънь*, затем *сребрена чаша, чаша*, но один раз также *коверкъ*.

В-третьих, это группа дамаскинов, в которых предмет продажи назван *нащрапа*. В одном из списков этой группы (Люблянском) интересующий нас рассказ озаглавлен „Чудо о коверѣ“, в остальных заголовка нет. Мы познакомились с пятью дамаскинами этой редакции: списками XVII в. Люблянским^{15*}, Дряновским А^{16*}, Дряновским Б^{17*},

1* Ср. заголовок этого чуда из Требника XVI в. № 89 (45) из ПНБ — „Слово ш коверѣри“.

2* См. о нем. Е. Спространов. Опис на ръкописите в библиотеката при Рилския манастир, стр. 115—117; Б. Цонев. История на български език, т. I, стр. 278.

3* См. о нем. Е. Спространов. Опис на ръкописите в библиотеката при св. Синод на българската църква в София. София, 1900, стр. 212—217; Б. Цонев. История на български език, т. I, стр. 279.

4* Дамаскин № 708 (238) из ДБВК. См. о нем. Б. Цонев. Опис, т. II, стр. 339; е го же. История на български език, т. I, стр. 287.

5* Дамаскин № 709 (365) из ДБВК. См. о нем. Б. Цонев. Опис, т. II, стр. 374; е го же. История на български език, т. I, стр. 291.

6* Дамаскин № 118 (165) из ПНБ. См. о нем. Б. Цонев. Славянски ръкописи и старопечатни книги на Народната библиотека в Пловдив, стр. 196.

7* Дамаскин № 713 (445) из ДБВК. См. о нем., Б. Цонев. Опис, т. II, стр. 359.

8* См. о нем. Б. Цонев. Опис, т. II, стр. 375.

9* См. о нем. Б. Цонев. Опис, т. I, стр. 361—362.

10* См. о нем. Б. Цонев. Опис, т. II, стр. 362.

11* См. о нем. Б. Цонев. Опис, т. I, стр. 341.

12* См. о нем. Е. Спространов. Опис на ръкописите в библиотеката при св. Синод на българската църква в София, стр. 192—198.

13* См. о нем там же, стр. 198 и след.

14* См. о нем. Б. Цонев. Опис, т. II, стр. 377.

15* Дамаскин, хранившийся под № 21 в публичной библиотеке г. Любляны. Памятник издан. См. Ст. Аргиров. Люблянският български ръкопис. . . , стр. 363—560, кн. XVI—XVII. София, 1900, стр. 246—513. См. о нем. Б. Цонев. История на български език, т. I, стр. 289.

16* Дамаскин № II/12 из 6-ки АИ БАН. См. о нем. Б. Цонев. Славянски ръкописи в Българската академия, стр. 68—71; е го же. История на български език, т. I, стр. 292—293.

17* Дамаскин № 711 (82) из ДБВК. См. о нем. Б. Цонев. Опис, т. II, стр. 355; е го же. История на български език, стр. 293.

Тревненским (Стояновым)^{1*} и с Котленским дамаскином 1765 г.^{2*} Наконец, нам встретился один недатированный дамаскин на новоболгарском языке, который занимает особое место и не может быть причислен ни к одной из рассмотренных групп. В нем предмет продажи последовательно обозначен словом *килюмь* (из персидского, диалектное, совр. лит. болг. *килим* 'ковер'). Это дамаскин № 133 (52) и Синод. б-ки^{3*}. По-видимому, он является поздним списком той не сохранившейся новоболгарской редакции, которая представляла собой непосредственный перевод с церковнославянского оригинала и в которой предмет продажи был обозначен словом *коверь*. Это слово и было заменено в дальнейшем более обычным для болгарина названием того же предмета (*килюмь*).

Таким образом, уже предварительный анализ позволил нам выделить три группы дамаскинов, в которых „Чудо о ковре“ восходит к трем различным редакциям (церковнославянской и двум новоболгарским) и наметить еще одну новоболгарскую редакцию, позднейшим переработанным списком которой является дамаскин № 133 (52) из Синод. б-ки.

§ 6. Чем объясняется такое расхождение в названии предмета продажи по спискам? Слово *коверь*, по-видимому, является в славянских языках заимствованным (ср. ит. *copercchio*, *coverchio* — 'крышка', *coverta*, *coverta* — 'покрышка')^{4*}. В современном болгарском языке оно употребляется в русской огласовке *ковьор* и рассматривается как заимствование из русского^{5*}. Видимо, это слово было мало знакомо переписчикам дамаскинов, или же они считали его неуместным в произведении, рассчитанном на широкие народные массы, которым оно было непонятно. Поэтому они заменяли это слово, а вместе с тем и сам предмет продажи, более известным и понятным. О том, что мы имеем дело именно с заменой первоначального названия *коверь* свидетельствует тот факт, что это слово все же так или иначе представлено в дамаскинах обеих новоболгарских редакций. В редакции, представителем которой является, в частности, Тихонравовский дамаскин, слово *коверь* сохранено и в заголовке и в значительной части текста (всего оно употреблено 16 раз). Сначала переписчик, видимо, хотел заменить это слово и сам предмет продажи и два раза употребил вместо него название *бѣлѣтъ сребръниѣ*, *сребръниѣ бѣлѣтъ*, но затем постепенно отказался от своей попытки, назвав данный предмет *сребръниѣ коверь* (вместо *коверь* в списках церковнославянской редакции), а потом просто *коверь*. Но еще один раз он заменяет слово *коверь* словом *среброто*. Возможно, переписчик стремился заменить в изложении ковер более дорогим предметом или как-то подчеркнуть его ценность. Неясно, какой предмет он называл *сребръниѣ бѣлѣтъ* (буквальный перевод 'серебряный знак'). Имелась ли в виду серебряная вещь, наделенная каким-либо признаковым, отличительным свойством типа герб, печать, фамильный знак и под., или же писец, не подобрав удачной замены слову *коверь* и, возможно, не появив его, обозначил названием *бѣлѣтъ сребръниѣ* вообще нечто дорогое, сделанное из серебра (ср. в дальнейшем слово *среброто*)? В последующих списках цепочка названий *бѣлѣтъ сребръниѣ* — *сребръниѣ*

^{1*} Дамаскин № 710 (55) из ДБВК. См. о нем. Б. Цонев. Опис, т. II, стр. 350; его же. История на български език, стр. 293—294.

^{2*} Дамаскин № 13.5.18 из собрания П. А. Сырку в рукописном отделе Ленингр. б-ки АН. См. о нем. П. Иванов. Котленски дамаскин, преписан от Стойко иерей на 1765 г. — „Известия на семинара по славянска филология“, кн. IV, София, 1931, стр. 49—50, 54—85.

^{3*} См. о нем. Е. Спространов. Опис на ръкописите в библиотеката при св. Синод на българската църква в София, стр. 191—192.

^{4*} А. Г. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. М., 1958, стр. 327.

^{5*} Речник на съвременния български книжовен език, т. I. София, 1955, стр. 614.

бълець — *сребрънии коверь* — *коверь* — *среброто* сохранялась без изменений. Отклонения мы наблюдаем лишь в Троянском дамаскине и в дамаскине конца XVIII—начала XIX в. № 722 (297) из ДБВК^{1*}.

Составитель Троянского дамаскина, располагая одним из списков этой редакции, пытался еще раз по-своему изменить название предмета продажи. Уже в заголовке он заменяет слово *коверь* турецким словом *синцирь* ('цепь, цепочка'). Но при обработке самого текста он колеблется и поступает непоследовательно. Он сохраняет название *бълець сребрънии* в обоих случаях, возможно, не поняв, что им обозначено. Затем он заменяет сам предмет продажи *сребрънии коверь* предметом *сребръни синцирь*. Но впоследствии он то сохраняет название, употребленное в тексте, которым он пользовался, то заменяет его (например, сразу же после названия *сребръни синцирь* он употребляет название *сребръни коверь*, а затем дает то *коверь*, то *синцирь*, сохраняя, однако, название *среброто*).

Аналогичным образом поступает составитель дамаскина № 722 (297) из ДБВК. Он один раз сохраняет название *белець сребрънь*, а затем заменяет его названием *сребрена чаша*. Вместо *сребрънии коверь* он дает *сребрана чаша*, вместо *коверь* — *чаша*, но один раз он все же оставляет название *коверкъ*.

В редакции, представителем которой является, в частности, Люблянский дамаскин, предмет продажи последовательно назван словом *нащрапа* (тур., из *мащрапа* — металлическая чашка для воды), однако сам текст озаглавлен „Чудо о коверъ“^{2*}. Кроме того, во всех списках XVII в. этой редакции вместо сущ. ж. р. *нащрапа* два раза употреблено местоимение м. р. *го* (наряду с правильной заменой местоимением *я* в других случаях). Это также косвенно свидетельствует о том, что в первоначальной редакции речь шла о предмете мужского рода (ковре). Ср. этот отрывок в Люблянском, Котленском и Тихонравовском дамаскинах:

Люблянский

И каже живь е гъ бѣ
що е кѣпиль Ѡ мене
нащрапата сам си е
стыи никлае; и пакъ
го донесе намъ сыро-
масъмь. Оти ми ду-
маха и на чершѣтата
като го пазарѣхме
със нѣко белки нѣкое
привидѣнѣ гледашъ
старче.

Котленский

И рече живь е гъ бѣ
що е кѣпиль Ѡ мене
нащрапата та е сам си
стыи никлае и пакъ я
донесе намъ сиромас-
сьма. Ѡти ми дѣмаха
на чершѣтата като я
пазарехме са него
белки нѣкое приведе-
нѣ гледашъ старче.

Тихонравовский

И рече живь гъ бѣ
что е кѣпиль Ѡ мене
коверь сам си е былъ
стыи никлае и пакъ
го намъ даде сиромас-
съ защо и мнѣ сына
ми рекоше като го
продавахъ с кого дѣ-
машъ старче.

Наконец, название *килюмь*, с которым мы встречаемся в дамаскине № 133 (52) из Синод. б-ки, является фактически переводом слова *коверь*.

Таким образом, уже сам анализ названий предмета продажи в „Чуде о ковре“ намечает определенную преемственную связь между отдельными редакциями этого рассказа.

§ 7. Как показывает сопоставление нашей классификации с классификацией дамаскинов, данной Б. Цоневым в первом томе его „Истории болгарского языка“, все рассмотренные нами дамаскины, которые были известны Цоневу, он относит к одному и тому же первоначальному

^{1*} См. о нем. Б. Цонев. Опис, т. II, стр. 377—380.

^{2*} Ст. Аргиров. Люблянский български ръкопис от XVII век, стр. 547 (Люблянский дамаскин, л. 92^а).

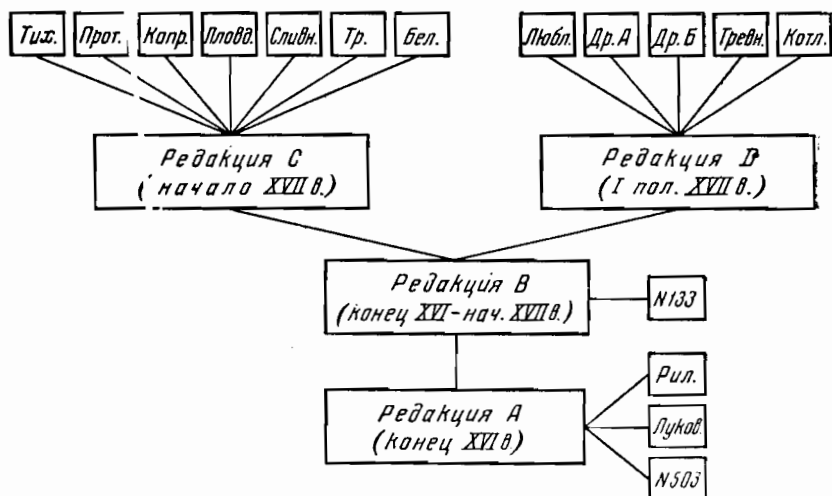
переводу — так называемому среднегорскому^{1*}. Одни из них [Рильский дамаскин № 4/10 (78), Луковитский дамаскин № 134 (60)] он считает непосредственными списками этого среднегорского перевода, сделанного на церковнославянский язык. Другие (Троянский, Протопопинский, Люблянский, Коприштенский, Беленский или Пантелеев, Сливненский, Дряновские А и Б, Тревненский, Тихонравовский), по его мнению, являются переводами на новоболгарский с церковнославянских списков среднегорского перевода.

Д. Петканова в своей кандидатской диссертации „Дамаскины в болгарской литературе“ пытается доказать, что перечисленные выше новоболгарские дамаскины относятся к новому переводу, сделанному непосредственно с греческого оригинала, а не являются переводами с церковнославянской основы, как утверждал Цонев.

Как мы отмечали выше, уже сам факт наличия в дамаскинах на церковнославянском и новоболгарском языках одного и того же вставного рассказа, отсутствующего в греческом оригинале, подтверждает, на наш взгляд, точку зрения Цонева. Об этом же свидетельствует сопоставление текста „Чуда о ковре“ в дамаскинах церковнославянской и новоболгарских редакций. История распространения „Чуда о ковре“ в болгарской письменности представляется нам в следующем виде.

При переводе греческого текста слова о св. Николае из „Сокровища“ Дамаскина Студита на церковнославянский язык в конце XVI в. (а именно при так называемом среднегорском переводе) в него было включено дополнительно еще одно чудо святого — „Чудо о ковре“. Скорее всего это было сделано именно при самом переводе, а не при переписке его, так как „Чудо о ковре“ мы встретили во всех дамаскинах этой редакции, с которыми нам удалось познакомиться. В дальнейшем в конце XVI — начале XVII в. с одного из списков этого перевода (обозначим его буквой А) был сделан перевод на народный болгарский язык (обозначим его буквой В). Этот перевод в свою очередь послужил основой для двух последующих редакций начала XVII в. (С и Д), еписками которых являются дамаскины типа Тихонравовского и типа Люблянского, описанные выше.

Вот схема этого процесса:

^{1*} Дамаскин № 131 (39) из Синод. 6-ки, который Б. Цонев характеризует как список с перевода Уосифа Брадатого, в отношении слова о св. Николае также принадлежит к группе Тихонравовского дамаскина. Как мы уже отмечали, Иосиф Брадатый этого слова не переводил.

Последующее изложение будет посвящено доказательству этих выводов.

§ 8. Прежде всего покажем правомерность отнесения дамаскинов, сгруппированных по признаку названия предмета продажи в „Чуде о ковре“, к одной и той же редакции. Начнем с дамаскинов редакции С, т. е. с тех, в которых отмечена цепочка названий *бѣлѣзь сребръныи — сребръныи коверь — коверь — среброто*. Приводим текст „Чуда о ковре“ по Тихонравовскому дамаскину с указанием фонетических, орфографических, морфологических и лексико-синтаксических различий по другим спискам XVII в. этой группы: Коприштенскому, Протопопинскому, Сливненскому, Пловдивскому 118. Сопоставление с Троянским дамаскином XVII в. и с некоторыми списками XVIII в. будет дано отдельно. Цитируемый текст разделен нами на слова. Раздельное написание слов, которые по нормам современной орфографии пишутся слитно, сохраняется. Надстрочные знаки, кроме титл и паерков, опускаются. При сличении списков не учитываются расхождения в строчном и надстрочном написании отдельных букв, а также в употреблении букв *о — ѡ, е — ѣ, оу — ѡ, и — ѣ*. Знаком „—“ обозначается отсутствие слова, к которому дана сноска, в том или другом памятнике.

Чюдо¹ о коверѣ².

Бѣше нѣкои члкъ въ цари градъ името мѡ никола³ работѣше и хранѣше се и вѣрнѣ хртїанинѣ бѣше бѣ и имаше оброкъ на стго николае и така чинѣше защо бѣше раздѣмѣль⁴ писанїе что дѣма да почиташъ га ѡ твои трѣдѣ что е със⁵ правда стечень и така сѣкогы⁶ чинѣше догде и остарѣ⁷ заедно и засыромашѣ ѡнѣзи старецъ. и приближи се празникъ⁸ стмѡ николаѡ и мыслѣше⁹ что да стори. и ре на женѣтъ¹⁰ си жено. етѡ¹¹ че доиде днь стмѡ великомѡ архїереѡ николаѡ. что да стори. като нѣ сме възможны ничто да припечали¹² за стго. и ѡнази¹³ жена вѣрѣна бѣше. и ре мѡ посень¹⁴ сега ные¹⁵ остарѣхъме, и досега слѣжихъме стмѡ николаѡ, сега ли да ѡстави¹⁶ любовь чтото¹⁷ имахъме досега. и това рече. и извади си бѣлѣзь¹⁸ сребръныи¹⁹ чтото²⁰ си го имаше ѡ бащѣ²¹ си за старо врѣме. и ре мѡ. ѡзми това и продаи го и кѡпи чтото²² трѣбѣва за стго. дрѣго²³ нѣчто не имаме освѣнѣ това. а чедо не имаме да го дръжи за нѣго²⁴, ами го продаи. и онѣзи²⁵ старецъ²⁶ послѣша женѣта²⁷ си и ѡзе онѣзи²⁸ сребръныи²⁹ бѣлѣзь, и поиде да го продаде. и ходѣше по трѣгътъ³⁰ и минѣ³¹ мимо црковата³² стго платона и срѣщнѣ³³ его стѣи³⁴ николае скоро помощникъ³⁵, като на

¹ Пловд. чѣдо; ² Пловд. кѣверо; ³ Копр. николае; ⁴ Копр. раздѣмѣль; ⁵ Пловд. съ;

⁶ Сливн. сѣкоги; ⁷ Копр. остаре; ⁸ Сливн. празникъ; ⁹ Сливн., Пловд. мыслѣше; ¹⁰ Копр. женѣта, Сливн. жинѣта, Пловд. женѣтъ; ¹¹ Сливн. възможни; ¹² Копр. припечали, Сливн. препечали, Пловд. припѣчалимъ; ¹³ Копр. онази; ¹⁴ Сливн. посень; ¹⁵ Сливн. ние; ¹⁶ Копр. остави; ¹⁷ Копр. што; ¹⁸ Пловд. бѣлѣзь; ¹⁹ Пловд. сребръныи; ²⁰ Сливн. што; ²¹ Копр., Пловд. бащѣ, Сливн. бѣща; ²² Сливн. что; ²³ Копр. и дрѣго; ²⁴ Сливн. него; ²⁵ Копр. онѣзи; ²⁶ Копр. старѣць; ²⁷ Копр. женѣта, Сливн. жинѣта, Пловд. женѣтъ; ²⁸ Копр. онѣзи; ²⁹ Сливн. сребръныи; ³⁰ Копр. трѣгътъ, Сливн., Пловд. трѣгътъ; ³¹ Копр., Сливн. мина, Пловд. минѣ; ³² Сливн. црковата; ³³ Сливн. срѣщна; ³⁴ Сливн. стѣи; ³⁵ Сливн. помощникъ;

образъ нѣкоего старого³⁶ члка почтеннаго³⁷. и ре мѡ. дрѡже, любимыи³⁸ где Ѡходишь. и ре мѡ старецъ³⁹ что носѣше сребръныи⁴⁰ коверъ имамъ работа до тръгть⁴¹, и ре мѡ стѣи⁴² никлае. что си намислилѣ да ти бѡде ѡ благъ⁴³ ча Ѡ дрѡже ами ми кажи за кол'ко щешъ прода тоизи сребръныи⁴⁴ коверъ. азъ да го кѡпимъ. и ре мѡ старецъ⁴⁵. Ѡпрвѣнь е кѡпень за и, жльтицы⁴⁶, а сега даи что ми щешъ да⁴⁷ ре мѡ стѣи, ѡзе ли щешъ, ѡ, жльтицы да го дадешъ и ре старецъ⁴⁸. да бѡде ѡ добръ ча да го ще на радо срце. и вѡсегна⁴⁹ ѡ пазѡха стѣи⁵⁰ никла⁵¹ и извади, ѡ, жльтицы, и даде стар'цѡ. и рече мѡ. ѡзми дрѡже и даи ми коверъ и ѡзе он'зи⁵² старецъ⁵³ жльтицыте със' радость оти не бѡше тол'кова врѣднѣ он'зи коверъ. и стѣи⁵⁴ никлае ѡзе он'зи⁵⁵ коверъ, и разидоше се. и тогази рекоше члци ономѡзи⁵⁶ стар'цѡ. стар'че с кого дѡмашъ, или те нѣщо⁵⁷ блазны. защо стар'цатого видѡха че дѡма. а стѡ⁵⁸ не видѡха ни чюкха. и тогази стѣи⁵⁹ никлае⁶⁰ Ѡиде при женѣта⁶¹ стар'цова. и рече еи. сестро. мѡжъ твои та ми е прѣтель⁶² Ѡдавна, и срѣщнѣ⁶³ ме и помоли⁶⁴ ми се и даде ми⁶⁵ тоизи⁶⁶ коверъ, и рече ми стори⁶⁷ добръ и занеси на женѣта⁶⁸ ми⁶⁹ тоизи сребръныи⁷⁰ коверъ. защо азъ рече имамъ работа до⁷¹ пазаръ⁷². ами ѡзми си твоего и съкрыи⁷³ си го и това ре и Ѡиде⁷⁴ и жената Ѡ срамъ не⁷⁵ смѡ да го попита, ты кой си⁷⁶. защо го видѣ че е члкъ старъ, и почѡстень⁷⁷. ами⁷⁸ се раз'гнѣви⁷⁹ на мѡжатого си. и рече си сама. Ѡ теж'ко мене сыротои⁸⁰ дето съм'⁸¹ се събрала⁸² със' мѡжа законо прѣстѣпна⁸³. и не бѡ боазлива⁸⁴ и не щѣше⁸⁵ да погледа на среброто, Ѡ жалость защо не⁸⁶ го е продалъ заради любовь стмѡ николѡ. а мѡжъ нѣинѣ⁸⁷ не знае това что е было⁸⁸, ами си⁸⁹ кѡпи что мѡ⁹⁰ трѣбѡваше⁹¹ за стѡ никлае⁹² и идѣше⁹³ си дома си и раува се какъ е продалъ скѣпо⁹⁴ ковер'тъ⁹⁵. и кога си доиде, и видѣ⁹⁶ го жената мѡ, и раз'гнѣви⁹⁷ се на нѣго⁹⁸. и рече мѡ срѣдито⁹⁹. слѡгал'¹⁰⁰ си прѣ стѡ никла. като си

36 Сливн. *старито*, Пловд. *старого*; 37 Сливн. *почетенаго*, Пловд. *почтеннаго*; 38 Сливн. *любимыи*; Пловд. *любими*; 39 Копр. *стар'цѡ*; 40 Сливн. *сребръныи*; 41 Копр., Сливн. *тръгть*; 42 Копр. *сты*; 43 Копр. *блѣ*, Сливн. *тоизи добръ*, Пловд. *добръ*; 44 Сливн. *сребръныи*; 45 Копр. *стар'цѡ*; 46 Копр. *жльтицы*, Сливн. *жльтици*, Пловд. *жльтици*; 47 Сливн. *даи*; 48 Копр. *стар'цѡ*; 49 Сливн. *всегна*; 50 Копр. *сты*; 51 Копр., Прот., Сливн. *никлае*; 52 Копр. *онзы*; 53 Копр. *стр'цѡ*; 54 Копр., Сливн. *сты*; 55 Копр. *он'зы*; 56 Копр. *ономѡзи*, Сливн. *ономѣ*; 57 Сливн. *нѣчто*; 58 Копр., Прот. *стѡ никлае*; 59 Сливн. *стѣи*; 60 Копр. —; 61 Копр., Сливн. *жената*, Пловд. *женѣта*; 62 Пловд. *прѣтель*; 63 Копр., Сливн. *срѣщна*; 64 Сливн. *помли*; 65 Копр. *мы*; 66 Копр. *тоизы*; 67 Копр. *стори*; 68 Копр., Сливн. *жената*, Пловд. *женѣтъ*; 69 Копр. *мы*; 70 Сливн. *сребръныи*; 71 Сливн. *да*; 72 Сливн. *пазара*; 73 Копр. *съкри*, Сливн. *съкрии*, Пловд. *съкри*; 74 Пловд. *Ѡиде си*; 75 Пловд. *нѣ*; 76 Копр. *сы*; 77 Сливн. *почетень*, Пловд. *почтень*; 78 Прот., Сливн. *ами*; 79 Копр. *раз'гнѣви*, Сливн. *раз'гнѣва*; 80 Пловд. *сыротои*; 81 Сливн. *сам'*; 82 Сливн., Пловд. *събрала*; 83 Сливн. *прѣстѣпно*; 84 Сливн. *боазлива*; 85 Пловд. *щеше*; 86 Пловд. *нѣ*; 87 Копр., Сливн., Пловд. *неинѣ*; 88 Сливн., Пловд. *било*; 89 Сливн. —; 90 Сливн. —; 91 Пловд. *трѣбѡваше*; 92 Сливн. *никла*; 93 Сливн. *иде*; 94 Копр., Пловд. *скѣпо*, Сливн. *скапо*; 95 Копр. *ковератъ*; 96 Копр. *видѣ*; 97 Сливн. *раз'гнѣва*; 98 Копр., Сливн. *нею*; 99 Копр., Сливн., Пловд. *срѣдито*; 100 Копр., Сливн., Пловд. *слѡгал'*.

е рекль гъ нѣ е лъгаль¹⁰¹. кои¹⁰² си остави¹⁰³ рѣцѣте на рало и назады¹⁰⁴ гледа. тоизи нѣ е ѡправень¹⁰⁵ на цртво нбное. и това ре. и донесе ковер'ть¹⁰⁶ и тѣри го прѣд нко¹⁰⁷ и рече мѡ. това да имашь със' себѣ. си а мене векк¹⁰⁸ да немашь¹⁰⁹. зацо си си¹¹⁰ из'губиль правын'ята¹¹¹ като си е и¹¹² писано ако ѡдрѣжи члкь сич'кьи¹¹³ законь а едно раз'вали¹¹⁴ сич'кото е збръкаль. И старець¹¹⁵ като чю Ѡ жен'ята¹¹⁶ си тѣи¹¹⁷ дѣми¹¹⁸ и пакь като видѣ ковер'ть¹¹⁹. почюди се и земай¹²⁰ се и стоа¹²¹ за голѣмь ча и чюдѣше се и раз'умѣ и ѡсѣти се оти е чюдо нѣкое сторено Ѡ стго николае¹²² и въздѣхна¹²³ из' срце и зараува¹²⁴ се и вдигнь¹²⁵ си рѣцѣте и рече слава тебѣ хе бе, дето чинишь чюдеса съ¹²⁶ стыте¹²⁷ твои. и ре старець¹²⁸ на жен'ята¹²⁹ си тако¹³⁰ ти¹³¹ страхь бжїи жено кои ти донеск¹³² това мѡжь ли или жена стар' ли, или младь и рече мѡ жената мѡжь бѣше старь и почътень и рече ми сестро твои мѡжь приател'¹³³ ми е одавна затова ми даде ковер'ть¹³⁴ да ти го донесѣть¹³⁵. и азь ѡзехь Ѡ рѣцѣте мѡ ковер'ть¹³⁶. и срамь ми¹³⁷ бы¹³⁸ да го попитаь ты¹³⁹ кои си зацо го видѣхь че е¹⁴⁰ почътень¹⁴¹ члкь. като чю това старець¹⁴² Ѡ жен'ята¹⁴³ си чюди се мнѡго и извади та и каза що мѡ съ¹⁴⁴ ѡстале¹⁴⁵ жльтици¹⁴⁶ и чтото¹⁴⁷ е кѡпиль брашно и вино и просфоры¹⁴⁸ и свѣщы¹⁴⁹ и масло и ѡѣмїань¹⁵⁰ и сич'ко что трѣбѡваше въ днь стго никола¹⁵¹ и рече живь¹⁵² гъ бѣ что е кѡпиль Ѡ мене¹⁵³ коверь сам' си е былъ¹⁵⁴ стыи¹⁵⁵ николае и пак' (го намь даде сиромасѣ¹⁵⁶ зацо и мнозына¹⁵⁷ ми¹⁵⁸ рекоше като го продавахь с кого дѣмашь¹⁵⁹ старче мене¹⁶⁰ видѣха а ѡногози¹⁶¹ не видѣха и тогази¹⁶² благодариха^{1.3} ба и двата и похвалиха великаго¹⁶⁴ архїереа николае скоро помощника и със'¹⁶⁵ голѣма¹⁶⁶ радость¹⁶⁷ текоше въ црковь стмѡ николѡ и занесоше¹⁶⁸ и ковер'ть¹⁶⁹ и жльтицыте¹⁷⁰ и казаше това чюдо

¹⁰¹ Копр. *лъгано*; ¹⁰² Пловд. *които*; ¹⁰³ Копр. *оставы*; ¹⁰⁴ Копр., Пловд. *назади*; ¹⁰⁵ Сливн. *шправень*; ¹⁰⁶ Сливн. *коверать*; ¹⁰⁷ Сливн. *него*; ¹⁰⁸ Сливн., Пловд. *век*; ¹⁰⁹ Сливн. *не имашь*; ¹¹⁰ Копр. *еси*; ¹¹¹ Копр., Сливн. *правината*, Пловд. *правин'та*; ¹¹² Копр. —; ¹¹³ Сливн. *сички*; ¹¹⁴ Копр. *раз'валы*; ¹¹⁵ Копр. *старц*; ¹¹⁶ Копр., Сливн., Пловд. *жената*; ¹¹⁷ Копр. *тїа*; ¹¹⁸ Копр. Прот. *дѣмы*; ¹¹⁹ Сливн. *коверать*, Пловд. *коверь*; ¹²⁰ Копр. *земай*, Прот. Сливн., Пловд. *земай*; ¹²¹ Копр., Сливн. *стоа*; ¹²² Сливн.

никола; ¹²³ Сливн., *въздѣхна*, Пловд. *въз'дѣхна*; ¹²⁴ Сливн. *раува*; ¹²⁵ Копр. *вдигнь*, Сливн. *вдина*; ¹²⁶ Сливн. *съ*; ¹²⁷ Сливн. *стыте*; ¹²⁸ Копр. *стар'ць*; ¹²⁹ Копр., Сливн. *жената*, Пловд. *жен'ята*; ¹³⁰ Прот. *токо*; ¹³¹ Копр. *ты*; ¹³² Копр., Сливн. *донесе*; Прот. *донесе*; ¹³³ Копр. *приател*, Сливн. *приатель*; ¹³⁴ Копр., Сливн. *коверать*, ¹³⁵ Копр., Сливн. *донесѣ*; ¹³⁶ Копр. *ковер'ть*, Сливн. *коверать*; ¹³⁷ Копр. *ме*, Сливн. *имашь*; ¹³⁸ Сливн. —; ¹³⁹ Сливн. *ти*; ¹⁴⁰ Сливн. *ге*; ¹⁴¹ Копр. *почетень*; ¹⁴² Копр. *стар'ць*; ¹⁴³ Копр., Сливн., Пловд. *жената*; ¹⁴⁴ Копр., Прот., Пловд. *съ*, Сливн. *се*; ¹⁴⁵ Копр. *останале*; ¹⁴⁶ Копр., Сливн., Пловд. *жльтици*; ¹⁴⁷ Сливн. *щото*; ¹⁴⁸ Сливн. *просфоры*; ¹⁴⁹ Копр., Сливн., Пловд. *свѣщы*; ¹⁵⁰ Сливн. *ѡѣмїань*, Пловд. *ѡимїань*; ¹⁵¹ Копр. *николае*, Сливн. *николїа* ¹⁵² Копр. *живѣ*; ¹⁵³ Копр. *менѣ*; ¹⁵⁴ Сливн. *биль*;

¹⁵⁵ Сливн. *стыи*, Пловд. *сты*; ¹⁵⁶ Сливн. *сиромасѣ*; ¹⁵⁷ Копр. Прот., Сливн., Пловд. *мнозина*; ¹⁵⁸ Копр. *мы*; ¹⁵⁹ Копр. *думьшь*; ¹⁶⁰ Копр. *менѣ*; ¹⁶¹ Копр. *оногозы*; ¹⁶² Копр. *тогазы*; ¹⁶³ Сливн. *благодарѣха*; ¹⁶⁴ Копр. *велика*; ¹⁶⁵ Сливн. *със'*; ¹⁶⁶ Сливн. *голѣмь*;

¹⁶⁷ Сливн. *радо*; ¹⁶⁸ Копр. *занесе*; ¹⁶⁹ Пловд. *ковер'ть*, Сливн. *коверать*; ¹⁷⁰ Копр., Сливн., Пловд. *жльтицыте*.

на сич'кыте¹⁷¹ людѣ и на сщениците¹⁷² и раз'бра се по сич'кыте¹⁷³ и прославише ба и стго никола¹⁷⁴ и казаше патрiархъ михаилъ и повѣлъ¹⁷⁵ да си¹⁷⁶ земе старецъ¹⁷⁷ коверътъ¹⁷⁸ а жльтиците¹⁷⁹ на црквата¹⁸⁰ стаа софiа. и сторише¹⁸¹ празникъ чьстенъ и прославише ба и стго никола¹⁸², дето мѣ съ просвѣтиле чюдесата по сич'кыи¹⁸³ свѣтъ дето го почитать със' чистаа¹⁸⁴ вѣра. И дрѣгы еднакъ мнѣго чюдеса¹⁸⁵ стори¹⁸⁶ стыи¹⁸⁷ николаетьк'мо тiа мал'ко показах'ме да развѣдете какъ е былъ¹⁸⁸ ѡгодникъ бжiи.

Таким образом, при сопоставлении „Чуда о ковре“ в указанных дамаскинах XVII в. устанавливается абсолютная идентичность содержания и почти полное тождество словесного выражения этого содержания. Показательно, что морфологические и лексико-синтаксические расхождения по пяти дамаскинам отмечены лишь в 44 случаях на 956 слов текста. Приводим их полностью.

никола (Тих., Прот., Сливн., Пловд.) — николае (Копр.),
 серебрянии (Тих., Копр., Прот., Сливн.) — серебряни (Пловд.),
 чтото (Тих., Копр., Прот., Пловд.) — что (Сливн.),
 серебрянии (Тих., Копр., Прот., Пловд.) — серебряни (Сливн.),
 црквата (Тих., Копр., Прот., Пловд.) — цръковата (Сливн.),
 старого (Тих., Копр., Прот.) — стариго (Сливн.) — стараго (Пловд.),
 любимии (Тих., Копр., Прот.) — любимы (Сливн., Пловд.),
 серебрянии (Тих., Копр., Прот., Пловд.) — серебряни (Сливн.),
 ѡ блягъ ча (Тих., Копр., Прот.) — оу тоизи добръ ча (Сливн.) —
 ѡ добръ ча (Пловд.),
 серебрянии (Тих., Копр., Прот., Пловд.) — серебряны (Сливн.),
 щешь да (Тих., Копр., Прот., Пловд.) — щешь даи (Сливн.),
 стыи (Тих., Копр., Прот., Пловд.) — сты (Сливн.),
 стыи (Тих., Прот., Сливн., Пловд.) — сты (Копр.),
 никола (Тих., Пловд.) — николае (Копр., Прот., Сливн.),
 стыи (Тих., Прот.) — сты (Копр., Сливн., Пловд.),
 ономѣзи (Тих., Копр., Прот., Пловд.) — ономѣ (Сливн.),
 стго (Тих., Сливн., Пловд.) — стго николае (Копр., Прот.),
 чюаха (Тих., Копр., Прот., Сливн.) — чюа (Пловд.),
 серебрянии (Тих., Копр., Прот., Пловд.) — серебряны (Сливн.),
 до пазарь (Тих., Копр., Прот., Пловд.) — да пазарѣ (Сливн.),
 съкрыи си (Тих., Прот., Сливн.) — съкри си (Копр., Пловд.),
 ѿиде (Тих., Копр., Прот., Сливн.) — ѿиде си (Пловд.),
 раз'гнѣви се (Тих., Копр., Прот., Пловд.) — раз'гнѣва се (Сливн.),
 прѣстѣпна (Тих., Копр., Прот., Пловд.) — прѣстѣпно (Сливн.),
 николае (Тих., Копр., Прот., Пловд.) — никола (Сливн.),
 идѣше си (Тих., Копр., Прот., Пловд.) — иде си (Сливн.),
 раз'гнѣви се (Тих., Копр., Прот., Пловд.) — раз'гнѣва се (Сливн.),
 слъгал си (Тих., Прот., Сливн., Пловд.) — слъгал' (Копр.),

171 Сливн., Пловд. *сич'ките*; 172 Копр., Пловд. *сщениците*; 173 Пловд. *сич'ките*;
 174 Копр. *николае*, Сливн. *никола*; 175 Сливн. *повелъ*; 176 Копр. *сы*; 177 Копр.
старѣцъ; Сливн. *старецать*; 178 Копр. *коверътъ*, Сливн. *коверъ серебряны*, Пловд.
коверътъ; 179 Копр. *жльтиците*, Сливн., Пловд. *жльтиците*; 180 Сливн. *црква*;
 181 Копр. *сторыше*; 182 Копр. *николае*, Сливн. — *никола*; 183 Копр. — *сич'кы*,
 Сливн., Пловд. *сич'ки*; 184 Сливн., Пловд. *чиста*; 185 Копр. *чюдѣса*; 186 Копр.
сторы; 187 Копр. *сты*, Сливн., *стii*; 188 Сливн., Пловд. *биль*;

нѣ е лѣгалъ (Тих., Прот., Сливн., Пловд.) — *нѣ е лѣгано* (Копр.),
да немашъ (Тих., Копр., Прот., Пловд.) — *да не имашъ* (Сливн.),
ковер'тъ (Тих., Копр., Прот., Сливн.) — *коверь* (Пловд.),
николае (Тих., Копр., Прот., Пловд.) *никола* — (Сливн.),
зараува^а се (Тих., Копр., Прот., Пловд.) — *раува се* (Сливн.),
донесѣтъ (Тих., Прот., Пловд.) — *донесѣ* (Копр., Сливн.),
срамъ ми бы (Тих., Прот., Пловд.) — *срам' ме бы* (Копр.) — *срамъ*
имахъ (Сливн.),
встале (Тих., Прот., Сливн., Пловд.) — *встанале* (Копр.),
николы (Тих., Прот., Пловд.) — *николае* (Копр.) — *николѣа* (Сливн.),
блѣдариѣа (Тих., Копр., Прот., Пловд.) — *блѣдариѣа* (Сливн.),
николѣ (Тих., Прот., Пловд.) — *николае* (Копр.) — *никола* (Сливн.),
старецъ (Тих., Копр., Прот., Пловд.) — *старецать* (Сливн.),
коверѣтъ (Тих., Копр., Прот., Пловд.) — *коверь сребрьны* (Сливн.),
на цркваѣа (Тих., Копр., Прот., Пловд.) — *на црква* (Сливн.),
николы (Тих., Прот., Пловд.) — *николае* (Копр.) — *николѣа* (Сливн.),
чистаа (Тих., Копр., Прот.) — *чиста* (Сливн., Пловд.).

Мы видим, что эти расхождения в основном связаны с употреблением полных или кратких форм прилагательных, с выбором имени *никола* — *николае*, со включением или опущением отдельных слов по спискам. Кроме того, они, как правило, носят характер отклонений по отдельным спискам, чаще всего Пловдивскому и Сливненскому, реже — Коприштенскому. Уже сам перечень расхождений наглядно показывает близость таких списков, как Тихонравовский, Коприштенский, Протопопинский. Действительно, в этих трех списках встречается только 14 расхождений (не считая орфографических и фонетических), причем 12 из них являются отклонениями Коприштенского списка от Тихонравовского и Протопопинского. Близость Тихонравовского и Протопопинского списков поразительна. На все 956 слов „Чуда“ в них отмечено только 8 случаев расхождений, включая орфографические и фонетические различия. Считаю интересным выделить их. В скобках даем номер соответствующей сноски.

Тихонравовский *Протопопинский*

<i>никола</i> (51)	<i>николае</i>
<i>стго</i> (58)	<i>стго Николае</i>
<i>амы</i> (78)	<i>ами</i>
<i>дѣми</i> (118)	<i>дѣмы</i>
<i>земаѣ се</i> (120)	<i>земаѣ се</i>
<i>тако</i> (130)	<i>токо</i>
<i>донесѣ</i> (132)	<i>донѣсе</i>
<i>мноѣина</i> (157)	<i>мноѣина</i>

В то же время в этих списках совпадает даже ошибочное написание отдельных слов. Ср. „затова ми даде ковер'тъ да ти го *донесѣтъ*“ вм. „... да ти го *донесѣ*“ в остальных списках этой редакции^{1*}, „да ти *донесѣ*“, „да ти *донеса*“ в списках типа Люблянского.

Как видно из сносок к тексту, всего на 956 слов по пяти дамаскинам встретилось 188 случаев расхождений. Следовательно, написание 768 слов совпадает по всем пяти спискам, что дает полное право отнести эти слова в данном их написании к первоначальному тексту ре-

^{1*} Кроме Пловдивского, в нем та же ошибка.

дакции С^{1*}. Путем сопоставительного анализа списков этой и других редакций можно почти полностью восстановить текст редакции С, что, однако, не входит в наши задачи. Материал, способствующий решению этой задачи, полностью дан в статье.

Приводим также расхождения с Тихонравовским списком по дамаскинам № 721 (344) и 344 (272) из ДБВК, давая их в виде последовательного перечня. Нашей целью при этом является не только подтверждение правомерности отнесения этих списков к той же редакции, но и ознакомление с ними читателя. Цифрой в скобках указывается соответствующая сноска в случаях, когда и в других списках в этом слове представлены расхождения.

Дамаскин № 721 (344) из ДБВК, начало XVIII в.

Тихонравовский	№ 721	Тихонравовский	№ 721
и така чинѣше зацо бѣше разѣмѣль писаніе что дѣма да почиташъ га Ѡ твои трѣдь что е сть правда стечень и така чинѣше догде и остарѣ заедно и за- сыромашѣ внѣзи ста- рець	—	любимыи (38) что носѣше сребрь- ныи коверь	мой —
приближи се великомѣ архіереѣ	— д празнѣваше —	до трьгъть (41) амн ми кажн за колко щѣшь прода сребрьныи коверь (44)	по гра ^а —
като нѣ сме възможны ничто да припечали ^м сребрьныи (19) чтого (20) Ѡ бащъ си чтого (22) а чедо да го дръжи за нѣго бѣлѣгъ	— д празнѣваше — — — — бѣлѣгъ	за и жльтицы (46) стыи оти не бѣше тол'- кова врѣднѣ онѣзи ко- верь стыи (54) и помоли ми се и даде ми тоизи коверь стори добрѣ и за- неси на женѣта (68) ми (69) тоизи сребрьныи (70) коверь и сѣкрыи си го почъстень (77) се раз'гнѣви (79) сьм' (81) щѣше (85) идѣше си коверь'ть (95) раз'гнѣви се (97)	за ^а осемь жльтиць сты — сты — на ти тоизи ко- верь сребрьни и занеси го на же- ната моа — почетень раз'гнѣва се сьм' щѣше идѣше коверь раз'гнѣва се тврѣде
и поиде да го про- даде и холѣше по трыг'ть срѣщнь (33) стыи (34)	— — — а ные чедо — — — срѣщнь сты	и рече мѣ	и рече мѣ

На этом текст обрывается. Из сопоставления ясно, что в дамаскине № 721 представлен сокращенный список „Чуда о ковре“ по редакции С. Переписчик допускает изменения отдельных слов, а в одном месте — целого предложения, но от себя в текст добавляет только одно слово — *тврѣде* („раз'гнѣва се тврѣде“).

^{1*} В приведенном нами тексте „Чуда о ковре“ по Тихонравовскому списку к редакции С принадлежат все слова, к которым не дано сноска.

Дамаскин № 344 (272) из ДБВК, XVIII в.

<i>Тихонравовский</i>	<i>№ 344</i>	<i>Тихонравовский</i>	<i>№ 344</i>
работѣше	работеше	видѣха	видеха
хранѣше	хранеше	чюуха	чюеха
бѣше	беше	стын (59)	сти
бѣше	беше	женѣта (61)	жената
сѣкогы (6)	секоги	мѣжь	мѣжать
чинѣше	чинеше	пріатель (62)	приетель
догде	догдѣ	срѣщнь (63)	срешна
засыромашѣ	засиромаше	мн	мы
мыслѣше (9)	мислеше	ми	мы
женѣтъ (10)	жената	добрѣ	добре
етѣ (11)	ето	женѣта (68)	жената
нѣ	не	сребрънын (70)	сребреникъ
припечали (12)	припечалы	сѣкрын (73)	скрий
посень (14)	посемь	смѣа	смеа
ные (15)	нѣе	ты	ти
бѣлѣгъ (18)	белегать	видѣ	виде
чтого (20)	щото	почѣстень (77)	почетень
бащѣ (21)	баща	амы (78)	амн
чтого (22)	что	раз'гнѣви (79)	разгиевы
трѣбѣва	требе	си	сы
нѣчто	ничто	мене	менѣ
дрѣжи	дрѣжи	сыротон (80)	сирвта
нѣго (24)	негъ	дето	дѣто
женѣта (27)	жената	сѣм' (81)	сам'
сребръныи (29)	среберны	сѣбрала	збрала
бѣлѣгъ	белѣкъ	сѣс'	с
ходѣше	ходеше	боазлива (84)	боазлива
трѣг'тъ (30)	градать	щѣше (85)	щеше
минъ (31)	мина	нѣвинъ (87)	неннъ
срѣщнь (33)	срешна	было (88)	билъ
стын (34)	сти	никалае (92)	никала
нѣкоого	некоогъ	идѣше (93)	идеше
почтеннаго (37)	почтеннагъ	скѣпо (94)	скѣпо
любимыи (38)	любимы	раз'гнѣви (37)	разгневи
сребръныи (40)	сребръни	нѣго (98)	нѣго
трѣг'тъ (41)	трѣгать	срѣдито (99)	срѣдито
мы	ми	слѣгал' (100)	слѣгаль
сребръныи (44)	сребръны	никалае	никалае
кѣпимъ	кѣпы	си	сы
Щпрѣвѣнъ	Щпрѣвень	нѣ	не
жѣлтици (46)	жѣлтици	остави	оставы
жѣлтици	жѣлтици	рѣцѣте	рѣцете
вѣсегна (49)	вѣсегна	нѣ	не
стын (50)	стн	ковер'тъ (106)	коверать
жѣлтиците	жѣлтиците	нѣго (107)	него
бѣше	беше	себѣ	себе
врѣднъ	врѣдень	си	сы
стын (54)	сти	векѣ (108)	веке
нѣщо (57)	нещо	правынѣта (111)	правината
видѣха	видеха	сич'кыи (113)	сички
		женѣта (116)	жената

<i>Тихонравовский</i>	№ 344	<i>Тихонравовский</i>	№ 344
тѣа (117)	тіа	ніколы (151)	ніколи
ковер'ть (119)	коверать	быль (154)	билъ
земаи (120)	замаи	стыи (155)	стіи
стоа (121)	стои ^м	сиромасъ ^м (156)	сиромаси
голѣмь	голе	мнозына (157)	мнозина
чюдѣше	чюдеше	видѣха	видеха
разѣмѣ	разоме	видѣха	видеха
оти	оты	тогази (162)	тогазы
въздѣхна (123)	въздѣхна	архіереа	архиереи
вдигнь (125)	вдигна	със' (165)	з
рѣцѣте	рѣцете	голѣма (166)	голема
чинишь	чинышь	црковь	црква
съ (126)	са	коверъть (169)	коверать
женѣта (129)	жената	жальтиците (170)	жальтиците
донесе (132)	донесе	сщениците (172)	сщениците
бѣше	беше	ніколѣ (174)	нікола
почтень	почетень	повелѣ (175)	повеле
прѣтел' (133)	приетел	коверъть (178)	коверать
ми	мы	жальтиците (179)	жальтиците
ми	мы	стаа	ста
ми	ма ^х	ніколы (182)	ніколѣ
видѣхъ	виде	съ	се
почтень (141)	почетень	просвѣтиле	просветиле
женѣта (143)	жената	сич'кыи (183)	сичкы
съ (144)	се	чистаа (184)	чиста
жальтици (146)	жальтици	вѣра	вера
просфоры (148)	просвары	дрѣгы	дрѣгы
свѣщы (149)	свещи	стори (186)	сторилъ
ѡмѣианъ (150)	ѡмѣианъ	стыи (187)	сти
трѣбѣваше	трѣбѣваше	разѣмѣете	разѣмеете.

Таким образом, дамаскин 344 (272) из ДБВК отличается от других дамаскинов редакции С в основном своей орфографией.

Следует специально остановиться на дамаскине № 713 (445) из ДБВК — так называемом Беленском (Пантелеевом) дамаскине XVII—XVIII вв. Д. Петканова в своей диссертации утверждает, что в этом памятнике мы встречаемся с новым переводом с греческого 4 слов из „Сокровища“, в том числе с новым переводом слова о св. Николае. Анализ „Чуда о ковре“ в Беленском дамаскине показывает, однако, что оно принадлежит к редакции С и отличается от других списков этой редакции главным образом особенностями орфографии и фонетики. Предмет продажи и в нем обозначен цепочкой названий: *белегъ сребр'ренъ — сребр'ренъ белегъ — сребр'нии кѡверъ — коверъ — среброто*. Такое совпадение не может быть случайным. Слово о св. Николае в этом дамаскине принадлежит к тому же переводу, что и списки типа Тихонравовского. Вместе с тем текст „Чуда о ковре“ подвергся некоторой стилистической обработке, что свидетельствует о творческом подходе к нему со стороны переписчика.

Ограничимся здесь приведением морфологических и лексико-синтаксических расхождений в тексте „Чуда о ковре“ между Тихонравовским и Беленским списками:

Тихонравовский

Беленский

Бѣше
 никола (3)
 имаше
 така
 писанїе
 твои
 стечень
 чинѣше
 засыромашѣ
 николѣ
 етѣ (11) че дойде
 великомѣ архїереѣ
 николѣ
 ничто да припечали^м
 и внази жена вѣрна бѣше и
 ре мѣ^р
 посень сега ные
 николѣ
 сега ли да встави любовь чтото^м
 имах'ме досега
 чтото си го
 ѣзми
 чтото (22)
 дрѣго нѣчто не имае освѣнѣ
 това
 не имае
 да го дръжи^м

имаше
 николае
 имаха
 тѣй
 писанїетw
 свои
 собранѣ
 стрѣваш^е
 ѣсир'моша
 николаю
 етw доиде
 —
 николаю
 ѣ нигде що да прїпечалиме
 ѣговори жената мѣ и ре^р
 нѣ ѣсега
 николаю
 ами сегн кѣ ще да гw воста-
 вимѣ, като си имах'ме тол'-
 козы любовь за стw^{по}
 щото гw
 земи
 що
 зашw дрѣгw нишw нема освен^м
 тѣй
 немае
 тѣ дѣ гw задържимѣ

Тихонравовский

Беленский

Тихонравовский

Беленский

ами го продаи
 серебряни (29)
 поиде
 трѣг'ть
 и минѣ мимо црквата
 (32)
 нѣкоего
 старого (36) члка
 почтеннаго
 ѣходишь
 —
 что носѣше серебря-
 ныи коверѣ.
 имаѣм работа до
 трѣг'ть
 николае

ами земи тѣй и про-
 даи гw
 серебрянѣ
 ѣиде
 чершїата
 и стиг'на при чер'-
 ковата
 некогw
 члка стара
 ѣхожда^ш
 и що носишь
 —
 ѣхожда^м до чершїата
 имаѣм мал'ко
 рабѣста
 —

ѣ благоѣ ча (43)
 ами ми кажи
 за кол'ко
 серебряни (44) ко-
 верѣ
 азѣ
 кѣпимѣ
 старецѣ
 щещѣ да
 —
 да го дадещѣ
 ѣ добръ ча^р
 щещѣ^м
 на радо^д срѣце
 и вѣсегна ѣ пазѣха
 стыи никола (51)

на добръ ча^р
 ами кажи
 кол'ко
 серебрянїи белекѣ
 азы
 кѣпе
 старицатѣ
 дадещѣ
 та гw земи
 —
 на добръ ча^р
 ща
 на радостѣ^д срѣце
 тогизы стыи нико-
 лае всегна вѣ
 паз'вата си

Тихонравовский	Беленский	Тихонравовский	Беленский
и даде стар'цѣ	и даде ги старцо- томѣ	из' срце	ис се срце
рече мѣ	рече	и зараува се	и па фана да са
ѣзми	земи		раува
жлътиците със' ра- достъ	на радостъ срце жел- тиците.	вдигнь си рѣцѣте	вдигна се рцети
тол'кова	тол'кози	съ стыте твои	съ стите твои работи
он'зи коверъ	коверѣ	ми	мѣ
разидоше се	разидоха се	донесѣтъ (135)	донеса
тогази	тоги	—	и азъ гѣ донесохъ
рекоше	гѣ питаха	азъ	ази
дѣмашъ	дѣмаше	ѣзехъ ѿ рѣцѣте мѣ	зехъ тѣи въ рѣцете
или те нѣщо	или нѣщо та	ковер'тъ	си
ни чюаха	нити гѣ чювахъ	срамъ	срамъ ма би
тогази	тогизы	ми бы (137, 138)	—
еи	и	чюди се много	—
мѣжъ твои	мѣжъ ти	и извади та и	и извади онезы
помоли ми се	моли ми са	каза що мѣ съ	жел'тици що е мѣ
тоизи коверъ	кѣверъ	ѡстале жлътици	харцетисълъ и
на женъта ми	—	и чтото е кѣпиль	що е и кѣпиль
азъ	—	трѣбѣваше	требова
имамъ работа	имамъ мал'кѡ работа	въ днь	за днѣта
до пазаръ (71, 72)	на пазаръ	стго никола (151)	ст мѣ николаю
ѣзми	земи	сыромасѣмъ	сиромаси
защо го	защо	рекоше	рекоха
се раз'гнѣви (79)	са расрѣди	продавахъ	продадѣхъ
рече си	рече	дѣмашъ	дѣмаше
сыротои	сирота	тогази	тогизы
нѣ щеше	не щеша никакъ	двата	дватата
николѣ	николаю	похвалиха	похвалѣха
не знае	не знаеши	великаго архіереа	влака
ами си кѣпи (89)	ами кѣпи	текоше	затицаха
трѣбѣваше	требѣва	въ црковъ	въ черковата
за стго николае (92)	за слѣж'ба стомѣ николаю	николѣ	николаю
доиде и	доде дѣма	заисоше	занесоха
жената мѣ	жената	—	въ черковата
раз'гнѣви се (97)	расрѣи се	казаше	казаха
прѣд стго никола	стгѡгѡ николае	това	тѣи
като си	като	сич'кыте	сички
на рало	на рамѡ	людіе	хртѣане
гледа	да гледа	на сценниците	сценници
на цртво	въ цртво	прославише николѣ	прославиха николае
тѣри	фѣрли	(174)	
защо си	защо	казаше	казаха
сич'кыи (113)	сички	и повѣлѣ да си ѣзме	и ре пріархѣ да си
сич'кото е збръкалъ	онѣи сич'кото е раз'ва- валено	а жлътиците на црк- вата	земи
тѣи	тѣквизы	—	а желтиците да ги
и земаѡ се	—	—	стави на чер- ковата
нѣкое сторено	—	сторише	сториша

<i>Тихонравовский</i>	<i>Беленский</i>
прославише	прославиха
николы (182)	никалае
И дрѣгы единакъ	Етѣ тѣи би и деветѣ
мнѣго чюдеса	чю блѣгословени
стори стѣи нѣ-	хртѣяни
колае тѣк'мо тѣа	
малко пока-	
зах'ме да разѣ-	
мѣете какъ е	
быль ѣгодникъ	
бжѣи	

В „Чуде о ковре“ по Троянскому дамаскину, как мы уже отмечали, переписчик изменил отдельные слова, в частности название предмета продажи, привел некоторые грамматические формы (главным образом, указательные местоимения) в соответствие с системой своего говора. Но в целом Троянский дамаскин бесспорно восходит к редакции С.

Расхождения между Тихонравовским и Троянским списками отмечены в 146 словах, написание остальных 810 слов совпадает. Приводим все отклонения Троянского дамаскина от Тихонравовского списка:

<i>Тихонравовский</i>	<i>Троянский</i>	<i>Тихонравовский</i>	<i>Троянский</i>
Чудо о коверѣ	чю за синѣирь	ѣрквата (32)	ѣрква
въ цари градь	оу ѣригра	стѣи (34)	стѣ
никала (3)	никалае	почѣтеннаго (37)	почетеннаго
работѣше	работеше	любимѣи (38)	драгы
хранѣше	хранеше	что	што
вѣр'нѣ	вѣренѣ	серебрѣныи (40)	сребрѣны
чинѣше	чинеше	коверѣ	син'ѣирь
что	що	трѣгътъ (41)	пазарѣтъ
га	ба	стѣи (42)	стѣ
Ѣ твой	Ѣ свои	что	що
что	що	намисляль	намысляль
чинѣше	чинеше	бѣде	бжде
ви'зи	они	благъ (43)	добрь
что	що	тоизи	тоа
нѣ сме въз'можны	нѣ сме къдърь	сребрѣныи (44)	сребрѣны
ничто	нищо	Ѣпрѣвѣнѣ	Ѣпрѣвень
стѣго	ста	жльтици	жльтици
внази (13)	онам	что ми щешь	що щешь
посень (14)	посе	стѣи	стѣ
чтото (17)	што	жльтици	жльтици
бѣлѣгъ (18)	бѣле	бѣде	бжде
сребрѣныи (19)	сребрѣнны	вѣсегна (49)	вѣсегна
что (20)	што	стѣи (50)	стѣ
нѣчто	нѣщо	никала (51)	никалае
ниго (24)	него	жльтиците	жльтиците
он'зи (25)	они	врѣдѣ	врѣдень
он'зи (28)	они	он'зи	они
сребрѣныи (29)	сребрѣнны	коверѣ	синѣирь
трѣг'тъ (30)	пазарѣ	стѣи (54)	стѣ
		он'зи коверѣ (55)	синѣирѣтъ
		разидоше се	разидоше

Тихонравовский	Троянский	Тихонравовский	Троянский
тогази	тогива	рѣцѣте	рѣцѣте
ономѣзи (56)	ономѣва	женьта (129)	жената
блаз'ны	блазни	донесѣ (132)	донесе
видѣха	видѣхѣ	мѣжъ	мѣж'
чюмха	чюахѣ	мѣжъ	мѣжъ
тогази	тогива	почтень	почестень
стыи (59)	сты	пріател' (133)	пріетель
женьта (61)	жената	одавна	ѡдавна
мѣжъ	мѣжъ	донесѣтъ (135)	донесѣ
та	да	рѣцѣте	рѣцѣте
пріатель (62)	пріетель	ковер'тъ (136)	син'цирьтъ
срѣщнь (63)	срѣщна	срамъ ми бы (137-8)	срамъ бы ме
тоизи (66)	тоа	е (140)	ѣ
тоизи	тоа	жальтици (146)	жальтици
серебрьныи (70)	серебрьны	чтого (147)	що
е	ѣ	ѡмїань (150)	ѡмїань
раз'гнѣви (79)	расрѣди	что	що
на мѣжатога	на мѣжѣт'	что	що
теж'ко мене	теж'ко си мене	стыи (155)	сты
сьм' (81)	сьм'	мнозына (157)	мнозина
се	сѣ	многози (161)	оногова
погледа	погледне	тогази (162)	тогива
мѣжъ	мѣжъ	благодариха (163)	блѡдарише
нѣинь (87)	нѣинь	похвалиха (164)	похвалише
что	що	радость (167)	радо
что	що	въ црковь	оѣ црква
скѣпо (94)	скѣпо	стмѣ николаѣ	стго николаѣ
раз'гнѣви се (97)	раз'срѣди се	ковер'тъ	ковер'тъ
нѣго (98)	него	жальтицыте (170)	жальтиците
срѣдито (99)	срѣдито	сич'кыте (171)	сичкы
никола	николае	сѣенницыте (172)	поповете
рѣцѣте	рѣцѣте	повѣлѣ (175)	повелѣ
назады (104)	назади	ковер'тъ (178)	среброто
нѣго (107)	него	жальтицыте (179)	жальтиците
себѣ	себе	чѣстень	чѣст'нь
немашь (109)	не имаши	сичкыи (183)	сичкы
правынѣта	правината	чистаа (184)	чиста
старецъ (111)	стар'ць	еднакъ	оѣ
тїа (117)	тїа	стыи (187)	сты
земаа (120)	замаа	тъкмо	тъкмо
вдигнь (125)	вдигнь		

Приведем также отдельные выдержки из других дамаскинов этой редакции.

№ 714(269) из ДБВК. XVIII в.

„и извади жената бѣлѣгь серебрьнѣ“; „и старецъ оузе онїа серебрьни бѣлѣкь“; „за колко щѣшь да тоѣ серебрьни коверъ да го купимъ“; „и ре оузми дрѣже и даи ми ковер'тъ. и оузе старецъ жальтиците и даде ковер'тъ стмѣ николау“; „и ре ми стори добре и занеси на женьта ми тоѣ серебрьни коверъ зацо ѣзе имамъ работа до пазарь. Това ре сти Николае и даде на женьтъ ковер'тъ и оутиде си“; „това рече и до-

несе мѣ *ковертъ* и встави го прѣ^а него“; „и даде ми *ковертъ* да ти донесемъ и ѿзе го оузе^х ѿ рацете мѣ и срамъ би ме да го попитаемъ ты кои си“; „живъ гъ бѣ и що е кѣпиль ѿ менѣ *ковертъ* самъ е билъ сти николае“; „ето така е било ѿ стго николаѣа чѣдеса за *ковертъ*“.

№ 335 (433) из ДБВК. 1827 г.

„и извади си *сребръннии белекъ*“; „това що продавашъ за колко щешъ ми го прода“; „ѿнапрѣдъ го самъ зелъ за всмъ жълтицы“; „хади да е оу добръ часъ“; „тогива зе стыи да мѣ дадѣ^с жълтицы да зе *ковѣратъ*“; „и радоваше сѣ защо продалъ скапо *ковѣратъ*“; „стыи николае като зе *ковертъ* и оутидѣ при жената старчова“; „защо излага стаго николаѣа сѣромаше ѿти не продадѣ *ковѣратъ*“; „и потова фърли *среброто* предъ него и рече мѣ ѿсеги това да имашъ а мене да немашъ“; „тогива разѣмѣаха ѿти е былъ стыи николае тогива сичка нощъ блгодариха бѣа и стаго николаѣа“.

№ 130 (14) из Синод. б-ки. XIX в.

„Чѣдо четверто ѿже ѿ ковѣрехъ“; „И това рече и зе да извади нѣкои *бѣлекъ сребреннии*, що си го имаше ѿ баща си за старо времѣ“; „и ѿнзи старецъ послѣша жената си да зе ѿнзи *сребреннии ковѣръ* и оутидѣ да го продава“; „този *ковѣръ* що го носишь да го кѣпа. А старецатъ рече: мене е скапъ побратиме ѿти мѣ е за, и, жълтицы кѣпѣнь. а тебѣ ако тѣ е за кѣпѣваны. даи да видимъ. а стыи никола рече: давамъ ты, с, жълтицы за него“; „а старецатъ рече: хади да е оу добръ часъ“; „тогива зе стыи николае да мѣ даде, с жълтицы за *ковѣра*“; „сестро моѣ твоѣ мѣжъ мѣ е побратимъ ѿдавно. да ма срещна до пазарѣтъ да ми дадѣ този *ковѣръ* да ти го донеса“; „ами и воста жалъ като нѣ е продаденъ *ковѣротъ*“; „и фърли мѣ *ковѣра* прѣ него и рече мѣ ѿсега това да имашъ, а мене да немашъ“; „токо ми истинна жено стыи николае е билъ азъ го видѣахъ дѣто ми кѣпи *ковѣротъ*“; „тогива сичка нощъ блгодариха бѣа и стаго ѿца нашего николаѣа. того мѣтвами бѣже помилѣи и спаси насъ аминъ“.

№ 131 (39) из Синод. б-ки. XIX в.

„Чѣдо с“; „и това рече и извади *бѣлекъ сребреннии* що и бѣше ѿ баща и всталъ за старо времѣ“; „това що носишь за колко щешъ ми го прода. а тои рече ѿнапредъ го самъ кѣпиль за, и, жълтицы, а сега ми даи що щешъ. а стыи рече даи ми го за, с, жълтицы. а старецатъ рече да е оу добръ часъ“; „тогива стыи николае даде на старецатъ, с, жълтицы и зе *ковертъ*“; „а стыи николае като зе *ковертъ* и оутидѣ при жената старчова и рече и сестро. твоѣтъ можъ мѣ е ѿдавно прѣмѣтелъ и срещнахми си да ми са примолѣи да мѣ донеса това *сребро*; „защо излага стаго николаѣа сѣромаше, ѿти не продаде *ковертъ*“; „и потова фърли *среброто* предъ него и рече мѣ това да

имашъ а мене да немашъ“; „а старецатъ като чѣ това и видѣ среброто, а тои се чѣди много“; „жено, този члкъ що тѣ е даль ковератъ да е былъ стын николасе“; „тогива сичка ношъ благодариха бѣга“.

№ 722 (297) из ДБВК. XVIII—XIX в.

„и извади жената белекъ сребрънь“; „и старецъ оузе онаа сребрена чаша“; „за колко щещъ да таа сребрана чаша“; „и ъзе старецъ жльтиците и даде коверкъ стомѣ николасе и разѣдвоише се“; „занеси на жената ми таа сребрена чаша зашо ѣзе имамъ работа до пазарь“; „и даде на жената чашата“; „това рече и донесе мѣ чашата“; „ето така е било Ѡ стаго николасе чѣдеса за чаша сребрена“.

Таким образом, сличение „Чуда о ковре“ свидетельствует о бесспорной взаимосвязи Тихонравовского, Коприщенского, Протопопинского, Сливненского, Пловдивского, Троянского, Беленского и других перечисленных выше списков, восходящих к одной редакции этого рассказа. Следует специально отметить особую близость Тихонравовского и Протопопинского списков. К последнему примыкает и Коприщенский.

§ 9. Переходим к дамаскинам редакции Д, т. е. к тем, в которых предмет продажи в „Чуде о ковре“ назван *нащрапа*. Чтобы показать правомерность отнесения этих списков к одной и той же редакции, приведем текст „Чуда“ по Люблянскому дамаскину в издании Ст. Аргирова с указанием расхождений по другим дамаскинам XVII в.: Дряновскому А, Дряновскому Б и Тревненскому. Для удобства сравнения мы восстанавливаем сокращенное написание слов, раскрытых Аргировым при издании, и делим текст на слова.

Чюдо о коверѣ.

Бѣше нѣкои члкъ николасе името мѣ въ¹ пригра^а рѣкодѣл'ствѣ^м хране² се и вѣренъ бѣ. и имаше любовь голѣма къ³ стмѣ^с николѣ сѣкогы⁴. и чюваше⁵ що дѣма сто⁶ писаніе, и каже. почитай га Ѡ свои трѣдъ праведнь що си стекль⁷. така чинѣше⁸ сѣгогы⁹, догде и остарѣ, заедно и засыромашѣ¹⁰. и приближи се днь¹¹ стмѣ¹² николѣ. и мислѣше¹³ в' себѣ си что да стори¹⁴. и ре, на женѣта¹⁵ си своа¹⁶. Ѡ жено, ето доиде днь¹⁷ стго великаго¹⁸ архіереа николасе, ами что¹⁹ да сторим' като немаме ные²⁰ ничто за потрѣба²¹ за днь²² стмѣ^с николѣ. и она²³ жена бѣше вѣрна Ѡ край живота своего, и на неа²⁴ старость постигна. и ре мѣжѣ^с своемѣ. ные²⁵ чедо немаме да остане на домъ нашъ или да заборавамъ любовь щото имахме къ²⁶ стмѣ^с. и това ре. и изнесе²⁷ и показа мѣ нащрапа^с що²⁸ сѣ а²⁹ имаше за стари³⁰ дни. и ре мѣ. земи това и продаи го, и кѣпи³¹ що трѣбѣва³² за слѣжбата³³ стмѣ^с николѣ. ные дрѣго немаме ничто, тѣкмо³⁴ това. чю това вѣрны³⁵ старецъ и зе нащрапата,

¹ Дрян. А *въ*; ² Дрян. Б, Тревн. *храни*; ³ Дрян. Б, Тревн. *къ*; ⁴ Дрян. А, Б, Тревн. *сѣкоги*; ⁵ Тревн. *чѣваше*; ⁶ Дрян. А, Б, Тревн. —; ⁷ Дрян. Б *стекаль*; ⁸ Дрян. Б, Тревн. *чинеше*; ⁹ Дрян. А, Б, Тревн. *сѣкоги*; ¹⁰ Дрян. Б, Тревн. *засыромашѣ*; ¹¹ Тревн. *день*; ¹² Тревн. *стомѣ*; ¹³ Дрян. Б *мислишѣ*; ¹⁴ Дрян. Б *сторе*; ¹⁵ Дрян. А, Б, Тревн. *жената*; ¹⁶ Тревн. *своа*; ¹⁷ Тревн. *день*; ¹⁸ Тревн. *великѣго*; ¹⁹ Дрян. А, Б, Тревн. *що*; ²⁰ Дрян. Б, Тревн. *нѣ*; ²¹ Дрян. Б *потреба*; ²² Тревн. *день*; ²³ Дрян. А, Б, Тревн. *онази*; ²⁴ Тревн. *неа*; ²⁵ Дрян. А, Б, Тревн. *нѣ*; ²⁶ Дрян. А, Б, Тревн. *къ*; ²⁷ Тревн. *изнесе мѣ*; ²⁸ Дрян. Б *что*; ²⁹ Тревн. *а*; ³⁰ Дрян. А *старици*; ³¹ Дрян. Б *копи*; ³² Дрян. Б *трѣбѣва*, Тревн. *трѣбѣва*; ³³ Дрян. А *слѣжбата*; ³⁴ Дрян. Б, Тревн. *тѣкмо*; ³⁵ Дрян. А, Б *вѣрныци*, Тревн. *вѣрни*;

и Ѡхожда да ѿ³⁶ продаде. и като идѣше³⁷ по чер'шїата³⁸, и минь³⁹ покраи черковата стго платона. и срѣщнь⁴⁰ го дето е сѣкогы⁴¹ скоро помощник', които го съ сичка вѣра призове стьи⁴² никлае на образ като на нѣкоего⁴³ стар'ца почстна. и ре ономѣ⁴⁴ стар'цѣ што носѣше⁴⁵ нащрапата⁴⁶ прїателю⁴⁷ где Ѡхождашь. и старецьтъ⁴⁸ ре, има работа до⁴⁹ пазарь⁵⁰. и стьи⁵¹ никла мѣ каже. Ѡ добрь ча да ти бъде прїателю⁵². ами кажи ми, за кол'ко щешь прода нащрапата азъ⁵³ ѿ ща кѣпи. и каже мѣ старецьтъ⁵⁴. Ѡпрвьень⁵⁵ е кѣпина⁵⁶ за ѿ, жльтици-а сега ѿ⁵⁷ ща да що ми дадешь. ре мѣ стьи⁵⁸. да ли ѿ⁵⁹ щешь⁶⁰ за, Ѡ, жльтици⁶¹. ре мѣ старецьтъ⁶² да ѿ ща и на радо срѣе, ако ми дадешь. и стьи⁶³ никлае сегна⁶⁴ въ ѣебь⁶⁵ свой и извади, Ѡ, жльтици⁶⁶ и даде⁶⁷ старцѣ. и ре мѣ. Ѡзми прїателю⁶⁸, и даи ми нащрапата. и Ѡзе старець⁶⁹ жльтиците, и радѣва се. защо не бѣше врѣдна тол'кози нащрапата. А стьи⁷⁰ никлае зе нащрапата, и Ѡиде Ѡ нѣго⁷¹, и разыдоха⁷² се единь Ѡ дрѣгы⁷³. и дрѣгы си⁷⁴ дѣмаха што бѣха изьоколѣ⁷⁵ по чершїата⁷⁶. што бльнѣва старець нѣшо мѣ се видѣ⁷⁷ привидѣнїе⁷⁸ зло. защо стар'цатого видѣха а стго не видѣха ни чюеха⁷⁹, тькмо одного стар'ца. и стьи⁸⁰ никлае Ѡиде при женьта⁸¹ старцова⁸², и носи нащрапата въ⁸³ домь старцовь. и каже ей. сестро, мѣжь твой защо мї⁸⁴ е Ѡдавна прїателъ⁸⁵ та ма срѣщнь⁸⁶, и моли⁸⁷ ми (с)е⁸⁸ и ре ми. стори любовь със⁸⁹ мене, и Ѡнеси тази⁹⁰ нащрапа на моата⁹¹ жена, оти⁹² си азъ имамя работа до⁹³ пазарь⁹⁴. ами Ѡзми си това⁹⁵, и скрїи го. това ре стьи⁹⁶ и Ѡиде. а жената нае стра, и не смѣа⁹⁷ да го попита ты⁹⁸ кой си. оти го гледа чстна мѣжа. и разсрѣди се ѿко на мѣжа си, и дѣмаше си. забравиль е што се наговарѣх'ме⁹⁹ за любовь слѣж'ба до¹⁰⁰ стрѣваме стмѣ николѣ. Ѡ теж'ко¹⁰¹ мене сыротои¹⁰², оти съ са събрала¹⁰³

36 Тревн. ѿ; 37 Дрян. Б идеше; 38 Тревн. чершїата; 39 Дрян. А, Б, Тревн. мина; 40 Дрян. А. Б срѣщна, Тревн. срешна; 41 Дрян. А, Б, Тревн. сѣкоги; 42 Дрян. А, Б, Тревн. сти; 43 Дрян. Б нѣкоего; 44 Дрян. А, Б, Тревн. ономе; 45 Дрян. Б. носеше; 46 Дрян. А. Тревн. нащрапата и ре стар'цѣ; Дрян. Б. нащрапата и ре мѣ стар'цѣ; 47 Дрян. Б. прїателю, Тревн. прїателю; 48 Дрян. А. старецьтъ, Дрян. Б. старецьтъ, Тревн. старецьтъ; 49 Дрян. А, Б, Тревн. да; 50 Дрян. А, Б, Тревн. пазаря; 51 Дрян. А, Б, Тревн. сти; 52 Дрян. А, Б, прїателю, Тревн. прїателю; 53 Тревн. ѿ; 54 Дрян. Б., Тревн. старецьтъ; 55 Дрян. А, Б Ѡпрвьень; 56 Дрян. Б, Тревн. кѣпина; 57 Тревн. ѿ; 58 Дрян. А, Б, Тревн. сти; 59 Дрян. А, Б а; 60 Дрян. А щешь, Тревн. щешь; 61 Дрян. Б, Тревн. жльтици; 62 Дрян. Б старецьтъ; 63 Дрян. А, Б, Тревн. сти; 64 Дрян. А, Б, Тревн. сегна; 65 Дрян. А, Б, Тревн. ѣебь; 66 Дрян. Б, Тревн. жльтици; 67 Дрян. Б дада; 68 Дрян. Б прїателю, Тревн. прїателю; 69 Тревн. старецьтъ; 70 Дрян. А, Б, Тревн. сти; 71 Дрян. А, Б, Тревн. него; 72 Дрян. А, Б разыдоха, Тревн. раздѣлиха; 73 Дрян. А, Б, дрѣги, Тревн. дрѣгиго; 74 Тревн. съ; 75 Дрян. А, Б изьоколѣ, Тревн. изьоколѣ; 76 Тревн. чершията; 77 Дрян. А, Б, Тревн. види; 78 Дрян. Б. приведенїе; 79 Тревн. чюеха; 80 Дрян. А, Б, Тревн. сти; 81 Дрян. А, Б жената, Тревн. жината; 82 Тревн. старцова; 83 Дрян. Б въ; 84 Дрян. Б ни; 85 Дрян. А, Б, Тревн. прїателъ; 86 Дрян. А, Б срешна, Тревн. срешна; 87 Дрян. Б мли; 88 Дрян. А, Б, Тревн. се; 89 Дрян. А, Б, Тревн. съ; 90 Тревн. тѣзи; 91 Тревн. моата; 92 Дрян. А съ; 93 Дрян. А, Б, Тревн. да; 94 Дрян. А, Б пазаря, Тревн. пазаря; 95 Дрян. Б това; 96 Дрян. А, Б, Тревн. сти; 97 Дрян. А, Б смѣи, Тревн. смѣе; 98 Дрян. А, Б, Тревн. ти; 99 Дрян. А, Б наговорех'ме; 100 Дрян. А, Б, Тревн. да; 101 Дрян. А, Б теж'ко; 102 Дрян. А, Б, Тревн. сирота; 103 Дрян. А, Б събрала;

със¹⁰⁴ мъжа законопрѣстѣнна¹⁰⁵ и неразбранна и не¹⁰⁶ щѣше¹⁰⁷ да погледне на нащрапѣта¹⁰⁸. ами и¹⁰⁹ остана жалба за любовь стмѣ, като нѣ е продалъ нащрапѣта мъжѣтъ¹¹⁰ и¹¹¹. а пакъ тои не¹¹² знае, ами кѣпи што трѣбѣваше¹¹³ за слѣжба¹¹⁴ стмѣ николаѣ. и идѣше¹¹⁵ си и радува¹¹⁶ се¹¹⁷ като е продалъ нащрапѣта и като си¹¹⁸ въ домъ свой, и видѣ го жената мѣ, и разсрѣди се на нѣго¹¹⁹, и дѣмаше мѣ зли дѣмы¹²⁰. и ре мѣ. Слыгалъ си стѣго николае. нѣ е лѣжа¹²¹ като е рекълъ¹²² снѣ бжїи. кои остави рѣка на рало¹²³ а да гледа насадъ¹²⁴, чева нѣ е шправено¹²⁵ въ црство нѣное. и това рече, и донесе нащрапѣта прѣ мъжа си, и каже мѣ. имаи свое, а мене векъ¹²⁶ недѣи¹²⁷ има да съмъ съсъ тебѣ, оти си погѣби правината. като е и писано. ако члкъ сички законъ шпази, а едно¹²⁸ съгрѣши, сичкото¹²⁹ е збрѣкаль. Като чю това старецъ¹³⁰ Ѡ женѣта¹³¹ си за нащрапѣта, почюди се и недоумѣва се что да продѣма на женѣта¹³² си. ами стоа¹³³ за голѣ ча и чюди се. и напokonъ разѣмѣ¹³⁴ оти са е чюдо сторило Ѡ стѣго николае. и въздѣхна¹³⁵ из глѣбины¹³⁶ срѣца, и радости исплѣни¹³⁷ се, и вдигнѣ¹³⁸ си рѣѣте¹³⁹, и дѣмаше. Слава тебе¹⁴⁰ хѣ бе што стрѣвашъ чюдеса съсъ¹⁴¹ твоите стѣи¹⁴² и ре старецѣтъ¹⁴³ на женѣта¹⁴⁴ си. тако ти страха¹⁴⁵ бжїа¹⁴⁶. кои ти донесе нащрапѣта. мѣжъ ли, или жена, старъ ли, или мла и ре жената, старъ бѣ¹⁴⁷ члкъ и почѣтень¹⁴⁸, дето донесе нащрапѣта наша. и каже ми. жено; мѣжъ твой прѣателъ¹⁴⁹ ми е Ѡдавна, ами мли ми се като ме срѣщнѣ¹⁵⁰, и ре ми да ти донесѣ¹⁵¹ нащрапѣта ваша. та сї а¹⁵² скрѣите. и азе¹⁵³ а¹⁵⁴ ѣзехъ, а не смѣбахъ да го попита ты¹⁵⁵ кои си. че го гледа¹⁵⁶ чѣтна мъжа¹⁵⁷. като чю¹⁵⁸ това старецъ¹⁵⁹ Ѡ женѣта¹⁶⁰ си, и чюдивъ¹⁶¹ се. и показа и що е остало Ѡ жлѣтиците, и какъ е кѣпиль и брашно, и вино и просфоры¹⁶², и свѣщи, и масло, и дамїанъ¹⁶³, и сичко що е за потрѣба за слѣжбата стмѣ николаѣ. и каже. живѣ е гъ бѣ що е кѣпиль Ѡ мене нащрапѣта сам

104 Дрян. А, Б, Тревн. със; 105 Дрян. А, Б прѣстѣнна. Тревн. прѣстѣнна; 106 Тревн. ни; 107 Дрян. А, Б щеше; 108 Дрян. А, Б, Тревн. нащ рапѣта; 109 Дрян. А, Б, Тревн. —; 110 Тревн. мъжъ; 111 Тревн. неинъ; 112 Тревн. ни; 113 Тревн. трѣбваше; 114 Дрян. А, Б, Тревн. слѣжбата; 115 Дрян. А, Б идеше; 116 Дрян. А, Б, Тревн. рауваше; 117 Тревн. са; 118 Дрян. А, Б, Тревн. си иде; 119 Дрян. А, Б, Тревн. него; 120 Дрян. А, Б, Тревн. дѣми; 121 Тревн. лѣжа; 122 Тревн. рекаль; 123 Тревн. рамо; 124 Дрян. Б навѣдъ; 125 Дрян. А, Б шправено; 126 Дрян. А, Б, Тревн. веке; 127 Тревн. нидѣи; 128 Дрян. Б едино; 129 Дрян. А. сичкото; 130 Дрян. Б старѣць; 131 Дрян. А, Б, Тревн. жената; 132 Дрян. А, Б, Тревн. жената; 133 Тревн. стое; 134 Дрян. Б разоуме; 135 Дрян. Б, Тревн. въздѣхна; 136 Дрян. Б, Тревн. глѣбини, Дрян. А. глѣбинѣи; 137 Дрян. Б исплѣни; 138 Дрян. А, Б, Тревн. вдигна; 139 Тревн. раѣте; 140 Дрян. А, Б, Тревн. тебѣ; 141 Дрян. А, Б, Тревн. съ; 142 Дрян. Б стѣи; 143 Дрян. А старецѣтъ, Дрян. Б старицѣтъ; 144 Дрян. А, Б, Тревн. жената; 145 Дрян. Б страхъ; 146 Тревн. бжїа; 147 Дрян. Б бе; 148 Дрян. А, Б, Тревн. почетень; 149 Тревн. прѣателъ; 150 Дрян. А, Б срѣщна, Тревн. срешна; 151 Дрян. А, Тревн. донеса, Дрян. Б дониса; 152 Тревн. а; 153 Дрян. А, Б ази, Тревн. азь; 154 Тревн. а; 155 Дрян. А, Б, Тревн. ти; 156 Тревн. гледамъ; 157 Дрян. Б мажа; 158 Тревн. чѣ; 159 Тревн. старецъ; 160 Дрян. А, Б, Тревн. жената; 161 Дрян. А, Б, Тревн. чюди; 162 Дрян. А. Б просфори, Тревн. проsvори; 163 Тревн. дамїанъ.

си е стѣи¹⁶⁴ николае; и пак' го донесе намъ сыромасѣмъ¹⁶⁵. Оти ми дѣмаха и на чер'шѣата¹⁶⁶ като го пазарѣхме със' нѣко¹⁶⁷. бел'ки¹⁶⁸ нѣкое¹⁶⁹ привидѣніе¹⁷⁰ гледашъ стар'че. мене самого¹⁷¹ единого¹⁷² видѣха, а оногози никакъ не видѣха. и викнѣха¹⁷³ като със'¹⁷⁴ едны ѡста. блгодарѣха¹⁷⁵ ба, и хвалѣха¹⁷⁶ великаго архіереа¹⁷⁷ николае скоро помощника. и Ѡ радости мнѡгые¹⁷⁸, поскоро текоха в' черковата стмѣ никола; носѣха жльтиците¹⁷⁹, и нащрапата. и показаха¹⁸⁰ тамо що бѣха чѣтци¹⁸¹ черковны¹⁸², и въсѣмъ чютовны¹⁸³ людем'¹⁸⁴ чюха това сички¹⁸⁵ прославѣха ба, и стго николае. и казаха патрїархѣ¹⁸⁶ михаилѣ. и повелѣ да дадѣтъ¹⁸⁷ нащрапата стар'цѣ, а Ѡ жльтиците¹⁸⁸ на стаа¹⁸⁹ Софїа¹⁹⁰. и сториха праздникъ почтнѣ¹⁹¹. Славѣха¹⁹² ба, и хвалѣха¹⁹³ стго николае. дето мѣ свѣтеть¹⁹⁴ чюдесата по сички¹⁹⁵ свѣтъ. и които¹⁹⁶ съ сичка вѣра нѣко¹⁹⁷ призовѣтъ¹⁹⁸, а той (и) м' се на помощь скоро¹⁹⁹ намѣри. и дрѣгы²⁰⁰ мнѡго чюдеса стори стѣи николае, дето не може²⁰¹ доказа.

Сличение показывает, что на 982 слова текста по четырем спискам отмечен 201 случай расхождений. Написание 781 слова совпадает по всем спискам. Морфологические и лексико-синтаксические расхождения встретились в следующих 30 случаях:

- хране се* (Любл., Дрян. А) — *храни се* (Дрян. Б, Тревн.);
стори (Любл., Дрян. А, Тревн.) — *сторѣ* (Дрян. Б);
стари (Любл., Дрян. А, Тревн.) — *старыи* (Дрян. А);
 — (Любл.) — *рече старцѣ* (Дрян. А, Тревн.) — *рече мѣ стар'цѣ* (Дрян. Б);
до пазарь (Любл.) — *да пазара* (Дрян. А, Б, Тревн.);
стѣи (Любл.) — *сти* (Дрян. А, Б, Тревн.);
стѣи (Любл.) — *сти* (Дрян. А, Б, Тревн.);
старець (Любл., Дрян. А, Б) — *старецать* (Тревн.);
стѣи (Любл.) — *сти* (Дрян. А, Б, Тревн.);
разыдоха се (Любл., Дрян. А, Б) — *раздѣлиха се* (Тревн.);
старець (Любл., Дрян. А, Б) — *старецать* (Тревн.);
стѣи (Любл.) — *сти* (Дрян. А, Б, Тревн.);
до пазарь (Любл.) — *да пазара* (Дрян. А, Б, Тревн.);
стѣи (Любл.) — *сти* (Дрян. А, Б, Тревн.);
смѣи (Любл.) — *смѣи* (Дрян. А, Б) — *смѣе* (Тревн.);
слѣжба (Любл.) — *слѣжбата* (Дрян. А, Б, Тревн.);

¹⁶⁴ Дрян. А, Б, Тревн. *сти*; ¹⁶⁵ Дрян. Б *сиромасемъ*; ¹⁶⁶ Тревн. *черышѣата*; ¹⁶⁷ Дрян. Б, Тревн. *него*; ¹⁶⁸ Тревн. *бельке*; ¹⁶⁹ Дрян. Б *нѣкои*; ¹⁷⁰ Дрян., А, Б *приведѣніе*; ¹⁷¹ Дрян. Б *самаго*; ¹⁷² Тревн. *единого*; ¹⁷³ Дрян. А, Б, Тревн. *викнаха*; ¹⁷⁴ Дрян. А, Б, Тревн. *съ*; ¹⁷⁵ Дрян. Б *блгодараха*; ¹⁷⁶ Дрян. Б *хвалеа*; ¹⁷⁷ Тревн. *архиереа*; ¹⁷⁸ Дрян. А, Б, Тревн. *мноіе*; ¹⁷⁹ Дрян. А, Б *жльтиците*; ¹⁸⁰ Дрян. А *показаха ѿ*, Дрян. Б *показаха а*, Тревн. *показаха ѿ*; ¹⁸¹ Дрян. А, Б, Тревн. *четци*; ¹⁸² Дрян. А, Б *черков'ни*, Тревн. *чръковни*; ¹⁸³ Дрян. А *чютовныи*, Дрян. Б *чютовни*, Тревн. *чѣтовнимъ*; ¹⁸⁴ Дрян. А, Тревн. *людѣм* ¹⁸⁵ Дрян. А, Б, Тревн. *сички и*; ¹⁸⁶ Тревн. *патрїархѣ*; ¹⁸⁷ Дрян. Б *дадѣтъ*; ¹⁸⁸ Дрян. Б *жльтиците*; ¹⁸⁹ Дрян. А, Б, Тревн. *ста*; ¹⁹⁰ Тревн. *софїа*; ¹⁹¹ Дрян. Б *почетень*; ¹⁹² Дрян. А, Б *славѣха*; Тревн. *славѣха*; ¹⁹³ Дрян. А, Б *хвалѣха*; ¹⁹⁴ Тревн. *свѣтѣтъ*; ¹⁹⁵ Тревн. *сичькыи*; ¹⁹⁶ Тревн. *коитѣ*; ¹⁹⁷ Дрян. Б, Тревн. *него*; ¹⁹⁸ Дрян. А, Б, Тревн. *призовѣтъ*; ¹⁹⁹ Дрян. А, Б, Тревн. —; ²⁰⁰ Дрян. А, Тревн. *дрѣгы*, Дрян. Б *дрѣго*; ²⁰¹ Тревн. *можимъ*.

сыротои (Любл.) — сирота (Дрян. А, Б, Тревн.);
 мѣжьть и (Любл., Дрян. А, Б) — мѣжь неинь (Тревн.);
 слѣжба (Любл.) — слѣжбата (Дрян. А, Б, Тревн.);
 радѣва се (Любл.) — радѣваше са (Дрян. А, Б, Тревн.);
 — (Любл.) — иде (Дрян. А, Б, Тревн.);
 рало (Любл., Дрян. А, Б) — рамо (Тревн.);
 стоа (Любл., Дрян. А, Б) — стое (Тревн.);
 страха (Любл., Дрян. А, Тревн.) — страх (Дрян. Б);
 гледах (Любл., Дрян. А, Б) — гледамь (Тревн.);
 чюдив' се (Любл.) — чюди се (Дрян. А, Б, Тревн.);
 стьи (Любл.) — сти (Дрян. А, Б, Тревн.);
 славѣха (Любл., Дрян. А, Тревн.) — славиха (Дрян. Б);
 скоро намѣри (Любл.) — намѣри (Дрян. А, Б, Тревн.).

Чаще всего различается употребление полных или кратких прилагательных (*стыи — сти*), членных и нечленных форм существительных. В 16 случаях из 29 отмечено отклонение Дряновского А, Б и Тревненского списков от Люблянского, что в известной мере определяет соотношение списков этой редакции.

Приводим также морфологические и лексико-синтаксические расхождения, выявленные при сличении „Чуда о ковре“ по Котленскому дамаскину 1765 г. с Люблянским списком:

Люблянский	Котленский
рѣкодѣл'ств ^м хране се (2)	хранѣше са са рѣкодѣлствомъ
къ стмѣ николаѣ	на стго николаа
чюваше	пазыше
тако	тъи
чинѣше	стрѣваше
николаѣ	николаю
николае	николаа
стмѣ николаѣ	стм
и на неа старость постигна	и доде а старость постигна
трѣбѣва (32)	трибва
чю това	като чѣ това
вѣрны (35)	вѣрныи
старецъть ре	старецъ' мѣ рече
до пазарь (49, 50)	да пазары
никола	николаи
прѣателю	прѣателю мо
ами кажи ми за кол'ко щешь	ами продаваш ли тази нащрапа
проа нащрапата	и стар'ць рече продава и рече мѣ сти Николае кажи ми за колко ще да ѿ дадешь
старецъть	старецъ
старецъть	старецъ
ѣами	зьмни
и разыдоха се единь ѿ дрѣгы	—
а дрѣгы си дѣмаха що бѣха	а дрѣгы щото бѣха нѣшколо по
изькоколѣ по чершѣата	чер'шѣата и дѣмаха а си
старецъ	тоизи стар'ць
стыи (80)	сти

<i>Люблянскій</i>	<i>Котленскій</i>
—	зе нацрапата
Ѡдавна	Ѡкраи
Ѡнеси	занеси
до пазарь (93, 94)	да пазарѣвамь
Ѡзми	зъмни
това	нацрапата
скрїи го	скрїи ѿ
x	
а жената нае стра	а жената беше ѿ страхъ
до стрѣваме (100)	дето стрѣваме
сыротои (102)	сирота
николѣ	николаю
не щѣше	не ще
да погледне	да продаде
ами и остана	ами ме остана
радѣва се (116, 117)	радваше са
като е продаь нацрапата	като сї е кѣпиль щото мѣ трѣбва
николае	николаа
Ѡ женъта си	Ѡ неговата си жена
напоконь	насетне
николае	николаа
испльни се	напльни се
прїател' ми е	прїател' ми беше
Ѡдавна	Ѡкраи
показа и	показа е
николѣ	николаю
и каже	и рече
сам сї е	та е сам си
ѿ	го
ѿ	го
оногози	ѿного
николае	николаа
скоро помощника	скоро помощникъ
николѣ	николаю
николае	николаа
николае	николаа
нѣго призовъть	того привикватъ
намѣри	намѣри

Принадлежность этого списка к редакции *Д* очевидна.

Таким образом, сличение текста „Чуда о ковре“ показывает бесспорную взаимосвязь Люблянского, Дряновских *А* и *Б*, Тревненского и Котленского списков. Последний особенно близок к Люблянскому списку.

§ 10. С текстом „Чуда о ковре“ на церковнославянском языке мы знакомы по дамаскинам Рильскому и Луковитскому. Приводим „Чудо о ковре“ по Рильскому списку с указанием всех расхождений по Луковитскому.

Чюдо стмѣ николѣ о коверѣ (заголовок дан по Луковит. списку).
 Бѣше нѣкъ¹ мѡжь николѣе именовъ въ кон'стантинѣ градѣ². рѣкодѣл-
 ство хране се, вѣр'нь бѣ, имѣе заповѣдь къ³ стмѣ николи⁴ прно. сиде же
 емѣ творещѣ .слышаше бо Ѡ⁵ сты писаны⁶ глѡще. чѣти га Ѡ свои
 трѣдовъ праведны. сиде въ мирѣ присно съвет се. прїиде же къ до-
 вол'нымъ⁷ старости коуп'но и оу божество. Приблизив'шѣ се⁸ дню стго
 николи⁹. помишлѣе¹⁰ въ себе что сътворити¹¹. гла¹² къ женѣ своеи. жено
 се прспе¹³ ча¹⁴ днь великаго¹⁵ архїереа¹⁶ хва¹⁷ николи¹⁸ что сътво-
 ры¹⁹ скѣдотю нама ѡбѣма. не²⁰ имѣщимъ²⁰ же²⁰ намъ²⁰ потрѣбы²⁰ ни
 едино²⁰ въ днѣ стго николи²¹. Вѣрна жена Ѡ кон'ца живота и на ню
 старость постиг'ша²². рече моужѣ своемѣ. съ мною ли отрокъ прїимѣе
 животѣ .да съвратиши²³ мысль²⁴ свою и любовь еже къ²⁵ стмѣ сїа
 рек'ши кѣп'но и показа емѣ коверъ свои глѡщѣ²⁶ прїимѣи²⁷ се и про-
 дажь и кѣпи еже е на потрѣбѣ стмѣ николѣ ино бо не имавѣ²⁸ слы-
 шав'ши се вѣр'ны²⁹ старецъ³⁰ възъмъ коверъ и иде продати его.
 грѣдѣщѣ³¹ же емѣ по самомѣ трѣгѣ. и мимо шьшѣ емѣ црковъ платона³²
 и срѣте его иже вѣсег'да скоро³³ помощникъ иже съ вѣрою призываю-
 щы³⁴ его стыи николѣе, въ образъ стар'ца нѣкоего чтаа сѣщаа³⁵. и рече
 къ³⁶ носещомѣ³⁶ коверъ³⁶ дрѣже любыми. где шьствѣдеши. Ѡвѣща емѣ³⁷
 носеи коверъ, потрѣбѣ имамъ до трѣга. гла емѣ сты³⁸ николѣе, блгъ
 съвѣтъ твои дрѣже, нѣ³⁹ повежъ ми на колици⁴⁰ хощеши продати коверъ.
 свои. азъ бо хошѣ кѣпити его. гла емѣ .старецъ прѣвѣе дан'но е на семь
 коверѣ⁴¹, и, златиць, инѣ⁴² же прїимѣ елико ми да си. рече емѣ сты прї-
 имеши ли, Ѡ, златиць. рече старецъ, прїимѣ съ радостю аще ми⁴³ да си,
 тоу бо абїе вѣсег'дѣ въ цепь свои стыи никола⁴⁴ и иземъ. Ѡ, златиць
 и дасть стар'цѣ .и гла емѣ прїими дрѣже и дажъ ми коверъ. и прїемъ
 старе съ радостю злато, ибо недостааше кѡверъ толико сты же ни-
 кола⁴⁵ въземъ⁴⁶ кѡверъ и Ѡиде Ѡ нѣго. разшьшима же има Ѡ себе
 глахѣ⁴⁷ видѣв'шей стар'ца. еда привидѣнїе зриши⁴⁸ стар'че нѣкое зло.
 старца бо видѣхѣ⁴⁹ а стго никако же видѣхѣ ни слышав'ше. тѣчю⁵⁰
 единого⁵¹ стар'ца⁵². Сты же николѣе иде къ⁵³ женѣ стар'чевѣ, носе ко-

1 нѣкъи; 2 въ прѣречен'ни кон'стантинѣ градѣ; 3 къ; 4 николѣ; 5 въ; 6 писанїи;
 7 довол'нои; 8 же; 9 николїа; 10 помишлѣе; 11 сътворити; 12 —; 13 прїспѣ; 14 —;
 15—; 16—; 17—; 18 николїа; 19 сътвори; 20 ничто бо не имаме; 21—; 22 по-
 сти'вши; 23 съвратиши; 24 мысль; 25 къ; 26 глѡщи; 27 прїими; 28 имѣвѣ.
 Дальше по Луковит. тѣкмо се еад чедомъ наши останеть их же не имавѣ;
 29 вѣрныи; 30 стар'цѣ; 31 гредоущѣ; 32 стго платона; 33 скоры; 34 призывающы;
 35 соуща; 36 емѣ; 37 — 38 стыи; 39 нѣ; 40 колиць; 41 ковери; 42 аннѣ; 43 —;
 44 николѣе; 45 николѣе; 46 прїемъ; 47 глахѣ; 48 видиши; 49 видѣв'ше; 50 —; 51 —;
 52 —; 53 къ;

веръ въ до стар'цѣ⁵⁴. гла⁵⁵ ки. сестро понѣже моужь твои дрѣг' ми е
 Ѡ дав'на. того ради оумоли ме срѣт' ме гле⁵⁶ ми. сътвори любовь съ⁵⁷
 мною и Ѡнеси коверь съ женѣ⁵⁸ моеи, азъ бо имамъ потрѣбѣ⁵⁹ до трѣга.
 исѣ⁵⁹ имаше свое съхрани. се рекъ Ѡиде. Жена же прѣемши⁶⁰ стра
 и не смѣа въпросити его ты кто еси чтнаа мѣжа зрещи его. и гнѣво
 ражег'⁶¹ се на мѣжа своего глѣущи. забыв'шии съвѣтъ⁶² иже рече
 къ⁶³ нки любовь еже къ стмѣ⁶⁴ и ре дви мнѣ ѡбозѣи, пришь⁶⁴ мѣжъ⁶⁵
 ки⁶⁶ Ѡ трѣгъ⁶⁸. Ѡна⁶⁹ напльнено⁷⁰ съ⁷¹ гнѣво⁷² на⁷³ мѣжа⁷⁴ своего⁷⁵
 и⁷⁶ помишлѣ⁷⁷ глѣ⁷⁸ въ⁷⁹ себе⁸⁰ съвѣкъпльшой се съ мѣже законо
 прѣстѣп'ны. злаа⁸¹ же напльнено. и не хотѣше възрети на коверь. го
 рещи любовію къ⁸² стмѣ. мѣж' же ки не вѣди⁸³ быв'шее. и⁸⁴ кѣ
 пивъ⁸⁵ иже⁸⁶ на потрѣба⁸⁷ стмѣ никола⁸⁸ и идѣши къ⁸⁹ женѣ своеи.
 рауе се о продажѣ⁹⁰ коверѣ⁹¹. да не погрѣшитъ мислы свое⁹² пришьшѣ
 же емѣ въ домѣ свое⁹³ и видѣвши и⁹⁴ жена и гнѣвомъ ражегши се на
 нь. и гла⁹⁵, на⁹⁶ нь⁹⁶ словеса зло⁹⁷ глѣущи⁹⁸, слъгаль еси стго ни
 колѣ⁹⁹. не лъжно бо снѣ бжїи рекъ е, възложивїи¹⁰⁰ рѣкъ на рало и
 зре възпетъ не ѡправлень¹⁰¹ е въ цртво нбное. ї сѣ рек'ши¹⁰² принесе
 коверь прѣ¹⁰³ мѣжа¹⁰⁴ своего¹⁰⁵ и рече емѣ¹⁰⁶ имѣи свое¹⁰⁷, менѣ¹⁰⁸ же
 к томѣ не имаша съ собою правленїе погрѣбиль еси. писано бо е аще
 въ¹⁰⁹ законъ съхранитъ члкъ, съгрѣшит' же въ единомъ бы въ вѣсѣмъ¹¹⁰
 повинень. Слышав' же се старецъ Ѡ жены¹¹¹ свое¹¹² и о коверѣ свое
 и дива се и не домишлѣше се что глати женѣ¹¹³ свое стойше¹¹⁴ же
 на многъ ча диве се проразѣмѣ¹¹⁵ же чюдо быв'ше сътвор'шим се сты ни
 колою¹¹⁶ и въздѣхнѣвъ¹¹⁷ из' глѣбини¹¹⁸ срца моего¹¹⁹ и радости испль
 нивъ се и въздѣвъ рѣцѣ глаше¹²⁰ слава тебѣ хе бе твореи чюдеса
 съ стыми своими. и рече¹²¹ старецъ къ¹²² женѣ своеи. тако ти страха
 бжїа, кто ти принесе коверь. мѣж' ли или женѣ¹²³. стар' ли или младѣ,
 и рече емѣ жена¹²⁴ мѣжъ бѣ старецъ чтнѣ иже принесе коверь наю. и
 рече¹²⁵ къ¹²⁶ мнѣ, жено мѣжъ твои дрѣг' ми е Ѡдав'на любимы сего
 ради ѡмоли ме срѣтъ донести кове¹²⁷ съ¹²⁸ до тебѣ¹²⁹, и съхрани свое,
 азъ же прѣемши¹³⁰, и не смѣахъ¹³¹ въпросити его¹³² ты кто еси, чтнаа

54 стар'цовъ; 55 гла; 56 и рече; 57 съ; 58 жене; 59 се; 60 прѣемъ; 61 раждег'ши; 62 съвѣтъ;
 63 къ; 64 —; 65 —; 66 —; 67 —; 68 —; 69 —; 70 —; 71 —; 72 —; 73 —; 74 —; 75 —; 76 —; 77 —;
 78 —; 79 —; 80 —; 81 зла; 82 къ; 83 вѣды; 84 нь; 85 коупивъ все; 86 иже е; 87 потрѣбѣ;
 88 —; 89 къ; 90 продажѣ; 91 ковера; 92 свои; 93 свои; 94 его; 95 глаше; 96 емѣ; 97 зла;
 98 глѣущи; 99 никола; 100 възложивїи; 101 оуправлень; 102 рек'ши емѣ; 103 —; 104 —;
 105 —; 106 —; 107 сего; 108 мѣне; 109 въ; 110 вѣсѣмъ; 111 жени; 112 своеи; 113 къ женѣ;
 114 стоаше; 115 проразѣмѣвши; 116 никола; 117 въздѣхнѣвъ; 118 слѣбини; 119 —;
 120 глаше; 121 глаше; 122 къ; 123 жена; 124 жена; его; 125 гла; 126 —; 127 коверь; 128 съ;
 129 тебе; 130 прѣемши; его; 131 смѣахъ; 132 —.

его мѡжа видеши. слышав'ше се старецъ Ѡ жены¹³³ свои. и чюди се и показа ки остав'шее злато. и кѡплкнїе¹³⁴ брашно и вино и просфоры, свѣщи¹³⁵ масло и дїмїань. и вса¹³⁶ иже¹³⁷ на потрѣбѣ стмѣ¹³⁸ николѣ¹³⁹ и рече¹⁴⁰ живъ гѣ бѣ, кѡпивїи¹⁴¹ Ѡ мене коверъ стыи никлае е. и паки¹⁴² принесе въ¹⁴³ обитѣлницѣ¹⁴⁴ къ нама ѡбогима¹⁴⁵. ибо глаше ми видеши ми съ¹⁴⁶ ны глѡща. еда привидѣнїе кое видиши стар'че; мене¹⁴⁷ бо единого видѣв'ше. оногѡ¹⁴⁸ же никако же видѣв'шее¹⁴⁹. и възъпиствѣ¹⁵⁰ единѣми оусти блгодареще ба и хвалеще великаго іерар'ха¹⁵¹ никлае¹⁵² скорого¹⁵³ помощника, и тоу бо радостїю¹⁵⁴ испльненїи¹⁵⁵, въскорѣ¹⁵⁶ текоста въ црковь стго николи¹⁵⁷ носеще злато и коверъ и показаста въсѣмъ людемъ слышав'ше¹⁵⁸ же¹⁵⁹ въси¹⁶⁰ прославише ба и стго николи¹⁶¹.

Сличение свидетельствует о принадлежности этих списков к одной редакции. На 823 слова текста по этим спискам отмечен 161 случай расхождений. Однако большинство из них связано с различиями в орфографии. В 41 случае в Луковитском списке отсутствуют отдельные слова из Рильского, но в 8 случаях в нем, наоборот, имеются дополнительные слова. Наиболее показательные различия — лексические — отмечены лишь в 10 случаях, причем в 4 они сводятся к употреблению синонимичных глаголов *гла* — *рече*, *зриши* — *видиши*.

Таким образом, Рильский список как более ранний и полный может рассматриваться в качестве представителя церковнославянской редакции.

Приводим также выдержки из текста „Чуда о ковре“ по дамаскину № 503 из Синод. б-ки, который мы считаем более поздним списком той же редакции:

„Чю^А о ковер'“; „Бѣ же нѣкы моужь никлае именовъ въ прѣречени градѣ константинѣ. рѣкодѣлство хране се. вър'нь бѣ. имѣе заповѣдь къ стмѣ^М николѣ прно“; „сїа рек'ши кѡпно и показа емѣ коверъ свои глѡщи прїими се и продаждь и кѡпи еже е на потрѣбѣ стмѣ^М николѣ“; „слышав' же се вър'ныи старць въземъ коверъ и иде продати его“; „и ре къ носещомѣ коверъ. дрѣже любыми, где шѣствѣши. Ѡвѣща емѣ носей коверъ, потрѣбѣ имамъ до трѣга“; гла емѣ стыи никлае блгъ свѣтъ твои дрѣже нѣ повѣждь ми на колицѣ хощеша продати коверъ свои, аз бо хошѣ кѡпити, гла емѣ старць прѣвѣе данно е на семь ковѣре, и златицѣ. аннѣ прїемѣ колико ми да си...“; „и прїемъ старць съ радостїю злато ибо недостоаше коверъ толико. стыи же никлае прїемъ коверъ Ѡиде Ѡ никго“.

§ 11. Рассмотрим теперь вопрос о соотношении новоболгарских и церковнославянской редакций, опираясь на приведенный выше материал.

При сопоставлении „Чуда о ковре“ каждой из редакций С и Д порознь с текстом церковнославянской редакции становится очевидным, что они являются переводом с последнего. Для доказательства приведем выдержки из Рильского, Тихонравовского и Люблянского списков:

133 жени; 134 коупеное; 135 свѣще; 136 вса; 137 иже; 138 въ днѣ стго; 139 николїа; 140 гла; 141 коупивїи; 142 паки его; 143 —; 144 —; 145 оубогама; 146 съ; 147 менѣ; 148 стго; 149 видѣв'ше; 150 възъпише; 151 архїереа; 152 николїа; 153 скорого; 154 радости; 155 испльнени; 156 —; 157 николи; 158 —; 159 —; 160 —; 161 николїа.

Тихонравовский

Рильский

Люблянский

и тогази стѣи николае
 ѿиде при женѣта стар'цова и
 рече еи сестро мѣжь твой та
 ми е прѣатель ѿдавна и срѣ-
 щнь ме и помоли ми се и даде
 ми тоизи коверь и рече ми
 стори добрѣ и занеси на
 женѣта ми тоизи сребрѣнны
 коверь зашо азъ рече имамъ
 работа до пазарь ами ѣзми
 си твоего и съкрыи си го
 и това ре и ѿиде и жената
 ѿ срамъ не смѣа да го по-
 пита ты кои си зашо го видѣ
 че е члкъ старь и почьстень
 и ре старецъ на женѣта
 си тако ти страхъ бѣжи жено
 кой ти донесе това мѣжь ли
 или жена стар' ли или младъ
 и рече мѣ жената мѣжь бѣше
 старь и почьтень

стѣи же николае иде
 къ женѣ стар'чевѣ носе ко-
 верь въ до стар'цѣ гла ѣи
 сестро понѣже моужь твои
 дрѣг' ми е ѿдавна того ради
 оумоли ме срѣт' ме гла ми
 сътвори любовь съ мною и
 ѿнеси коверь съ женѣ мои
 азъ бо имамъ потрѣбѣ до
 трѣга и сѣе имаше свое
 съхрани се рекъ ѿиде
 жена же прѣемши стра и не
 смѣа въпросити его ты кто
 еси чтнаа мѣжаа зрещи его
 и ре старецъ къ женѣ
 своеи тако ти страха бѣжа
 кто ти принесе коверь мѣжь
 ли или женѣ стар' ли или
 младъ и рече емѣ жена мѣжь
 бѣ старецъ чтиь

сти николае ѿиде при
 женѣта стар'цова и носи на-
 щрапата въ домъ стар'цовъ и
 каже еи сестро мѣжь твой
 зашто ми е ѿдавна прѣа-
 тель та ма срѣщнь и моли
 ми се и ре ми стори любовь
 съ мене и ѿнеси тази на-
 щрапа на моата жена ѿти
 си азъ имамъ работа до па-
 зарь ами ѣзми си това и
 скрѣи го това ре стѣи и
 ѿиде а жената нае стра и
 не смѣа да го попита ти кои
 си ѿти го гледа чтна мѣжа.
 и ре старицьтъ на же-
 ната си тако ти страха бѣжа
 кои ти донесе нащрапата
 мѣжь ли или жена стар' ли
 или мла и ре жената старь
 бе члкъ и почетень

Люблянский дамаскин воспроизводит текст церковнославянской редакции более точно, чем Тихонравовский, хотя в нем и заменен предмет продажи. Возникает вопрос, имеем ли мы дело с двумя самостоятельными переводами „Чуда о ковре“ или различие между ними вызвано последующей переработкой одного и того же первоначального перевода? Мы находим правильным второе решение. Наряду с расхоженными, между Люблянским и Тихонравовским списками много общего. Даже в приведенной нами небольшой выдержке совпадают многие слова и выражения. Всего же в тексте „Чуда о ковре“ по Люблянскому и Тихонравовскому спискам совпадает написание 397 слов, а еще 50 слов различаются лишь своей орфографией. Многие из этих совпадений нельзя рассматривать как случайные. Так, например, слову *трѣгъ* (русс. „торг“, „рынок“) церковнославянской редакции в списках типа Тихонравовского обычно соответствует то же самое слово („ходѣше по *трѣгѣ*“, „имамъ работа до *трѣгѣ*“ — Тих.), а в списках типа Люблянского слово *чершѣа* („идѣше по *чершѣа*“, „що бѣха изьколдъ по *чершѣа*“ — Любл.). В приведенном же нами выше отрывке в обеих редакциях слово *трѣгъ* переведено словом *пазарь* („имамъ работа до *пазарь*“). Можно предположить, что оно восходит к общему первоначальному переводу.

Не случайно, по-видимому, совпадение прилагательного *сыротои* по Тихонравовскому и Люблянскому спискам в соответствии с *убозѣи* Рильского списка:

Рильский

Тихонравовский

Люблянский

ѿви мнѣ ѣбозѣи

ѿ теж'ко мене сыротои

ѿ теж'ко мене сыротои

Показательны и другие отрывки из Тихонравовского и Люблянского списков, например:

<i>Рильский</i>	<i>Тихонравовский</i>	<i>Люблянский</i>
<p>приди же къ довол'нымъ старости коуп'но и оу боже-ство приближившѣ се дню стго николи помишлае въ себе что сътвори глѣ къ женѣ свои жено се прспе ча днь великаго архіереа хва николи что сътвори. . .</p>	<p>и така сѣкогы чинѣше догде и остарѣ заедно и за-сыромашѣ вн'зи старецъ и приближи се празникъ стмѣ николѣ и мыслѣше что да стори и ре на женѣтъ си жено етѣ че доиде днь стмѣ великомѣ архіереѣ николѣ что да стори. . .</p>	<p>така чинѣше сѣкогы до-где и остарѣ заедно и за-сыромашѣ и приближи се днь стмѣ николѣ и мыслѣше в' себѣ си что да стори и ре на женѣта си своя ѡ жено-ето доиде днь стго великаго архіереа николѣ ами что да сторим'. . .</p>
<p>писано бо е аще въ законъ съхранитъ члкъ съгрѣшит' же въ единомъ бы въ всѣмъ по-винень</p>	<p>като си е и писано ако ѣдрѣжи члкъ сич'кыи законъ а едно развали сич'кото е збрѣкаль</p>	<p>като е и писано ако члкъ сич'кыи законъ оупази а едино съгрѣши сич'кото е збрѣкаль</p>
<p>стоише же на многъ ча диве се</p>	<p>и стоа за голѣмъ ча и чюдѣше се</p>	<p>ами стоа за голѣмъ ча и чюди се</p>

Близость списков типа Тихонравовского и Люблянского очевидна. Но вместе с тем между ними много расхождений. Местами текст по спискам типа Люблянского является более полным. Как правило, в таких случаях сличение с Рильским списком показывает, что в них мы имеем более точное соответствие церковнославянской редакции, например:

<i>Рильский</i>	<i>Тихонравовский</i>	<i>Люблянский</i>
<p>Бѣше нѣкыи мѣжь николѣе именовъ в кон'стантиѣ градѣ рѣкодѣлство хране се вѣр'нь бѣ</p>	<p>Бѣше нѣкои члкъ въ цари градѣ името мѣ николѣа ра-ботѣше и хранѣше се и вѣр'нь хртіанинѣ бѣше бѣ</p>	<p>Бѣше нѣкои члкъ николѣе името мѣ въ цри гра рѣко-дѣл'ствѣ хране се и вѣр'ень бѣ</p>
<p>Вѣриа жена ѡ кон'ца жи-вота и на ню старость постиг'ша рече моужѣ своемѣ</p>	<p>И внази жена вѣр'на бѣше и ре мѣ</p>	<p>И внази жена бѣше вѣр'на ѡ краи живота своего и на неа старость постиг'на и ре мѣжь своемѣ</p>
<p>Грьдѣщѣ же емѣ по самомѣ трѣтѣ и мимошѣшемѣ црковъ платона и срѣте его иже въсел'да [скоро помощникъ иже съ вѣрою призывающы его стыи николѣе въ образъ стар'ца нѣкоего чтаа сбѣаа и рече къ носецомѣ коверь дрѣже любыми где шѣствѣши</p>	<p>И ходѣше по трѣг'тѣ и минѣ мимо црквата стго платона и срѣщнѣ его стыи николѣе скоро помощникъ като на образъ нѣкоего ста-рого члка почтеннаго и ре мѣ дрѣже любыми где ѡхо-дишь</p>	<p>И като идѣше по чер'шѣата и минѣ покраи черко-вата стго платона и срѣщнѣ го дѣто е сѣкогы скоро по-мощник' конто го съ сичка вѣра призове сти николѣе на образъ като на нѣкоего стар'ца почтна и ре ономѣ стар'цѣ штоо носеше нащра-пата пріателю где ѡхождашь</p>

Вместе с тем отдельные слова и выражения по спискам типа Тихонравовского более точно передают церковнославянский оригинал.

Значит, предположение, что текст списков типа Тихонравовского восходит к тексту списков типа Люблянского или наоборот, отпадает.

Поэтому мы приходим к выводу, что ни текст списков типа Тихонравовского, ни текст списков типа Люблянского не является непосредственным переводом с церковнославянской редакции. И тот и другой представляют собой переработку первоначального перевода, списки с которого до нас не дошли (если не считать упомянутый выше дамаскин № 133 из Синод. б-ки, который, как мы предполагаем, является позднейшим списком этого перевода). Иными словами, в них мы имеем дело с двумя редакциями этого перевода. Редакция, представленная в списках типа Люблянского, по своей полноте ближе к тексту перевода, хотя он и претерпел в ней известную обработку и лексическое обновление. Ср. изменение самого предмета продажи (*нащрапа* вм. *коверь*), а также употребление слов *чершѣ* вм. *трьѣ*, *прѣтель* вм. *дрѣзь*, *каже* вм. *рече*, *пазарѣх'ме* вм. *продавахъ* и др. Для редакции, представленной в списках типа Тихонравовского, характерно более свободное обращение с первоначальным переводом, его сокращение, дополнение, местами более вольное изложение. Но в некоторых своих деталях текст этой редакции соответствует оригиналу там, где текст другой редакции от него отклоняется. В частности, в нем сохранено название *коверь*, бесспорно представленное в переводе, хотя и отражены попытки его замены другими названиями.

Следовательно, чтобы получить представление о тексте перевода с церковнославянского оригинала, необходимо тщательно сопоставить все три рассмотренные нами редакции *А*, *С* и *Д*. К переводу (т. е. к редакции *В*, как мы условились его называть) будут отнесены слова и выражения, совпадающие в обеих новоболгарских редакциях, а также те, которые точнее соответствуют церковнославянскому тексту. Известную помощь в этом может оказать привлечение дамаскина № 133 (52) из Синод. б-ки, так как в нем мы, по-видимому, встречаемся с поздним списком редакции *В*. К сожалению, мы могли выписать из него лишь некоторые отрывки текста „Чуда о ковре“, которые и приводим здесь:

„Бѣше њакои мѣжь името мѣ николаи на цри граѣ са занайтъ съ хранеше“; „това като рече тѣа заедно посочи *килюмъ* си и *каже* земи това та го продай“; „та като чю това онѣзи старецъ зе *килюмъть* и ѣтиде да го продаде“; „пръвень е дадено за тоизи *килюмъ* ѣ жльтици“; „даи ми *килюмъть*“; „и зе онзи старецъ са радость жльтиците, оти не беше вредень *килюмъ* за толкози, а сти никлае зе онзи *килю* и Ѡиде Ѡ него“; „сестро зашто твоа мѣжь та мѣ е дрѣзь Ѡколѣ“; „занеси тоизи *килюмъ*“; „и не щеше да погледа на *килюмать*“; „. . . кои ти донесе *килюмъть*“ . . . ; „и ре живь гѣ бѣ тоиз дето кѣпи Ѡ мене *килюмѣ* та е сти никлае и па го донесе на сиромаси . . .“; „и затекѣха в черковата стаго никлае носѣха жльтиците и *килюма* и казаха на сич'ки поповете черков'ны и на сич'ки нароѣ“.

§ 12. Таким образом, сличение „Чуда о ковре“ в различных списках позволило нам установить три дошедшие до нас редакции этого рассказа, определить их взаимоотношения и дать на этом основании классификацию болгарских дамаскинов конца XVI—начала XIX в.

Особенно важным представляется то, что наш материал позволяет выделить группы новоболгарских дамаскинов так называемого среднегорского круга. В исследованиях Б. Цонева и Д. Петкановой классификация внутри этой группы дамаскинов отсутствует. Иногда даются неверные предположения о взаимосвязи отдельных списков. Так, например, Б. Цонев предполагает на основании сходства орфографии Протопопинского и Люблянского списков, что последний является сокращенным списком с Протопопинского дамаскина^{1*}. Анализ „Чуда о ковре“ в этих дамаскинах показывает, что в них представлены разные редакции рассказа, и это сразу ставит под сомнение высказывание Цонева.

Среди дамаскинов среднегорского круга мы выделяем две группы памятников. С одной стороны, это Тихонравовский, Коприщенский, Протопопинский, Сливненский, Пловдивский, Троянский, Беленский (Пантелеев) списки, №№ 721, 722, 344, 714 и 335 из ДБК, 130 и 131 из Синод. б-ки. С другой, — Люблянский, Дряновские А и Б, Тревненский, Котленский списки. На взаимосвязь некоторых из них, а именно Тихонравовского, Коприщенского и Троянского, а также Люблянского и Котленского списков, уже обратил внимание С. Б. Бернштейн^{2*}.

Возможность классифицировать дамаскины с точки зрения названия предмета продажи в „Чуде о ковре“ является своеобразным ключом, который позволит исследователям быстро определять взаимосвязь вновь найденного дамаскина, содержащего „Чудо о ковре“, с другими списками.

Вместе с тем не следует забывать, что классификация дамаскинов по редакциям „Чуда о ковре“ не охватывает всех потенциально возможных соотношений отдельных списков между собой. Работу по изучению редакций отдельных произведений из болгарских дамаскинов необходимо продолжить.

1* Б. Цонев. История на български език, т. I, стр. 288—289.

2* С. Б. Бернштейн. К изучению редакций... стр. 217—222.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
<i>В. Н. Топоров.</i> Из истории изучения древнейших балто-славянских языковых отношений	3
<i>В. В. Мартынов.</i> Проблемы славянских лексических проникновений в германский язык	44
<i>Л. Э. Калынь.</i> Корреляция твердых и мягких согласных фонем в украинском языке	63
<i>Э. Н. Стрекалова.</i> К вопросу о многократных глаголах в современном польском языке	103
<i>Р. В. Булатова.</i> Глаголы с основами <i>plu-/pli-/plov-/plav-</i> в сербско-хорватском языке	120
<i>Н. В. Котова.</i> Морфология западноболгарского глагола по данным говора Горно поле (простые глагольные времена)	149
<i>А. В. Бондарко.</i> Опыт общей характеристики видового противопоставления русского глагола	179
<i>В. А. Редькин.</i> Система ударения суффиксальных полных прилагательных в современном русском языке	204
<i>Е. И. Демина.</i> Классификация болгарских дамаскинов по редакции м „Чуда о ковре“	212

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

*Ученые записки
Института славяноведения, том XXIII*

*Утверждено к печати
Институтом славяноведения
Академии наук СССР*

*Редактор издательства Е. В. Белова
Технический редактор И. А. Макоюнова
Корректор М. А. Борткова*

*РИСО № 83-85В. Сдано в набор 7/XI 1961 г. Подпи-
сано к печати 11/V 1962 г. Формат 70×108^{1/16}. Печ.
л. 15,5. + 1 вкл. (0,25 печ. л.) Усл. печ. л. 21,58.
Уч.-изд. л. 22,3 (22,1+0,2 вкл.). Тираж 1200 экз. Т-05781
Изд. № 343. Тип. вак. № 439*

Цена 1 р. 49 коп.

*Издательство Академии наук СССР,
Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21*

*1-я типография Издательства АН СССР
Ленинград, В-34, 9-я линия, д. 12*

1. 92